ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Журнал издается с 2006 года **№ 29/2014**
Выходит 4 раза в год **Часть I**

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования (ФГБОУ ВПО) «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Главный редактор
Е. Л. Кудрина, доктор педагогических наук, профессор, ректор КемГУКИ
Зам. главного редактора
А. В. Шунков, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности КемГУКИ
Ответственный секретарь
Л. Ю. Егле, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления КемГУКИ

Редактор *Н. Ю. Мальцева*

Перевод *А. А. Щербинин,*
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:
650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.
Журнал «Вестник КемГУКИ»
Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://vestnik.kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», 2014

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY OF CULTURE AND ARTS

JOURNAL OF THEORETICAL AND APPLIED RESEARCH

Journal is published since 2006 **№ 29/2014**
Published quarterly **Part I**

Founder
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education (FSFEI HPE) «Kemerovo State University of Culture and Arts»

EDITORIAL BOARD
Editor-in-Chief
E. L. Kudrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of KemGUKI
Assistant Chief Editor
A. V. Shunkov, Candidate of Philological Sciences, Docent, Vice-Rector for Research and Innovation of KemGUKI
Administrative Secretary
L. Yu. Egle, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department of KemGUKI

Editor *N. Yu. Maltseva*

Translation *A. A. Sherbinin,*
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*
Design *A. V. Sergeyev*

Address of the Publisher:
650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.
Journal «Bulletin of KemGUKI»
Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08
E-mail: vestnikkemguki@yandex.ru

Web Journal link:
http://vestnik.kemguki.ru/

ISSN 2078-1768

© FSFEI HPE «Kemerovo State University of Culture and Arts», 2014

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

Председатель совета:

Колин К. К., доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук (Австрия), Российской академии естественных наук и Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук (г. Москва).

Члены совета:

Абдулатипов Р. Г., доктор философских наук, профессор, академик Российской академии естественных наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области культуры 2010 года, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Президент Республики Дагестан (г. Махачкала, Республика Дагестан).

Ариарский М. А., доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Российской Федерации, вице-президент Ассоциации работников музеев России, директор Научно-образовательного центра педагогической культурологии ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Астафьева О. Н., доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой ЮНЕСКО Международного института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, начальник Отдела стратегий социокультурной политики и модернизационных процессов Российского института культурологии (г. Москва).

Белозерова М. В., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

Chairman of the editorial council:

Kolin K. K., Doctor of Technical Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Current Member of the International Academy of Sciences (Austria), the Russian Academy of Natural Sciences and the International Academy of Higher Education, Senior Research Fellow of the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Members of council:

Abdulatipov R. G., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Academician of the Academy of Natural Sciences, Laureate of the Government of the Russian Federation Award in the Field of Culture in 2010, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, President of the Republic of Dagestan (Makhachkala, Republic of Dagestan).

Ariarskiy M. A., Doctor of Culturology, Professor, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation, Vice President of the Russian Association of Museum Staff, Director of Research and Education Center of Pedagogical Culturology of FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Astafieva O. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the UNESCO Chair of the International Institute of State Service and Administration of the Russian Academy of National Economy and State Administration under the President of the Russian Federation, Head of the Department for Strategies of Socio-Cultural Policy and Modernisation Processes of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Belozerova M. V., Doctor of Historical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Laboratory of Ethno-social Problems of the Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Быховская И. М., доктор философских наук, профессор, начальник отдела прикладных культурологических исследований и образования в сфере культуры и искусства, руководитель Научно-образовательного центра Российского института культурологии (г. Москва).

Влодарчик Эдвард, доктор исторических наук, профессор, ректор Щецинского университета (Щецин, Польша).

Волк П. Л., доктор культурологии, профессор, начальник Департамента по культуре и туризму Томской области (г. Томск).

Гавров С. Н., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальной антропологии Московского государственного университета дизайна и технологии (г. Москва).

Гениева Е. Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, генеральный директор Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино (г. Москва).

Гринченко С. Н., доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем информатики Российской академии наук, вице-президент Биокосмологической ассоциации от Европейской части России, член редакционного совета электронного журнала «Biocosmology-neo-Aristotelism» (г. Москва).

Демин В. П., доктор искусствоведения, профессор, академик РАО, заведующий Отделом дополнительного образования Института художественного образования РАО (г. Москва).

Долженко О. В., доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Донских О. А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск).

Bykhovskaya I. M., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of Department of Applied Cultural Research and Education in the Field of Culture and Art, Head of the Scientific and Educational Center of Russian Institute for Culturology (Moscow).

Wlodarczyk Edward, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector of the University of Szczecin (Szczecin, Poland).

Volk P. L., Doctor of Culturology, Professor, Head of the Department of Culture and Tourism of Tomsk Region (Tomsk).

Gavrov S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Professor of the Chair of Sociology and Social Anthropology, Moscow State University of Design and Technology (Moscow).

Genieva E. Y., Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Philological Sciences, General Director of M. I. Rudomino All-Russian State Library for Foreign Literature (Moscow).

Grinchenko S. N., Doctor of Technical Sciences, Professor, Senior Researcher at the Institute of Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences, Vice President of the Association of Biocosmology from the European Part of Russia, Member of the Editorial Board of the Electronic Journal “Biocosmology-neo-Aristotelism” (Moscow).

Demin V. P., Doctor of History of Arts, Professor, Academician of RAS, Head of Department of Additional Education of the Institute of Art Education of the RAS (Moscow).

Dolzenko O. V., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of the International Academy of Higher Education, Professor at the National Business Institute of Moscow University for the Humanities (Moscow).

Donskikh O. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Chair of the Philosophy of Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk).

Ивлиев Г. П., кандидат юридических наук, доцент, статс-секретарь – заместитель министра культуры Российской Федерации (г. Москва).

Игумнова Н. П., доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской национальной библиотеки, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Москва).

Иконникова С. Н., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, Международной академии информатизации, Международной академии наук высшей школы, заведующая кафедрой теории и истории культуры ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» (г. Санкт-Петербург).

Кинелев В. Г., доктор технических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва).

Луков В. А., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Международной академии наук (Австрия), Международной академии наук педагогического образования, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва).

Мазур Петр, профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой педагогики Высшей государственной профессиональной школы в Хелме (г. Хелм, Польша).

Разлогов К. Э., доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Бразильской академии философии, член научного совета РАН по комплексной проблеме «История мировой культуры», руководитель Комиссии научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, академик Российской академии естественных наук, академик-секретарь На-

Ivliev G. P., Candidate of Judicial Sciences, Docent, Secretary – Deputy Minister of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Igumnova N. P., Doctor of Pedagogical Sciences, Senior Resercher of the Russian National Library, Honorary Worker of Culture of the Russian Federation (Moscow).

Ikonnikova S. N., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, the International Academy of Informatization, International Academy of Higher Education, Chair of Theory and History of Culture of FSFEI HPE “St. Petersburg State University of Culture and Arts” (St. Petersburg).

Kinelev V. G., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the RAS, UNESCO Chair “Knowledge Society and New Information Technology” of the Russian New University (Moscow).

Lukov V. A., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the International Academy of Sciences (Austria), International Academy of Sciences Teacher Education, Vice Rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow).

Piotr Mazur, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Chair of Pedagogy of the Higher State Vocational School in Chelm (Chelm, Poland).

Razlogov K. E., Doctor of History of Arts, Professor, Honorary Worker of Arts of the Russian Federation, Honorary Member of the Brazilian Academy of Philosophy, Member of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on Complex Problem “History of World Culture”, Head of the Commission of the Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Aca-

циональной академии кинематографических искусств и наук России (г. Москва).

Садовой А. Н., доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией этносоциальных проблем Сочинского научно-исследовательского центра Российской академии наук (г. Сочи).

Смолянинова О. Г., доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, директор Института педагогики, психологии и социологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Сунь Юйхуа, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР).

Тер-Минасова С. Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории преподавания иностранных языков, президент факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва), лауреат Ломоносовской и Фулбрайтовской премий, почетный доктор Бирмингемского университета (Великобритания) и Нью-Йоркского университета (США).

Ткаченко Е. В., доктор химических наук, профессор, академик, лауреат Премии Президента Российской Федерации в области образования (г. Москва).

Урсул А. Д., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Академии наук Молдавии, президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития), профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

Хандке Ришард, профессор, ректор Академии искусств (г. Щецин, Польша).

Хесус Лау, доктор философии, профессор, председатель секции информационной грамотности ИФЛА, директор Исследовательского центра Университета Веракруза (Мексика).

Чжао Цзиминь, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР).

demician-Secretary of the National Academy of Motion Picture Arts and Sciences of Russia (Moscow).

Sadovoi A. N., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Ethnosocial Problems of the Sochi Research Center of the Russian Academy of Sciences (Sochi).

Smolyaninova O. G., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Corresponding Member of the RAS, Director of Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology of Siberian Federal University (Krasnoyarsk).

Sun Yuhua, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Ter-Minasova S. G., Doctor of Philologic Sciences, Professor, Chair of the Theory of Teaching the Foreign Languages, President of the Faculty of Foreign Languages and Regional Stady of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow), Winner of the Lomonosov and Fulbright Awards, Honorary Doctor of the University of Birmingham (UK) and New York University (USA).

Tkachenko E. V., Doctor of Chemical Sciences, Professor, Academician, Laureate of the Award of the President of the Russian Federation in the Field of Education (Moscow).

Ursul A. D., Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honorary Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Academy of Sciences of Moldova, President of the International Academy of the Noosphere (Sustainable Development), Professor of M. V. Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Handke Ryszard, Professor, Rector of the Academy of Arts (Szczecin, Poland).

Jesús Lau, Doctor of Philosopy, Professor, Chair of the IFLA Section of Information Literacy, Director of Research Center of the University of Veracruz (Mexico).

Zhao Jimin, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China).

СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Научные редакторы разделов

Раздел «Документальная информация»

Гендина Наталья Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа- и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Пилко Ирина Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член Совета Российской библиотечной ассоциации (г. Кемерово).

Раздел «Культурология»

Мартынов Анатолий Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, профессор кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Кемерово).

Миненко Геннадий Николаевич, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры (г. Кемерово).

Раздел «Философия»

Гук Алексей Александрович, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции

SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JUOURNAL

Scientific Editors of Sections

Section of Documentary Information

Gendina Natalia Ivanovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO Expert on the Development of Indicators of Media and Information Literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Pilko Irina Semyonovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Work of Kemerovo State University of Culture and Arts, Member of the Russian Library Association Council (Kemerovo).

Section of Culturology

Martynov Anatolii Ivanovitch, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of RANS, Professor of the Museums Affairs Department, Kemerovo State University of Culture and Arts, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Kemerovo).

Minenko Gennady Nikolayevich, Doctor of Culturology, Professor, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture (Kemerovo).

Section of Philosophy

Guk Aleksey Aleksandrovich, Doctor of Philosophic Sciences, Docent, Director of R&D Institute of Applied Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the

Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва).

Марков Виктор Иванович, доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор кафедры культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Социально-культурная деятельность»

Пономарёв Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Ярошенко Николай Николаевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного университета культуры и искусств (г. Москва).

Раздел «Искусствоведение»

Прокопова Наталья Леонидовна, доктор культурологии, кандидат искусствоведения, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Степанская Тамара Михайловна, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

Умнова Ирина Геннадьевна, доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой музыкознания и музыкально-прикладного искусства Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Раздел «Филология»

Араева Людмила Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета (г. Кемерово).

Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow).

Markov Viktor Ivanovich, Doctor of Culturology, Candidate of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Culturology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of Socio-cultural Activities

Ponomaryov Valery Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of Sociocultural Activity of Moscow State University of Culture and Arts (Moscow).

Section of Art studies

Prokopova Natalia Leonidovna, Doctor of Culturology, Candidate of Arts History, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Stepanskaya Tamara Mikhailovna, Doctor of Arts History, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Natural Sciences, Chair of History of Native and Foreign Art of Altai State University (Barnaul).

Umnova Irina Gennadievna, Doctor of Arts History, Professor, Chair of Musicology and Musical Arts of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Section of Philology

Arayeva Lyudmila Alekseyevna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member of IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetoric of Kemerovo State University (Kemerovo).

Головин Валентин Вадимович, доктор филологических наук, профессор, руководитель центра исследований детской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

Крейдлин Григорий Ефимович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Севастьянова Светлана Климентьевна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Силантьев Игорь Витальевич, доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск).

Раздел «Педагогика»

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный учитель Российской Федерации, действительный член Академии педагогических и социальных наук, директор института дополнительного профессионального образования Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово).

Раздел «Научная жизнь университета»

Егле Людмила Юрьевна, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово).

Golovin Valentin Vadimovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of Research Center of Children's Literature, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

Kreidlin Grigorii Efimovitch, Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian Language Department, the Institute of Linguistics of the Russian State Humanitarian University (Moscow).

Sevastianova Svetlana Klimentievna, Doctor of Philological Sciences, Senior Research Fellow, Department of Literature Institute of Philology, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Silantiev Igor Vitalievitch, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk).

Section of Pedagogy

Zaruba Natalia Andreyevna, Doctor of Sociologic Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation, Professor of the Chair of Pedagogy and Psychology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

Panina Tatiana Semenovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Teacher of the Russian Federation, Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Director of the Institute for Continuing Professional Education of T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo).

Section of Scientific Life of the University

Egle Ludmila Yurievna, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Валеев Р. М., Мухамадеев А. Р. Правовая культура в налоговой политике Волжской Болгарии: единовременные налоги (IX–XIII века)..... 13

Золотухин В. М., Родионов А. В. Социально-философский и социокультурный аспекты российской ментальности..... 17

Астахов О. Ю. Культуроцентричность эстетики русского символизма конца XIX – начала XX века (по материалам статьи Андрея Белого «Проблема культуры»)..... 24

Рендашкина А. Н. Стабилизация межконфессиональных отношений мусульман и христиан на примере татар и русских в Восточной Сибири..... 28

Осипов К. И., Поддубиков В. В. Демографические аспекты состояния этнокультурной среды теленгитов (по материалам полевых исследований 2013 года)..... 36

Баштанник С. В., Соколов П. Г. Археологическая разведка на реке Томи у юго-западных границ нижнетомского очага наскального искусства..... 44

Соколов П. Г., Баштанник С. В. Ирменское поселение Медынино-1 на левом притоке Томи – реке Стрелине и перспективы изучения Ирменских древностей на юге Нижнего Притомья..... 53

Быкасова Л. В. Культурное наследие Новокузнецка (Кузнецка)..... 60

ФИЛОСОФИЯ

К 20-летию кафедры философии, права и социально-политических дисциплин ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

Балабанов П. И., Волкова Т. А., Клецов Ю. В. Мировоззрение – это наш профиль..... 66

Казаков Е. Ф. Душа древнего римлянина..... 71

Басалаева О. Г. Специфика информационной реальности в информационной картине мира..... 76

Жукова О. И., Жуков В. Д. Кризис идентичности как нормообразующее становление личности... 81

Балабанов П. И., Коханова О. В. Социокультурный детерминизм в познании..... 89

Красиков В. И. Американская философия классического периода: реализм и прагматизм..... 94

Волков Н. А., Волкова Т. А. Проблемы реализации гендерной стратегии России в контексте «поколений» прав человека..... 101

ПЕДАГОГИКА

Заруба Н. А. Актуальность адаптивного подхода к подготовке специалистов в условиях социальных трансформационных процессов российского общества..... 109

Панина Т. С., Журавлева О. В. Совершенствование профориентационной работы в организациях профессионального образования..... 116

Палитра мнений

Борисова Е. И. Информационная безопасность детства: дискуссии продолжаются..... 123

Социально-культурная деятельность

Паршиков Н. А., Домаренко Е. В., Домбровская А. Ю., Степанченко О. В. Воздействие Глобальной электронной сети на формирование ценностных ориентаций российской молодежи (по результатам всероссийского социологического исследования)..... 129

Пономарев В. Д., Васильковская М. И. Институт волонерства в деятельности молодежных объединений..... 141

Тельманова А. С. Проблемы дефиниции социально-культурного пространства..... 149

Худолей Н. В. Культурный литературный код современного российского читателя..... 155

Вековцева Т. А. Досуговые стратегии преподавателя вуза и предпосылки их формирования..... 165

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Сазонов В. И. Пирамида Хефрена и её неожиданные общезначимые структурные закономерности..... 170

Сухарев А. И., Бородавкин А. В. Рисунок на занятиях по скульптуре (к вопросу «о художественном методе»)..... 177

Таюкин А. М. Специфика артикуляционных возможностей баяниста..... 182

Комаровских Г. В. Прелюдия *G-dur* ор. 32 С. В. Рахманинова в исполнении автора и В. В. Софроницкого. Сравнительный анализ..... 186

Алфавитный указатель авторов..... 195

CONTENTS

CULTURILOGY

Valeev R. M., Mukhamadeev A. R. Legal Culture in the Tax Policy of Volga Bulgaria: Nonrecurring Taxes (the IX–XIIIth Centuries)..... 13

Zolotuhin V. M., Rodionov A. V. Socio-Philosophical and Socio-Cultural Aspects of Russian Mentality.... 17

Astakhov O. Y. Cultural Centrism of Aesthetics of the Russian Symbolism of the Late XIX – Early XXth Centuries (on the Article of Andrei Bely "A Problem of Culture")..... 24

Rendashkina A. N. Stabilization of Interfaith Relaitions Between the Muslims and Christians as Relations Between the Tatars and Russians in Eastern Siberia..... 28

Osipov K. I., Poddubikov V. V. Demographic Aspects of the Telengit Ethno-Cultural Environment (Based on the Field Studies of 2013)..... 36

Bashtannik S. V., Sokolov P. G. Archaeological Reconnaissance on the Tom River at the South-Western Borders of Lower Tom Focus of Rock Art..... 44

Sokolov P. G., Bashtannik S. V. Irmen Settlement Medynino-1 on the Left Tributary of Tom, the River Strelina, and Perspectives of the Irmen Antiquity Study on the South of the Lower Tom River..... 53

Bykasova L. V. Cultural Heritage of Novokuznetsk (Kuznetsk)..... 60

PHILOSOPHY

To the 20th Anniversary of Chair of Philosophy, Law and Socio-Political Disciplines of FSBEI HPE "Kemerovo State University Culture and Arts"

Balabanov P. I., Volkova T. A., Kletsov Y. V. World Outlook is Our Profile..... 66

Kazakov E. F. The Soul of the Ancient Roman..... 71

Basalaeva O. G. Specificity of Information Reality in Information World-View..... 76

Zhukova O. I., Zhucov V. D. Identity Crisis as a Norm-Setting Formation of Personality..... 81

Balabanov P. I., Kokhanova O. V. Sociocultural Determinism in the Context of History of Knowledge 89

Krasikov V. I. The American Philosophy of Classical Period: Realism and Pragmatism..... 94

Volkov N. A., Volkova T. A. Problems of Gender Strategy Realization in the Context of "Generations" and Human Rights in Russia..... 101

PEDAGOGY

Zaruba N. A. Relevance of Adaptive Approach to Training the Specialists in Social Transformation Processes of Russian Society..... 109

Panina T. S., Zhuravleva O. V. Improving the Career Guidance Organizations in Vocational Education 116

Different views

Borisova E. I. Children's Information Security: the Discussion Continues..... 123

Socio-cultural activity

Parshikov N. A., Domarenko E. V., Dombrovskaya A. Y., Stepanchenko O. V. The Impact of Internet Communications on the Formation of Value Orientations of Russian Youth (the Results of National Sociological Research)..... 129

Ponomarev V. D., Vasylkovskaya M. I. Institute of Volunteers in the Activities of Youth Organizations..... 141

Telmanova A. S. The Problems of Definition of Sociocultural Space..... 149

Khudoley N. V. Culture Literary Code of the Modern Russian Readers..... 155

Vekovtseva T. A. Leisure Strategies of a University Teacher and Their Preconditions of Formation..... 165

HISTORY OF ART

Sazonov V. I. Pyramid of Khafre and Its Unexpected Universally Significant Structural Regularities..... 170

Sukharev A. I., Baradavkin A. V. Drawing on Sculpture (to a Question about "The Artistic Method")..... 177

Tayukin A. M. Specifics of Articulation Opportunities of the Bayan Player..... 182

Komarovskikh G. V. The Prelude *G-dur* op. 32. of S. V. Rachmaninoff in the Performances by Author and V. V. Sofronitsky. The Comparative Analysis..... 186

List of Authors in Alphabetical Order..... 195

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
CULTUROLOGY

УДК 34(091) (470.41)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКЕ ВОЛЖСКОЙ БОЛГАРИИ: ЕДИНОВРЕМЕННЫЕ НАЛОГИ (IX–XIII ВЕКА)

Валеев Рафаэль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань, Республика Татарстан, РФ). E-mail: valeev_rm@inbox.ru

Мухамадеев Алмаз Раисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (г. Казань, Республика Татарстан, РФ). E-mail: almazrm42@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы налоговых взаимоотношений и правовой культуры в налоговой политике Волжской Болгарии. Кроме основного и косвенного налогов в государстве волжских болгар существовали единовременные подати, зафиксированные источниками. Они взимались в пользу государства с доходных мероприятий, с совершаемых действий со стороны государства и подданных. В статье также обозначены предметы взимания единовременных податей.

Ключевые слова: Волжская Болгария, правовая культура, язычество, ислам, единовременный налог, специальные сборы.

LEGAL CULTURE IN THE TAX POLICY OF VOLGA BULGARIA: NONRECURRING TAXES (THE IX–XIIITH CENTURIES)

Valeev Rafael Mirgasimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice-Rector on Scientific Work Of Kazan State University of Culture and Arts (Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation). E-mail: valeev_rm@inbox.ru

Mukhamadeev Almaz Raisovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, S. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of Tatarstan (Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation). E-mail: almazrm42@mail.ru

In Volga Bulgaria, the organized system of taxes existed. In addition to regular taxes, the rulers of the Volga Bulgarians had disposable income sources. To date, it is difficult to provide a full list of non-recurring taxes that existed in Volga Bulgaria. This is due to the fact that the state alternately used two different tax systems, based on the ancient Turkic traditions, and then on Muslim principles. In the absence of direct references to historical sources, the presence of (save) some of them can be a judge of comparative analysis and extrapolation.

One of the recurring taxes embodied in the sources, is a tax on the wedding. Here we are faced with problems in determining the subject of the tax. Not only historical data sources and numerous translations (“wheat”, “horse”, “beast of burden”) do not correspond to each other. Researchers have different opinions. Discrepancies between sources can be explained by different periods of their origin.

The taxes can be attributed by a lump sum to a compulsory share the spoils of war in favor of the Bulgar ruler. The Bulgar Khan had from trophies and loot their property compulsory share with military clashes, raiding neighboring countries and peoples. The stake in the source is not specified, but some researchers write about one tenth of the share for the Bulgarian ruler with the spoils of war. The adoption of Islam could not

cause the failure of the Bulgar rulers legitimate share in the spoils of war. The absence of the source data of the period on the right of the Bulgarian ruler on the mandatory part of the trophies from the military enterprises and campaigns cannot deny this fact. The Spoils of War regularly come from both, military actions against Russian principalities and continuing raids on neighboring Finno-Ugric tribes.

The taxes and fees can be charged not only with property income businesses, but any action committed by both, the citizens, or the state and the governor. Conventionally, they can be called special charges. They could be for spending on meeting important embassies, catering, elimination of natural disasters, etc.

In connection with the adoption of Islam, the Volga Bulgarians began to practice non-recurring fees of religious nature. Relative to the tax system of Volga Bulgaria of the Muslim period, the researchers wrote that there were such taxes as a non-recurrent nature khums (served with extraordinary income) and sadaqah.

Thus, in the pre-Mongol period of Volga Bulgaria, there were several categories of taxes. One of them was a one-time tax. The sources say that some of them were a tax on marriage, share of the spoils of war, special charges, religious collections. Most of them remained from the pagan period. The form of lump-sum taxes from extraordinary income and religious duties appear with the adoption of Islam.

Keywords: Volga Bulgaria, legal culture, heathenism, Islam, nonrecurring tax, special charges.

Волжская Болгария создала налаженную налоговую систему, которая постоянно совершенствовалась. Булгарское и местное финно-угорское население облагалось налогами, которые можно разделить на основные и косвенные. Кроме того, правители волжских болгар имели и другие, в том числе разовые, источники налоговых доходов. Одним из таковых, запечатленных в источниках, является ***налог на свадьбу***. Согласно Ибн Фадлану, каждый, кто проводил у себя свадьбу или созывал гостей, устраивал пир, делал царю обязательные отчисления, в зависимости от размеров и стоимости пиршества давал определенное количество «“сахрадж” медового набиза и [некоторое количество] скверной пшеницы» [6, с. 136].

Относительно налога на свадьбу у волжских болгар мы сталкиваемся с теми же проблемами, как и при определении предмета основного налога, когда исследователи определяли его по-разному: или как меха, или как скот и т. д. Не соответствуют друг другу не только данные исторических источников, но и многочисленные их переводы. Согласно Д. А. Хвольсону, Ибн Русте сообщал о том, что: «От всякого из них, кто женится, царь берет себе по верховой лошади» [13, с. 24]. Б. Н. Заходер этот же предмет налога у Ибн Русте определил как «вьючное животное», а сообщение Гардизи прочитал следующим образом: «Когда какой-либо муж берет жену, царь от каждого взимает по лошади» [3, с. 32].

Расхождения между сведениями Ибн Русте и Ибн Фадлана в данном случае логичней всего было бы объяснить тем, что ко времени посещения Волжской Болгарии последним предмет подати на разрешение проведения свадьбы мог быть изменен. Вместе с тем сообщение Ибн Фадлана, побывавшего в Волжской Болгарии и, возможно, лично засвидетельствовавшего какую-либо местную свадьбу, вызывает больше доверия. В отличие от основного налога, когда булгарский правитель не мог получать от подданных продукты земледелия, подношение пшеницей от пирующих, как единовременной подати, не выглядит слишком противоестественно. На самом деле все могло быть намного проще: налог на свадьбу зависел от благосостояния и возможностей брачующихся или их родственников.

Однако мнение об уплате за свадьбу лошадьми или скотом также имеет под собой основание, например, у дунайских болгар все свадебные расходы производились за счет скота. Примечательно, что Г. Ахмеров считал налог на свадьбу лошадьми одной из основных причин отсутствия у волжских болгар многоженства, о котором не говорится в сообщениях современников. Здесь же он пишет, что и сам булгарский хан, по сообщениям Ибн Фадлана, имел всего лишь одну жену [1, с. 46].

Аль-Масуди писал, что дунайские болгары «не имеют ни серебряных, ни золотых монет, все их покупки и свадьбы оплачиваются коровами и овцами» [2, с. 126]. Кроме того, что скотом исчислялось приданое невесты, не исключено, что это было платой дунайских болгар за право устроить свадьбу, что практиковалось и у других народов. Налог на свадьбу существовал и в Древней Руси,

состоявший в одном куньем мехе, который должен был платить жених [13, с. 100].

В целом на сегодняшний день трудно себе представить более или менее полный перечень единовременных податей, существовавших в Волжской Болгарии. Это связано с тем, что государство поочередно использовало две разные системы налогообложения – основанную на древнетюркских традициях, а затем на мусульманских принципах. Возникают и другие вопросы, связанные с этим обстоятельством: некоторые налоги языческого периода сохранились или исчезли с принятием ислама. При отсутствии прямых указаний в исторических источниках на наличие (сохранение) некоторых из них необходимо следовать методом сравнительного анализа и экстраполяции. Например, мы можем не без оснований сделать предположение о сохранении в Булгарии мусульманского периода такого единовременного налога, как подати на свадьбу. Известно, что такой налог платили в период Казанского ханства. Ш. Ф. Мухамедьяров на основании источников доказал, что в Казанском ханстве молодожены выплачивали феодалам «с свадеб кунишную пошлину» [10, с. 161]. О существовании подобного налога в золотоордынский период нам неизвестно по причине неполной изученности темы. Р. Ю. Почекаев в своей монографии «Право Золотой Орды» [11] не сообщает о таковом. В общем-то, автор и не преследовал цель представить исчерпывающий перечень норм и положений, регулирующих все сферы жизни золотоордынского общества [11, с. 12]. Тем более, что в официальных документах Золотой Орды, например в ярлыках, такие налоги, носящие более частный характер, могли не упоминаться.

К единовременным налогам можно отнести и обязательную ***долю с военных трофеев*** в пользу булгарского правителя. Булгарский хан при военных столкновениях, совершении набегов на соседние страны и народы имел от трофеев и награбленного имущества свою обязательную долю. Как констатировал Ибн Фадлан, «если же он предложит отряду [войска] совершить набег на одну из стран, и он награбит, то он [царь] имеет долю вместе с ними» [6, с. 136]. При этом царь не обязательно сам лично принимал участия в военных акциях, от которых получал прибыль [6, с. 28]. Размер доли в источнике не указан, но некоторые исследователи (А. З. Нигамаев, Ф. Ш. Хузин) говорят о десятой части доли булгарского правителя с военной добычи (см. [4, с. 140]).

По замечанию Е. П. Казакова, в данном случае власть царя Алмыша сопоставима с властью франкского короля Хлодвига начала XI века, когда он мог получить лишь ту часть добычи, которая ему полагалась по праву [5, с. 23]. Примечательно, что даже могущественные хазарские правители не могли позволить себе распределять военные трофеи как им вздумается. Ибн Русте сообщает о хазарах: «Когда добудут добычу, то собирают ее всю в лагерь; тогда Иша (царь) выбирает что ему нравится и берет себе; остальную часть добычи предоставляют воинам разделить между собой» [13, с. 19]. Как видно из сообщения, несмотря на то, что хазарские цари первыми забирали свою долю, дальнейшее распределение трофеев их не касалось.

У древних тюрков право на добычу в бою соблюдалось строго. Каждый воин-хунну, например, знал, на какие трофеи он мог рассчитывать за свою храбрость на поле битвы: «Тот, кто отрубит голову неприятелю или возьмет его в плен, жалуется одним кубком вина, ему же отдают захваченную добычу, а взятых в плен делают (его) рабами и рабынями. Поэтому каждый, естественно, воюет ради выгоды» [7, с. 78].

Безусловно, что принятие ислама не могло стать причиной отказа булгарских правителей от законной доли с военных трофеев. Отсутствие источниковых данных этого периода о праве булгарского царя на часть трофеев с военных предприятий и набегов не является доказательством сего факта. Более того, учитывая, что Волжская Болгария мусульманского периода XI – начала XIII века – это процветающее раннефеодальное государство с централизованной царской властью, с большой долей вероятности можно предположить, что с военных операций в государственную казну попадала не доля, а основная часть захваченных трофеев. Возможно, вассальные князья и военная элита государства, в своем большинстве являясь собственниками военно-условных земельных владений, выделенных булгарским правителем, уже не могли требовать какой-либо значительной доли от трофеев. Военные трофеи поступали как от военных действий против рус-

ских княжеств, так и продолжающихся набегов на соседние «неверные» племена, о чем сообщал Ал-Гарнати. При этом арабский путешественник писал, что булгары уводят с собой женщин, детей, скот и лошадей [12, с. 30].

Налоги и сборы могли взиматься не только с имущества, доходных предприятий, но и любых совершаемых действий, как со стороны подданных, так и со стороны государства и правителя. Условно их можно назвать ***специальными сборами***. Они могли предназначаться для трат при встрече важных посольств, торжественных мероприятий, устранении стихийных бедствий и т. д. Примером взимания специальных сборов могут служить строки из булгарской поэмы «Сказание о Йусуфе» Кул Гали, где говорится, что со всех, кто хочет войти во дворец и посмотреть на Йусуфа, взимается по динару. При этом плата за вход во дворец поднималась по одному динару за каждый день. Если люди ходили во дворец в течение десяти дней, например, то на десятый день каждый посетитель должен был принести уже десять золотых. Кроме этого, люди за взгляд на лик Йусуфа «давали злато в дар» [8, с. 90–91]. А. Г. Мухамадиев заметил, что если вначале как единица взимания используется динар, то с десятого дня говорится о золотом (алтыне), то есть они выступают как синонимы. На основе исследований булгаро-татарской монетной системы он доказал, что в местной денежной терминологии при определенных условиях и счете термины «динар» и «алтын» действительно могли использоваться как синонимы [9, с. 39].

В связи с принятием ислама среди волжских болгар стали практиковаться единовременные взносы религиозного характера. Относительно налоговой системы Волжской Болгарии мусульманского периода исследователи писали, что также существовали такие налоги единовременного характера, как ***хумс*** (подать с непредвиденных доходов) и ***саадака*** (см. [4, с. 142]). Садака как милостыня в форме единовременного денежного пожертвования или отчисления части доходов предписывается исламом каждому имущему мусульманину. Используется для помощи нищим, беднякам, путешественникам и пр. Садака может передаваться прямо дарителем или распределяться через духовных лиц. Вместе с тем, на наш взгляд, садаку с трудом можно причислить к налогам в классическом понимании этого слова, особенно в случае прямой передачи пожертвований неимущему. В любом случае, учитывая уровень развития мусульманского мировоззрения среди волжских болгар, они давали садаку, так как в представлении верующих она является актом, очищающим от греха.

Таким образом, в Волжской Болгарии домонгольского периода существовало несколько категорий налогов. Одной из них были единовременные подати. Источники сообщают о некоторых из них – налог на свадьбу, доля с военных трофеев, специальные и религиозные сборы. Большинство из них сохранилось с языческого периода. С принятием ислама появляются единовременные налоги в виде податей с непредвиденных доходов и религиозных сборов.

Литература

1. Ахмеров Г. Н. Избр. тр. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. – 240 с.
2. Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). – Санкт-Петербург: Тип. Император. акад. наук, 1870. – 308 с.
3. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1967. – Т. II: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. – 213 с.
4. История татар. – Казань: РухИЛ, 2006. – Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь. – 960 с.
5. Казаков Е. П. О становлении государственности Волжской Болгарии IX-XI веков // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа. – Казань: Матбугат йорты, 2000. – 200 с.
6. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 годах: ст., пер. и коммент. – Харьков: Изд-во ХГУ, 1956. – 348 с.
7. Крадин Н. Н. Империя Хунну. – М.: Логос, 2002. – 312 с.
8. Кул Гали. Сказание о Йусуфе / пер. С. Иванова. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1985. – 256 с.
9. Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV веков. – М.: Наука, 1983. – 188 с.
10. Мухамедьяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI века). – Казань: Ихлас, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. – 276 с.
11. Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды / под ред. И. М. Миргалеев. – Казань: Фэн, АН РТ, 2009. – 260 с.

12. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную Европу и Центральную Европу (1131–1153). – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1971. – 135 с.
13. Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн Даста. – СПб.: Тип. Император. акад. наук, 1869. – 200 с.

References

1. Akhmerov G.N. Izbrannye trudy [Selected Works]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1998. 240 p. (In Russ.)
2. Garkavi A.Ya. Skazaniya musul'manskikh pisateley o slavyanakh i russkikh (s poloviny VII veka do kontsa X veka po R. Kh.) [Tales of Muslim writers of the Slavs and Russian (with half of the VII century until the end of the X century AD)]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1870. 308 p. (In Russ.)
3. Zakhoder B.N. Kaspiyskiy svod svedeniy o Vostochnoy Evrope. T. II: Bulgary, mad'yary, narody Severa, pechenegi, rusy, slavyane [Caspian collection of information about Eastern Europe. Vol. II: Bulgars, Magyars, peoples of the North, Pechenegs, Rus, Slavs]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1967. 213 p. (In Russ.)
4. Istoriya tatar. T. II: Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step' [History of Tatars. Vol. II: Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Kazan, RukhIL Publ., 2006. 960 p. (In Russ.)
5. Kazakov E.P. O stanovlenii gosudarstvennosti Volzhskoy Bolgarii IX–XI vekov. [About statehood Volga Bulgaria IX–XI centuries]. *Aktual'nye problemy istorii gosudarstvennosti tatarskogo naroda [Actual problems of the history of statehood of the Tatar people]*. Kazan, Matbugat yorty Publ., 2000. 200 p. (In Russ.)
6. Kovalevskiy A.P. Kniga Akhmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 godakh. Stat'i, perevody i kommentarii [Book by Ahmad ibn Fadlan about his journey to the Volga in 921–922 AD. Articles, translations and commentaries]. Kharkov, KhGU Publ., 1956. 348 p. (In Russ.)
7. Kradin N.N. Imperiya Khunnu [Xiongnu Empire]. Moscow, Logos Publ., 2002. 312 p. (In Russ.)
8. Kul Gali. Skazanie o Yusufe [Tale about Yusuf]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1985. 256 p. (In Russ.)
9. Mukhamadiev A.G. Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII–XV vekov. [Bulgar-Tatar coinage XII–XV centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 188 p. (In Russ.)
10. Mukhamed'yarov Sh.F. Sotsial'no-ekonomicheskiy i gosudarstvennyy stroy Kazanskogo khanstva (XV – pervaya polovina XVI veka.) [Socio-economic and political system of the Kazan Khanate (XV–XVI centuries the first half.)]. Kazan, Ikhlas Publ., 2012. 276 p. (In Russ.)
11. Pochekaev R.Yu. Pravo Zolotoy Ordy [The right of the Golden Horde]. Kazan, Fen AN RT Publ., 2009. 260 p. (In Russ.)
12. Puteshestvie Abu Khamida al-Garnati v Vostochnuyu Evropu i Tsentral'nuyu Evropu (1131–1153) [Travel Abu Hamid al-Gharnati in Eastern Europe and Central Europe (1131–1153)]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1971. 135 p. (In Russ.)
13. Khvol'son D.A. Izvestiya o khozarakh, burtasakh, bolgarakh, mad'yarakh, slavyanakh i russakh Abu-Ali Akhmeda ben Omara ibn Dasta [Proceedings of the Khazars, Burtases, Bulgaria, madyarah, Slavs and Rousseau Abu Ali Ahmed bin Omar Ibn Dasta]. St. Petersburg., Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1869. 200 p. (In Russ.)

УДК 138.2

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Золотухин Владимир Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии, политических отношений и права, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: zvm64@mail.ru

Родионов Алексей Владимирович, старший преподаватель кафедры социологии, политических отношений и права, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: aleksey.rodionov.77@mail.ru

Статья посвящена анализу социально-философского и социокультурного подходов к российской ментальности, а также выявление ее специфических особенностей. Подчеркивается, что ментальность

как социокультурный феномен и фактор политического поведения определяется качеством и состоянием социальной среды, в которую она вписана. В этих рамках в рамках рассматривается коллективизм как базовая черта российского менталитета, удовлетворяющий необходимость обустройства территории и защиты ее границ, а также потребность уживаться с другими этносами, их идеями и системами ценностей.

Ключевые слова: менталитет, идентичность, коллективизм, национальный характер, стереотип, мультикультурность.

SOCIO-PHILOSOPHICAL AND SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF RUSSIAN MENTALITY

Zolotuhin Vladimir Mikhailovich, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of Chair of Sociology, Political Relations and Law, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: zvm64@mail.ru

Rodionov Alexey Vladimirovich, Senior Lecturer of Chair of Sociology, Political Relations and Law, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: aleksey.rodionov.77@mail.ru

The concept of "mentality" is diverse and wide range of definiteness of its borders. As a social phenomenon, social and cultural phenomenon and a factor of political behavior, it determines the quality and condition of the social environment. For today's Russia , it is in the transformation of the traditional society into a modern, increasing ideological and political, cultural and ideological factors of social identification, so the group mentality compensates underdeveloped political and economic circumstances of self-organizing communities. Significant place in the development of modern cultural and anthropological type of man as an economic entity devoted to the problems associated with the consumption of symbolic, social and cultural capital, subsistence production, domestic work, informal sector of the economy.

Within political philosophy, a pressing issue of interpersonal relations is developing between individuals in small communities. With these related process of overcoming the alienation from the institutions of public power through development of various forms of participation and / or non-participation of citizens in addressing socio-economic issues ("society participation"), mutual aid ("nothing is given for nothing"). The understanding, that under no confidence to authorities (political or moral) that restrict the freedom of choice of social groups (more than that a minority) a growing sense of cohesion and those things which are derived from cohesion, amplifies this point: mutual recognition and a sense of belonging to a group. Their absence creates "the identity crisis." Through language (everyday, literary, symbolic), the border manifests national mentality, having a stable system of normatively identical linguistic forms. The confirmation of this provision, we can find in various social (imaginative, journalistic and scientific literature) and socio-cultural groups, but especially bright this is reflected in the national character: in Russian, Japanese, European, etc.

The activity aspect of mentality tends to the problems of image and quality of life, social communication. The aspect of activity outside their mentality inevitably turns to the assumptions, judgmental, random parameters and indicators. One's own mental manifestation unlike its external economic, social and political motivation is the fact that moral behavior, individual value conditionality of the conduct. The basis of behavior is usually in mental factors. A particular situation occurs addictive (adaptation). This addictive is accompanied by protracted social expectations or deferred needs, which are reproduced in mentality. This is especially true of behavior in groups in which people pull out firmed participate and somehow harmonize the actions of each other in the presence of existing diversity of views on the world and its sociopolitical belonging. The resolution of these aspects can contribute to the theory of "biological evolution" (Lubischev A. A.) or the principle of sympathy (S. V. Meyen).

Keywords: mentality, identity, collectivism, national character, stereotype, multiculturalism.

При исследовании понятия «ментальность» необходимо обратить внимание как на его многоплановость, так и довольно широкую размытость границ его определенности как исключительного социального феномена. При общей трактовке понятия «менталитет» очевидным является акцент на его психологических основаниях. Менталитет проявляется через иерархическую систему ценностей (взглядов, оценок, норм, умонастроений), а также «характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы, социальные установки» [7, с. 12].

Ментальность как общественное явление, социокультурный феномен и фактор политического поведения определяется качеством и состоянием социальной среды, в которую она вписана. Для современной российской действительности характерна сравнительная самостоятельность общественной психологии и мировоззренческих установок в мотивации и модификации активности населения. В условиях глобального социально-политического кризиса возрастают идейно-политические и культурно-мировоззренческие факторы социальной идентификации. Групповая ментальность компенсирует неразвитость политико-экономических обстоятельств самоорганизации общностей.

Рассматривая ментальность как духовно-психологический фундамент жизнедеятельности личности, включающий в себя информационный багаж, ценностные ориентации и психофизиологические реакции организма, возникает необходимость создания системы кодировки, способствующей формированию и транслированию определенной картины мира. Происходящая в постсоветский период трансформация традиционного общества в современное, сопровождается процессом уничтожения традиционной общности, а именно присущей ей иррациональности. Наблюдается стремление людей к противоречащим друг другу ценностям (Ф. Фукуяма), реализации человеком потребности в неформальном единстве мира. В рамках политической ментальности и идентичности формируется своего рода замкнутый круг и логический тупик, который играет в общественном поведении населения не меньшую роль, чем реальная социально-экономическая и политическая ситуация.

Особенностью современного экономико-антропологического опыта является не просто участие человеческого индивида в хозяйственной жизни локального социума, но и непосредственная включенность его в мирохозяйственные и иные (политические, конфессиональные, научные и др.) социокультурные связи. Существенное место в становлении современного культурно-антропологического типа человека как экономического субъекта занимают проблемы, связанные с символическим потреблением, социальным и культурным капиталом, нетоварным производством, домашней работой, неофициальным сектором экономики.

Одним из путей достижения этого может быть концепция коммунитаризма Дж. Макмарея (см. [12]). По его мнению, политическая философия в своих построениях должна придавать решающее значение не личности и не обществу, а межличностным отношениям, складывающимся между индивидами в небольших сообществах. При этом, как отмечает Р. Саква, «традиционные коллективные ценности уступили место ценностям, согласно которым люди объединяются друг с другом для отстаивания своих собственных интересов. Традиционная общественная солидарность уступила дорогу новым формам этического индивидуализма» [12, с. 15]. Основной целью коммунитаризма является преодоление отчуждения населения от институтов власти посредством развития различных форм участия и/или неучастия граждан в решении социально-экономических вопросов («общество соучастия»), взаимной помощи («ничто не дается даром»). Усиливается этот момент пониманием того, что в условиях недоверия к любого рода авторитетам (политическим или моральным), которые ограничивают свободу выбора социальных групп (более того – меньшинства), нарастает чувство сплоченности и тех хороших вещей, которые вытекают из сплоченности: взаимное признание и чувство принадлежности к группе. Их отсутствие порождает «кризис идентичности» [2].

Механизм взаимопомощи непрерывно и постепенно развивается во всех элементах социальной деятельности, несмотря на значительное количество противодействующих ему влияний. Как отмечал П. А. Кропоткин, взаимопомощь лежит в основе всех наших этических понятий

(см. [5]). Например, новые религии, рождающиеся от времени до времени – всегда в эпохи, когда принцип взаимопомощи приходил в упадок, находили своих первых последователей среди смиренных, низших, попираемых слоев общества, где принцип взаимной помощи был необходимым основанием повседневной жизни; и новые формы единения, которые были введены в древнейших буддистских и христианских общинах, в общинах моравских братьев и т. д. принимали характер возврата к лучшим видам взаимной помощи, практиковавшимся в древнем родовом периоде. Базовым основанием для этого является то, что «ядро учреждений, обычаев и навыков взаимной помощи продолжает существовать среди этих миллионов людей; оно объединяет их; и люди предпочитают держаться за эти свои обычаи, верования и предания, чем принять учение о войне каждого против всех» [5, с. 22].

Как средство общения и взаимодействия с «другим» язык (повседневный, литературный, символический) имеет широкий спектр, границы которого определяются характером взаимодействия (от применения различных методов насилия и давления до достижения компромисса). Основание этого – понимание языка как готовой вещи, передаваемой от одного поколения к другому (В. Н. Волошинов). Как следствие – проявление национальной ментальности, имеющей устойчивую систему нормативно тождественных языковых форм, преднаходимой индивидуальным сознанием и через него транслируемой. Подтверждение данному положению мы можем найти в различных социальных (художественная, публицистическая и научная литература) и социокультурных группах, но особенно ярко это находит отражение в национальных характерах.

Обращает на себя внимание тот факт, что отражая уровень индивидуального и коллективного сознания, менталитет складывается на протяжении длительного периода времени, по крайней мере, нескольких десятков лет и медленно поддаётся изменению. Как явление он имеет два аспекта своего существования в российском обществе: динамический и статический. С точки зрения статического аспекта, ментальность выступает как консервативный противовес любому значительному социально-политическому изменению. Динамический аспект связан со структурными особенностями российской ментальности, а именно преимущественным развитием духовного измерения менталитета, в то время как у народов Западной Европы, Японии и Северной Америки приоритетным является развитие социального измерения.

Как отмечают Вс. Овчинников и В. Цветов, носителей японской культуры отличает «терпеливость и самоконтроль», а также преувеличенное сознание роли социальных связей и общественных обязанностей и «знание своего места в сложной социальной системы» [10; 11]. Особо подчеркивается приверженность японцев традициям, откуда следует «нелюбовь к отрицанию без необходимости», «недостаточность творческого мышления и оригинальности», любовь к порядку, склонность к завершенности в мелочах и простоте, «преданность семейным устоям», уважение к религии предков, родителей, властям, повышенное внимание к чести имени и чести семьи [10; 11]. Но в то же время для японцев характерны: «чувствительность», «сентиментальность», «мягкость», «терпимость», «чувствительность к мнению других народов» [10; 11].

Русскому национальному типу, по мнению А. И. Сикорского и К. Касьяновой [3; 4], присущи следующие качества: идеализм воззрений и жизни – особая печать этнического культурного бескорыстия; общеизвестная грусть и задушевность, придающая медленный темп, глубину и основательность всем душевным движениям, начиная от мысли и кончая действием; вера как психологическая черта и свойство, обеспечивающее уверенность, устойчивость и прочность надеждам, ожиданиям, самому идеализму; гостеприимство и терпимость; одаренность, энергичность – русские приоритеты в гуманитарной сфере.

Развитие этой идеи в понимании «русского коллективизма». Коллективизм как базовая черта российского менталитета включает также и способность легко уживаться с другими этносами, их идеями и системами ценностей (эту способность Ф. М. Достоевский назвал «всечеловечностью»). Такая черта была выработана в процессе освоения огромных просторов. Для обустройства этой земли и защиты ее границ нельзя было обойтись без сотрудничества со всеми живущими на данной территории народами и народностями, без привлечения их на свою сторону, на защиту

созданного русскими государства. Следует отметить, что российский коллективизм проявляется также и в отношении к другим поколениям, в понимании народа как единства живших ранее, живущих ныне и будущих поколений.

Это положение усиливается феноменом «национального характера», присущего всем членам данной нации, и только им; определяемого как «модальная личность», то есть как относительно часто проявляющийся определенный тип личности среди взрослых членов какой-либо нации; как «основная структура личности», то есть как определенный образец личности, доминирующий в культуре нации; как система позиций, ценностей и убеждений, разделяемых значительной частью нации; как результат анализа психологических аспектов культуры, рассматриваемых в определенном, особом смысле. Также национальный характер рассматривается как интеллект, выраженный в продуктах культуры, то есть в литературе, философии, искусстве и т. п. [15, с. 12–28]. Определенное значение имеет самосознание субъекта как единичного, так и общего (коллектив, нация и т. д.), которое должно быть «каким-то образом связано с содержанием» [14, с. 198], в данном случае – с содержанием национального характера.

В современной России сохраняют свое влияние мощные социально-психологические стереотипы «усреднения» собственного положения. К ним относятся такие, как «быть как все», «не высовываться», «прятать от постороннего глаза как чрезмерное богатство, так и чрезмерную бедность» и др. На этом основании, как подчеркивает Ю. А. Левада, толерантность является мощным гасителем экстремальных амплитуд политических колебаний, не позволяющим социальной системе пойти «вразнос» [6, с. 44]. Ее социальное содержание определяется как «активная реакция на изменения и кризисный стиль общения» [9, с. 29]. Именно поэтому позиция «трудно, но можно терпеть» никак не должна отождествляться просто с традиционным русским «безответным» терпением: в значительной мере она связана с ожиданием «ответа», то есть определенного результата, эффекта, личного или социального. Представляется, что русское терпение далеко не всегда было «безответным», скорее речь может идти о некоем «пунктире» безответственности, прерываемом взрывами недовольства и актами отчаяния. Эмоции и расчет, угроза и польза – разные стороны современного российского протеста. Потенциал данного протеста постепенно может приобрести организационные рамки в зависимости от действий или бездействия (морального и/или правового) политической элиты. Одной из причин этого является нерешенная нашими предшественниками проблема организации жизни многонациональной страны. Пока населяющие ее народы удерживаются вместе лишь за счет усилий по «унитаризации», построению «властной вертикали». Конфликты на Кавказе, в других республиках Российской Федерации вызываются в значительной степени столкновением местных традиций с силовым напором государственного интереса. Объединяющей «ценностью» мультикультурного сообщества продолжает оставаться власть.

У власти есть возможность провозгласить этот поворот решительно и быстро. Больше того – люди поймут её, потому что в повседневной жизни они не забыли окончательно, что такое выполнение долга, поступок человека чести, незапятнанная репутация. «У нас в клинике коллектив большой, но за всё время ушли в коммерческую медицину всего несколько человек. Остальные остались, работают. Да, за нищенскую зарплату, но с огромной отдачей!» – рассказывал знаменитый доктор Рошаль ещё задолго до трагедий, из-за которых мы узнали о нём. И примеров тому очень и очень много.

Отсутствие вовлеченности и сопричастности других граждан в «общем деле» влечет за собой недостаток, а порой и отсутствие, патриотизма, гражданственности, то есть отождествления себя с другими в совместных предприятиях и, соответственно, способности резко реагировать на грубые нарушения своей свободы государством или иным субъектом. Не имея возможности влиять на условия своего бытия, индивид лишается того, что в международных документах называется «источником прав человека», – человеческого и гражданского достоинства, то есть лишается права на толерантность как по отношению к себе, так и относительно себя к Другим. Лишение данного права вытекает из невостребованности быть толерантным по отношению к Другим, ибо они, в лучшем случае, к этому нейтральны.

Деятельностный аспект ментальности тяготеет к проблемам образа и качества жизни, социальной коммуникации. Вне своего деятельностного аспекта ментальность неизбежно превращается в область предположений, субъективных оценок, случайных параметров и показателей. Проявлением собственно ментальности в отличие от внешней экономической, социальной и политической мотивации поведения является факт нравственной, индивидуально-ценностной обусловленности данного поведения. В основе поведения лежат обычно ментальные факторы. К конкретной ситуации происходит привыкание (адаптация). Это привыкание сопровождается затянувшимися социальными ожиданиями или отложенными потребностями, которые воспроизводятся в ментальности.

Показательным примером является то, как на глазах у всех деятель, за четверть века руководства российским футболом приведший его к позору и ничтожеству, безмятежно заявляет, что уйдёт со своего поста, только если его президент страны об этом попросит… Может быть, уйдёт… Или ещё поруководит… Все же только руками в ответ всплескивают: ах, он возглавляет общественную организацию, по закону с ним ничего сделать нельзя! Потому как в этой организации от него «все» зависят и «все» упомянутым деятелем прикормлены!

А «общественный деятель», куражась, натравливает на наш футбол международные организации, которые в силу своих ведомственных интересов выступают с угрозами: запретим, отлучим, закроем, если его тронете! И наш деятель во всём этом шуме и гаме прекрасно себя чувствует, никаких неудобств лично для себя впереди не предвидит. Только капризничает всё больше.

В рамках политической ментальности и идентичности формируется своего рода замкнутый круг и логический тупик. Тупик, из которого правового выхода нет. Только ждать, когда «герой» сам соизволит… И сколько раз мы слышали это издевательски-лживое: пусть президент только мне прикажет! Пусть сам меня попросит!.. От проворовавшихся губернаторов, уютно чувствующих себя даже под следствием, от незадачливых адмиралов, которые способны только топить подлодки и разваливать флоты, от генералов, торгующих армейским имуществом и бросающих под пули боевиков солдат, от бездарных министров, хладнокровно констатирующих наше отставание уже чуть ли не от всех постсоветских государств…

Следует обратить внимание на проблему практического решения вопросов поведения человека. Особенно это касается поведения в коллективах, в которых люди вынуждены участвовать и как-то согласовывать действия друг друга при наличии существующего многообразия взглядов на мир и своей общественно-политической принадлежности. В разрешение этих аспектов внес свой вклад А. А. Любищев теорией «биологической эволюции». Он заставил задуматься над необходимостью учета различных теоретических концепций, актуализировав вопрос о приемлемости в общественном сознании права на инакомыслие. Речь идет о механизме или основании обучения, при котором инакомыслие не причислялось бы к разряду «ненужного», а его носители – к людям второго сорта.

Данная позиция получила развитие в работах С. В. Мейена, выдвинувшего новый этический принцип – принцип сочувствия. Суть его состоит в следующем: взаимодействие между людьми требует не только понять четкие основания позиций у человека, но и разделить его чувства – встать на позицию сочувствия. Как отмечает С. В. Мейен, «надо мысленно стать на место оппонента и изнутри с его помощью рассмотреть здание, которое он построил» [7, с. 47]. Принцип сочувствия требует пристального внимания к исходным позициям оппонента. Пространство между различными точками зрения и мировоззренческими позициями является условием для проявления свободы мысли и нравственного выбора. Данный принцип (принцип сочувствия) тесно связан с традиционным принципом общечеловеческой морали: «не делай Другому то, чего ты не хотел бы для себя». Сочувствие начинается с проявления **интереса** к Другим (Другому), а также с любопытства к **инакомыслию.** Инакомыслие всегда заслуживает интереса, а не брезгливого презрения, свойственного еще стоикам. Механизм действия сочувствия включает в себя понимание, основанное на любви к людям. На первое место выдвигается «любовь к своей среде обитания, дающая ощущение ценности бытия» (Ю. А. Шрейдер) [13, с. 137].

В языке проявляет себя психологическая восприимчивость Другого и/или Иного. Это может быть: проявление симпатии к тебе (когда отношение не декларируется глаза в глаза, а осуществляется попутно с чем-то, то степень доверия куда больше), интонация, с которой произносятся те или иные слова (руководитель призывает подчиненных быть честными и тут же совершает бесчестный поступок). Тем самым еще раз подтверждается мысль, что никакие нормы и правила не могут быть взяты в готовом виде – они должны быть проверены, пропущены человеком через себя, через свой конструктивный опыт. Поиск компромиссных решений включает в себя и осознание допустимости нравственного несовершенства человека. При этом должно выполняться условие лояльности гражданина перед государством: «государство держится не принуждением и не страхом, а свободною лояльностью своих граждан: их верностью долгу, … гражданским мужеством, инициативной храбростью и дисциплиной» [1, с. 183]. Преодоление несовершенства человека происходит посредством любви, а не на основе одного нравственного долга. Как раз это та грань между признанием несправедливости, допускаемой ради справедливости, и безнравственными попытками приписать своим действиям праведность.

Литература

1. Ильин И. А. О свободной лояльности // Наши задачи. Статьи 1948–1954 годов: в 2 т. – М.: МП Рарог, 1992. – Т. 1. – 539 с.
2. Ионин Л. Восстание меньшинств. – М., СПб.: Университет. кн., 2013. – 240 с.
3. Касьянова К. О русском национальном характере. – М. 1994. – 349 с.
4. Из глубины. – М., 1991. – 290 с.
5. Кропоткин П. А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса // Век толерантности: науч.-публицист. вест. – М.: МГУ, 2001. – 316 с.
6. Левада Ю. А. От мнений к пониманию: социологические очерки, 1993–2000. – М.: Москов. шк. полит. исслед., 2000. – 493 с.
7. Мейен С. В. Принцип сочувствия // Пути в незнаемое. – М.: Наука, 1977. – 360 с.
8. Ментальность россиян (Специфика сознания больших групп населения России) / под общ. ред. И. Г. Дубова. – М., 1997. – 320 с.
9. Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина, ресурс человечества. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
10. Овчинников Вс. Ветка сакуры. – М.,1970.
11. Цветов В. Пятнадцатый камень сада Реандзи. – М., 1986.
12. Саква Р. Третий путь новых лейбористов // Независимая газета. – 1988. – 18 июля.
13. Шрейдер Ю. А. Этика. – М.: Текст, 1998. – 271 с.
14. Щенников В. П., Белоглазова О. Н. Проблема самосознания в истории философии // Вестн. КемГУ. – 2011. – Вып. 1 (45). – С. 195–200.
15. Duijker H. C., Frijda N. H. National Character and National Stereotypes. – Amsterdam, 1960.

References

1. Ilyin I.A. O svobodnoy loyal'nosti [On the free loyalty]. *Nashi zadachi*. Stat'i 1948–1954 godov [*Our task.* Articles 1948–1954]. Moscow, MP Rarog Publ., 1992, vol. 1 539 p. (In Russ.)
2. Ionin L.A. Vosstanie men'shinstv [Rebellion of minorities]. Moscow, St. Petersburg, University Book Publ., 2013. 240 p. (In Russ.)
3. Kasyanova K. O russkom natsional'nom kharaktere [On the Russian national character]. Moscow, 1994. 349 p.
4. Iz glubiny [From the depths]. Moscow, 1991. 290 p. (In Russ.)
5. Kropotkin P.A. Vzaimnaya pomoshch' sredi zhivotnykh i lyudey kak dvigatel' progressa [Mutual assistance in animals and humans as the engine of progress]. *Vek tolerantnosti: Nauchno-publitsisticheskiy vestnik [A Century of tolerance: Scientific and journalistic Gazette]*. Moscow, Moscow State University Publ., 2001. 316 p. (In Russ.)
6. Levada Y. Ot mneniy k ponimaniyu: sotsiologicheskie ocherki 1993–2000 [From opinions to the understanding sociological essays 1993–2000], Moscow, Moscow School of Political Studies Publ., 2000. 493 p. (In Russ.)
7. Meyen S.V. Printsip sochuvstviya [The principle of compassion]. *Puti v neznaemoe [Path into the unknown]*. Moscow, Nauka Publ., 1977. 360 p. (In Russ.)

8. Mental'nost' rossiyan (Spetsifika soznaniya bol'shikh grupp naseleniya Rossii) [Mentality of Russians (Specificity of large populations' consciousness of Russia)]. Moscow, 1997. 320 p. (In Russ.)
9. Naumova N.F. Retsidiviruyushchaya modernizatsiya v Rossii: beda, vina, resurs chelovechestva? [Recurrent Modernization in Russia: An evil, guilt, human resource?]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1999. (In Russ.)
10. Ovchinnikov Vs. Vetka sakury [Sun Sakura]. Moscow, 1970. (In Russ.)
11. Tsvetov V. Pyatnadtsatyy kamen'sada Reandzi [Fifteenth stone garden Ryoanji]. Moscow, 1986. (In Russ.)
12. Sakwa R. Tretiy put'novykh leyboristov [Third Way New Labour]. *Nezavisimaya Gazeta*, 1988, 18 June. (In Russ.)
13. Schrader Y. Etika [Ethics]. Moscow, Text Publ., 1998. 271 p. (In Russ.)
14. Shchennikov V.P., Beloglasova O.N. Problema samosoznaniya v istorii filosofii [The problem of self-actualization in the history of philosophy]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2011, iss. 1 (45), pp. 195–200. (In Russ.)
15. Duijker H.C., Frijda N.H. National Character and National Stereotypes. Amsterdam, 1960.

УДК 008

КУЛЬТУРОЦЕНТРИЧНОСТЬ ЭСТЕТИКИ РУССКОГО СИМВОЛИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ СТАТЬИ АНДРЕЯ БЕЛОГО «ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРЫ»)

Астахов Олег Юрьевич, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению вопросов связи культуры и эстетики русского символизма по материалам работы Андрея Белого «Проблема культуры».

Ключевые слова: эстетика символизма, культуроцентризм, творчество, жизнестроительство, теургия.

CULTURAL CENTRISM OF AESTHETICS OF THE RUSSIAN SYMBOLISM OF THE LATE XIX – EARLY XXTH CENTURIES (ON THE ARTICLE OF ANDREI BELY "A PROBLEM OF CULTURE")

Astakhov Oleg Yurievich, Candidate of Culturology, Docent of Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: astahov_oleg@mail.ru

The paper presents an analysis of the work of Andrei Bely "A Problem of Culture" from the book "Symbolism", in which the author seeks a definition of the Russian symbolism of the early XXth century in the context of cultural knowledge. According to him, the problem of European symbolism is the inability to overcome boundaries of the art school with the usual orientation for its aesthetics and pure forms of stylization.

The author identifies a number of principles of symbolic art, contributing to it going beyond aesthetics, opening the opportunities for the creative transformation of the world. Representations thinker about theurgic essence of true art associated with the opening of the idea of creativity as an ongoing creation of the world of man, together with God, followed by contacting the author to issues of culture, it becomes a clear indication of his culture-centric in understanding the creativity.

Andrei Bely said about the possibility of overcoming the speculative schemes through creativity, promoting the communication with life, and more contributing to its transformation in the theurgic act of creation of the world that expresses the true content of culture. In turn, the aesthetics of symbolism as a bridge, opening these features through the special construction of the symbolic form of art, focused on constant search of life in all its versatility.

Keywords: aesthetics symbolism, culture-, creativity, life-building, theurgy.

Вопросы культурологии русского символизма явились предметом исследования в современной отечественной гуманитаристике в связи с необходимостью определения культурных форм развития литературы и искусства конца XIX – начала XX века, преодолевающих границы эстетических новообразований. Развитие идей русского символизма происходило в контексте актуализации интереса к вопросам культуры в трудах европейских эволюционистов, неокантианцев и русских мыслителей. Единовременность этого процесса свидетельствует о том, что определение места науки о культуре в системе социогуманитарного знания было исторически необходимо.

Андрей Белый, один из основоположников культурософии отечественного символизма, неизменно стремился к обозначению символизма в горизонте культурологического знания, преодолевающего ориентированность на художественные новообразования. По его мнению, проблема европейского символизма заключалась в невозможности преодоления границ школы искусства со свойственной для нее ориентированностью на эстетику и чистые формы стилизации. «И потому-то символическое течение современности, если оно желает развития и углубления, не может остаться замкнутой школой искусства, – отмечает Андрей Белый в работе «Проблема культуры», открывающей цикл статей в книге «Символизм», – оно должно связать себя с более общими проблемами культуры; переоценка эстетических ценностей есть лишь частный случай более общей работы, переоценки философских, этических, религиозных ценностей европейской культуры; назревающий интерес к проблемам культуры по-новому, сравнительно с недавним прошлым, выдвигает смысл красоты, и обратно – теоретик искусства, даже художник, необходимо включает в поле своих интересов проблемы культуры; а это включение неожиданно связывает интересы искусства с философией, религией, этической проблемой, даже с наукой» [5, с. 22].

Примером конкретизации связи искусства с наукой для Андрея Белого явился импрессионизм, что отмечается им в комментариях к очеркам из книги «Символизм». Автор отмечает необходимость установления связи тенденций, наблюдаемых в теоретической философии с ее установкой на теорию знания, и в живописи, ориентированной на освобождение от психологического содержания; «философа интересовали только формы *“всеобщего”,* художника интересовала задача подчеркнуть в природе и в человеке лишь общие контуры» [5, с. 24]. Именно такая связь существует между современным искусством и наукой, что демонстрирует импрессионизм, который учил смотреть на мир по-новому. Например, Клод Моне, особенно в своих пейзажах, сознательно отказывался от чистых локальных тонов, что актуализировало связь открытий и в области оптики, и философии в целом, ориентированной на преодоление знакомых и повторяющихся идей.

Не случайно в этом отношении импрессионизм рассматривался как предвестник нового мифопоэтического искусства. Воплощению художественного мифа со свойственным для него космологизмом и одновременно антропологизмом в символизме начала XX века предшествовало развитие импрессионистической образности и не только в живописи, но и в музыке, литературе и др. [3]. Таким образом эстетика импрессионизма способствовала преодолению развития символизма в рамках школы.

Как справедливо отмечает А. Малафеев: «Белый видит особенность русского символизма в постановке и попытке осуществления широких культурных задач» [2 с. 141]. Именно культура выступает местом сосредоточения жизненно важных вопросов, способных актуализировать и искусство, и науку, это становится центральным пунктом в рассуждениях А. Белого: «В настоящее время в ряде течений теоретической мысли переносится центр тяжести на вопросы культуры; то же отчасти происходит в истории философии и в философии истории; то же мы можем наблюдать в области искусства; культура оказывается местом пересечения и встречи вчера еще раздельных течений мысли; эстетика здесь встречается с философией, история с этнографией, религия сталкивается с общественностью; вырастает потребность точнее определить, что такое культура; до настоящего времени, сталкиваясь с проблемой культуры в обиходе нашей мысли, мы сталкивались с чем-то самоочевидным, не поддающимся определению; более пристальный взгляд на вопросы культуры превратил самую культуру

в вопрос; разрешение этого вопроса не может не внести переоценки в постановку вопросов философии, искусства, истории и религии» [5 с. 18].

Обращаясь к понятию культура, автор отмечает не только его многогранность и необходимость комплексного изучения, но и в широком смысле определяет его как особое, целостное, знание. Фактически речь идет о цельном знании, представленном в философии В. Соловьева, последователем которого и можно считать Андрея Белого. В связи с этим следует отличать цельное знание от знания как упорядочения представлений действительности, которое формирует и научную гносеологию. Знание в культуре необходимо рассматривать через внутренний переживаемый опыт, который формирует ценностные отношения, поэтому автор отмечает важность личностного развития. Почему невозможно определение культуры через прогресс? Потому что этот переход от однородного к разнородному, от единства к многоразличию является механичным, безличным, лишенным ценностного содержания. А ценность является ключевым понятием для определения культуры, без которого невозможно понимание индивидуальности и творчества, выступающих ядром культурной жизни.

А. Белый пишет, что «скорее культура определима как деятельность сохранения и роста жизненных сил личности и расы путем развития этих сил в творческом преобразовании действительности; начало культуры поэтому коренится в росте индивидуальности; ее продолжение – в индивидуальном росте суммы личностей, объединенных расовыми особенностями; продукты культуры – многообразие религиозных, эстетических познавательных и этических форм; связующее начало этих форм – творческая деятельность отдельных личностей, образующих расу: эта деятельность берется как самоцель, то есть не поддается нормированию…» [5, с. 20]. Подлинная культура – это обращение к творчеству, но при этом должен осуществиться отказ от ее благополучных «усредненных форм», ориентированных на прагматизм, завершающий возможность творческого развития. В отношении А. Белого исследователи считают, что «культ культуры осмысляется им как трагический акт забвения ее конечных целей» [2, с. 142]. Парадокс ситуации заключается в том, что, с одной стороны, Андрей Белый заявляет о «культурной вненаходимости», то есть видении себя посреди круга совершенно разных, но одинаково самобытных культурных миров, и только в этом случае возможно преодоление завершенных форм, представляющих собой «систематику каталогов музейных реликвий культуры» [4, с. 278]. И, с другой стороны, автор одновременно констатирует необходимость видения культуры не через закрепление ее единичных памятников, а через утверждение жизни в ее созидательных возможностях. Соответственно, рассматривая в этом ключе символизм, он актуализирует в контексте соловьевской идеи теургии жизнестроительные задачи искусства, получившие свое развитие в XX веке [6].

В качестве предпосылки для формирования жизнестроительных ориентиров художественных практик Андрей Белый рассматривает творчество Ницше, Ибсена, Бодлера, а позднее в отечественной традиции – Мережковского, В. Иванова, Брюсова. Автор выделяет ряд принципов символического искусства, способствующих его выходу за рамки эстетики, открывающих возможности творческого преображения мира:

– «символизм подчеркивает примат творчества над познанием, возможность в художественном творчестве преображать образы действительности» [5, с. 22];

– «символизм подчеркивает значение формы художественных произведений, в которой уже сам по себе отображается пафос творчества» [5, с. 22];

– «символизм поэтому подчеркивает культурный смысл в изучении стиля, ритма, словесной инструментовки памятников поэзии и литературы» [5, с. 22].

Подобного рода установки открывают возможности теургического действия, связанного с преображением мира. Жизнепреобразующую, жизнетворческую, жизнестроительную миссию искусства Андрей Белый утверждает неуклонно и постоянно. И это связано с ощущением автора ситуации кризиса внутреннего развития человека как личности, что отмечает в своем исследовании И. А. Азизян «Диалог искусств Серебряного века», его расколотостью, противоречивостью, отсутствием цельности, гармоничности и ритмич-

ностью, присущей человеку прежде, а ныне разбитому «многообразием форм жизни» [1, с. 63]. Вследствие чего Андрей Белый приходит к мысли о необходимости обращения к богоподобному образу человека (богочеловеку, сверхчеловеку). В частности, он пишет: «Поэтому правы законодатели символизма, указывая на то, что последняя цель искусства – пересоздание жизни; недосказанным лозунгом этого утверждения является лозунг: искусство – не только искусство; в искусстве скрыта непроизвольно религиозная сущность» [5, с. 23]. Представления мыслителя о теургичной сущности подлинного искусства, связанного с открытием идеи творчества как продолжающегося творения мира человека совместно с Богом, несомненно перекликаются с бердяевским принципом «антроподицеи» – оправдании человека в творчестве и через творчество.

Логика подобных суждений продолжается при обращении автора к проблемам культуры, что становится ярким свидетельством его культуроцентричности в понимании творчества. Андрей Белый считает, «последняя цель культуры – пересоздание человечества; в этой последней цели встречается культура с последними целями искусства и морали; культура превращает теоретические проблемы в проблемы практические; она заставляет рассматривать продукты человеческого прогресса как ценности; самую жизнь превращает она в материал, из которого творчество кует ценность» [5, с. 23]. Таким образом Андрей Белый заявляет о возможности преодоления умозрительных схем через творчество, способствующее установлению связи с жизнью, и более того – способствующее ее преображению в теургическом акте творения мира, что выражает подлинное содержание развития культуры. В свою очередь эстетика символизма выступает в роли моста, открывающего эти возможности через особое построение символических художественных форм, ориентированных на постоянство поиска развития жизни во всей ее универсальности.

Литература

1. Азизян И. А. Диалог искусств Серебряного века. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 400 с.
2. Асоян Ю., Малафеев А. Открытие идеи культуры. (Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX века). – М.: ОГИ, 2000 – 344 с.
3. Астахов О. Ю. Эстетика импрессионизма в поэзии русских символистов (В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, И. Ф. Анненский). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 122 с.
4. Белый А. Кризис культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – С. 260–296.
5. Белый А. Проблемы культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – С. 18–25.
6. Горбова Е. Н., Астахов О. Ю. Идеи жизнестроительства русского авангарда в эстетике проекта «прозодежды» начала XX века // Вест. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 3-1. – С. 52–55.

References

1. Azizyan I.A. Dialog iskusstv Serebryanogo veka [Arts Dialogue of the Silver Age]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2001. 400 p. (In Russ.)
2. Asoyan Yu., Malafeev A. Otkrytie idei kul’tury. (Opyt russkoy kul’turologii serediny XIX – nachala XX veka) [Opening of the idea of culture. (Russian Experience Cultural Studies mid-XIX – early XX centuries)]. Moscow, OGI Publ., 2000. 344 p. (In Russ.)
3. Astakhov O.Yu. Estetika impressionizma v poezii russkikh simvolistov (V.Ya. Bryusov, K.D. Bal’mont, I.F. Annenskiy) [Aesthetics of Impressionism in Russian Symbolist poetry (V.Y. Bryusov, K.D. Balmont, I.F. Annensky)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2004. 122 p. (In Russ.)
4. Belyy A. Krizis kul’tury [Cultural crisis]. *Belyy A. Simvolizm kak miroponimanie [Symbolism as outlook]*. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 260–296. (In Russ.)
5. Belyy A. Problemy kul’tury [Problems of Culture]. *Belyy A. Simvolizm kak miroponimanie [Symbolism as outlook]*. Moscow, Respublika Publ., 1994, pp. 18–25. (In Russ.)
6. Gorbova E.N., Astakhov O.Yu. Idei zhiznestroitel’stva russkogo avangarda v estetike proekta “prozodezhdy” nachala XX veka [Life-building Ideas of the Russian avant-garde in the aesthetics of the “overalls” of the early XX century]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv*, 2012, no 3–1, pp. 52–55. (In Russ.)

УДК 008

СТАБИЛИЗАЦИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ МУСУЛЬМАН И ХРИСТИАН НА ПРИМЕРЕ ТАТАР И РУССКИХ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Рендашкина Алиса Николаевна, ассистент кафедры информационных технологий в креативных и культурных индустриях, гуманитарный институт, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск, РФ). E-mail: rendashkina@mail.ru

В статье рассматриваются факторы, влияющие на стабилизацию межконфессиональных отношений мусульман и христиан на примере татар и русских в Восточной Сибири; проанализированы региональные особенности межрелигиозного диалога; предложены рекомендации по упрочнению межконфессиональных отношений между татарами-мусульманами и русскими в Восточной Сибири.

Ключевые слова: межконфессиональные отношения, татары-мусульмане, христиане, религия, Восточная Сибирь.

STABILIZATION OF INTERFAITH RELAITIONS BETWEEN THE MUSLIMS AND CHRISTIANS AS RELATIONS BETWEEN THE TATARS AND RUSSIANS IN EASTERN SIBERIA

Rendashkina Alisa Nikolaevna, Assistant of Chair of Information Technology in Creative and Cultural Industries, Institute for the Humanities, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: rendashkina@mail.ru

The article is aimed to find the factors of stabilization of interconfessional relations between Muslims and Christians in Eastern Siberia. Significance of the problem, according to the author, is based on the start of process of full and rapid Islamization and ethnicization of the Siberian Muslims which ends decades of domination of atheism among them. The author considers the problem by studing of Islamization and ethnicization of Muslim Tatars in Eastern Siberia. The author gives an overview of the origins behind the crisis of religious cultures in the former Soviet Union, and indicates the Central Muslim Spiritual Board of Russia (CMSB) and the Central Russian Eparchy of the Christians as the two independent religious centers which should solve the problem of the coexistence of two religions in various state territories including Siberia. Basing on regional distinctions in interconfessional and cultural dialogue, the author proposes ways to further strengthen the intercultural relations in the context of the Christian and Muslim cultural traditions and makes recommendations on how to fortify the interconfessional relations between Muslim Tatars and Russians in Eastern Siberia. Taking into account the analysis of the case of Eastern Siberia, the author concludes that the causes of tolerant attitude towards each other between Muslim Tatars and Russian Christians are late structuring of confessional hierarchy, the dialogue of all parties with the authorities, geographical remoteness of the East Siberian region with respect to Moscow and the Caucasus where the situation is exacerbated due to the influence of regions affected by extremist organizations and politicians professing radical Islamism.

Keywords: inter-confessional relations, Tatar Muslims, Christians, religion, Eastern Siberia.

Христианство и мусульманство представляют собой наиболее распространенные религии не только в российском обществе, но и в мире. В этой связи диалог между этими конфессиями часто строится весьма трудно и усугубляется ригидностью, свойственной религиозной догматике в целом. В настоящее время в СМИ культивируется точка зрения, что основные препятствия в построении межконфессионального диалога – нетерпимость и фанатизм. Однако существует и

альтернативное видение проблемы. Например, профессор Института философии РАН С. С. Хоружий видит истоки трудностей, возникающих при построении диалога между представителями мусульманской и христианской конфессий в следующем: «С диалогом религий всегда трудно уживалось такое качество человеческой религиозности, как ревность о вере, как пылкая, горячая вера. Эта горячая, ревностная вера традиционно подозрительна к диалогу с чужими верами и склонна отвергать его: ей видится в нем опасность отступничества, внесения искажений; готовность к диалогу она склонна расценивать как признак равнодушия к вере, отсутствия тревоги за ее судьбу» [19]. Трудно не согласиться с трактовкой С. С. Хоружия, вскрывающей психологию конфликта представителей изучаемых конфессий, вызванного константностью эмоциональной оценки тех или иных событий. Поэтому подобные конфликты возникают на разных территориях, и Сибирь тому не исключение. Как следствие, требуется поиск оснований для стабилизации межконфессиональных отношений.

Следует отметить, что в монолитном Советском государстве не могло быть идеологических противников, какими являлись религиозные организации. Распад СССР привел к возникновению в России полноценных религиозных структур, таких как Центральное духовное управление мусульман (ЦДУМ) и Центральная епархия у христиан. Борьба двух разнополюсных религиозных центров за потенциальную паству, оставшуюся после долгих лет атеизма, обострила отношения мусульман и христиан в целом.

Следствием глубокого религиозного кризиса стало обострение мусульманских религиозно-националистических настроений в южных республиках СССР, а в дальнейшем и «ваххабитизация» молодёжи, что породило ряд тяжелых, а подчас и кровавых проблем, требующих решения. Р. М. Мухаметшин отмечает и другие негативные тенденции, оставшиеся со времен перестройки: «Более 1000 молодых мусульман обучаются за рубежом – в Саудовской Аравии, Ливии, Катаре, Египте, Турции, Сирии и других странах, хотя мусульманское духовенство неоднозначно относится к росту числа мусульман, обучающихся за границей. Многие имамы Северного Кавказа считают, что укреплению позиций радикального ислама − ваххабизма − способствуют, в частности, молодые люди, обучавшиеся в мусульманских странах» [13]. Не секрет, что в исламе существует множество течений: сунниты, шииты, хариджиты, ахмадие, друзы, бахаи, низариты и др. При этом большинство мусульман, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, − приверженцы суннитского толкования ислама, но молодежь, отучившаяся за границей, зачастую осваивала другие его ответвления, отчего возникали разногласия в вопросах вероубеждения между молодым и пожилым поколениями мусульман.

На фоне вскрывшихся религиозных проблем в 1995 году была принята Декларация принципов толерантности, против религиозной нетерпимости. Понятие толерантности было определено в Декларации как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия нашего мира, наших форм выражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость общения и свобода мысли, совести и убеждений» [15]. Под положения «о религиозной толерантности» стали подпадать и явно экстремистские религиозные организации, что еще больше обострило ситуацию.

Постепенно с течением времени ситуация нормализовалась. На государственном уровне были намечены пути решения подобных религиозных проблем. Эффективными мерами стали соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, а равно законных интересов организаций; обеспечение безопасности Российской Федерации; работа, направленная на предупреждение экстремистской деятельности; сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами с целью противодействия экстремистской деятельности; неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности.

Вместе с тем количество мусульман, проживающих в России, до сих пор неизвестно и это вопрос, подлежащий более тщательному изучению. Проблему усугубляет тот факт, что точная информация существует лишь на 1989 год, время последней переписи в Советском Союзе. На тот момент количество мусульман составляло приблизительно 12 млн человек. После этого произошли серьезные изменения, которые очень силь-

но повлияли на соотношение мусульман и прочих верующих в нашей стране. Часть территорий компактного проживания мусульман (такие как Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Туркмения, Таджикистан, Киргизия) оказалась вне Российской Федерации, что сильно уменьшило и без того невысокую численность данной религиозной группы. А ведь ещё следует обратить внимание на тех, кто был вынужден бросить всё в отколовшихся от СССР республиках и вернуться в Россию, спасаясь от физической расправы по расовому и религиозному признаку. Ведь основная масса этих людей была не мусульманского вероисповедания.

Например, согласно опросу, проведённому им 23–26 ноября 2012 года, считается, что количество мусульман не превышает 7 %. [1] Если взять во внимание данные Росскомстата переписи населения за 2010 год, то количество мусульман, согласно опросам Левады-центра, колеблется в пределах около 10 млн человек (7 % от 143 436 145) [14]. Бесспорно, выборка 1 596 человек весьма мала, причем ещё надо принять во внимание, что в данном опросе не уточняется наличие российского гражданства у опрашиваемых людей. Отметим, что люди, заинтересованные в статистических сведениях по вопросу количества мусульман граждан России, иногда ссылаются на Аналитический центр Юрия Левады. Однако, по данным того же центра за 2009, видно, что мусульманами себя назвали 4 % опрошенных. Вместе с тем, если обратиться к «Федеральной службе государственной статистики» и просмотреть изменение численности населения Российской Федерации за этот период, то:

- Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2010 года 1 41914,5 человек. При расчёте 4 % (согласно данным Левады-центра) от общей численности 5 676,6.

- Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации на 1 января 2013 года 1 43347,1 человек. При расчёте 7 % (согласно данным Левады-центра) от общей численности 1 0034,3.

Таким образом, согласно данным Федеральной службы статистики, общий прирост с 2009 по 2012 год включительно составил 1 432,6 человек. Согласно же данным Левады-центра прирост мусульман составил 3 %, что в итоге даёт прирост в 4 357,7 человек. В свете официальной статистики данные Левады-центра представлены некорректно, поэтому не могут быть нами учтены.

Из этого следует, что ссылаться на статистические данные, предоставляемые негосударственными организациями, без ущерба для исследования, мы не можем. Поэтому вопрос численности мусульман, постоянно проживающих на территории России, для нас остается открытым.

Однако существует и иной подход к этому вопросу. Например, Ю. А. Гаврилов и А. Г. Шевченко в своей книге «Ислам и православно-мусульманские отношения в России» [3] при исследовании и сборе статистических данных приходят к иному выводу. Рассматривая результаты переписи 1979, 1989 и 2002 годов (отметим, что результаты переписи 2010 года в момент проведения этих социологических измерений ещё отсутствовали), авторы предложили посмотреть несколько с иной стороны на этот вопрос: ведь в опросные листы Всероссийской переписи населения 2002 года графу о вероисповедании Госкомстат Российской Федерации не включил. Подход этих авторов заключается в измерении численности этнических представителей мусульманской культуры Российской Федерации. Согласно полученным данным переписи 2010 года всего численность таких этносов составила 14 387,6 человек (отдельно отметим, что численность сибирских татар составила 9,6 тыс. человек). Никто из этих исследователей не сомневается в том, что не все татары, башкиры, казахи, адыгейцы и прочие поголовно исповедуют мусульманство, но тем не менее эти данные позволяют нам уже более критично относиться к заявлениям иных источников [3].

Опираясь на результаты переписи 2010 года, В. Ю. Зорин, будучи министром Российской Федерации по национальной политике, констатировал: «Итоги переписи показали численность народов, придерживающихся исламской традиции, таковых в России около 14,5 млн» [5]. Возможно, именно это заявление послужило поводом к распространению, на наш взгляд, некорректной информации относительно численности мусульман на территории России.

Возвращаясь к проблеме сосуществования христиан и мусульман на территории России, от-

метим, что этим вопросом занимается целый ряд видных исследователей, таких как Р. Г. Адулатиков, А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева, С. С. Хоружий, Е. А. Резван, И. Ю. Котин, М. Т. Степанянц, Г. Н. Сеидова, А. Л. Синайский, Д. К. Бурлак, Д. Л. Спивак, Ю. А. Гаврилов, А. Г. Шевченко, В. Ю. Зорин, А. В. Рудаков и др.

Необходимо отметить, что проблемой межрелигиозного диалога занимаются и сами представители изучаемых конфессий. Так, митрополит Иларион в своем обращении к слушателям крупнейшего в исламском мире университета Аль-Азхар обратил внимание на следующие исторические факты: «Мусульмане на протяжении многих веков жили бок о бок с христианами. Положение христиан в мусульманском мире определялось обстоятельствами места и времени, однако их традиционный статус, сформировавшийся в период Арабского халифата, оставался практически неизменным» [2].

Представители мусульманского вероисповедания, говоря о межконфессиональном диалоге, также обращаются к Корану, в котором сказано: «Если бы Аллах пожелал, то сделал бы вас одной общиной, однако Он разделил вас, чтобы испытать вас тем, что Он даровал вам. Состязайтесь же в добрых делах. Всем вам предстоит вернуться к Аллаху, и Он поведает вам о том, в чем вы расходились во мнениях» [9].

К исследованиям, посвященным вопросам религиозного диалога в Сибири, относится монография А. Г. Селезнева, которая отражает вопросы зарождения и функционирования исламской культуры в Сибири. В основе его исследования лежит теоретическое осмысление основных элементов традиционного мировоззрения сибирских мусульман. А. Г. Селезнев составил цельную картину, содержащую образы сибирского ислама, также им были проанализированы отдельные компоненты исламской культуры.

Волею судеб или так исторически сложилось, что проблема конфликта мусульман и христиан в Сибири стоит менее остро не только по сравнению с центральной Россией, но и с остальным миром. Истоки данного феномена лежат в истории освоения самой Сибири. Говоря о религиозных процессах в Восточной Сибири, следует упомянуть, что в этом регионе проживает большое количество старообрядцев, ощущается значительное религиозное влияние ислама, буддизма и шаманизма.

Воздействие русских на духовное просвещение татар, проживавших в сибирских регионах, то есть распространение между ними христианства и русского языка, поначалу нельзя было назвать основополагающим или даже прочным. Христианство на ранних этапах становления сибирского субэтноса было представлено двумя ветвями: православием и старообрядчеством. Традиционно старообрядчество представляет замкнутую культуру, влияние ее на представителей иных конфессий весьма незначительно. Поэтому активную позицию в популяризации и распространении христианства в исследуемом регионе заняло православие.

Если христианство впоследствии стало религией доминирующего этноса, то мусульманство, игравшее значительную роль в процессах самоидентификации татар, не сдавало своих позиций. Вследствие этого усложнились межконфессиональные отношения в регионе. Столкновение двух полярных религий, лежащих в основе русского и татарского этносов, неизбежно влекли за собой конфликтные ситуации между представителями двух конфессий. Несмотря на это, религиозные противоречия этнических столкновений между русскими и татарами не наблюдалось. Историки Д. И. Копылов и Ю. П. Прибыльский отмечают: «Русские и татары прекрасно уживались друг с другом. Но близкое соседство православных и мусульман очень беспокоило церковь. Во время крестных ходов татары стояли на улице в шапках и со смехом наблюдали за необычайным для них зрелищем, нарушали “чин” христианского богослужения» [16, с. 56]. Межконфессиональные разногласия выражались не столько в росте социальной напряженности, сколько в появлении проблемы религиозной самоидентификации у детей от смешанных браков. В таких семьях создавались условия для трансформации этнического самосознания и появления билингвизма.

На государственном уровне задачи мирного сосуществования русских с различными этносами, проживающими в Восточной Сибири, в частности с татарами, решались различными методами. В специальной записке о состоянии церковного дела в Сибири, подготовленной в конце

XIX века канцелярией Комитета министров, указывалось на необходимость объединения в сфере духовной жизни «путём укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности» [8, с. 134]. Утверждению мирного сосуществования различных этносов на территории Восточной Сибири способствовала не только колониальная политика, проводившаяся государством, но и геополитическая удаленность изучаемого региона от центральной России. Удачное расположение и труд в тяжелых условиях сближали людей.

Вследствие процессов интенсивной ассимиляции русских с представителями других этнических групп произошло некоторое охлаждение к религиозным обрядам. Исследователи Восточной Сибири XIX века отмечали, что при частых тесных контактах с представителями других конфессий русский человек «и сам стал как-то равнодушнее к свой вере» [7, с. 96]. Переселенцы представлялись более стойкими в православной вере, нежели сибиряки-старожилы. Националистически настроенные авторы напоминали о забвении русских интересов на окраинах, об отсутствии должной поддержки миссионерской деятельности и православной церкви, о потакании инородцам, особенно со стороны местных властей, приведшем к тому, что русское население в Восточной Сибири «будучи с инородцами в постоянных сношениях, даже в дружбе и родстве, не прочь иной раз и их богам помолиться [4, с. 76]. Межкультурный диалог русских с представителями коренного населения Сибири способствовал возникновению новой конфессиональной ситуации, где «обрядовая набожность русского населения заменилась чисто языческим суеверием, частию заимствованным от инородцев, частию навеянным на них новою неизвестною до тех пор жизнию» [16, с. 56].

Подобная ситуация в конфессиональной сфере прослеживается и у татар. Например, татары в некоторых случаях обращались к русским святым, в частности к Николаю Мирликийскому. В одной былине тонущий татарин взывает к Николе: «Русский Бог Миколка, спаси нас!»; «о ваш Микула велик человек», говорил татарин, спасшийся от медведя обещанием поставить свечу Николе [18, с. 163−164]. Возникновение культа Николая Мирликийского среди татар, проживающих в Сибири, наглядно показывает тесное религиозное взаимодействие между христианами русскими и мусульманами татарами, демонстрируя русско-татарский диалог.

Одним из важнейших факторов сохранения стабильности в отношениях христиан и мусульман Красноярского края, на наш взгляд, является относительно позднее структурирование конфессиональной иерархии. Например, самостоятельная Енисейская епархия была образована только в 1861 году. В целом по Енисейской губернии перепись населения 1897 года зафиксировала семь наиболее многочисленных религиозных культов с явным превалированием православия – 93,8 %, в свою очередь мусульман насчитывалось – 0,9 % от общего числа жителей (570,2 тыс. человек). На 1 января 1990 года в регионе функционировали уже 123 религиозные общины и группы [10]. Абсолютное большинство мусульман Красноярского края – приверженцы суннитского толка, самого мягкого ханафитского мазхаба.

Все мусульманские религиозные организации и религиозные группы признают в целом свою принадлежность к Духовному управлению мусульман Сибири с дальнейшим подчинением Центральному духовному управлению мусульман (ЦДУМ) России.

В декабре 2002 года был зарегистрирован Красноярский муфтият в качестве Единого духовного управления мусульман Красноярского края (ЕДУМ) под духовным патронажем Омского муфтията и ЦДУМ России. Для координации совместных усилий и выработки единых подходов органов государственной власти края, с одной стороны, религиозных и общественных организаций этнических мусульман региона, с другой стороны, в январе 2002 года был образован Совет мусульман при комитете администрации края по делам национальностей, религии и общественных объединений. В него вошли светские и духовные лидеры этнических мусульман региона. Председателем Совета мусульман был избран муфтий ЕДУМ Красноярского края Г. Т. Фаткуллин.

Благодаря деятельности Совета мусульман удалось не допустить раскола мусульманского сообщества края, предотвратить проникновение в регион представителей ортодоксально жестких или экстремистских исламских организаций и

в итоге избежать политизации «мусульманского вопроса» в общественной жизни края.

Члены Совета мусульман активно осуществляют практику разъяснения основ ислама, шариата, мусульманского права, традиций, государственной политики в отношении данного вероисповедания среди представителей силовых структур (УВД, в частности бойцов сводного отряда, направляемого в Чечню), служащих муниципальных образований, журналистов и студентов красноярских вузов. Просветительская деятельность членов Совета мусульман в вопросах толкования ислама оказалась весьма эффективна и послужила примером для других регионов России.

Единое духовное управление мусульман Красноярского края активно сотрудничает с Главным управлением Федеральной службы исполнения наказаний по Красноярскому краю, в частности, 16 февраля 2011 года было подписано начальником ГУФСИН Владимиром Шаешниковым и главами традиционных конфессий четырехстороннее соглашение о сотрудничестве. За последние три года было открыто 5 молельных комнат в местах лишения свободы и ведется работа по увеличению их количества в ближайшее время. Также в городе Красноярске наряду с вышеперечисленными мерами органами местного самоуправления для работников силовых структур были организованы курсы, посвященные проблемам мусульманской идеологии.

В Красноярске регулярно, начиная с 2005 года, проводятся научно-практические конференции «Духовная безопасность Красноярья: молодежь против наркотиков» [1, с. 3]. В конференции традиционно принимают участие представители духовенства Красноярской, Енисейской, Канской Епархий, администрации города и края, ведущие специалисты − наркологи, ученые-педагоги, сотрудники органов социальной защиты населения, учреждений культуры, Федеральной службы госнаркоконтроля и правоохранительных органов. Высокую оценку современному диалогу между церковью государственной властью дал Святейший Патриарх Алексий II (2005 год): «Существует ряд консультативных структур на федеральном и региональном уровнях, которые обеспечивают взаимодействие государства как с различными религиозными организациями, так и отдельно с Русской православной церковью. Происходят регулярные консультации церковных и государственных представителей» [6, с. 3].

В других регионах Восточной Сибири органами местного самоуправления уделяется большое внимание межконфессиональному диалогу русских и татар. В частности, муфтий Иркутской области Фарид Мингалеев так комментирует межконфессиональную ситуацию в своем регионе: «Правительство России идёт навстречу верующим, даёт свободу строить мечети, молиться, и региональные власти нам помогают ремонтировать мечеть, интересуются нами, приглашают на различные общественные мероприятия. В Иркутской области создан межконфессиональный совет» [12].

Вместе с тем позитивную роль в построении диалога исследуемых конфессий играет географическая удаленность Восточно-Сибирского региона от Москвы и Кавказа, где ситуация обостряется из-за близости регионов, в которых сильно влияние экстремистских организаций и политических деятелей, исповедующих радикальный исламизм.

Подводя итог, следует выделить черты межкультурного диалога христиан и мусульман, характерные для Восточно-Сибирского региона. Прежде всего, это диалог представителей обеих конфессий с властью, который позволяет не допускать возникновения сект экстремистского толка. Так, весной 1998 года и осенью 2001 года, стремясь обезопасить граждан, местные мусульмане совместно с органами власти заблокировали миссионерскую деятельность главы Духовного управления мусульман азиатской части России (ДУМАЧР) шейха Н. Ашира совместно с движением «Рефах». Только благодаря конструктивному диалогу религиозных конфессий в Красноярском крае попытки Н. Ашира организовать курултаи и создать стройную структуру казиятов (красноярского, норильского, хакасского) не увенчались успехом. Возможно именно поэтому явных проявлений ортодоксального ислама, а тем более ваххабизма в исследуемом ареале, не отмечено.

На основании приведенных выше особенностей межконфессионального диалога православных и мусульман в Восточной Сибири можно предложить следующие рекомендации по упрочнению мира и согласия в исследуемом регионе:

1. Для укрепления диалога исламской и православной культурных традиций необходимо согласовывать сомнительные заявления, предполагающиеся публикации в газетах, журналах, на сайтах, в передачах на телевидении и т. д. с официальными представителями этих конфессий. Подобные меры оказываются эффективными не только в качестве просветительской миссии для верующих, но также способствуют повышению уровня толерантности в обществе. С позиции прессы, такой основательный подход поможет значительно сократить количество недостоверной информации в СМИ и усилить контроль за распространяемой информацией, содержащей религиозную направленность.

2. Развитие региональной системы подготовки духовных лиц внутри различных конфессий Российского государства. Такой подход подразумевает создание учебных заведений для будущих священнослужителей по всей стране (например духовных семинарий и медресе в Сибири). Подготовка кадров для преподавания в таких учебных заведениях также должна осуществляться внутри страны. Опыт подготовки специалистов по теологии в светских учебных заведениях есть. Например, в КемГУКИ разработан план специальности «Теология» по профилю «Культура православия». В КемГУ с 2008 по 2014 год по инициативе Кузбасской митрополии обучали студентов по специализации «Основы теологии», после выпуска они могут преподавать «Основы православной культуры» или работать в церковно-приходских школах (http://gazeta.a42.ru/lenta/show/v-kemgu-perestali-obuchat-osnovam-teologii.html).

В этой связи стоит отметить, что подобные начинания должны быть и в городе Красноярске. Так, в Красноярске функционирует мактаб – начальное учебное заведение мусульман, для которого необходимы подготовленные кадры. Об этом можно судить из заявлений заведующего учебным процессом мактаба «Фатх» Шамиля Шовхалова: «Даже прочитав 50 книг по истории Пророка, мир ему, или по фикху, можно не понять основного смысла и трактовать некоторые вещи неправильно. В результате есть все шансы запутаться и даже впасть в грех по незнанию. Главная задача воскресной школы – это не коллективное чтение истории или книг по фикху, а систематизация знаний, подача правильной трактовки и объяснение сути. Здесь этим занимаются специально подготовленные, образованные преподаватели, готовые ответить на все вопросы и помочь в процессе обучения. Как говорит муфтий Гаязхазрат, задача нашей школы – бороться с невежеством» [11].

Необходимость таких мер основывается не только участившимися случаями пропаганды со стороны религиозных ортодоксов, но и отличиями в религиозной культуре представителей разных регионов России. Подтверждением тому служит анализ историко-культурологических фактов, приведенных выше.

3. Разработка общеобразовательных программ, направленных на изучение истории межконфессиональных отношений внутри страны и особенности ее в регионах. Эти знания для общего развития необходимы не только школьникам, но и широким массам общественности, до которых вопросы межрелигиозных отношений должны быть донесены через СМИ. Для реализации данной задачи необходимо создать группу экспертов, в которую следует включить культурологов, историков, этнографов, религиоведов и представителей всех крупных религиозных конфессий региона. Задача этих ученых − выстроить единую и объективную линию истории взаимоотношений народов, проживающих на территории Российской Федерации и исповедующих различные религии. В частности, необходимо уделить особое внимание и региональному опыту. Так, богатый материал по вопросам межкультурного диалога представителей различных конфессий в Восточной Сибири многому может научить. В этой связи популяризация региональной истории выступает как один из факторов построения межконфессионального диалога.

Все вышесказанное подтверждает, что православие и ислам способны оказывать позитивное влияние на уровень межнациональной толерантности. Однако в некоторых регионах существует необходимость системного построения диалога между изучаемыми конфессиями. Поэтому мы считаем актуальным использование мер по укреплению и развитию позитивного взаимодействия мусульман и христиан в сфере укрепления единства народов, населяющих территорию нашей страны.

Литература

1. Аналитический центр Юрия Левады [Электронный ресурс]. – URL: www.levada.ru/17-12-2012/v-rossii-74-pravoslavnykh-i-7-musulman (дата обращения: 07.01.2013).
2. Архиепископ Красноярский и Енисейский Антоний открыл конференцию «Духовная безопасность Красноярья» // Православное слово Сибири. – № 3 (38). – 2005.
3. Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Ислам и православно-мусульманские отношения в России в зеркале истории и социологии. – М.: Культурная революция, 2010. – С. 308.
4. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. – СПб.; М., 1895. – Т. 12, ч. 1: Восточная Сибирь. – С. XI.
5. Зорин В. Ю., Рудаков А. В. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Российской Федерации: проблемы раннего предупреждения и профилактики деструктивных явлений (на примере Приволжского федерального округа): моногр. – Н. Новгород: Ин-т ФСБ России, 2008. – 287 с.
6. Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними // Православное слово Сибири. – 2005. – № 5 (40).
7. Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (В связи с историей заселения Сибири). – М., 1902. – С. 327.
8. Копылов Д. И., Прибыльский Ю. П. Тобольск. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – 374 с.
9. Коран. 5:48.
10. Красноярский край [Электронный ресурс]: официальный портал // Развитие религиозных течений в Приенисейском крае. – URL: http://www.krskstate.ru/society/religions/belief (дата обращения: 25.02.2013).
11. Мактаб «Фатх» открывает Ислам для своих учеников [Электронный ресурс]. – URL: http://www.islamsib.ru/misc/dialog/156-maktab-lfatxr-otkryvaet-islam-dlya-svoix-uchenikov (дата обращения: 25.02.2013).
12. Муфтий Иркутской области: «Нужно много терпения» [Электронный ресурс]. – ULR: http://www.islamsib.ru/misc/dialog/552-muftij-irkutskoj-oblasti-nuzhno-mnogo-terpeniya (дата обращения: 25.02.2013).
13. Мухаметшин Р. М. Межрелигиозный диалог между христианством и исламом в России: мусульманская перспектива // Христианство и ислам в контексте современной культуры. – Бейрут: Эйдос, 2009. – С. 235–236.
14. Население, учтенное при Всероссийской переписи 2010 года. – URL: www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-01_02.pdf (дата обращения: 7. 01. 2013).
15. Организация объединенных наций [Электронный ресурс]. – URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml (дата обращения: 28.03.2014).
16. Осокин Г. М. Московия на Востоке // Русский разлив. – М.,1996. – Т. 2. – С. 145.
17. Представитель РПЦ выступил в крупнейшем исламском университете [Электронный ресурс]. – URL: http://www.newsru.com/religy/15jun2011/alazkhar.html (дата обращения: 26.02.2013).
18. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). – М., 1982. – С. 119−122.
19. Хоружий С. С. Диалог религий исторический опыт и принципиальные основания // Христианство и ислам в контексте современной культуры. – Бейрут: Эйдос, 2009. – С. 163−164.
20. Церковное дело в районе Сибирской железной дороги // Россия. Комитет Сибирской железной дороги (Материалы). Б.м., [1894]. – Т. 1. – С. 116.

References

1. Analiticheskiy tsentr Yuriya Levady [Levada Center]. Available at: www.levada.ru/17-12-2012/v-rossii-74-pravoslavnykh-i-7-musulman. (accessed 07.01.2013). (In Russ.)
2. Arkhiepiskop Krasnoyarskiy i Eniseyskiy Antoniy otkryl konferentsiyu “Dukhovnaya bezopasnost’ Krasnoyar’ya” [Archbishop of Krasnoyarsk and Yenisei Anthony opened the conference “Spiritual security Krasnoyarya”]. *Pravoslavnoe slovo Sibiri [Orthodox Word of Siberia]*, 2005, no 3 (38). (In Russ.)
3. Gavrilov Yu.A., Shevchenko A.G. Islam i pravoslavno-musul’manskie otnosheniya v Rossii v zerkale istorii i sotsiologii [Islam and Orthodox- Muslim relations in Russia in the mirror of history and sociology]. Moscow, Cultural Revolution Publ., 2010. 308 p. (In Russ.)
4. Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel’nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii. T. 12, ch. 1: Vostochnaya Sibir’ [Picturesque Russia. Our fatherland in its stead, historical, tribal, economic and consumer value. Vol. 12, part 1: Eastern Siberia]. St. Petersburg, Moscow, 1895, p. XI. (In Russ.)
5. Zorin V.Yu., Rudakov A.V. Mezhnatsional’nye i mezhkonfessional’nye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii: problemy rannego preduprezhdeniya i profilaktiki destruktivnykh yavleniy (na primere Privolzhskogo federal’nogo ok-

ruga) [Interethnic and interfaith relations in the Russian Federation of early warning and prevention of destructive phenomena (for example, the Volga Federal District)]. Nizhny Novgorod, Institute FSB Publ., 2008. 287 p. (In Russ.)
6. Kak khotite, chtoby s vami postupali lyudi, tak postupayte i vy s nimi [How do you want to bring with you unto others, so do you also to them]. *Pravoslavnoe slovo Sibiri [Orthodox Word Siberia]*, 2005, no 5 (40), (In Russ.)
7. Kir'yakov V.V. Ocherki po istorii pereselencheskogo dvizheniya v Sibir' (V svyazi s istoriey zaseleniya Sibiri) [Essays on the history migration movement in Siberia (In connection with the history of settlement of Siberia)]. Moscow, 1902, p. 327. (In Russ.)
8. Kopylov D.I., Pribylsky Yu.P. Tobolsk [Tobol'sk]. Tyumen, Vector BUK Publ., 2007. 374 p. (In Russ.)
9. Koran. 5:48.
10. Krasnoyarskiy kray: ofitsial'nyy portal [Krasnoyarsk Territory official portal]. *Razvitie religioznykh techeniy v Prieniseyskom krae [Development of religious movements in the Yenisei region]*. Available at: http://www.krskstate.ru/society/religions/belief (accessed 25.02.2013). (In Russ.)
11. Maktab "Fatkh" otkryvaet Islam dlya svoikh uchenikov ["Fatah" opens Islam for the students]. Available at: http://www.islamsib.ru/misc/dialog/156-maktab-lfatxr-otkryvaet-islam-dlya-svoix-uchenikov (accessed 25.02.2013). (In Russ.)
12. Muftiy Irkutskoy oblasti: "Nuzhno mnogo terpeniya" [Mufti of Irkutsk region: "We need a lot of patience"]. Available at: http://www.islamsib.ru/misc/dialog/552-muftij-irkutskoj-oblasti-nuzhno-mnogo-terpeniya (accessed 25.02.2013). (In Russ.)
13. Mukhametshin R. M. Mezhreligioznyy dialog mezhdu khristianstvom i islamom v Rossii: musul'manskaya perspektiva [Interfaith Dialogue between Christianity and Islam in Russia: Muslim Perspective]. *Khristianstvo i islam v kontekste sovremennoy kul'tury [Christianity and Islam in the context of contemporary culture]*. Beirut, Eidos Publ., 2009, pp. 235–236. (In Russ.)
14. Naselenie, uchtennoe pri Vserossiyskoy perepisi 2010 goda [Population, metered at the Russian census 2010]. Available at: www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-01_02.pdf. (accessed 07.01.2013). (In Russ.)
15. Organizatsiya ob'edinennykh natsiy [United Nations]. Available at: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc.shtml. (accessed 28.03.2014). (In Russ.)
16. Osokin G.M. Moskoviya na Vostoke [Muscovy in the East]. *Russkiy razliv [Russian spill]*. Moscow, 1996, vol. 2, p. 145. (In Russ.)
17. Predstavitel' RPTs vystupil v krupneyshem islamskom universitete [ROC representative made the largest Islamic University]. Available at: http://www.newsru.com/religy/15jun2011/alazkhar.html (accessed 26.02.2013). (In Russ.)
18. Uspenskiy B.A. Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey (relikty yazychestva v vostochnoslavyanskom kul'te Nikolaya Mirlikiyskogo) [Philological Researches in the field of Slavic Antiquities (relics of paganism in East Slavic cult of Nicholas of Myra)]. Moscow, 1982, pp. 119–122. (In Russ.)
19. Khoruzhiy S. S. Dialog religiy istoricheskiy opyt i printsipial'nye osnovaniya [Dialogue of Religions historical experience and principled grounds]. *Khristianstvo i islam v kontekste sovremennoy kul'tury [Christianity and Islam in the context of contemporary culture]*. Beirut, Eidos Publ., 2009, pp. 163–164. (In Russ.)
20. Tserkovnoe delo v rayone Sibirskoy zheleznoy dorogi [Church business in the area of the Siberian railway]. *Rossiya. Komitet Sibirskoy zheleznoy dorogi (Materialy) [Russia. Committee Siberian Railway (Materials)]*, 1894, vol. 1, p. 116. (In Russ.)

УДК 323.11

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОСТОЯНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ТЕЛЕНГИТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2013 ГОДА)[1]

Осипов Константин Иванович, старший научный сотрудник, лаборатория этносоциальной и этноэкологической геоинформатики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: Konstantin-osipov@yandex.ru

[1] Статья подготовлена при поддержке государственного задания №2014/64 и гранта РГНФ №13-01-170.

***Поддубиков Владимир Валерьевич*,** кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: poddub@gmail.com

В статье обобщаются данные, собранные авторами в процессе полевых исследований 2013 года, выполненных в рамках гранта Российского Гуманитарного Научного Фонда по теме «Геоинформационный мониторинг уязвимых компонентов этнокультурной среды в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных этносов Алтае-Саянского региона.

Ключевые слова: прикладная этнология, этнодемография, локальные сельские сообщества.

DEMOGRAPHIC ASPECTS OF THE TELENGIT ETHNO-CULTURAL ENVIRONMENT (BASED ON THE FIELD STUDIES OF 2013)

***Osipov Konstantin Ivanovich*,** Senior Researcher, Laboratory of Ethno-Social and Ethno-Ecological Geoinformatics, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: konstantin-osipov@yandex.ru

***Poddubikov Vladimir Valerievich*,** Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: poddub@gmail.com

The article presents statistic data collected by the authors during the 2013 fieldwork, which was conducted with financial support of Russian Foundation of Humanities in the frameworks of grant named "The geoinformation monitoring of ethno-cultural environment in the places of traditional residence and economic activity of Altay and Sayan indigenous peoples." This fieldwork was aimed to estimate the modern condition and probable ways of sustainable demographic development of small-numerous ethnic groups in context of their ethno-cultural environment change. The authors' focus is on several rural groups of the Telengits living in Ulagan and Kosh-Agach administrative districts of the Altai Republic (Russian Federation) which being considered from the point of view of their demographic and cultural stainability at present and in the nearest future.

The main source of scientific data used by the authors is the primary municipal statistics (in particular, the lists of households), which reflects the total Telengits' population amount, its gender and ethnic structure, the main indicators of its demographic movement. Also this research paper is based on the materials of interviews on the problem of small-numerous ethnic groups' demography. Geographically, this research covers the territories of Balyktuyul, Saratan, Kokoria, Mukhor-Tarkhata rural settlements.

Generally, the demographic situation, typical for the study area, reflects the stability features. The relatively high level of birthrate and at the same time not high level of mortality determinate the positive trend of population growth. It so probably that this positive trend will continue in the nearest time if sufficient social and economic transformations will not happen there. This is shown particularly by a sufficiently high level of fertility in the reproductive groups of females and also by the population's demographic relative youth.

The institute of family also can be characterized as relatively stable because of some elements of inter-family social links are commonly retained and actually being practiced now. Despite the significant proportion of simple and single-parent families in the examined groups of telengits, a significant proportion have multigenerational families. This fact has a great significance as the complex forms of family organization are closely linked with traditional economic and cultural practices and in this means can be considered as important base for ethno-cultural environment sustainability.

Keywords: applied ethnology, ethnic demography, local rural communities.

Проблематика сохранения и устойчивого развития этнокультурного наследия малочисленных этносов, исключительно актуальная в контексте современных трендов культурной глобализации, в настоящее время нуждается не только в научно-теоретическом осмыслении и выработке мето-

дологических подходов к анализу причин и факторов сворачивания традиционных культурных практик, но и, что особенно важно, в формировании эмпирической базы, достаточной для непрерывного мониторинга состояния наиболее уязвимых компонентов этнокультурной среды. Решению именно данной задачи посвящена настоящая работа, основанная на материалах полевых исследований 2013 года в местах традиционного проживания теленгитов Республики Алтай. Исследование проведено коллективами лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики Кемеровского государственного университета и кафедры музейного дела Кемеровского государственного университета культуры и искусств в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда «Геоинформационный мониторинг уязвимых компонентов этнокультурной среды в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных этносов Алтае-Саянского региона».

На этапе 2013 года в фокусе исследования оказались демографические аспекты традиционных культурных практик коренной малочисленной народности – теленгитов. В этой своей части исследование исходило из гипотезы о существенном влиянии демографических процессов, протекающих в среде индигенного сообщества, на реально имеющийся потенциал сохранения и устойчивой практики элементов традиционной этнической культуры. С другой стороны, важным представляется и то обстоятельство, что сама демографическая структура коренного населения, изменяющаяся в условиях макропроцессов демографического перехода, может в отдельных случаях представлять собой уязвимый компонент этносистемы. Иными словами, для устойчивой практики живой традиционной культуры сообщество в первую очередь должно обладать достаточным потенциалом демографического воспроизводства. В противном случае, при сужении круга носителей этнической традиции, сама она вряд ли может эффективно воспроизводиться и неминуемо будет сворачиваться.

В процессе полевых исследований 2013 года были собраны и проанализированы данные первичной статистики населения с целью количественной оценки численности, половозрастной и этнической структуры населения теленгитов, а также процессов его демографического развития. При этом основным источником информации послужили книги похозяйственного учета населения Балыктуюльского, Саратанского, Кокоринского и Мухор-Тархатинского сельских поселений, отнесенных Распоряжением Правительства РФ № 631-Р от 08.05.2009 к числу мест традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. В значительной степени статистические сведения были также дополнены результатами экспертных опросов и интервью с представителями местных органов власти, медицинскими работниками и представителями национальных объединений по вопросам современного этнодемографического развития теленгитов, причин и факторов текущих этнодемографических процессов. Таким образом, совокупность анализируемых данных позволила дать оценку текущего демографического положения обследованных групп теленгитов, а также определить, в какой степени имеющийся у них демографический потенциал устойчив и достаточен ли он для сохранения традиционных хозяйственных практик и сопутствующих им элементов традиционной культуры.

Основу традиционной хозяйственной специализации теленгитов Республики Алтай составляет скотоводство с элементами как стойловой, так и кочевой моделей содержания животных. В настоящее время эта отрасль домашнего хозяйства для многих семей является важной с точки зрения жизнеобеспечения. При этом стоит отметить, что высокий уровень значимости традиционно-хозяйственной практики – в большей степени результат социально-экономических трансформаций последних десятилетий, которые актуализировали традиционные формы жизнеобеспечения на фоне общего сужения возможностей сельских групп теленгитов на получение иных источников дохода. Объективно сегодня значительная часть домохозяйств, учитываемых в книгах похозяйственного учета, состоит в основном из лиц, не имеющих постоянных мест работы, но при этом показатели обеспеченности скотом достаточно высоки, что, по сути, подтверждает факт высокой значимости традиционного хозяйства как фактора жизнеобеспечения.

Разводят теленгиты в основном мелкий и крупный рогатый скот, который в летний период содержится на дальних пастбищах. Иногда на летних пастбищах несколько стад сгоняется в одно. Чаще всего так поступают родственники, которые поочереди живут на летних пастбищах, присматривая за стадом. Осенью стада начинают перегонять в направлении зимнего пастбища, которое значительно ближе расположено по отношению к местам постоянного проживания населения. К этому времени на зимних пастбищах, как правило, уже собраны запасы сена. Одновременно происходит основной убой скота, как с целью коммерческой реализации мяса, так и для достижения соответствия между количеством скота, содержащегося на зимних пастбищах, и заготовленного сена.

Стоит отметить, что большинство производственных процессов в рамках традиционной хозяйственной модели теленгитов, таких как летний выпас, зимнее содержание скота, его сезонный забой, а также заготовка сена, являются экстенсивными и в значительной степени трудозатратными. Они требуют не только упорядоченной системы пастбищеоборота, но и значительного количества рабочих рук, которым должно располагать хозяйствующее сообщество. Учитывая, данное обстоятельство, крайне интересно проанализировать хотя бы основные демографические параметры обследованных групп теленгитов. Это позволит проверить гипотезу, неоднократно высказывавшуюся в научной литературе [2; 3], о том, что сохраняющиеся у коренных малочисленных этносов основы хозяйственной жизни часто оказываются взаимосвязанными и с тенденциями возврата к элементам традиционного демографического уклада. Более всего это проявляется в ориентации традиционно-хозяйственных сообществ на возобновление сложных форм структуры семьи и расширенное воспроизводство, что фиксировалось, к примеру, по некоторым общинам шорцев с высоким уровнем промысловой специализации [2].

Обследованные нами группы населения в местах традиционного проживания теленгитов в значительной степени гомогенны в этническом отношении: повсеместно именно коренной малочисленный этнос составляет численное большинство. Однако здесь необходимо отметить, что в настоящее время теленгиты преимущественно обладают биэтнической идентичностью. Существенная часть этноса определяет себя как представителей алтайской общности, указывая при этом и на существование элементов теленгитской идентичности. В этом смысле четко определить этнический состав обследованных групп населения невозможно, поскольку сам факт существования теленгитской идентичности является предметом непрекращающейся дискуссии, вышедшей на уровень не только этнологических штудий, но и политического дискурса [1; 5; 6]. С этим связана и другая сложность, заключающаяся в том, что в книгах похозяйственного учета населения практически все теленгиты указаны как алтайцы, что, возможно, объясняется этнополитическим фактором, в известном смысле препятствующим самоопределению теленгитов. Поэтому, несмотря на большую долю жителей с неуказанной национальностью, мы в своем исследованием будем считать население данной территории все-таки моноэнтичным и в основном теленгитским.

Таблица 1

Численность и этнический состав обследованных групп населения

Населенные пункты	Алтайцы/ Теленгиты	Русские	Казахи	Другие	Не указано	Всего
Балыктуюльское с/п *в том числе:*	1396	3	-	-	487	1886
п. Балыктуюль	1116	-	-	-	380	1496
п. Паспарта	279	3	-	-	108	390
Саратанское с/п *в том числе:*	399	-	-	-	755	1155
п. Саратан	1331	-	-	-	755	886
п. Язула	269	-	-	-	-	269
Кокоринское с/п	1275	-	-	2	77	1354
Мухор-Тархатинское с/п	942	-	57	3	43	1045

В целом демографическую ситуацию, сложившуюся на территории Балыктуюльского сельского поселения, можно охарактеризовать как достаточно устойчивую. Относительно высокий уровень рождаемости и небольшой коэффициент смертности (табл. 2) в итоге дают положительный естественный прирост населения. На наш взгляд,

такая положительная тенденция сохранится, по крайней мере, в ближайшее время. На это указывает и достаточно высокий уровень фертильности у женщин, и общая демографическая молодость его населения. Кроме того, небольшая доля лиц старшего поколения не даст, в ближайшее время, высоких показателей смертности, что позволит сохранить положительный прирост даже при некотором сокращении темпов рождаемости.

В пределах Саратанской сельской территориивысокие темпы роста во многом обеспечены за счет низкого уровня смертности. В настоящее время удельный вес лиц старшего поколения невысок, но постепенно увеличивается, приближая население к состоянию демографической старости. Кроме того, в связи с растущей долей старших возрастных групп в составе населения в будущем может произойти рост показателей смертности и, как следствие, снижение темпов естественного прироста.

На территории Кокоринского сельского поселения зафиксирован незначительный, по сравнению с другими территориями, прирост населения. Однако коэффициент фертильности в достаточной мере указывает на склонность местного населения к воспроизводству. Доля стариков не высока и в целом соответствует состоянию демографической молодости.

О демографическом положении населения Мухор-Тархатинской сельской администрации можно говорить как о достаточно устойчивом. Высокий показатель коэффициента фертильности свидетельствует об ориентации на расширенное воспроизводство, и хотя уровень естественного прироста в настоящее время невысок, все же в поселке можно отметить стабильный рост населения. Демографическая молодость населения п. Мухор-Тархата также склоняет к относительно позитивным прогнозам демографического развития.

Половозрастные структуры обследованных групп населения теленгитовв в целом можно отнести к прогрессивному типу, за исключением населения Кокоринской территории (рис. 3). Здесь отчётливо видно сокращение рождаемости на протяжении последних 25 лет, и только с 2004 по 2009 годы наблюдался резкий всплеск рождаемости. Исходя из этого стоит ожидать естественного сокращения численности жителей с. Кокоря в ближайшее время.

Таблица 2

Основные показатели естественного движения в обследованных группах населения

Населенные пункты	Коэффициент рождаемости, %	Коэффициент смертности, %	Естественный прирост, %	Коэффициент фертильности, %	Удельный вес стариков, %	Удельный вес детей, %	Демографическая нагрузка, %
Балыктуюльская с/а *в том числе:*	22,9	8,6	14,3	25,2	8,4	26,3	56,6
п. Балыктуюль	24,0	8,5	15,5	26,2	7,0	25,9	56,8
п. Паспарта	18,9	8,8	10,1	21,4	8,8	27,4	56,1
Саратанская с/а *в том числе:*	28,9	4,6	24,3	64,6	7,8	30,0	63,4
п. Саратан	31,5	4,9	26,6	69,7	8,1	30,0	65,5
п. Язула	20,01	3,7	16,4	48,4	6,7	28,6	56,9
Кокоринская с/а	10,4	6,2	4,2	26,2	6,9	23,0	44,3
Мухор-Тархатинская с/а	28,8	1,0	27,8	63,3	6,0	26,7	59,3

Ситуация в п. Балыктуюль (рис. 1) также не вполне однозначна. На первый взгляд, заметно увеличение уровня рождаемости при смене поколений, однако здесь стоит обратить внимание на предшествующее росту рождаемости его достаточно длительное снижение. Можно предположить, что наблюдаемый подъем деторождения во многом связан с общей стабилизацией социально-экономической ситуации. Однако, на наш взгляд, более верным является предположение о том, что главной причиной всплеска рождений явилось введение государством таких стимулирующих мер, как «материнский» капитал. В итоге, демографическую ситуацию, характерную для Балыктуюльской сельской территории, все же можно в целом охарактеризовать как положительную, но не вполне устойчивую. Любые изменения социально-экономического порядка могут усилить регрессивные тенденции и сказаться на снижении показателей демографического воспроизводства.

Некоторое сокращение рождаемости уже можно отметить на материале п. Язула Саратан-

ского поселения (рис. 2). Если этот процесс продолжится, демографическая ситуация, которая пока определяется как положительная, приобретет регрессивные черты. В п. Саратан сокращения темпов рождаемости не наблюдается, однако и рост рождаемости здесь в основном совпадает со временем введения стимулирующих мер со стороны государства, приостановление которых может негативно сказаться на уровне рождаемости в местных сообществах.

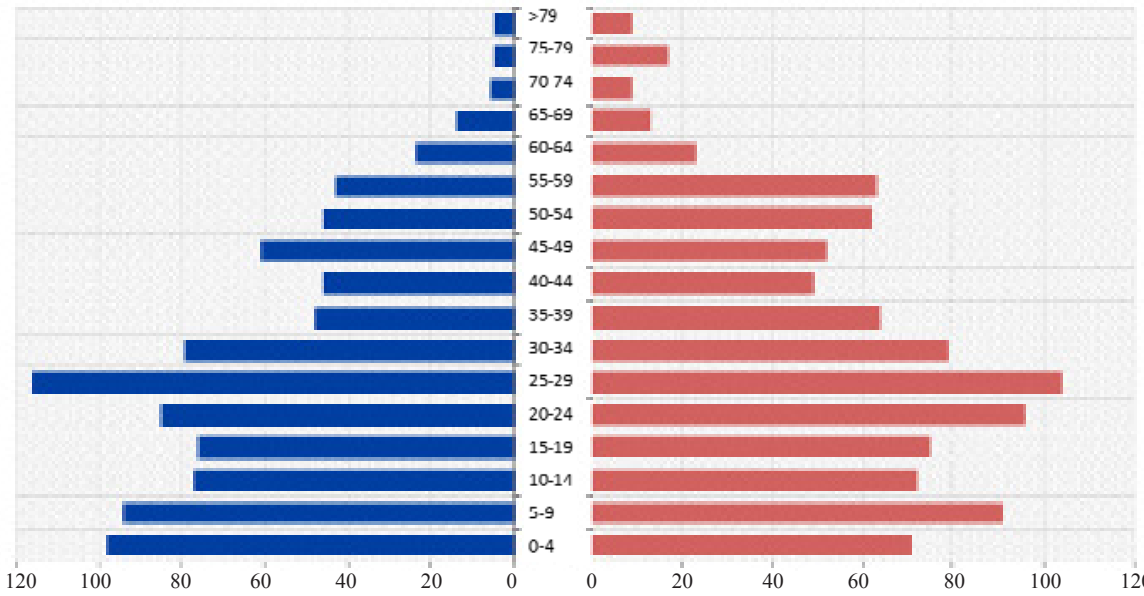


Рисунок 1. Половозрастная пирамида Балыктуюльской сельской администрации

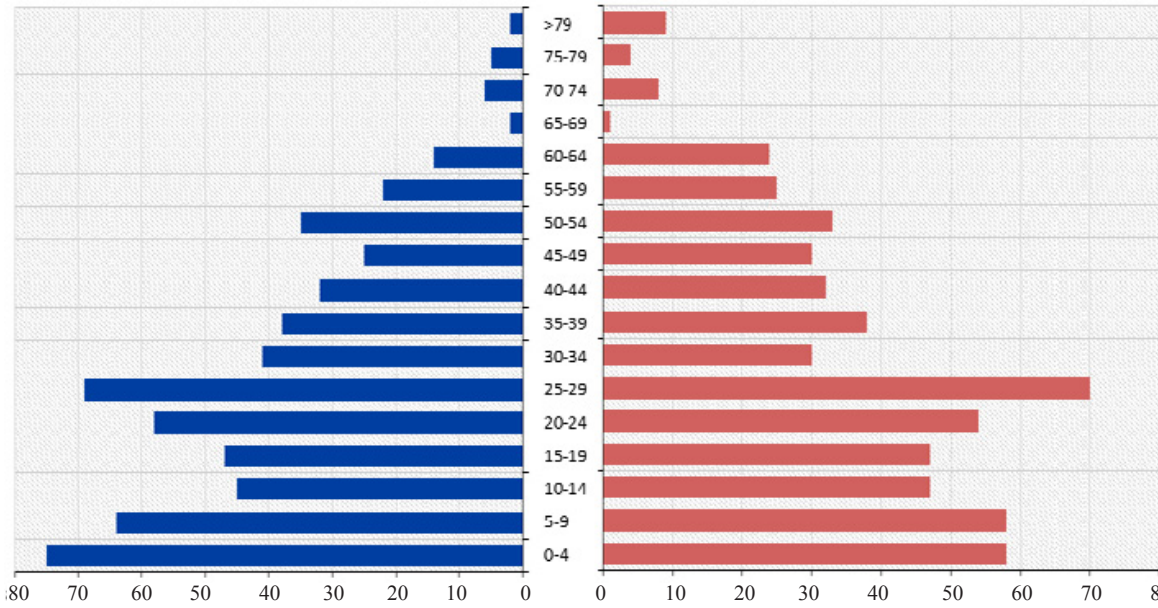


Рисунок 2. Половозрастная пирамида населения Саратанской сельской администрации

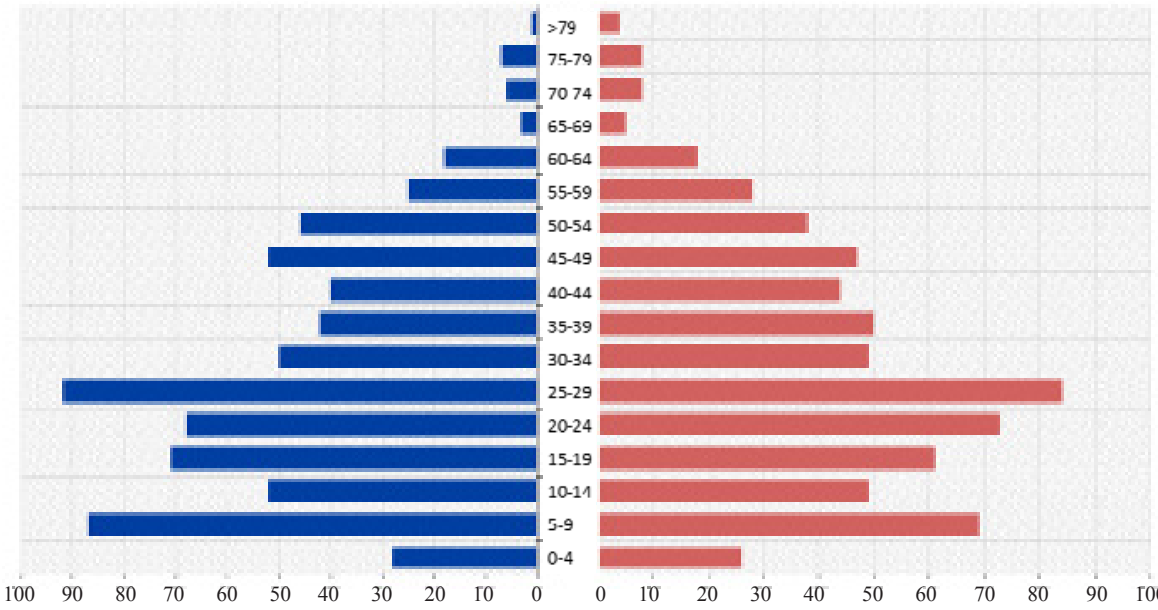


Рисунок 3. Типология семей по занятости Кокоринской сельской администрации

Большое значение для настоящего исследования имеет также состояние института семьи в отношении ее структуры и основных демографических показателей. Несмотря на то, что преобладающим типом семьи на всем обследованном пространстве являются простые полные и простые неполные семьи (табл. 3), значительную долю составляют и семьи многопоколенные, что свидетельствует о частичном сохранении традиционных форм социальной организации, основанных на семейных связях. В данном случае высокий удельный вес сложных по составу семей свидетельствует о способности местного населения поддерживать основные компоненты традиционной социальной организации и образа жизни.

При распределении семей по сложности выявлена большая доля сложных неполных семей. Это объясняется тем, что обычно первые несколько лет молодая семья живет у родителей одного из супругов и лишь по прошествии нескольких лет обзаводится собственным жильем [4]. Кроме этого, небольшая доля простых неполных семей указывает на устойчивость заключаемых браков.

Анализ распределения семей по уровню детности (табл. 4) показывает достаточно высокий удельный вес трехдетных семей, что позволяет сделать вывод о частичном сохранении ориентации на расширенное воспроизводство, несмотря на достаточно небольшую долю многодетных (более трех детей) семей. Доля бездетных семей, с учетом семей пенсионеров, составляет 47,6 %.

Таблица 3

Типология семей по составу

Населенные пункты	Простая неполная, %	Простая полная, %	Сложная неполная, %	Сложная полная, %
Балыктуюльская с/а *в том числе:*	39,1	43,1	17,0	0,8
п. Балыктуюль	39,0	40,9	19,0	1,1
п. Паспарта	39,2	51,5	9,3	0,0
Саратанская с/а *в том числе:*	37,3	31,4	31,1	0,3
п. Саратан	34,1	34,1	31,4	0,4
п. Язула	46,2	23,7	30,1	0,0
Кокоринская с/а	13,7	28,3	55,0	3,1
Мухор-Тархатинская с/а	24,4	28,6	44,0	3,0

Таблица 4

Типология семей по детности

Населенные пункты	Бездетные семьи, %	Одно-детные семьи, %	Двух-детные семьи, %	Трех-детные семьи, %	Много-детные семьи, %
Балыктуюльская с/а *в том числе:*	47,6	22,0	25,0	12,2	3,2
п. Балыктуюль	49,1	23,6	16,0	11,3	0,0
п. Паспарта	48,0	19,0	13,0	17,0	3,0
Саратанская с/а *в том числе:*	51,7	19,7	18,1	7,8	2,8
п. Саратан	51,2	20,8	19,2	8,8	0,0
п. Язула	57,0	18	16	6	3
Кокоринская с/а	42,9	29,1	19,5	7,5	0,9
Мухор-Тархатинская с/а	45,7	17,1	21,4	8,5	7,3

В целом по результатам проведенного исследования можно отметить, что современное демографического положение теленгитов создает необходимый и относительно устойчивый потенциал для сохранения традиционных хозяйственных практик и сопряженных с ними компонентов этнической кульутры. Часть обследованных территорий имеет выраженную прогрессивную направленность текущих демографических процессов (пп. Мухор-Тарахата, п. Саратан), другая же часть в настоящее время балансирует на грани регрессивных тенденций.

Литература

1. Екеев Н. В. К проблеме образования алтайского этноса // Вестн. Северо-Восточн. федерал. ун-та им. М. К. Аммосова. – 2013. – Т. 10. – № 5. – С. 146–151.
2. Осипов К. И. Этнические группы в этноконтактных районах Кузбасса: институт семьи в условиях демографического перехода (по данным этнологического мониторинга 2010–2011 годов) // Славянский мир. Диалог культур: сб. науч. ст. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2011. – Т. 2. – С. 192–202.
3. Осипов К. И. Социально-демографическое состояние сельских территорий Междуреченского района Кемеровской области // Социогуманитар. вестн. – 2013. – № 3 (12). – С. 44–50.
4. Осипов К. И. Полевой дневник 2009–2014 годов. – С. 120.
5. Тадина Н. А., Ябыштаев Т. С. О современной этничности алтайцев в свете их этнокультурных традиций // Мир Евразии. – 2009. – № 2. – С. 61–64.
6. Чемчиева А. П. Проблема этнической идентичности алтайских субэтносов в общественном дискурсе Республики Алтай // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 18. – С. 421–424.

References

1. Ekeev N.V. K probleme obrazovaniya altayskogo etnosa [On the problem of the formation of the Altai ethnicity]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo univesiteta im. M. K. Ammosova [Herald North-Eastern Federal University M.K. Ammosova],* 2013, vol. 10, no 5, pp. 146–151. (In Russ.)
2. Osipov K.I. Etnicheskie gruppy v etnokontaktnykh rayonakh Kuzbassa: institut sem'i v usloviyakh demograficheskogo perekhoda (po dannym etnologicheskogo monitoringa 2010–2011 goda.) [Ethnic groups in ethnocontact Kuzbass areas: institution of the family in terms of the demographic transition (according to Ethnic Monitoring of 2010–2011)]. *Slavyanskiy mir. Dialog kul'tur. Sbornik nauchnykh statey [Slavic world*, *Dialogue of Cultures. Collection of scientific articles*]. Kemerovo, Kemerovo State University of Culture and arts Publ., 2011, vol. 2, pp. 192–202. (In Russ.)
3. Osipov K.I. Sotsial'no-demograficheskoe sostoyanie sel'skikh territoriy Mezhdurechenskogo rayona Kemerovskoy oblasti [Socio-demographic situation in Mezhdurechensk rural areas of Kemerovo region]. *Sotsiogumanitarnyy vestnik*, 2013, no 3 (12), pp. 44–50. (In Russ.)
4. Osipov K.I. Polevoy dnevnik 2009–2014 goda [Field diary for 2009–2014], p. 120. (In Russ.)
5. Tadina N.A., Yabyshtaev T.S. O sovremennoy etnichnosti altaytsev v svete ikh etnokul'turnykh traditsiy [About modern Altai ethnicity in light of their ethno-cultural traditions]. *Mir Evrazii [World Eurasia]*, 2009, no 2, pp. 61–64. (In Russ.)
6. Chemchieva A.P. Problema etnicheskoy identichnosti altayskikh subetnosov v obshchestvennom diskurse Respubliki Altay. [The problem of ethnic identity of the Altai subethnoses in the public discourse of the Altai Republic]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archeology, ethnography, anthropology, Siberia and adjacent territories]*. Novosibirsk, IAET SO RAN, 2012, vol. 18, pp. 421–424. (In Russ.)

УДК 902/904

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА НА РЕКЕ ТОМИ У ЮГО-ЗАПАДНЫХ ГРАНИЦ НИЖНЕТОМСКОГО ОЧАГА НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Баштанник Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, лаборатория археологии, Институт экологии человека Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: abai@yandex.ru

Соколов Павел Геннадьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, лаборатория археологии, Институт экологии человека Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: abai@yandex.ru

В статье излагаются результаты археологической разведки в Среднем Притомье, описываются материалы новооткрытых археологических памятников, даётся их хронологическая и культурно-историческая интерпретация.

Ключевые слова: Среднее Притомье, археологическая разведка, новокусковская, ирменская, кулайская, лачиновская археологические культуры.

ARCHAEOLOGICAL RECONNAISSANCE ON THE TOM RIVER AT THE SOUTH-WESTERN BORDERS OF LOWER TOM FOCUS OF ROCK ART

Bashtannik Sergey Vasilievich, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: abai@yandex.ru

Sokolov Pavel Gennadievich, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: abai@yandex.ru

Middle flow of the river Tom is little studied archeologically. Prior to our archaeological exploration here was known only 26 archaeological sites, and during its been open two more ones. In 1905 was discovered the so-called “Elykayevo buried treasure” (near Elykayevo villege) containing examples of art of the Middle Ages. In the 1970s it was discovered and studied fortified settlement of Late Bronze Age (Irmenskaya archeological culture) Liuskus-1. After long pause archeological studies have been continued in 2007 by authors of this article. The route of archaeological reconnaissance has been traced along middle flow of the river Tom. Careful attention was paid to survey its coasts, especially at the confluence of its tributaries. So managed to open two new archaeological sites.

One of them is Peshcherka-1, it is situated on the right bank of the Tom River at the confluence of the small river Peshcherka. Here were produced trimmings of taluses of river’s bank and made several exploratory holes. Artifacts, extracted here are the waste production of stone tools (flakes), stone leaf-formed pike of arrow, which dates back to the Eneolithic epoch, several fragments of ceramic wares, decorated clay molds, that allows to refer them to early medieval Lachinovskaya archeological culture VI – IX AD.

The second site is the Zhurgavan-1, which is situated on the right bank of the Tom River at the confluence of the its inflow Promyshchlennaya river in 300 meters downstream by Tom from the modern village Zhurgavan. Here at the present surface were detected traces of six ancient dwellings in the form of depressions diameter 3–6 meters and a depth of 0.2–0.3 m. Also have been found fragments of ceramic wares belonging to Kulayskaya archeological culture of Iron Age (VI BC – III AD) and Lachinovskaya archeological culture VI – IX AD.

Comparison of all the materials obtained with the previously known data allowed to establish presence in the studying area three cultural-historical complexes:

1) Novokuskovskaya eneolithic archeological culture IV – III millennium BC,
2) Irmenskaya of Late Bronze Age (XII – VIII BC),
3) Kulayskaya archeological culture of Iron Age (VI BC – III AD),
4) Lachinovskaya archeological culture of early medieval period (VI – IX AD),
5) Pottery and iron wares of Russian period (from XVII – XVIII AD).

Keywords: Middle flow of the river Tom, archaeological reconnaissance, Irmenskaya, Kulayskaya, Lachinovskaya archeological cultures.

Район, избранный для проведения археологической разведки, результаты которой излагаются ниже, расположен в северной части Среднего Притомья, и мало изучен в археологическом отношении. Этим и была вызвана необходимость поиска новых археологических памятников, материалы которых стали бы источниковой базой для решения вопросов его древней и средневековой истории. До разведки здесь только в административных границах Кемеровского района было зафиксировано 7 археологических памятников (поселения) и 6 случайных местонахождений артефактов. Результатом разведочных работ стало открытие ещё двух поселений: Жургавань-1 и Пещерка-1 (рис. 1).

Район исследования расположен в северо-восточной части Кузнецкой котловины, в подтаежной и лесостепной ландшафтных зонах, в среднем течении р. Томи, которая, пересекая территорию района с юга на север, имеет здесь ширину от 330 до 450 м. Пойма Томи развита асимметрично, главным образом по левому берегу реки. На правом берегу часто встречаются скальные выходы.

Первые сведения о находках древностей на территории Среднего Притомья относятся к началу XX века. В 1905 году обнаружен так называемый «Елыкаевский клад». Он представляет из себя коллекцию предметов средневекового бронзового культового литья и вооружения, обнаруженных при вспашке полей у села Елыкае-

Рисунок 1. Расположение археологических памятников у юго-западных границ Нижнетомского очага наскального искусства

во. Среди предметов – бронзовое зеркало, личина, фигурка стоящего медведя со стилизованной фигуркой человека между его лап, фигурка лося, выполненная в скелетном стиле, изображение лошади с непропорционально маленьким всадником. Оружие представлено железными палашами со скошенным острием, прямой и слегка наклонной рукоятью с кольцевым навершием, мечами, кинжалами, трехлопастными железными наконечниками стрел и наконечниками копий [19, с. 120–135].

А. И. Мартынов в 1959–1960 годах частично раскопал городище Верхотомское и обследовал 3 кургана у с. Елыкаево. В 1962 году им же на территории пригородного посёлка Металлплощадка были обнаружены кости животных, отщепы и заготовки каменных орудий предположительно эпохи неолита. В 1962 году на правом берегу р. Томи А. И. Мартыновым было обнаружено несколько памятников у с. Старочервово.

Г. П. Сафронюк и В. Н. Алексеев в 1958–1959 годах открыли и обследовали городища Городок, Старочервово-3 и Старочервово-4.

Памятники эпохи палеолита обследовались А. И. Мартыновым в 1967 году (Осиновка) и С. В. Маркиным в 1977 году (Шумиха).

В непосредственной близости от г. Кемерово памятники археологии обследовались в 1970-е годы. В. В. Бобровым и А. В. Циркиным (Люскус-1, Люскус-2) и А. М. Кулемзиным (Сухово) [17, с. 8, 60–63].

Поселение Пещерка-1. Географические координаты памятника 55^0 36,210′ с. ш., 85^0 43,806 в. д., высота над уровнем моря по Балтийской системе высот 119 м. Поселение расположено на правом берегу р. Томи при впадении в неё р. Пещерка, на мысовидном участке высокой незатопляемой поймы Томи между р. Пещерка и мощным скальным выходом. Поверхность памятника обильно заросла высокой сорной растительностью.

Произведены зачистки береговых осыпей. Зачистка 1-я имеет в длину 290 см. Установлена следующая стратиграфия: 1) дерновый слой мощностью 15–20 см; 2) тёмно-серая гумусированная супесь мощностью 23–50 см; 3) с глубины 48–70 см начинается тёмно-серая слабо гумусированная супесь, переходящая в жёлтый материковый суглинок. Находки концентрировались в нижней части слоя 2-го и в слое 3-м. Они представлены каменным наконечником стрелы листовидной формы и размерами 2,8 х 4,3 см, обработанном по краям ретушью (рис. 2 А), скребком (орудие для обработки кожи) из чёрного кремня (рис. 2 Б), отщепами и пластинчатыми отщепами (отходы производства каменных орудий) с хорошо заметными ударными бугорками (рис. 2 В);

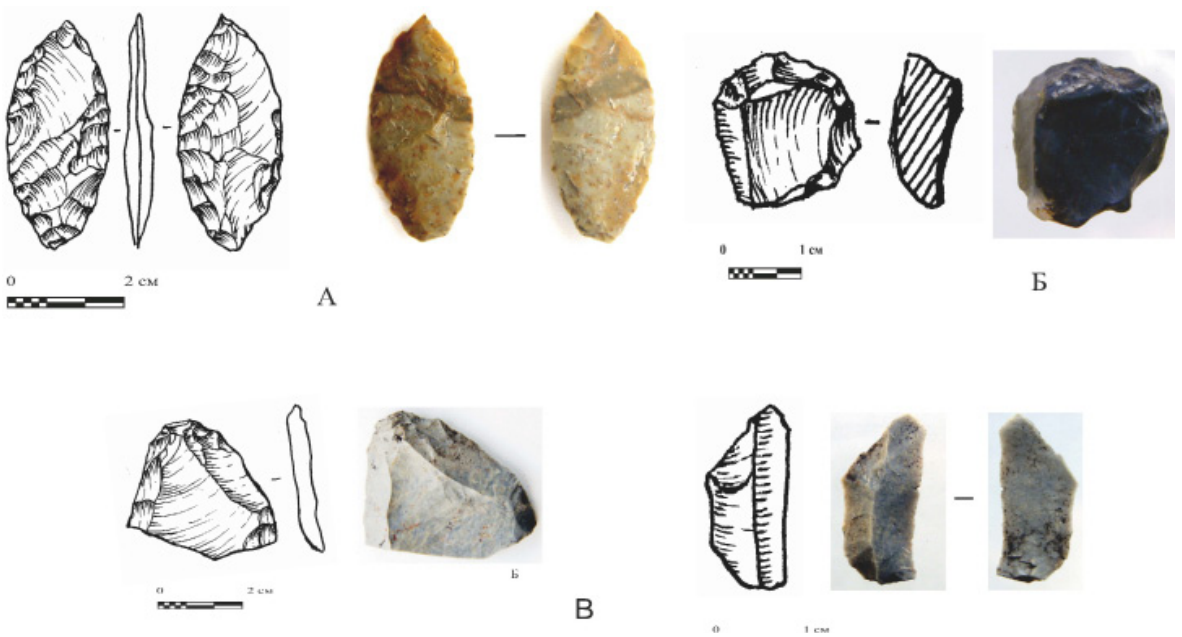


Рисунок 2. Находки на поселении Пещёрка-1. А – наконечник стрелы, Б – скребок, В – отщепы

расколотыми пополам речными гальками с ровной поверхностью; микрочешуйками и сколами. Интересна находка каменной наковаленки с углублениями от ударов и следами от «чиркающих» ударов. Подобная наковаленка могла использоваться как подставка для обработки камня и изготовления каменных орудий (рис. 3 А).

Зачистка 2-я сделана в 30 м к юго-западу от зачистки 1-й и имеет протяжённость 150 см. Установлена следующая стратиграфия: 1) дерновый слой мощностью 5–20 см, 2) тёмно-серая гумусированная супесь мощностью 30 см; 3) на глубине 46–50 см начинается тёмно-серая слабо гумусированная супесь, переходящая в жёлтый материковый суглинок. При зачистке этого обнажения обнаружен фрагмент керамики, украшенный налепным орнаментом в виде трёх валиков (рис. 3 Б) и несколько неорнаментированных фрагментов.

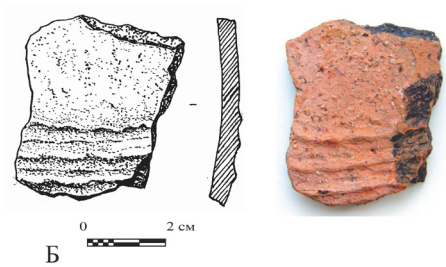


Рисунок 3. Находки на поселении Пещёрка-1.
А – каменная наковаленка,
Б – керамика лачиновской культуры

Для определения границ памятника и уточнения стратиграфии заложено два шурфа. Шурф 1-й заложен в 18 метрах к западу-юго-западу от зачистки 1-й. Установлена следующая стратиграфия: 1) дерновый слой мощностью до 10–11 см; 2) тёмно-серая гумусированная супесь мощностью 69–99 см; 3) на глубине 85–107 см начинается жёлтый материковый суглинок. На глубине 23–25 см обнаружено 3 фрагмента неорнаментированной керамики со следами закопчённости на внутренней поверхности и зуб дикого жвачного животного.

Шурф 2-й заложен в 22 м к северу от шурфа 1. Установлена следующая стратиграфия: 1) дерновый слой мощностью до 8 см; 2) тёмно-серая гумусированная супесь мощностью 41–54 см; 3) на глубине 58–68 см начинается жёлтый материковый суглинок. Находок не обнаружено, поэтому можно считать точку этого шурфа северо-восточной границей памятника.

Комплекс полученных артефактов позволяет определить хронологические рамки существования поселения: наконечник стрелы листовидной формы имеет аналогии в материалах энеолитического могильника на Старом Мусульманском кладбище (могила IV), расположенном ниже г. Томск по течению р. Томи. Энеолит Томского Приобья рассматривается Ю. Ф. Кирюшиным в качестве раннего этапа новокусковской археологической культуры и датируется IV–III тыс. до н. э. [9, с. 25, 28, 135, рис. 2 (15, 16)].

Обилие отходов обработки камня и инструментарий – наковаленка, позволяют предположить хозяйственную специализацию энеолитического периода существования поселения как специализированной производственной площадки по изготовлению каменных орудий.

Общее состояние памятника можно определить как удовлетворительное. Зафиксированы лишь природные нарушения поверхности: зарастание кустарником, береговая абразия, ветровая и водная эрозия, оползни.

Поселение Жургавань-1. Географические координаты памятника 55º 17.201′ с. ш., 86º 14.413′ в. д., высота над уровнем моря по Балтийской системе высот 122 м. Поселение расположено на правом берегу р. Томи, в 900 м. к северу от д. Жургавань (на некоторых картах так же используются названия Журавлёвская гавань, Журавлёва гавань). Это ближайший к памятнику

населённый пункт. В 300 м к востоку проходит дорога, соединяющая деревни Журавлёво и Жургавань. В 1500 м к северо-северо-востоку находится д. Журавлёво. Поселение находится на высокой пойме р. Томи, на мысовидном выступе высотой 3 м, образованном при впадении в Томь старого пересохшего русла р. Промышленная. При осмотре береговой осыпи обнаружен подъёмный материал – фрагменты керамики.

Площадь поселения задернована и покрыта луговой растительностью. В ходе осмотра месторасположения памятника выявлено шесть жилищных западин. Все они примыкают к обрыву и представляют собой углубления округлой или овальной формы размерами от 3 х 4 до 3,5 х 5 м, глубиной 0,2–0,3 м.

При осмотре береговой осыпи в районе расположения западины 4-й в грунте коричневого цвета были обнаружены фрагменты обугленной древесины. Они залегают на глубине 65 см от современной поверхности и имеют протяжение в длину 80 см. Максимальная толщина горелого дерева достигает 5 см. Не исключено, что это остатки какой-то конструкции.

Подъёмный материал представлен керамикой в количестве 30 фрагментов, 18 из которых имеют орнамент. Сравнение орнаментированной керамики с уже известными материалами Среднего и Нижнего Притомья позволило выделить четыре её хронокомплекса.

Первый представлен керамикой ирменской культуры резным по технике нанесения орнаментом, представляющим геометрические фигуры – треугольники или ромбы.

В 4 километрах ниже по течению Томи от поселения Жургавань-1 расположено городище Люскус-1. Городище Люскус-1 открыто на высоком правом берегу Томи при впадении в неё р. Люскус в 1972 году А. В. Циркиным, а в 1976–1978 годах раскапывалось В. В. Бобровым. В культурном слое памятника распространена керамика ирменской культуры поздней бронзы (XIV–XI века до н. э.). Среди материалов городища много предметов из цветного металла. Украшения представлены бляшками – пуговицами, гвоздевидными подвесками, пронизками и гофрированными трубочками с остатками кожаных ремешков внутри. Из орудий труда – кельт-тесло шестигранного сечения с петлевидным ушком на лицевой стороне и валиком в верхней части, обломки ножей и втульчатое тесло. Такое обилие бронзовых изделий не характерно для поселенческих комплексов ирменской культуры [2, с. 47–59].

В 1982 году на этом памятнике обнаружен бронзовый кинжал, имеющий аналогии среди оружия Юго-Восточной Европы, прежде всего в гава-голиградской культуре Венгрии и Закарпатской Украины [4, с. 65–68]. Их появление в Южной Сибири объясняется существованием транзитных связей в рамках общности культур, существовавших в эпоху поздней бронзы от ареала карасукской культуры на Верхнем Енисее до Дуная и Карпат [21].

Имеются сведения о находках ирменской керамики на противоположном берегу р. Томи, на оз. Суховское, у д. Сухово [17, с. 62–63].

Таким образом, здесь, в излучине Томи в период поздней бронзы существовала группа поселений ирменской культуры, центральным из которых, судя по богатству материалов, было городище на р. Люскус, а остальные – периферийными, возможно, сезонного обитания. Хозяйственной основой быта их населения была эксплуатация природных богатств водоёмов и леса, придомное скотоводство и, возможно, земледелие.

Второй хронокомплекс относится к раннему железному веку. Представлен фрагментом венчика и несколькими неорнаментированными фрагментами. Фрагмент венчика представляет собой черепок трапециевидной формы размерами 3,7 х 2,5 см, толщиной 0,7–0,8 см. Венчик прямой, скошенный наружу вверх, подтреуголной формы. Под венчиком на внешней стороне оттиски наклонной отступающей палочки, перемежающиеся «жемчужинами». На внутренней стороне отверстия диаметром 0,2–0,3 см, образовавшиеся от надавливания тонкого орнаментира, использовавшегося при моделировании «жемчужин». Также сохранился нагар. На изломе – полость, образовавшаяся при надавливании такого орнаментира. Черепок легкий, пористый, прочный. В тесте примесь дресвы – фрагменты белого кварцита. Цвет тёмно-коричневый. На внутренней поверхности следы чёрного нагара. Техника изготовления лепная (рис. 4 А).

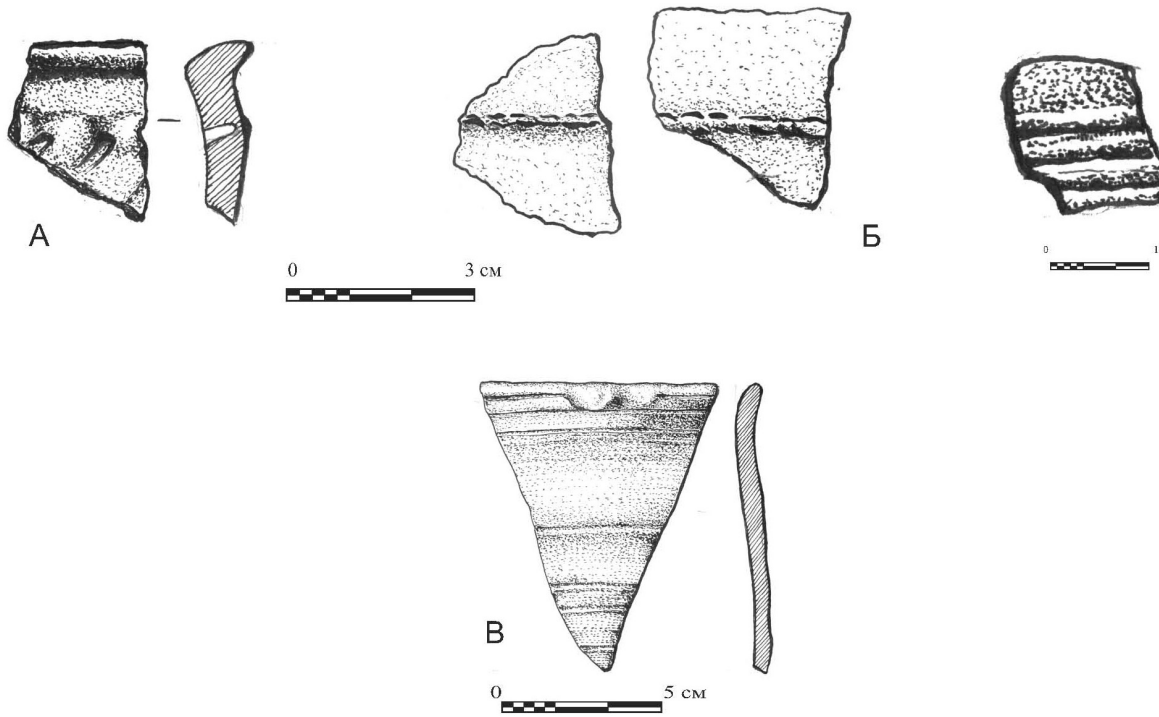


Рисунок 4. Керамика поселения Жургавань-1. А – керамика раннего железного века, Б – керамика лачиновской культуры, В – русская керамика

Подобный орнамент находит аналогии в керамике расположенного в 4 км ниже по Томи поселения Люскус [2, с. 58]. Керамику второго хронокомплекса можно датировать временем существования кулайской культуры раннего железного века (конец VI века до н. э. – V век н. э.). Эта культура сформировалась в Среднем (таежном) Приобье. С III века до н. э. её носители мигрируют на юг до Саяно-Алтая. Одной из причин миграции было изменение климата. Формирование культуры совпало с потеплением климата ок. 2500 лет тому назад (V век до н. э.). С III века до н. э. начинается длившееся до начала I тыс. н. э. похолодание и увлажнение климата (относительно современных среднемноголетних показателей), что привело к заболачиванию больших территорий, особенно в таёжной зоне Западной Сибири [6, с. 52, 56, табл. II; 7, с. 66]. Сокращение пригодных для жизни и ведения хозяйства местообитаний обусловило отток избыточного кулайского населения со своих исконных территорий вверх по течению крупных сибирских рек. Наши находки в Среднем Притомье отражают эту миграцию.

Третий хронокомплекс датируется ранним Средневековьем (VI–IX века н. э.) и представлен керамикой, внешняя поверхность которой украшена гладким налепным валиком, который, вероятно, имитирует шнур или шов. Внешняя поверхность бежевого цвета. Внутренняя поверхность имеет следы заглаживания, также сохранился нагар. Черепок лёгкий, плотный. В тесте примесь дресвы – крошка белого минерала (кварцит?). Техника изготовления лепная. Валики наносились из чистой пластичной глины, близкой по фактуре к ангобу. Они создавались путём протягивания между двумя пальцами – защипывающим и прижимающим глину к сосуду, поэтому получались узкими, острорёберными, высотой и шириной не более 0,4 см (рис. 4 Б).

Подобная керамика имеет аналогии в ряде памятников Среднего и Нижнего Притомья: Архиерейская заимка (Томск), где в конце XIX века были впервые сделаны находки средневе-

ковой валиковой керамики, Басандайское городище, вторая группа керамики пос. Курья-4 [18, с. 36–64], Сосновка-IV [20], Кисловка-2 [1], Кыргай-1 [8], Пещерка-1 (см. выше). Исследователи (И. В. Окунева, Ю. В. Ширин) полагают, что валиковая керамика Притомья не имеет местной основы, и истоки этой традиции следует искать на востоке, в Нижнем Приангарье и Красноярской лесостепи, в археологических культурах, связанных с древними тунгусами. В Притомье носители валиковой керамики появились в результате миграций, причиной которых мог быть рост военной активности енисейских кыргызов. Их дальнейшее продвижение на запад могло быть сдержано формирующейся кимакской конфедерацией. Долина р. Томи, Кузнецкая котловина оказалась для племён валиковой керамики удобным естественным убежищем.

Также имеются сведения о существовании на берегу реки Люскус средневекового поселения, рядом с упомянутым выше городищем эпохи поздней бронзы (поселение Люскус-II) [3, с. 210–211].

Четвёртый хронокомплекс данного поселения представлен русской керамикой. Один из фрагментов – часть венчика и боковой стенки сосуда. Черепок треугольной формы размерами 10,5 х 8,8 см, толщиной 0,6–0,7 см. Венчик слегка отогнутый наружу, закруглённый, на его внешней стороне следы пальцевых прижимов. Под венчиком имеются две прочерченные линии, такая же линия имеется в середине черепка и ещё три – внизу. Цвет коричневый. Черепок плотный, тесто хорошо отмучено. Внешняя и внутренняя поверхности покрыты поливой, которая сохранилась фрагментарно. Техника изготовления станковая (рис. 4 В). По совокупности признаков данный фрагмент керамики может быть датирован временем освоения Притомья русским населением, конкретнее XVIII–XIX века.

В результате разведочных работ в 2007–2010 годах на территории Кемеровского района Кемеровской области было выявлено и рекомендовано к постановке на учёт два новых поселения: эпох поздней бронзы – раннего железа – раннего Средневековья Жургавань-1 и эпохи ранней бронзы и раннего Средневековья Пещерка-1. В настоящее время количество известных в районе археологических памятников составляет 30 единиц. В то же время имеются перспективы для дальнейших разведочных работ, особенно в местах впадения в р. Томи мелких речек.

Сравнение всех материалов, полученных на двух исследованных памятниках, с ранее известными сведениями позволило установить наличие в Среднем Притомье, непосредственно с юга примыкающего к Нижнетомскому очагу наскального искусства, пяти культурно-хронологических комплексов:

1) Новокусковская культура эпохи энеолита IV–III тыс. до н. э.

2) Ирменская археологическая культура эпохи поздней бронзы XII–VIII веков до н. э.

3) Кулайская археологическая культура эпохи железного века VI века до н. э. – III века н. э.

4) Лачиновская археологическая культура эпохи раннего Средневековья VI–IX веков.

5) Керамика и железные изделия русского периода (XVII–XVIII века).

Сравнительно с сопредельным районом локализации нижнетомских писаниц, тяготеющих к устьям притоков р. Томи [16, с. 355], где известны ирменские [5, с. 214–217; 15, с. 87, рис. 3; 14, с. 66, 87] и кулайские (раскопки А. Г. Марочкина) материалы, примечательно отсутствие самусьских древностей, также представленных северо-западнее, на местонахождении Долгая-1 и на ряде петроглифических памятников Нижнетомского очага наскального искусства [10, с. 35, 50 и др.; 11, с. 15; 12, с. 103; 13, с. 288; 14, с. 31–35, 111–121 и др.].

Литература

1. Беликова О. Б., Плетнёва Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII веках н. э. – Томск, 1983.
2. Бобров В. В. Поселение на р. Люскус // Археология Южной Сибири. – Кемерово. 1979. – С. 47–60.
3. Бобров В. В., Бородкин Ю. М. Разведка в Кемеровской области // Археологические открытия 1978 года. – М., 1979. – С. 210–211.
4. Бобров В. В. Кинжал с городища эпохи поздней бронзы на реке Люскус // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1 (45). – С. 65–68.

5. Бобров В. В., Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 214–219.
6. Волкова В. С., Гнибиденко З. Н., Горячева А. А. Климатическая ритмика голоцена центральной части Западно-Сибирской равнины (палинология, магнетизм) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск, 2002. – С. 48–57.
7. Волкова В. С., Михайлова И. В. Эволюция геологических процессов, природная среда и климат в голоцене на территории Сибири (по данным палинологии) // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. – Новосибирск, 2002. – С. 58–70.
8. Зиняков Н. М. Отчёт об археологических исследованиях в Новокузнецком районе в 1985 году. Кемерово. 1985 // Архив Музея археологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ. Д. № 700.
9. Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таёжной зоны Западной Сибири. – Баранаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 295 с.
10. Ковтун И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – 140 с.
11. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы на юге Западной Сибири (Нижнее Притомье и сопредельные регионы): автореф. … дис. канд. истор. наук. – Барнаул, 1995. – 21 с.
12. Ковтун И. В. Восточная периферия самусьской культуры и изображения медведей в западно-сибирской скульптурной миниатюре и металлопластике II тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 97–104.
13. Ковтун И. В. Предыстория индоарийской мифологии. – Кемерово: Азия-Принт, 2013. – 702 с.
14. Ковтун И. В. Шёпот духов (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). – Кемерово: Азия-Принт, 2014. – 171 с.
15. Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новомановской писаницы // Мат-лы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года. – Кемерово, 2010. – Вып. 2. – С. 84–96.
16. Ковтун И. В., Русакова И. Д., Миклашевич Е. А. Обследование памятников наскального искусства Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 355–358.
17. Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области: мат-лы к Своду памятников истории и культуры СССР. – Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1989. – Вып. I. – 158 с.
18. Окунева И. В. Лачиновская культура // Памятники раннего Средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово, 1997. – С. 36–64.
19. Плотников Ю. А.”Клады” Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987. – С. 120–135.
20. Рабинович Е. М. Раскопки поселения Сосновка // Археологические открытия 1983 года. – М.: Наука, 1984.
21. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

References

1. Belikova O.B., Pletneva L.M. Pamyatniki Tomskogo Priob’ya v V–VIII vekah n. e. [Monuments of Tomsk Ob region in V–VIII centuries]. Tomsk, 1983. (In Russ.)
2. Bobrov V.V. Poselenie na r. Lyuskus [Settlement on the river Lyuskus]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology of Southern Siberia]*. Kemerovo, 1979, pp. 47–60. (In Russ.)
3. Bobrov V.V., Borodkin Yu.M. Razvedka v Kemerovskoy oblasti [Exploration in Kemerovo region]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1978 goda [Archaeological Discoveries 1978]*. Moscow, 1979, pp. 210–211. (In Russ.)
4. Bobrov V.V. Kinzhal s gorodishcha epokhi pozdney bronzy na reke Lyuskus [Dagger from the Late Bronze Age settlement on the river Lyuskus]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 2011, no 1 (45), pp. 65–68. (In Russ.)
5. Bobrov V.V., Kovtun I. V., Marochkin A.G. Arkheologicheskie kompleksy v Nizhnetomskom ochage naskal’nogo iskusstva [Archaeological complexes in Nizhnetomsk hearth rock art]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel’nykh territoriy [Problems of archeology, ethnography, anthropology, Siberia and adjacent territories]*. Novosibirsk, IAEt SO RAN Publ., 2009, vol. XV, pp. 214–219. (In Russ.)

6. Volkova V.S., Gnibidenko Z.N., Goryacheva A.A. Klimaticheskaya ritmika golotsena tsentral'noy chasti Zapadno-Sibirskoy ravniny (palinologiya, magnetizm) [Holocene climatic rhythm of the central part of the West Siberian Plain (palynology, magnetism)]. *Osnovnye zakonomernosti global'nykh i regional'nykh izmeneniy klimata i prirodnoy sredy v pozdnem kaynozoe Sibiri [Major global and regional patterns of climate change and the natural environment in the Late Cenozoic Siberia]*. Novosibirsk, 2002, pp. 48–57. (In Russ.)
7. Volkova V.S., Mikhaylova I.V. Evolyutsiya geologicheskikh protsessov, prirodnaya sreda i klimat v golotsene na territorii Sibiri (po dannym palinologii) [Evolution of geological processes, natural environment and climate during the Holocene in Siberia (according palynology)]. *Osnovnye zakonomernosti global'nykh i regional'nykh izmeneniy klimata i prirodnoy sredy v pozdnem kaynozoe Sibiri [Major global and regional patterns of climate change and natural environment in the Late Cenozoic Siberia]*. Novosibirsk, 2002, pp. 58–70. (In Russ.)
8. Zinyakov N.M. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Novokuznetskom rayone v 1985 godu. Kemerovo. 1985. [Report on archaeological research in the area in Novokuznetsk district. Kemerovo. 1985]. *Arkhiv Muzeya arkheologii, etnografii i ekologii Sibiri KemGU* [Archive Museum of Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia of KemSU]. D. No 700. (In Russ.)
9. Kiryushin Yu.F. Eneolit i bronzovyy vek yuzhno-taezhnoy zony Zapadnoy Sibiri [Eneolithic and Bronze Age southern taiga zone of Western Siberia]. Baranaul, Altai State University Publ., 2004. 295 p. (In Russ.)
10. Kovtun I.V. Petroglify Visyashchego Kamnya i khronologiya tomskikh pisanits [Petroglyphs Hanging Stone and chronology of Tomsk petroglyphs]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1993. 140 p. (In Russ.)
11. Kovtun I.V. Izobrazitel'nye traditsii epokhi bronzy na yuge Zapadnoy Sibiri (Nizhnee Pritom'e i sopredel'nye regiony). Avtoref. diss. kand. istor. nauk [Pictorial tradition of the Bronze Age in the south of Western Siberia (the Lower Tom and neighboring regions). Author. Diss. Candidate historical Sciences]. Barnaul, 1995. 21 p. (In Russ.)
12. Kovtun I.V. Vostochnaya periferiya samus'skoy kul'tury i izobrazheniya medvedey v zapadno-sibirskoy skul'pturnoy miniatyure i metalloplastike II tys. do n.e. [Eastern periphery Samus culture and images of bears in the West Siberian miniature sculptural and metal of the II millennium BC]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 2008, no 3 (35), pp. 97–104. (In Russ.)
13. Kovtun I.V. Predystoriya indoariyskoy mifologii [Prehistory of the Indo-Aryan mythology]. Kemerovo, Aziya-Print Publ., 2013. 702 p. (In Russ.)
14. Kovtun I.V. Shepot dukhov (Etnolingvokul'turnye ocherki mifologii nizhnetomskikh pisanits) [Whisper of spirits (Ethnolinguacultural essays mythology of Nizhnetomsk Pisanitsa)]. Kemerovo, Aziya-Print Publ., 2014. 171 p. (In Russ.)
15. Kovtun I.V., Marochkin A.G., Rusakova I.D. Arkheologicheskie kompleksy v ust'e r. Dolgaya i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya petroglifov Novoromanovskoy pisanitsy [Archaeological complexes in the estuary. The long cultural and chronological attribution petroglyph petroglyphs of Novoromanovskaya Pisanitsa]. *Materialy nauchnoy sessii IECh SO RAN 2010 goda* [*Materials Science SB RAS session IECH 2010*]. Kemerovo, 2010, iss. 2, pp. 84–96. (In Russ.)
16. Kovtun I.V., Rusakova I.D., Miklashevich E.A. Obsledovanie pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Nizhnego Pritom'ya [Survey monuments of rock art of the Nizhnee Pritom'e]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archeology, ethnography, anthropology, Siberia and adjacent territories]*. Novosibirsk, IAEt SO RAN Publ., 2005, vol. XI, part I, pp. 355–358. (In Russ.)
17. Kulemzin A.M., Borodkin Yu.M. Arkheologicheskie pamyatniki Kemerovskoy oblasti: materialy k Svodu pamyatnikov istorii i kul'tury SSSR *[Archaeological Site of the Kemerovo region: Materials for the Body of Monuments of History and Culture of the USSR]*. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe Publ., 1989, vol. I. 158 p. (In Russ.)
18. Okuneva I.V. Lachinovskaya kul'tura [Lachinovskaya culture]. *Pamyatniki rannego srednevekov'ya Kuznetskoy kotloviny [Early medieval monuments of the Kuznetsk Basin]*. Kemerovo, 1997, pp. 36–64. (In Russ.)
19. Plotnikov Yu.A."Klady" Priob'ya kak istoricheskiy istochnik ["Treasures" of the Ob region as a historical source]. *Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii [Warfare of ancient population of Northern Asi*a]. Novosibirsk, 1987, pp. 120–135. (In Russ.)
20. Rabinovich E.M. Raskopki poseleniya Sosnovka [Excavations of settlement Sosnovka]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1983 goda [Archaeological discoveries in 1983]*. Moscow, Nauka Publ., 1984. (In Russ.)
21. Chlenova N.L. Khronologiya pamyatnikov karasukskoy epokhi [Chronology of Karasuk era monuments]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 248 p. (In Russ.)

УДК 902/904

ИРМЕНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ МЕДЫНИНО-1 НА ЛЕВОМ ПРИТОКЕ ТОМИ – РЕКЕ СТРЕЛИНЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИРМЕНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ НА ЮГЕ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ

Соколов Павел Геннадьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, лаборатория археологии, Институт экологии человека Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: abai@yandex.ru

Баштанник Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, лаборатория археологии, Институт экологии человека Сибирского отделения Российской академии наук (г. Кемерово, РФ). E-mail: abai@yandex.ru

В статье публикуются материалы археологических раскопок поселения Медынино-1, вводятся в научный оборот новые материалы по ирменской культуре, обосновывается перспектива поиска и исследования ирменских древностей на юге Нижнего Притомья.

Ключевые слова: юг Нижнего Притомья, археологические исследования, ирменская археологическая культура, эпоха поздней бронзы.

IRMEN SETTLEMENT MEDYNINO-1 ON THE LEFT TRIBUTARY OF TOM, THE RIVER STRELINA, AND PERSPECTIVES OF THE IRMEN ANTIQUITY STUDY ON THE SOUTH OF THE LOWER TOM RIVER

Sokolov Pavel Gennadievich, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: abai@yandex.ru

Bashtannik Sergey Vasilievich, Researcher, Laboratory of Archaeology, Institute of Human Ecology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: abai@yandex.ru

The territory of the Lower Tom is still understudied in archaeological respect. At present petroglyphs of the right bank of the Tom are studied to the full. During the last years ancient sites are given more consideration. There are even less archaeological objects known at the left bank of the Tom. Archaeological study of these territories is promising in the context of ancient and medieval history of Western Siberia.

In 2008–2009 stationary excavation of Medynino-1, the Irmen settlement of the Late Bronze Age, was conducted. The site is situated on the river Strelina, the left tributary of the Tom. 350 sq. m. of the site were studied during the excavation. The character of the cultural layer, stratigraphy, remains of middens, household outbuildings and bronze-pouring place were examined. The findings from the settlement are pottery, metal skimmings, flakes, animal bones, three bone and four stone arrowheads, tools for ore crushing, bronze awl with bone handle.

The presence of the Irmen sites gives evidence of settlement of the South of the Lower Tom by the Irmen people. Further study of the Irmen sites of this territory allows to find out not only local economy but also to define dating of the sites of that period.

Study of the Irmen antiquity on the right bank of the Tom is rather promising. This will allow to understand the mechanism of cross-cultural contacts at the turn of the Bronze to the Iron Ages. This research seems rather actual in connection with the finding of the Irmen complexes on some sites of the right bank of the Tom near petroglyphs.

Keywords: the South of the Lower Tom, archaeological study, the Irmen archaeological culture, the Late Bronze Age.

Юг Нижнего Притомья до настоящего времени является малоисследованным в археологическом отношении. Несмотря на то, что история археологических исследований на этой территории насчитывает не один десяток лет, район является достаточно перспективным как с точки зрения выявления новых памятников, так и стационарного изучения уже известных комплексов. По справедливому замечанию ученых-археологов, ведущих активные полевые исследования на правобережье Томи, главная проблематика археологических исследований заключается в достаточно фундаментальном изучении писаниц (Томская, Новомановская, Никольская, Тутальская, Висящий камень), с одной стороны, и слабой изученности собственно археологических памятников, с другой [22, с. 133]. Содержательная история открытий и изучения петроглифов правобережья реки Томи, известных с середины XVII века, подробно приведена в работах И. В. Ковтуна [9; 10; 11; 12, с. 103; 13; 14, с. 288; 15 и др.]. Публикуются и результаты исследований последних лет [17, с. 352–354; 18, с. 355–358 и др.]. Менее изученными на правобережье являются собственно археологические памятники (древние стоянки, поселения и могильники). Подробный обзор истории археологических исследований южных районов Нижнего Притомья приведен в работе А. Г. Марочкина и П. В. Германа [21].

Более равнинное и остепненное левобережье реки Томи по сей день является белым пятном на археологической карте юга Нижнего Притомья. Археологические разведки здесь носили эпизодический характер. По берегу реки Томи здесь известны лишь четыре археологических памятника: поселение и курганный могильник Варюхино, расположенные недалеко от села Варюхино, а также поселение Лебяжья IV, находящееся в устье одноименной речки. Все эти немногочисленные памятники были открыты еще в первой половине 1960-х годов сотрудниками Кемеровского пединститута [19, с. 128–129]. Кроме этого, по имеющимся у авторов сведениям, которые сейчас уточняются, в перечне памятников археологии Томской области числится поселение Алаево у одноименного села. Сейчас оно расположено в административных границах Юргинского района Кемеровской области. Очевидно, что выявление новых объектов археологического наследия при проведении сплошного обследования левобережного участка Томи лишь дело времени.

Перспективными направлениями в изучении древней и средневековой истории юга Нижнего Притомья является также выявление и научное изучение археологических памятников на левобережных притоках Томи. В настоящее время их количество крайне невелико. В 1986 году А. М. Коротаевым и А. М. Кулемзиным были выявлены поселения Лебяжья I, Лебяжья II и Лебяжья III на реке Лебяжья, предварительно датированные авторами эпохой раннего Средневековья [19, с. 128–129]. На этой же речке в 1997 году В. Н. Жаронкиным было открыто поселение эпохи ранней бронзы Лебяжья V [6, с. 269]. Помимо реки Лебяжьей археологические разведки проводились еще на одном левом притоке Томи – реке Искитим. Здесь известны поселение ирменской культуры эпохи поздней бронзы Искитим I, поселение раннего бронзового века Искитим II, поселение эпохи Средневековья Зимник II [6, с. 269], а также курганный могильник Зимник. Из всех перечисленных памятников лишь на средневековом могильнике Зимник А. С. Васютиным проводились археологические раскопки.

С целью поиска перспективных памятников раннего и среднего голоцена (эпоха неолита – эпоха поздней бронзы) на юге Нижнего Притомья сотрудниками Института экологии человека СО РАН, совместно со специалистами КемГУ и КемГУКИ была проведена археологическая разведка по левому берегу реки Стрелины (левый приток реки Томи), от села Медынино до ее устья. В результате работ было выявлено поселение ирменской культуры Медынино-1. В 2008 и 2009 годах на памятнике были проведены стационарные раскопки.

Поселение Медынино-1 располагается на левом берегу реки Стрелина (левый приток реки Томи), на мысовидном участке первой надпойменной террасы, образованным изгибом старого русла реки, ныне представляющего заболоченную старицу. Основное русло Стрелины расположено в 350 м к югу от памятника. Ближайший к поселению Медынино-1 населенный пункт – деревня Медынино Топкинского района, расположенная в 3,5 км к юго-западу. В ландшафтном отношении

памятник расположен в границах Инско-Томского лесостепного района Кузнецкой котловины. Расстояние от памятника до реки Томи составляет около 4 км.

На поверхности террасы, на которой расположено поселение, визуально фиксируются две жилищных западины. Западина № 1 расположена на склоне южной части террасы. Она представляет собой углубление подквадратной формы, размерами приблизительно 20 х 20 м, глубина относительно уровня современной дневной поверхности – 0,6 м. В 103 м на северо-запад от нее зафиксирована западина № 2, представляющая собой углубление подпрямоугольной формы, углами ориентированное по странам света. Ее размеры составляют 22 х 23 м, глубина относительно уровня современной дневной поверхности 0,9 м.

За период раскопок исследовано более 350 кв. м площади юго-западной периферии памятника [25, с. 485]. Место раскопок на юго-западной окраине поселения, плавно понижающегося в пойму, выбрано не случайно. Целью работ было выявление производственных и хозяйственных комплексов на памятнике. В результате работ исследованы характер культурного слоя и стратиграфия части юго-западной периферии памятника, остатки 52 объектов хозяйственного назначения, практически закончено изучение производственного сооружения. Практически весь керамический комплекс с данного участка памятника относится к ирменской культуре (рис 1). Обнаружены фрагменты как более ранней, так и более поздней в хронологическом отношении посуды.

Большинство обнаруженных ирменских сосудов декорированы в зоне венчика. Основным мотивом декора являются заштрихованные треугольники, обращенные вершинами вверх или вниз. Шейки сосудов, как правило, украшены «жемчужником», чередующимся с ямками, реже – только ямками. Плечики и тулова орнаментированы заштрихованными треугольниками, обращенными вершинами вниз, «лестничным» мотивом, формирующим зигзаг, горизонтальной «елочкой». Орнамент выполнен в прочерченной манере, а в одном случае – гребенчатым штампом.

Остатки хозяйственных объектов представлены, главным образом, небольшими конструкциями округлой формы, незначительно пере-

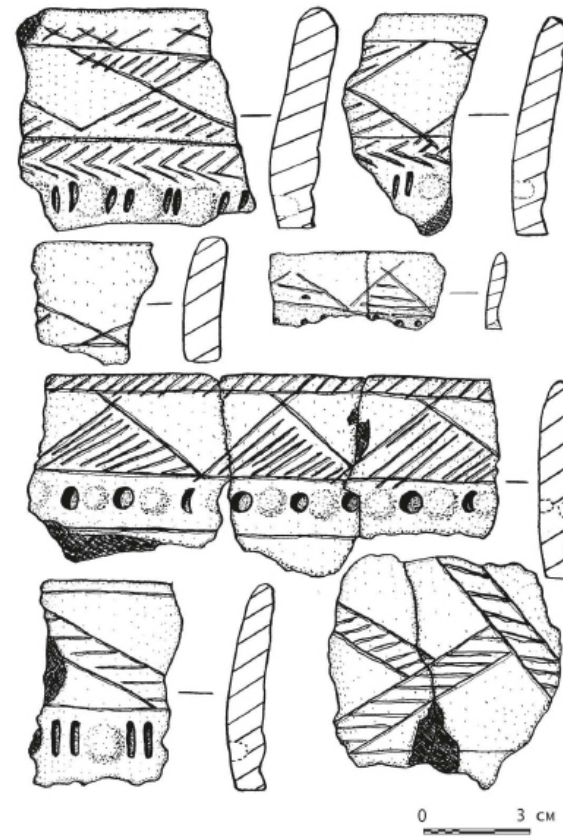


Рисунок 1. Поселение Медынино-1. Керамика ирменской культуры

резающими материк. В ряде случаев в разрезе исследованных объектов зафиксированы мощные участки прокаленной почвы. На раскопанном участке поселения было обнаружено сооружение производственного назначения. Оно имело прямоугольную форму. Это была конструкция наземного каркасно-столбового типа. Ее размеры предварительно составляют 3,5 х 18 м, максимальная глубина котлована – 0,2 м относительно уровня материка. В сооружении выявлены очаги, комплексы столбовых и хозяйственных ям. Находки из заполнения и со дна сооружения представлены керамикой, металлическим шлаком, отщепами, колотыми костями животных, тремя костяными и четырьмя каменными наконечниками стрел, орудиями для дробления руды, керамическими спеками, также обнаружено бронзовое шило с плохо сохранившейся костяной рукоятью. Вероятно, данное сооружение и несколько расположенных

вокруг него хозяйственных ям являлись центром производственной деятельности поселка. Об этом свидетельствуют как расположение объектов (в месте переходящим в пойму), так и многочисленные находки, связанные с изготовлением каменных и костяных орудий и бронзолитейным производством (бронзовые сплески, шлак, обломки литейных форм, тигель, орудия для дробления руды и др.).

Коллекция следов литейного процесса была исследована методом рентгенофлюоресцентного анализа на приборе Альфа-2000 (ALPHA SERIESTM) на кафедре археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета (аналитик – д-р истор. наук А. А. Тишкин), показавшего в составе исследованных образцов значительную долю свинца [24, с. 321–324]. Свинцовая лигатура не вписывается в уже сформировавшуюся картину рецептуры бронз ирменской культуры. На основании выборки из 193 проанализированных спектрально бронзовых изделий из памятников Обь-Енисейского междуречья (спектроаналитическое изучение ирменского металла было осуществлено в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН) исследователями уже был сделан вывод о том, что более трети ирменских образцов составляют мышьяковые бронзы, почти четверть – оловянно-мышьяковые, несколько меньше оловянных и «чисто» медных изделий [1, с. 72–76; 5, с. 58]. В ирменской же серии «степного ядра» Кузнецкой котловины и правобережья реки Томи, по материалам памятников Титово-1, Люскус-1 и Исток [23, с. 124–127], были выявлены сплавы с высоким содержанием мышьяка и сурьмы при отсутствии олова. В случае с Медынино-1, олово, действительно, не фиксируется, однако и сурьма не прослеживается даже на уровне следов.

Наличие ирменских памятников, располагающихся за пределами центрального лесостепного района Кузнецкой котловины, свидетельствует, что ирменцами осваивался и юг Нижнего Притомья, входящей своей левобережной часть в Инско-Томский район котловины. Данная географическая зона, так же как и «степное ядро» Кузнецкой котловины, обладает схожими ландшафтными характеристиками, позволяющими вести комплексное хозяйство. Вместе с тем предельная емкость ландшафта периферийных участков котловины не позволяла заселять их с той же плотностью, как ее степной район. Естественным барьером для более плотного заселения этого района являлась нехватка пастбищных угодий, которая, по всей видимости, компенсировалась менее плотным расположением стационарных поселений. Тем не менее количество известных ирменских поселений, расположенных в пределах Инско-Томского лесостепного района пока невелико, но, очевидно, будет увеличиваться по мере роста археологического обследования этих территорий. Особенно интересными с точки зрения выявления ирменских древностей являются водораздельный участок котловины между реками Томь и Иня, а также некоторые районы юга Нижнего Притомья.

Выявление и дальнейшее исследование ирменских комплексов этого района (в том числе проведение полевых изысканий), на наш взгляд, может позволить выявить не только локальные особенности ведения хозяйства, но и установить точную хронологию памятников этой группы, которые, в нашем представлении, появляются в более позднее в сравнении с памятниками «степного ядра» время. Вероятно, активное проникновение ирменских групп населения на эту территорию начинается с тепло-влажной фазой климатического интервала, датирующейся по климатической кривой для юга Западной Сибири X–VIII веками до н. э. [20, с. 38–35]. Тепло-влажный отрезок приводил к появлению среди травянистой растительности березовых и сосновых перелесков, а также подтоплению долин речек. Указанные факторы могли вызвать нехватку пастбищных угодий, заставляя ирменцев более интенсивно осваивать прилегающие к центральному лесостепному району Кузнецкой котловины территории, в том числе южные районы Нижнего Притомья.

В конце VIII – начале VII веков до н. э. начинается холодно-влажная фаза климатического интервала [20, с. 38–55]. Климатические изменения, приведшие, скорее всего, к заболачиванию речных долин в лесостепных (более «низких») районах Кузнецкой котловины, подвигли ирменское население продвигаться далее на восток и юго-восток. В этой связи особый научный интерес в изучении социально-демографических и хозяйственных процессов в эпоху поздней бронзы и

переходное от бронзы к железу время представляет правобережье реки Томи. Пока единственным исследованным ирменским памятником на этой территории является городище на реке Люскус [3, с. 45–79; с. 65–68], расположенное в сопредельной с югом Нижнего Притомья среднем течении реки Томи.

Правобережье Томи, в том числе и в границах рассматриваемого в рамках данной работы района исследования, в ландшафтном отношении расположено в зоне, граничащей с горно-таежными областями. Аналогично ситуации на южной периферии Кузнецкой котловины ирменское население могло оседать в предгорной зоне, адаптируя свое хозяйство к новым ландшафтно-климатическим условиям [26, с. 184; 8, с. 106–107]. При неизбежном контакте с местным населением постепенно формировались переходные «культурные образования». Трансформационные процессы такого же характера происходят в данное время и с ирменским населением, оставшимся в границах степных участков Кузнецкой котловины [7, с. 246–250].

Таким образом, выявление и исследование ирменских памятников юга Нижнего Притомья и сопредельных районов (в переходных от лесостепных к горно-таежным ландшафтных областях), их датировка естественными методами, являются перспективным направлением в изучении ирменской культуры. Это по-новому позволит взглянуть на особенности развития ирменской культуры, а также более достоверно интерпретировать механизм кросскультурных контактов в переходное от бронзы к железу время. Особенно актуальной данная проблематика является в связи с открытием комплексов ирменской культуры на ряде памятников правобережья реки Томи, локализующихся вблизи известных наскальных изображений [4, с. 214–217; 16, с. 87, рис. 3; 21, с. 79–80; 22, с. 135, рис. 2, 8].

Литература

1. Бобров В. В. Бронзолитейное производство в системе экономики обществ поздней бронзы Кузнецкой котловины // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 72–76.
2. Бобров В. В. Кинжал с городища эпохи поздней бронзы на реке Люскус // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 65–68.
3. Бобров В. В. Поселение на р. Люскус // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1979. – С. 45–79.
4. Бобров В. В., Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 214–219.
5. Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О. Древняя металлургия Среднего Енисея. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 99 с.
6. Горяев В. С., Жаронкин В. Н. Разведки на территории Кемеровской области // Археологические открытия 1997 года. – М.: Наука, 1999. – С. 269.
7. Жаронкин В. Н., Соколов П. Г. Модели экологической адаптации корчажкинской культуры эпохи поздней бронзы Верхнего Приобья // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск, 2005. – Ч. 1. – С. 246–250.
8. Илюшин А. М., Ковалевский С. А. Комплекс археологических поселений в долине реки Касьмы. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. – 212 с.
9. Ковтун И. В. Петроглифы Висящего Камня и хронология томских писаниц. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – 140 с.
10. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы на юге Западной Сибири (Нижнее Притомье и сопредельные регионы): автореф. … дис. канд. истор. наук. – Барнаул, 1995. – 21 с.
11. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии (Проблемы генезиса и хронологии иконографических комплексов северо-западного Саяно-Алтая). – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2001. – 183 с.
12. Ковтун И. В. Восточная периферия самусьской культуры и изображения медведей в западно-сибирской скульптурной миниатюре и металлопластике II тыс. до н. э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 3 (35). – С. 97–104.
13. Ковтун И. В. Письмагора (История открытия и исследований: 1630–1956 годы). – Кемерово: Азия-Принт, 2013. – 159 с.
14. Ковтун И. В. Предыстория индоарийской мифологии. – Кемерово: Азия-Принт, 2013. – 702 с.

15. Ковтун И. В. Шёпот духов (Этнолингвокультурные очерки мифологии нижнетомских писаниц). – Кемерово: Азия-Принт, 2014. – 171 с.
16. Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Мат-лы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года. – Кемерово, 2010. – Вып. 2. – С. 84–96.
17. Ковтун И. В., Русакова И. Д. Новые исследования и ранее неизвестные петроглифы Тутальской писаницы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 352–354.
18. Ковтун И. В., Русакова И. Д., Миклашевич Е. А. Обследование памятников наскального искусства Нижнего Притомья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 355–358.
19. Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области: мат-лы к Своду памятников истории и культуры СССР. – Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1989. – Вып. I. – 158 с.
20. Левина Т. П., Орлова Л. А. Климатические ритмы голоцена юга Западной Сибири // Геология и геофизика. – 1993. – № 3. – С. 38–55.
21. Марочкин А. Г., Герман П. В. К археологической карте южных районов Нижнего Притомья // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и сохранения памятников археологии). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – Вып. III. – С. 78–86.
22. Марочкин А. Г., Конончук К. В., Юракова А. Ю. Синеречка 1 – новый хроностратифицированный памятник на юге Нижнего Притомья // Мат-лы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года. – Кемерово, 2013. – Вып. 5. – С. 133–139.
23. Савельева А. С. Металлургия ирменской культуры (новые данные с поселения Исток) // Мат-лы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года. – Кемерово, 2010. – Вып. 2. – С. 124–127.
24. Соколов П. Г., Савельева А. С., Фрибус А. В. Бронзолитейная площадка ирменской культуры на поселении Медынино-1 в Кузнецкой котловине (предварительное сообщение) // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. – С. 321–324.
25. Соколов П. Г., Фрибус А. В. Исследование поселения эпохи поздней бронзы Медынино 1 // Археологические открытия 2008 года. – М.: Наука, 2011. – С. 485.
26. Ширин Ю. В. Типы поселений эпохи поздней бронзы и «переходного периода» на юге Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – С. 170–184.

References

1. Bobrov V.V. Bronzoliteynoe proizvodstvo v sisteme ekonomiki obshchestv pozdney bronzy Kuznetskoy kotloviny [Bronze casting production in the economy of the Late Bronze Age societies of the Kuznetsk Basin]. *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnikh obshchestv Zapadnoy Sibiri [Socio-economic structure of the ancient societies of Western Siberia]*. Barnaul, AGU Publ., 1997, pp. 72–76. (In Russ.)
2. Bobrov V.V. Kinzhal s gorodishcha epokhi pozdney bronzy na reke Lyuskus [Dagger from the Late Bronze Age settlement on the river Lyuskus]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 2011, no 1, pp. 65–68. (In Russ.)
3. Bobrov V.V. Poselenie na r. Lyuskus [Settlement on the river Lyuskus]. *Arkheologiya Yuzhnoy Sibiri [Archaeology of Southern Siberia]*. Kemerovo, 1979, pp. 45–79. (In Russ.)
4. Bobrov V.V., Kovtun I.V., Marochkin A.G. Arkheologicheskie kompleksy v Nizhnetomskom ochage naskal'nogo iskusstva [Archaeological complexes in Nizhnetomsk hearth rock art]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archeology, ethnography, anthropology, Siberia and adjacent territories]*. Novosibirsk, IAEt SO RAN Publ., 2009, vol, XV, pp. 214–219. (In Russ.)
5. Bobrov V.V., Kuz'minykh S.V., Teneyshvili T.O. Drevnyaya metallurgiya Srednego Eniseya [Ancient Metallurgy of the Middle Yenisei]. Kemerovo. Kuzbassvuzizdat Publ., 1997. 99 p. (In Russ.)
6. Goryaev V.S., Zharonkin V.N. Razvedki na territorii Kemerovskoy oblasti [Kemerovo region exploration]. *Arkheologicheskie otkrytiya 1997 goda [Archaeological discoveries in 1997]*. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 269. (In Russ.)
7. Zharonkin V.N., Sokolov P.G. Modeli ekologicheskoy adaptatsii korchazhkinskoy kul'tury epokhi pozdney bronzy Verkhnego Priob'ya [Patterns of environmental adaptation korchazhkinskoy culture of the Late Bronze Age of the Upper Ob]. *Sotsiogenez v Severnoy Azii [Sociogenesis in North Asia]*. Irkutsk, 2005, part 1, pp. 246–250. (In Russ.)

8. Ilyushin A.M., Kovalevskiy S.A. Kompleks arkheologicheskikh poseleniy v doline reki Kas'my [Complex archaeological settlements in the Kasma valley]. Kemerovo, KuzGTU Publ., 2012. 212 p. (In Russ.)
9. Kovtun I.V. Petroglify Visyashchego Kamnya i khronologiya tomskikh pisanits [Hanging Stone Petroglyphs and chronology of Tomsk Petroglyphs]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1993. 140 p. (In Russ.)
10. Kovtun I.V. Izobrazitel'nye traditsii epokhi bronzy na yuge Zapadnoy Sibiri (Nizhnee Pritom.'e i sopredel'nye regiony). Avtoref. Diss. kand. istor. nauk [Pictorial tradition of the Bronze Age in the south of Western Siberia (the Lower Tom and neighboring regions). Author. Diss. Candidate Historical Science]. Barnaul, 1995. 21 p. (In Russ.)
11. Kovtun I.V. Izobrazitel'nye traditsii epokhi bronzy Tsentral'noy i Severo-Zapadnoy Azii (Problemy genezisa i khronologii ikonograficheskikh kompleksov severo-zapadnogo Sayano-Altaya) [Pictorial tradition of the Bronze Age in Central and North-Western Asia (Problems of the genesis and history of iconography in North West Sayan-Altai)]. Novosibirsk, IAEt SO RAN Publ., 2001. 183 p. (In Russ.)
12. Kovtun I.V. Vostochnaya periferiya samus'skoy kul'tury i izobrazheniya medvedey v zapadno-sibirskoy skul'pturnoy miniatyure i metalloplastike II tys. do n. e. [Eastern periphery of the Samus culture and images of bears in the West Siberian miniature sculptural and metal of the II millennium BC]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia]*, 2008, no 3 (35), pp. 97–104. (In Russ.)
13. Kovtun I.V. Pis'magora (Istoriya otkrytiya i issledovaniy: 1630–1956 gody) [Pismagora (History of the discovery and research: 1630–1956)]. Kemerovo, Aziya-Print Publ., 2013. 159 p. (In Russ.)
14. Kovtun I.V. Predystoriya indoariyskoy mifologii [Prehistory of the Indo-Aryan mythology]. Kemerovo, Aziya-Print Publ., 2013. 702 p. (In Russ.)
15. Kovtun I.V. Shepot dukhov (Etnolingvokul'turnye ocherki mifologii nizhnetomskikh pisanits) [Whisper spirits (Ethnolinguacultural essays on mythology of Nizhnetomsk Pisanitsa)]. Kemerovo, Aziya-Print Publ., 2014. 171 p. (In Russ.)
16. Kovtun I.V., Marochkin A.G., Rusakova I.D. Arkheologicheskie kompleksy v ust'e r. Dolgaya i kul'turno-khronologicheskaya atributsiya petroglifov Novoromanovskoy pisanitsy [Archaeological complexes in the estuary. The long cultural and chronological attribution of petroglyphs of Novoromanovskaya Petroglyph]. *Materialy nauchnoy sessii IECh SO RAN 2010 goda [Materials Science SB RAS session IECH 2010]*. Kemerovo, 2010, vol. 2, pp. 84–96. (In Russ.)
17. Kovtun I.V., Rusakova I.D. Novye issledovaniya i ranee neizvestnye petroglify Tutal'skoy pisanitsy [New research and previously unknown petroglyphs of Tutalsk Pisanitsa]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archeology, ethnography, anthropology, Siberia and adjacent territories]*. Novosibirsk, IAEt SO RAN Publ., 2005, vol. XI, part I, pp. 352–354. (In Russ.)
18. Kovtun I.V., Rusakova I.D., Miklashevich E.A. Obsledovanie pamyatnikov naskal'nogo iskusstva Nizhnego Pritom'ya [Survey monuments of rock art of the Nizhnee Pritom'ye]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy [Problems of archeology, ethnography, anthropology, Siberia and adjacent territories]*. Novosibirsk, IAEt SO RAN Publ., 2005, vol. XI, part I, pp. 355–358. (In Russ.)
19. Kulemzin A.M., Borodkin Yu.M. Arkheologicheskie pamyatniki Kemerovskoy oblasti: Materialy k Svodu pamyatnikov istorii i kul'tury SSSR [Archaeological Site of the Kemerovo region: materials for the Body of Monuments of History and Culture of the USSR]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe Publ., 1989, vol. I. 158 p. (In Russ.)
20. Levina T.P., Orlova L.A. Klimaticheskie ritmy golotsena yuga Zapadnoy Sibiri [Holocene climatic rhythms of the south of Western Siberia]. *Geologiya i geofizika [Geologiya i geofizika]*, 1993, vol 3, pp. 38–55 (In Russ.)
21. Marochkin A.G., German P.V. K arkheologicheskoy karte yuzhnykh rayonov Nizhnego Pritom'ya [By the archaeological map of the southern districts of the Lower so tired]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie Kuzbassa (aktual'nye problemy izucheniya i sokhraneniya pamyatnikov arkheologii)[Historical and Cultural Heritage of Kuzbass (current problems in the study and preservation of archaeological sites)]*. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2011, no. III, pp. 78–86. (In Russ.)
22. Marochkin A.G., Kononchuk K.V., Yurakova A.Yu. Sinerechka 1 – novyy khronostratifitsirovannyy pamyatnik na yuge Nizhnego Pritom'ya [Sinerechka 1 – new hronostratifitsirovanny monument in the south of the Lower so tired]. *Materialy nauchnoy sessii IECh SO RAN 2013 goda [Materials Science SB RAS session IECH 2013]*. Kemerovo, 2013, vol. 5, pp. 133–139. (In Russ.)
23. Savel'eva A.S. Metallurgiya irmenskoy kul'tury (novye dannye s poseleniya Istok) [Metallurgy irmenskoy culture (new data from the settlement of Istok)]. *Materialy nauchnoy sessii IECh SO RAN 2010 goda [Materials Science SB RAS session IECH 2010]*. Kemerovo, 2010, vol. 2, pp. 124–127. (In Russ.)
24. Sokolov P.G., Savel'eva A.S., Fribus A.V. Bronzoliteynaya ploshchadka irmenskoy kul'tury na poselenii Medynino-1 v Kuznetskoy kotlovine (predvaritel'noe soobshchenie) [A bronze playground irmenskoy culture in exile Medynino-1

in the Kuznetsk Basin (Preliminary Report)]. *Rol' estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Role of science methods in archaeological research]*. Barnaul, AGU Publ., 2009, pp. 321–324. (In Russ.)
25. Sokolov P.G., Fribus A.V. Issledovanie poseleniya epokhi pozdney bronzy Medynino 1 [Study of the Late Bronze Age settlement Medynino 1]. *Arkheologicheskie otkrytiya 2008 goda [Archaeological Discoveries of 2008]*. Moscow, Nauka Publ., 2011, pp. 485. (In Russ.)
26. Shirin Yu.V. Tipy poseleniy epokhi pozdney bronzy i «perekhodnogo perioda» na yuge Kuznetskoy kotloviny [Types of settlements of the Late Bronze Age and the "transition period" in the south of the Kuznetsk Basin]. *Aridnaya zona yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy [Arid Zone south of Western Siberia in the Bronze Age]*. Barnaul, AGU Publ., 2004, pp. 170–184. (In Russ.)

УДК 008:719

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НОВОКУЗНЕЦКА (КУЗНЕЦКА)

Быкасова Лариса Валентиновна, кандидат культурологии, доцент, Сибирский государственный университет (г. Новокузнецк, РФ). E-mail: bikasova.larisa@yandex.ru

В статье рассматриваются основные аспекты культурного наследия Новокузнецка (ранее Кузнецка). Описываются особенности отношения местной власти и городского общества к памятникам истории и культуры.

Ключевые слова: культурное наследие, памятники истории и культуры, регион, город, крепость, острог, пятилетка, сотопанельный дом.

CULTURAL HERITAGE OF NOVOKUZNETSK (KUZNETSK)

Bykasova Larisa Valentinovna, Candidate of Culturology, Docent, Siberian State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: bikasova.larisa@yandex.ru

The phrase "cultural heritage" has two meanings. In a broad sense, "a cultural phenomenon is received by the person from ancestors and left to descendants". In a narrow sense, cultural heritage refers to monuments of history and culture, created in the past.

Cultural heritage should be sought to its preservation and continuation. However, over time it is either saved or disappeared (destroyed) or continued to exist in other forms. In new buildings and simulations missing the main advantage of cultural creation authenticity. Saving the originals (original) is the dominant principle of the relations between the authorities and society to cultural heritage.

Cultural heritage provides a variety of spiritual intentions, which creates opportunities for the revival of images of culture in the future. Thus, preservation of cultural heritage takes on particular significance in the crucial moments of history.

Disregard of cultural heritage of Kuznetsk pre-revolutionary period led to the denial of the past in the Soviet period and partial oblivion now.

In the work of bodies of local self-government (the Department of culture, Novokuznetsk), designed to protect monuments of history and culture, to have the following competencies as historical awareness, education and professional dedication. The necessary state responsibility violence.

The objects of cultural heritage of Novokuznetsk were designed to meet the epistemological, axiological and aesthetic needs of citizens, to raise Patriotic feelings to their Homeland.

To overcome impunity and irresponsibility in the attitude to monuments of the past, there must be some legal regulation of the activities and behaviour of people.

Keywords: cultural heritage, monuments of history and culture, region, town, castle, jail, five years, sotopaneley house.

В настоящее время в теории и практике региональной культурной политики широкое распространение получило понятие «культурное наследие». Оно тесным образом связано с идеей социальной активности человека и гражданина и с явлениями духовной и материальной культуры, созданными многими поколениями людей в разных регионах, представителями разных народов и в разные исторические эпохи.

Замысел координаторов пропаганды этих взглядов кажется понятным. Человечество добивается не только создания памятников истории и культуры, то есть *опредмечивания* своих знаний, эмоций, жизненного опыты. Усваивая культурный опыт предыдущих поколений в процессе обучения, общения, самообразования и других видов деятельности, люди *распредмечивают* заключенные в витальном опыте культурно-исторические ценности. Цель эта заслуживает одобрения и поддержки. Проблема заключается в непрерывности преемственности поколений и в отношении общества и власти к культурному наследию.

Для сохранения регионального культурного наследия огромное значение имеет изучение и использование опыта, накопленного в различных провинциальных городах. Несмотря на универсальность дефиниции «город», история генезиса и эволюции «населенных пунктов, жители которых заняты, как правило, вне сельского хозяйства» [4, с. 121], различна. В этой связи стоит обратить внимание на особенности возникновения и развития различных городов, история и культура которых недооценима до сих пор теми, кто в них проживает. В этом нас убеждает опыт проживания в одном из крупнейших промышленных центров Западной Сибири – Новокузнецке.

За последние годы происходит активное перемещение новокузнечан, особенно молодого поколения, в Санкт-Петербург и Москву. Можно утверждать, что в поисках лучшей системы материального поощрения, которую предоставляют столичные города, молодежь готова поменять место жительства. К причинам миграции горожан следует отнести территориальную удаленность Новокузнецка от культурных центров, музеев, театров мировой значимости, а также ограниченные условия самореализации.

Поводом для тревоги является отсутствие у большинства горожан активности к изучению памятников истории и культуры города. Крайне важно представителям местных органов власти, общественному совету Новокузнецка, группе специалистов и энтузиастов-краеведов через СМИ и организацию региональных научных конференций популяризировать богатейшее культурное наследие города, которому в 2014 году исполнится 396 лет со дня основания.

Образ города Новокузнецка предстает перед нами в трех аспектах: в аспекте старого города Кузнецка, история которого уходит в глубь веков, в аспекте строившегося в Сталинске гиганта металлургии – Кузнецкого комбината (КМК) и в аспекте современного Новокузнецка – крупного индустриального, научного и культурного центра юга Западной Сибири.

История Новокузнецка – это начало XVII века, когда на юге Западной Сибири, на правом берегу полноводной реки Томи, казаками был возведен Кузнецкий острог. Свое название Кузнецкий острог унаследовал от коренного населения шорцев-кузнецов, которые испокон веков выплавляли железо из местных руд, делали металлическую посуду, охотничьи принадлежности [8, с. 9]. Рядом с их поселениями впоследствии и образовался город Кузнецк, жители которого занимались ремеслом и торговлей. В публикации современного ученого А. Ю. Огурцова дается позитивная оценка русской экспансии юга Сибири. Автор, не претендуя на общезначимость и необходимость своих выводов, допускает в них субъективность, говоря о том, что «в условиях полного господства кочевников на Северном Алтае сооружение Кузнецкого острога явилось чрезвычайно смелым шагом, повернувшим историю в иное русло; стационарная русская крепость в глубине неприятельской “землицы” стала надежным оплотом московского царя…» [6, с. 10].

Следует отметить, что начало исследованию истории Кузнецка было положено еще в конце XIX века, благодаря стараниям кузнецкого купца 3-й гильдии Ивана Семеновича Конюхова. В уникальном рукописном документе: «Памятной исторической записке или летописи о городе Кузнецке» автор сообщает, что «первоначально Кузнецкий острог основан был на левом берегу реки Томи на устье реки Кондомы, и были окопы вверх по ручью повыше нынешней крепости, а потом уже основан на нынешнем месте» [3, с. 7],

«в 1618 году велено быть в Кузнецком остроге первым московским воеводам Тимофею Степанову Бабарыкину и Осипу Герасимовичу Оничкову…» [3, с. 18].

Историческое прошлое города на страницах летописи И. С. Конюхова воспринимается как повествование о различных видах деятельности кузнечан. Автор информирует читателей рукописи о первоначальном основании города, о военных нападениях, о топонимах объектов, природных или созданных руками человека. Важно отметить, что знакомство с работой И. С. Конюхова будет содействовать приобщению современного поколения новокузнечан к культурному наследию прошлого.

В планировочном основании города лежал военно-стратегический замысел: создание сторожевой линии для отражения набегов киргизских и джунгарских ханов. Среди первых построек поселения, как отмечают многие исследователи, был Кузнецкий острог – военно-оборонительное сооружение в виде деревянной ограды из толстых бревен, сторожевых башен, рвов и валов вокруг ограды.

В первом региональном топонимическом словаре Кемеровской области, изданном в 1994 году, дается представление об основных исторических моментах Кузнецкого острога. Так, в 1622 году острог был переведен в разряд городов и стал называться Кузнецком. В 1708 году он вошел в состав учрежденной Петром Великим Сибирской губернии. С 1726 года Кузнецк подчинен административной Тобольской губернии. После возникновения в 1783 году Колыванской губернии город вошел в её состав. С 1804 года Кузнецк становится центром округа, а затем и уезда Томской губернии. В 1917–1924 годах Кузнецк по-прежнему сохраняет статус центра уезда и волости, а затем района. В 1934 году Кузнецк вошел в состав г. Новокузнецка на правах административного района [10, с. 99].

В 1820 году в Кузнецке было построено фортификационное сооружение – каменная крепость. Военная тема частично отразилась в городской топонимике, в названии одного из городских кварталов, – Форштадта. В конце XIX века Кузнецкая крепость стала тюрьмой. Трижды в Кузнецк приезжал опальный писатель Федор Михайлович Достоевский, отбывал ссылку писатель-публицист Василий Васильевич Берви-Флеровский. В настоящее время отреставрированные остатки древней крепости являются памятником федерального значения – это «Историко-архитектурный музей “Кузнецкая крепость”».

Архитектурные доминанты города были связанными не только с военной жизнью этого населенного пункта. Помимо фортификационных сооружений в Кузнецке основными зданиями были культовые и гражданские. Это относится к таким сооружениям (памятникам истории и культуры) как Спасо-Преображенский собор, Богородице-Одигитриевский храм, Кузнецкая надвратная церковь, дом Казначейства, каменное здание богадельни, дом купца Фонарева, дом Байкалова, дом купца С. Шукшина и др.

Важнейшим источником по истории культовых построек Кузнецка является книга «Православные храмы Кузбасса» [2], принадлежащая перу соавторов: историка, музееведа Валерия Макаровича Кимеева, архитектора Виктора Николаевича Усольцева и секретаря Кемеровского епархиального управления Дениса Егоровича Кандрашина (1995–1998). Эту книгу выгодно отличает от других подобного рода изданий широта панорамы вотивных (религиозных) сооружений Кемеровской области (Кузбасса) и объективность, взвешенность оценок по истории строительства православных храмов Кузнецка и уничтожению некоторых из них в годы советской власти. Работая над этим сочинением, авторы провели архивные исследования, обобщая материалы Государственного архива Томской области (ГАТО).

К числу талантливых популяризаторов культурного наследия Кузнецка следует отнести Альбину Степановну Шадрину, новокузнецкого историка, искусствоведа. Её работы при тематическом, стилистическом и методологическом единстве представляют собой самостоятельные произведения. В своих историко-искусствоведческих очерках, опубликованных в местных СМИ, А. С. Шадрина изложила события, произошедшие в Кузнецке в конце XVIII – начале XX века, например, «Праздник белого цветка», «Из истории Кузнецкой надвратной церкви», «Благотворители земли Кузнецкой», «Каким быть Народному дому», «Символ города», «Кружок интеллигентных дам Кузнецка», «Дом казначейства». В работах А. С. Шадриной большое внимание уделено

образованию, просвещению, церквям, домашнему быту и стилистическим особенностям архитектурных сооружений Кузнецка.

Примечательным событием, связанным с историей города, является приезд в Кузнецк опального писателя Федора Михайловича Достоевского, венчавшегося с кузнецкой вдовой Марией Исаевой в местной Богородице-Одигитриевской церкви (первый каменный храм Кузнецкого края). Интересная работа на эту тему была издана в Новокузнецке в 1995 году. Небольшая по объему книга А. С. Шадриной «Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского» посвящена обстоятельствам трех приездов Достоевского в Кузнецк. В разделе «Кузнецкое окружение Ф. М. Достоевского» автор ввела в научный оборот ранее неизвестные архивные документы ГАТО. А. С. Шадрина пишет: «История сложных, не простых отношений с М. Д. Исаевой неоднократно анализировалась в многочисленных публикациях. К сожалению, чаще всего в них прослеживается давно сложившаяся литературная традиция, отражающая пристрастия А. Г. и Л. Ф. Достоевских к первому браку писателя» [11, с. 8]. Автор стремится к объективности, описывая семью Марии Дмитриевны Исаевой. А. С. Шадрина, анализируя эпистолярное и мемуарное наследие писателя, дает максимально достоверную психологическую оценку отношений Ф. М. Достоевского с Марией Дмитриевной.

Уроженцем Кузнецка был последний секретарь Л. Н. Толстого Валентин Федорович Булгаков, отец которого Федор Алексеевич Булгаков после окончания Тамбовской семинарии был приглашен в Кузнецк на должность домашнего учителя русского языка [9, с. 171]. В краеведческом музее г. Новокузнецка хранится архивный фонд семьи Булгаковых. В документах фонда представлены семейные документы Булгаковых и фотографии дореволюционного периода.

После Октябрьской революции исследования истории и культуры дореволюционного Кузнецка не нашли должного продолжения. Советские ученые, апологеты марксистско-ленинской идеологии, в своих работах пренебрежительно характеризовали дореволюционный Кузнецк как «убогий, глухой городишко» [1, с. 92]. В результате многолетнее пренебрежение городским культурным наследием в советский период породило отрицание прошлого. Советские ученые занимались изучением подпольной революционной работы Валериана Владимировича Куйбышева в Кузнецке, описывали жизнь ветерана рабочего движения России Виктора Павловича Обнорского, оценивали начало и путь развития промышленной жизни в Новокузнецке. Важные для культурного образа Кузнецка элементы были утрачены: переименованы улицы, разрушены церкви, снесены памятники, а вместе с ними утрачен важный мемориальный компонент культуры города.

Доминирующее значение советская власть придавала строительству Кузнецкого металлургического комбината (КМК) в годы первой пятилетки. В 1929 году для создания горно-металлургической промышленности Сибири началось строительство КМК. В обиход того времени входит слово «Кузнецкстрой». Поэт Владимир Маяковский посвятил строительству завода поэму «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» со знаменитыми строками:

…Я знаю – город будет,
Я знаю, саду – цвесть,
Когда такие люди в стране советской есть!

75 тысяч человек, преодолевая суровые климатические условия Сибири, строили при отсутствии бульдозеров и экскаваторов, кирками и лопатами КМК.

Кузнецкстрой в начале 30-х годов XX века посетили руководители коммунистической партии и советского правительства В. М. Молотов, М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, Г. К. Орджоникидзе, А. И. Микоян, Л. М. Каганович.

В 1932 году город был переименован в Сталинск.

Вместе с КМК быстро рос город. По темпам роста населения Сталинск занял первое место в стране и выдвинулся в число первых десяти крупных городов Сибири и Дальнего Востока [1, с. 94].

Советский период был временем расцвета КМК, где выпускалось большое количество высококачественных легированных сталей, ранее не известных в мировой практике. История строительства КМК представлена в городском научно-техническом музее им. академика Ивана Павловича Бардина. Добавим, что на электронном сайте ЕВРАЗа об этом музее говорится следующее: «Музей им. И. П. Бардина – единственный

в стране, имеющий большую коллекцию картин на производственные темы; единственный музей за Уралом по количеству промышленных макетов; в музее богатейших архив, насчитывающий более 70 тысяч инвентарных единиц. Это исторические документы, уникальный архив фотографий, негативов и видео-фонд, где запечатлены важнейшие события из жизни комбината и города» [5]. Потомки кузнецкстроевцев должны знать, как создавался прославленный комбинат.

В дни Великой Отечественной войны трудящиеся города приняли активное участие в патриотическом движении за помощь фронту. Они внесли в фонд обороны страны 87 млн рублей из личных сбережений, 286 млн рублей предоставили жители взаймы государству по займам военного времени [7, с. 56].

Поразительны не только индустриальные объекты, построенные в Сталинске (КМК, Алюминиевый, Ферросплавный заводы и другие предприятия в основных отраслях промышленности), большой редкостью кажется нам сегодня самоотверженный труд и энтузиазм горожан.

В 1961 году Сталинск был переименован в Новокузнецк.

Отдельного внимания заслуживает обнаруженное геологами в 60-е годы XX века крупнейшее месторождение коксующихся углей. Исследования специалистов показали, что угольные залежи занимали площадь 25 на 40 километров, ориентировочный запас 100 млрд тон [7, с. 58].

В настоящее время шахты и карьеры Новокузнецка добывают, или как принято говорить в Сибири, выдают на-гора миллионы тонн угля. Поэтому наш город может обеспечить топливом почти половину населения России.

Под влиянием мощного индустриального развития менялся социокультурный облик города.

Много славных дел на счету новокузнечан, например, в городе в 60-е годы XX века был построен первый в России сотопанельный дом. Он сложен не из панелей, а из отдельных сот-комнат. Старинные русские города «как старые, латанные и перелатанные зипуны: деревянные домишки в таких городах стоят вперемешку с каменными новыми домами; как не подновляй, центр в таких городах все кажется старым. В Новокузнецке этого нет. И центр и окраины его застроены по единому архитектурному плану многоэтажными каменными домами» [8, с. 8].

Лицо современного Новокузнецка – не только промышленность, но и культурно-просветительские учреждения, среди которых театры, музеи, кинотеатры, клубы (например, уникальные джаз-клуб «Геликон» и театр-мюзикл «Седьмое утро»), дворцы и парки культуры, библиотеки.

Согласно официальным сведениям в Новокузнецке 5 объектов культурного наследия федерального значения, 19 объектов культурного наследия регионального значения и 22 объекта культурного наследия муниципального значения. Конечно, Новокузнецк географически далек от российских и мировых мегаполисов, но знать и чтить историю и культуру своей малой Родины необходимо для укрепления нравственного здоровья горожан, в нем – гарантия будущего.

На сегодняшний день «эпоха беспамятства» не исчезла бесследно. Продолжается пренебрежительное отношение новокузнечан к культурному наследию города. Работники Управления культуры администрации города Новокузнецка не всегда отличаются исторической осведомленностью.

Как же сделать так, чтобы объекты истории и культуры Новокузнецка (Кузнецка) содержались в порядке? Как преодолеть безнаказанность в обращении с региональным культурным наследием? В Кемеровской области 25 января 2006 года принят закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в Кемеровской области». Его исполнение должно быть юридической гарантией сохранения памятников и средством формирования в г. Новокузнецке цивилизованного отношения власти и общества к своему культурному наследию.

Литература

1. Города Кузбасса. – М.: ОГИЗ, 1947. – 146 с.
2. Кимеев В. М., Усольцев В. Н., Кандрашин Д. Е. Православные храмы Кузбасса. – Кемерово, 1996. – 308 с.
3. Конюхов И. С. Кузнецкая летопись. – Новокузнецк, 1995. – 182 с.
4. Кравченко А. И. Культурология: словарь. – М.: Академ. проект, 2000. – 671 с.
5. Научно-технический музей им. И. П. Бардина [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nkmk.ru/portal/page?_pageid=1113,3151844&_dad=portal&_schema=PORTAL (дата обращения: 18.05.2014).

6. Огурцов А. Ю. Русская экспансия в Южной Сибири // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1994. – Вып. 2. – С. 3–14.
7. Сталинск. – Кемерово, 1958. – 91 с.
8. Сыроваткин А. Новокузнецк. – Кемерово, 1973. – 90 с.
9. Хандорина Л. А. Архивный фонд семьи Булгаковых в Новокузнецком краеведческом музее // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 1994. – Вып. 2. – С. 170–192.
10. Шабалин В. Тайны имени земли Кузнецкой. – Кемерово, 1994. – 223 с.
11. Шадрина А. С. Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского (г. Кузнецк 1856–1857). – Новокузнецк, 1995. – 156 с.

References

1. Goroda Kuzbassa [The Cities Of Kuzbass]. Moscow, OGIZ Publ., 1947. 146 p. (In Russ.)
2. Kimeev V.M., Usoltsev V.N., Kandrashin D. E. Pravoslavnye khramy Kuzbassa [Orthodox churches of Kuzbass]. Kemerovo, 1996. 308 pp. (In Russ.)
3. Konyukhov I.S. Kuznetskaya letopis' [Kuznetsk chronicle]. Novokuznetsk, 1995. 182 pp. (In Russ.)
4. Kravchenko A.I. Kul'turologiya: slovar' [Cultural Studies: dictionary]. Moscow, Academic project Publ., 2000. 671 p. (In Russ.)
5. Nauchno-tekhnicheskiy muzey im. I.P. Bardina [I.P. Bardin Scence and Technology Museum]. Available at: http://www.nkmk.ru/portal/page?_pageid=1113,3151844&_dad=portal&_schema=PORTAL (accessed 18.05.2014). (In Russ.)
6. Ogurtsov A. Yu. Russkaya ekspansiya v Yuzhnoy Sibiri [Russian expansion in southern Siberia]. *Kuznetskaya starina [Kuznetsk old]*, Novokuznetsk, 1994, vol. 2, pp. 3–14. (In Russ.)
7. Stalinsk [Stalinsk]. Kemerovo, 1958. 91 p. (In Russ.)
8. Syrovatkin A. Novokuznetsk [Novokuznetsk]. Kemerovo, 1973. 90 p. (In Russ.)
9. Khandorina L.A. Arhivnyy fond sem'i Bulgakovykh v Novokuznetskom kraevedcheskom muzee [Archival fond of Bulgakov's family in Novokuznetsk regional Museum]. *Kuzneckaya starina [Kuznetsk old]* Novokuznetsk, 1994, vol. 2, pp. 170–192. (In Russ.)
10. Shabalin V. Tayny imeni zemli Kuznetskoy [Shabalin Century Mystery on behalf of Kuznetsk land]. Kemerovo, 1994. 223 p. (In Russ.)
11. Shadrina A.S. Dvadtsat' dva dnya iz zhizni F.M. Dostoevskogo (g. Kuznetck 1856–1857) [Twenty-two days from the life of F.M. Dostoevsky (Kuznetsk 1856–1857)]. Novokuznetsk, 1995. 156 p. (In Russ.)

ФИЛОСОФИЯ
PHILOSOPHY

20-летию кафедры философии, права и социально-политических дисциплин ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств»

МИРОВОЗЗРЕНИЕ – ЭТО НАШ ПРОФИЛЬ

Балабанов Павел Иванович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: philosov416@kemguki.ru

Волкова Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

Клецов Юрий Владимирович, кандидат философских наук, доцент, начальник научно-аналитического центра, Кузбасский региональный институт развития профессионального образования (г. Кемерово, РФ). E-mail: philosov416@kemguki.ru

В статье намечены основные вехи становления и развития кафедры философии, права и социально-политических дисциплин ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», направления ее деятельности, роль и перспективы в процессе продолжающейся трансформации высшего профессионального образования.

Ключевые слова: кафедра, философия, учебно-научное подразделение, учебно-методическая, научно-исследовательская работа.

To the 20th Anniversary of Chair of Philosophy, Law and Socio-Political Disciplines of FSBEI HPE "Kemerovo State University Culture and Arts"

WORLD OUTLOOK IS OUR PROFILE

Balabanov Pavel Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of Chair of Philosophy, Law and Social-Political Disciplines, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: philosov416@kemguki.ru

Volkova Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Chair of Philosophy, Law and Socio-Political Disciplines, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

Kletsov Yuri Vladimirovich, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Head of the Scientific and Analytical Center, Kuzbass Regional Institute of Vocational Education (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: philosov416@kemguki.ru

In today's society, the general cultural and social competence of graduates of the university, who have a holistic worldview, culture of thinking, ability to criticism and self-criticism, interpersonal skill, ability to communicate with experts in other fields.

Educational, academic departments of universities play leading role in solving these problems. Department of Philosophy, Law, and Socio-Political Disciplines is unique among them in Kemerovo State University of Culture and Arts.

In 1970, Kemerovo State Institute of Culture established Department of Marxism-Leninism (led by Shikov R. S., PhD (Historical Sciences). In the period from 1976 to 1985, the Department which was renamed in 1978 into Department of Marxist-Leninist Philosophy and Scientific Communism, was led by V. V. Strick, PhD (Historical Sciences). Since 1986, PhD (Historical Sciences), Docent V. S. Bryukhov led the Department. In 1991, the Department was abolished and its teachers were a part of Department of Philosophy, Culturology, and Art History (led by Minenko G. N., PhD (Philosophical Sciences).

In 1993, Department of Philosophy has been restored as an independent educational and research unit led (in 1993–1999) by Dr., Professor P. I. Balabanov. In 2000, the Department was taken by Dr., Professor V. I. Krasikov, who continued the policy of maximum utilization of educational and research potential of teachers of the Department. In the 2005–2012 period, the Department was led by Docent Y. V. Kletsov, PhD (Philosophical Sciences). At this stage (2006–2010) Department of Philosophy was the best in the ranking of the research work of the academic chairs of the university.

Since 2012, Docent, PhD (Philosophical Sciences) T. A. Volkova has been elected as a head of the Department.

In June 2007, Department of Philosophy was renamed into Department of Philosophy, Law, and Socio-Political Disciplines. Since then, the Department provides training the students to basic academic discipline to “philosophy” and the main areas of socio-humanitarian unit, as well as separate disciplines of science and professional units, successfully solving the problems of transition to a multi-level system of education. The Department provides conducting the classes in more than 40 academic disciplines of basic curricula implemented by the university.

Educational activities of the Department are accompanied by teachers’ professionally developed educational materials. Over the past 3 years, it has trained to more than 60 training programs, teaching materials and other program methodical materials. Electronic Educational Environment of Kemerovo State University of Culture and Arts represents 342 electronic teaching materials.

The Department demonstrates steady scientific activity.

Results of professional and pedagogical, scientific and social activities of scientific and teaching staff of the Department have received high awards at various levels.

High level of teachers’ professionalism of Department of Philosophy, Law, and Socio-Political Disciplines allows successfully address the new challenges of higher education in the formation of ideology and personal position of the modern student.

Keywords: department, philosophy, teaching and research unit, educational and methodical, scientific and research work.

В условиях возрастающей подвижности квалификационных характеристик выпускника вуза на первый план выходят, наряду с профессиональными, его общекультурные и социальные компетенции: умение личности самостоятельно выстраивать свой жизненный путь в противоречивом, постоянно меняющемся мире. Это подразумевает формирование целостного мировоззрения, культуры мышления, способности к критике и самокритике, навыков межличностных отношений, способности общаться со специалистами из других областей. Сегодняшний выпускник вуза должен обладать способностью работать в команде, организовывать и планировать ее деятельность, уметь адаптироваться к новым ситуациям, владеть навыками письменной и устной коммуникации. Дальнейшее инновационное и стабильное развитие общества невозможно без приверженности этическим ценностям, принятия различий и мультикультурности, проявления лидерских качеств, стремления к успеху.

Традиционно ведущую роль в решении перечисленных задач играют так называемые общеобразовательные или академические кафедры вузов.

Уникальное место среди них в Кемеровском государственном университете культуры и искусств занимает кафедра философии, права и социально-политических дисциплин.

Становление и развитие кафедры неразрывно связаны с историей нашего вуза. В 1970 году, в связи с реорганизацией кафедры общенаучных дисциплин – ровесницы вуза (с 1969 года), в Кемеровском государственном институте культуры была образована кафедра марксизма-ленинизма. Возглавил новое учебно-научное подразделение института кандидат исторических наук, доцент **Рудольф Сергеевич Шиков**, много сделавший для успешного становления и развития молодого коллектива.

В период с 1976 по 1985 год заведующим кафедрой, переименованной в 1978 году в кафедру марксистско-ленинской философии и научного коммунизма, являлся кандидат исторических наук, доцент **Владимир Васильевич Стрик**.

С 1986 года руководил кафедрой кандидат философских наук, доцент **Василий Степанович Брюхов**, внесший большой вклад в укрепление научного и профессионально-педагогического потенциала кафедры, повышение педагогического мастерства её преподавателей. В 1991 году кафедра марксистско-ленинской философии и научного коммунизма была упразднена, а её преподаватели вошли в состав кафедры философии, культурологии и искусствознания (заведующий – кандидат философских наук, доцент **Геннадий Николаевич Миненко**).

В 1993 году, в связи с необходимостью повышения уровня общей гуманитарной подготовки студентов, руководством вуза было принято решение о воссоздании кафедры философии в качестве самостоятельного учебно-научного подразделения института. Своим вторым рождением и последующим динамичным развитием кафедра во многом обязана доктору философских наук, профессору **Павлу Ивановичу Балабанову**, который возглавлял её коллектив с 1993 по 1999 год и сумел сформировать сплочённое сообщество профессионалов-единомышленников. Именно в этот период были определены приоритеты и разработана стратегия развития кафедры, создана прочная основа для осуществления намеченных планов.

В 2000 году руководство кафедрой принял доктор философских наук, профессор **Владимир Иванович Красиков**, продолживший курс на расширение и укрепление межвузовских связей кафедры, повышение и максимально полное использование её учебно-научного потенциала.

В июне 2005 года заведующим кафедрой был избран кандидат философских наук, доцент **Юрий Владимирович Клецов**, руководивший коллективом кафедры до 2012 года. Данный этап связан с дальнейшим развитием научного потенциала кафедры: в период с 2006 по 2010 год кафедра демонстрировала лучшие результаты в рейтинге научно-исследовательской работы среди академических кафедр вуза.

С 2012 года заведующей кафедрой была избрана кандидат философских наук, доцент **Волкова Татьяна Александровна**.

За период со времени воссоздания кафедры (1993 год) существенно изменился её профессионально-квалификационный состав; значительно увеличилось количество и обновилось содержание преподаваемых дисциплин; заметно повысились качество и эффективность учебно-методической и научно-исследовательской работы.

В июне 2007 года кафедра философии была переименована в кафедру философии, права и социально-политических дисциплин и включена в состав образованного тогда же социально-гуманитарного института Кемеровского государственного университета культуры и искусств. С этого времени кафедра реализует не только подготовку студентов по базовой академической дисциплине «Философия», но и по основным направлениям социально-гуманитарного блока («Правоведение», «Социология», «Политология» и др.), а также отдельным дисциплинам естественно-научного («Концепции современного естествознания») и профессионального блоков («Авторское право», «Семейное право», «Правовые основы профессиональной деятельности», «Методология и методика социологического исследования», «Прикладная социология», «Международные и российские неправительственные организации» и др.).

На сегодняшний день кафедра – одно из ведущих учебно-научных подразделений вуза,

успешно решающих проблемы перехода на многоуровневую систему образования. Профессорско-преподавательский состав кафедры обеспечивает проведение занятий со студентами КемГУКИ более чем по 40 учебным дисциплинам всех основных образовательных программ, реализуемых вузом (специалитет, бакалавриат, магистратура, аспирантура).

Учебно-методическая деятельность кафедры направлена на актуализацию содержания, усиление профессиональной и практической направленности преподаваемых дисциплин; повышение результативности аудиторных занятий и самостоятельной работы студентов; укрепление и развитие междисциплинарных связей.

На заседаниях кафедры регулярно обсуждаются вопросы, связанные с методическим обеспечением учебного процесса, в том числе:

- внедрение в образовательный процесс современных научных разработок и педагогических методик;

- совершенствование программно-тематического планирования и дидактического структурирования учебных занятий;

- обновление учебных программ и другой программно-учебной документации, а также используемого учебного материала в соответствии с достижениями передовой научной и философской мысли.

Подготовка первых бакалавров и магистров потребовала создания принципиально нового учебно-методического обеспечения учебного процесса: разработки рабочих учебных программ, учебно-методических комплексов, учебных пособий, средств диагностики и других учебно-методических материалов, реализующих компетентностный подход ФГОС ВПО. Данную задачу успешно решает нынешний состав кафедры:

- опытнейшие педагоги-методисты – профессора П. И. Балабанов, О. И. Жукова, Ю. В. Клецов, старший преподаватель С. И. Полковникова;

- молодые талантливые педагоги, активно осваивающие и внедряющие передовые образовательные технологии, – профессор С. В. Бирюков, доцент О. Г. Басалаева;

- начинающие преподаватели, успешно постигающие азы педагогического мастерства, – доцент Л. В. Межов, старший преподаватель В. Л. Мартынова.

За последние три года научно-педагогическими работниками кафедры подготовлено более 60 учебных программ, учебно-методических комплексов и других программно-методических материалов по всем закреплённым за кафедрой дисциплинам. Учебно-методические комплексы дисциплин для бакалавров, разработанные профессором П. И. Балабановым, доцентом О. Г. Басалаевой, доцентом Л. В. Межовым, ст. преподавателями С. И. Полковниковой, В. Л. Мартыновой в 2013/14 учебном году получили высокую оценку в вузовском конкурсе учебно-методических работ.

Активное участие кафедра принимает в освоении и использовании в организации учебного процесса «Электронной образовательной среды КемГУКИ», в которой представлено 342 электронных учебно-методических комплекса, разработанных педагогами кафедры. В данном направлении деятельности большой объем организационных и технических работ осуществляет лаборант кафедры Татьяна Викторовна Тарасенко.

Научная деятельность кафедры планируется и осуществляется в следующих основных формах:

- научно-исследовательская деятельность научно-педагогических работников;
- научное руководство научно-исследовательской работой аспирантов (соискателей) и студентов;
- участие в организации и работе научных (научно-практических) конференций, теоретических и методологических семинаров;
- руководство деятельностью и участие в работе диссертационных, экспертных и издательских советов;
- руководство деятельностью и участие в работе научных, проектных, экспертных организаций (объединений, подразделений) и временных научно-исследовательских коллективов.

С 1994 года на кафедре ведётся приём кандидатского экзамена по философии (с 2006 года – по истории и философии науки) для аспирантов и соискателей нефилософских специальностей; а по специальности 09.00.01 «Онтология и теория познания» – по дополнительной общенаучной дисциплине «История философии».

Научно-педагогические работники кафедры осуществляют руководство научно-исследовательской работой аспирантов и соискателей; обеспечивают проведение ежегодной научной конференции аспирантов и соискателей в КемГУКИ «Актуальные проблемы социокультурных исследований» (с 2002 года), подготовку изданий научных трудов начинающих исследователей и молодых учёных. Два педагога кафедры являются членами действующего диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций по культурологии в КемГУКИ (профессор О. И. Жукова, доцент Т. А. Волкова).

За период с 2000 по 2014 год (включительно) на кафедре была подготовлена и в дальнейшем успешно защищена 31 диссертация – 22 диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук и 9 диссертаций на соискание учёной степени кандидата культурологии. Кроме того, на кафедре были обсуждены и рекомендованы к защите 4 диссертации на соискание учёной степени доктора культурологии (все они были в дальнейшем успешно защищены).

Преподаватели кафедры активно участвуют в организации и работе Международных, Всероссийских, межрегиональных и региональных научных (научно-практических) конференций, семинаров и «круглых столов», а также в подготовке, редактировании и рецензировании научных монографий, сборников научных трудов, научных статей, материалов конференций и других специальных изданий.

Из года в год неизменно высоким остается объём опубликованных научных работ. За период с 2000 по 2014 год (включительно) научно-педагогическими работниками кафедры были подготовлены 19 монографий, а также 7 других крупных изданий (одно научно-информационное издание и 6 учебных пособий.

Результаты профессионально-педагогической, научной, культурно-просветительской, воспитательной, общественной и иной социально значимой деятельности научно-педагогических работников кафедры отмечены многочисленными наградами, дипломами, сертификатами, свидетельствами, грамотами, премиями и благодарственными письмами, в том числе:

• медалями:

«За служение Кузбассу» (П. И. Балабанов, Ю. В. Клецов);

«За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (П. И. Балабанов, Ю. В. Клецов);

«За особый вклад в развитие Кузбасса» II степени (П. И. Балабанов);

«За заслуги перед Кузбассом» III степени (В. И. Красиков);

«За веру и добро» (П. И. Балабанов, И. Ф. Петров);

«65 лет Кемеровской области» (П. И. Балабанов, О. И. Жукова, В. И. Красиков);

имени В. И. Вернадского «За успех в развитии отечественной науки» (П. И. Балабанов);

«За достойное воспитание детей» (Т. А. Волкова);

• почётным знаком «Почётный профессор Кузбасса» (П. И. Балабанов);

• нагрудным знаком Министерства образования и науки РФ «Почетный работник науки и техники Российской Федерации (П. И. Балабанов);

• нагрудным знаком КемГУКИ «Признание» (П. И. Балабанов);

В 2013 году Российская академия естествознания присвоила почетное звание «Основатель научной школы “Проектная методология”» Павлу Ивановичу Балабанову.

В настоящее время на кафедре трудятся 9 научно-педагогических работников, в числе которых – два доктора философских наук, профессора; один доктор политических наук, профессор, три кандидата философских наук, три доцента; один доцент; два старших преподавателя.

Традиционно высокий уровень профессионализма педагогов кафедры философии, права и социально-политических дисциплин позволяет успешно решать новые задачи высшего профессионального образования по формированию мировоззрения студента, способного критически анализировать прошлое и настоящее, сознательно ориентироваться в современном социокультурном пространстве и способного к самореализации в условиях многомерных отношений с другими людьми.

УДК 130.2

ДУША ДРЕВНЕГО РИМЛЯНИНА

Казаков Евгений Фёдорович, доктор культурологии, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: kemcitykazakov@mail.ru

В статье на основании исследования образов римского искусства анализируются проявления душевной жизни древнего римлянина. Доминирующую роль в ней играет плотское, оформление которого осуществляется через отдифференциацию от организмического и грезящего. Происходит тотальное овнешнивание человека. Главной объективацией римской душевной жизни в искусстве предстаёт психологизированный портрет внешнего человека.

Ключевые слова: душа, древний римлянин, изобразительное искусство, плотское, душевное, образ человека, лицо, тело, психологизм, отчуждённое, внешнее.

THE SOUL OF THE ANCIENT ROMAN

Kazakov Evgeniy Fedorovich, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Philosophy, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kemcitykazakov@mail.ru

The article, based on the study of images of Roman art, analyzes the manifestations of the spiritual life of the ancient Romans. Works of art are the “vessel, which creates a soul” and that it “flows”. Art expresses (it expresses, and does not represent external and internal sides of the spiritual life (up to the depth of the essential processes), presenting it in its fullness and integrity. The peculiarity of fine art is that it understands the inner world of man through his appearance and after the appearance of man (the outside world in General) visually expresses it. The soul of man, a secret connection to higher and lower life plans can only be artistically identified, but not logically hidden role in the Roman soul plays the carnal, registration is carried out through ofdifferential from organizations who and dreamers. It is a total externalisation of man. On the surface, a changeable, vicious Roman “person” won, triumphed over a static, non-existential, abstract “divine” Greek “body”. The novelty, which brings the Roman art, is “completing” over the Greek for “body” of a Roman head. The Romans opened the new novelist face and body and even the greater importance of the “face” of the face than the “face of the body”. The body appears as a pedestal for the “Coliseum” face. There was a clear contrast between the generalized (“faceless”, commercial vehicles) Greek for “body” and relentlessly naturalistic Roman face. The Romans begin to visually fixate the individual identity of a person. One of the achievements of Rome was open the “play face” that was much more intriguing and fascinating than cold, half-asleep “piece of the body”. The Roman culture has obvious dissonance of a simple architectural design and stridently luxurious decor. The Romans are trying to hide, to disguise the gaping emptiness within the precious veil decoration. In the Roman party, there is no, peculiar to the Greeks softness, dreaminess, hills, fog eyes; in their sober prudence, pragmatism policy, there is a warrior who does not believe in anybody but himself. If the Greeks had power over external external, then the Romans had the power of external over internal. Proud hot, tensitive figures represent the aggressive aspirations of the person, an undisguised challenge to all and Sundry. A great attention is paid to the hands widely outstretched outwards and upwards, as if trying to capture the whole world. What is most striking in the Roman person is a “Greek profile”, “Roman nose”, then there is a sharp, clearly defined (“confident in his innocence”), broken, aggressive line. The feeling of purity, simplicity, sublimity, of innocence is gone. The emphasis moves with the characteristic of the Greeks external view of the “body”on the actualization of aspirations of carnal entelechia spiritual life. The main objectification of the Roman spiritual life in art appears a psychological thiophenes portrait of an outer man.

Keywords: soul, ancient Roman art, carnal, sensual, the image of a man, face, body, psychology, alienated, external.

Изобразительное искусство предстает одним из выражений «физиогномики культуры», создавая визуальную «картину души», выступая зримым «символическим выражением внутреннего бытия» культуры [1, с. 396, 401]. «Душа эпохи» может говорить из произведений великого художника [1, с. 83]. Произведения искусства выступают «сосудом, который создаёт себе душа» и в который она «вливается». В художественном произведении всё случайное, одностороннее, просто субъективное в жизни и судьбе возвышается до строгой объективности; вместе с тем оно есть и самое человечное из всех образований, «самое безусловное господство души над всей данностью бытия»; в полном смысле слова произведение искусства предстаёт «формой души». Искусство выражает (именно выражает, а не изображает) внешнюю и внутреннюю стороны душевной жизни (вплоть до глубинных сущностных процессов), представляя её в полноте, целостности.

Своеобразие изобразительного искусства заключается в том, что оно постигает внутренний мир человека «сквозь» его внешность; и через внешний облик человека (его внешний мир в целом) визуально выражает его (искусство – это душа, переданная чертами лица, движениями и действиями человека, тонами неба, линиями горизонта). Душа человека, тайна соединения в ней высших и низших планов жизни, может быть лишь художественно выявлена, но не логически вскрыта. Внешний облик человека может выражать его внутренний облик («лицо»), может выражать лишь самого себя («маска», «личина») и, наконец, может выражать его дух («лик»).

Тело предстаёт «художественным образом» души; душа посредством тела производит «художественное освоение» внутренней и внешней действительности. Особенность изобразительного искусства заключается в том, что оно делает «безвидную душу» (Платон) зримой; визуально свидетельствуя бытие души, её самораскрытие, самопрозрение. Изобразительное искусство позволяет сделать жизнь души предметом непосредственного созерцания. Это возможно потому, что «произведение искусства также имеет душу» [1, с. 298]. *Изобразительное искусство – это находящийся в развитии автопортрет душевной жизни (то погружающийся в её глубины, то поднимающийся на самую поверхность; то верно выражающий протекающие в ней процессы, то уносящийся в иллюзии, отчужденности).*

О. Шпенглер отмечает, что Античность – это «культура тела»; «душа» для эллина – не что иное, как «осуществленная форма его телесного бытия». Душа – телесна, а потому тело – «вещественное, бездушное». Античная душевная жизнь – это «бездушная жизненность». Если душа телесна, то она становится видимой для физического зрения (Шпенглер пишет о свойственном Античности «внутреннем требовании видимой границы») [1, с. 134, 343–344, 348, 421]. Если душа телесна, то именно в теле (а не в лице, глазах, взгляде) она и находила свое адекватное выражение (поэтому греки «противились вторжению портрета в область изобразительных искусств», «делали глаза слепыми», их искусству была «чужда всякая физиогномика» [1, с. 46, 165, 429]).

Та новизна, которую привносит римское искусство, заключается в «достраивании» над греческим «телом» римской головы. На «богоподобной» греческой голове проступило убогое лицо римского патриция. Римляне открывают равновеликость лица и «тела» и даже – большую значимость «лица» лица, чем «лица тела». «Тело» предстает как постамент для «колизея лица». Явным становится контраст между обобщенным («безликим», неиндивидуальным) греческим «телом» и беспощадно натуралистическим римским лицом, между «небом тела» и «землей» лица. Свойственная грекам, хотя бы кажущаяся, целостность образа человека разрывается. Безжизненное «тело» при таком переполненном «жизнью» лице перестает быть необходимым. Рождается широкая галерея портретов-бюстов. «Земля» лица отделяется от «неба» под головой и «неба» над головой, замыкаясь полностью на себе [2, с. 125–126].

Римские скульптуры разделяются на две группы: идеализированные парадные портреты, приравнивающие земного владыку к небожителям (продолжение греческой традиции), – статуя Августа из Прима-Порта, статуя Августа из Кум; более яркие, буквально врезающиеся в память натуралистические портреты высокопоставленных римлян (берущие начало с восковых посмертных масок, несущих на себе отпечаток «мертвых душ»; в этом смысле римские бюсты уже выходят за пределы искусства, превращаясь в бронзовую фотографию) – бюст Тиберия (зам-

кнутость, животный страх), бюст Калигулы (кажется, что у него губы в крови), портрет Нерона (обрюзгшее, чувственное лицо с печатью безудержного разврата; хмурый мрачный взгляд из-под отекших век; взгляд человека, съедаемого вечной подозрительностью; лицо властелина и раба, убийцы и убитого), несущие в своем облике все, что свойственно «человеку без неба»: Филипп, Араб, Максимилиан Фракшец, Требониал. Один из наиболее ярких бюстов второго ряда – портрет римлянина, так называемый «Брут». Такой человек не остановится ни перед чем, он не просто задумал убийство, а уже стал его совершать.

Изображения преступников, нелюдей, убийц римлянам явно удавались лучше. Значит эти «лики» были более адекватны их внутреннему облику. Одно из достижений Рима – открытие «спектакля лица»; оказывается, оно может быть «богатым», выразительным, наполненным разнообразными эмоциями. «Спектакль лица» оказывается гораздо более интригующим и завораживающим, чем холодная, полусонная «пьеса тела».

В римских лицах – никакой, свойственной грекам мягкости, мечтательности, возвышенности, затуманенности взора; в них – трезвая расчетливость, прагматизм политика-воина, не верящего «ни в бога, ни в черта», а только в себя, да и то, наполовину («вся история римского падения выражена тут бровями, лбами, губами» (А. И. Герцен). Римляне впускают в искусство поступь своего времени.

Гордая распрямленность, напряженность фигур выражают собой агрессивную устремлённость человека, неприкрытый вызов всему и вся. Большое внимание уделено рукам, широко распростертым вширь и ввысь; словно пытающимся пленить весь мир. Что более всего бросается в глаза в римском лице – «римский профиль», «римский нос», то есть резкие, четко очерченные («уверенные в своей правоте»), ломаные, агрессивные линии, выпирающие из шара греческой головы, разрушающие его своими «неправильными» плоскостями. Исчезает чувство чистоты, простоты, возвышенности, невинности. Акцент перемещается со свойственного грекам внешнего взгляда на «тело», на актуализацию устремлений плотской энтелехии душевной жизни.

Римской культуре свойственен очевидный диссонанс несложной архитектурной конструкции и кричаще роскошного декора помещений (один из ярких примеров здесь – нероновский «Золотой дом»). Римляне пытаются спрятать, замаскировать зияющую внутреннюю пустоту за драгоценным *покрывалом* убранства. Но пустоты от этого не становится меньше. Проблема несовпадения конструкции и декора не относилась только к сфере техники. Она была отражением одной из самых злободневных проблем в жизни римлян – проблемы несовпадения видимости и сути. Роскошное внутреннее убранство римских помещений было выражением «внешнего» характера душевного отчужденного относительно первозданных душевных энтелехий. В этом смысле «внешний» мир греков был более внутренним, чем «внутренний» мир римлян. Тем не менее, если греки были «до краев» наполнены собой, не оставляя и «щелочек» для «текучести» души, то римляне открыли внутреннее незаполненное «мёртвое» пространство.

Показательна в этом смысле эволюция «темы ребенка» в римском искусстве. Как мы помним, греки детей почти не изображали, а если и делали это, то получались скорее миниатюрные взрослые (даже у Праксителя в группе «Гермес с Дионисом» последний мало похож на младенца по своей анатомии, пропорциям). Греки изображали «будущее» как уменьшенную копию настоящего, а значит, «будущее без будущего». Зато впервые у римлян предметом пластики становится в отдельности ребенок со всеми особенностями детского возраста (например, статуя Мальчика, дерущегося с гусем; многочисленные малыши – Эроты, показывающие как в прямом смысле уменьшается образ Любви Небесной, становясь крохотней человека). Римляне предощущали будущее, уже отличное от настоящего...

У греков во взгляде на человека общее преобладает над единичным. У римлян начинает визуально фиксироваться индивидуальное своеобразие человека. Сугубо индивидуальная личина – маска Рима возвышалась над анонимно-обобщенной массой «тела» (речь, например, о статуях Августа I века н. э.). Именно потому, что греческое «тело» было без души, оно и смогло так естественно и органично превратиться в римскую плоть. Кризис Античности обусловлен тем, что того первозданного потенциала, который был заложен в прекрасном «теле», и адекватных

ему душевных энтелехий, оказалось недостаточно. Римская плоть победила греческое «тело», так как оно было не тело. Сконструированное, идеализированное «тело» не могло превратиться в собственно тело (так как интенциально содержало его в себе в недостаточной степени, не выступая реальной возможностью тела). «Живая» плоть вполне обоснованно восторжествовала над надуманным, неживым «телом».

Если в первобытном обществе происходило выявление отличения-сходства человека от природы (от зверя, в частности), у греков – отличения-сходства «людей» и «богов», у римлян (200 лет, как отмечает А. Боннар, не создававших статуй богов вообще) – отличения-сходства людей друг от друга. Внешний человек преобладает везде. Понятно, что внешняя дифференциация невозможна без накопления достаточной внутренней различенности. Но последнее не касается еще глубоких душевных планов внутреннего человека.

На стадии римской культуры душевная жизнь продолжает оставаться себетождественной, но характер этой себетождественности изменяется. Грезящая энтелехия перестает играть определяющую роль, уступая ведущие позиции плотской энтелехии. Это нашло визуальное выражение в том, что если у греков голова была частью квази-тела, то у римлян квази-тело стало частью плотского лица (у этого лица уже был взгляд-желание, взгляд-насилие, взгляд-агрессия, стремящийся поглотить, уничтожить плоть «другого»; у римлян уже был «другой» – греки – поэтому они смогли точно увидеть, отличить, выразить себя) точнее, личины (так как тень на этом лице не соседствует со светом). Поверхностное, изменчивое, порочное (но исполненное силы, воли) римское «лицо» победило, восторжествовало над статичным, не-бытийственным, абстрактным «божественным» греческим «телом». Апофеозом этого стала установка Калигулой своего бюста на плечи статуи Зевса.

Условием победы было то, что хотя римское «лицо» и не выражало глубинную сущность душевной жизни, оно адекватно выражало характер (пусть поверхностный) ее существования в настоящем; греческое же «тело» не выражало ни сущность, ни существование души. «Лицо» оказалось «больше» тела. Если греки выталкивали темное, звериное, «нечистое» за пределы своих «тел», то римляне вынесли за свои пределы все нормативное, усовершенствованное, идеально-возвышенное, смело обнажив циклопическое, кентаврическое, гипербореевское содержание души.

Душевная жизнь римской культуры – выражение абсолютной власти плотской энтелехии над внутренней и внешней жизнью (что и позволило ей «быть», а не «казаться»). Относительно данной энтелехии все другие выступают объектами. Расстояние между образом человека в искусстве и натурой оказалось сведенным к «нулю». Искусство предстало объектом относительно натуры, переставая в результате быть искусством, превращаясь во «вторую» натуру. Искусство было объективацией внутренней (душевной) жизни, внутренняя жизнь была объективацией внешней жизни. Если у греков была власть внешнего над внешним, то у римлян – власть внешнего над внутренним. Овнешнивание человека стало тотальным; римский человек – человек-полость.

Если на первобытной стадии господствует организмическая себетождественность, на греческой – грезящая, то на римской – плотская. Данные стадии отличаются тем, что на них, в определённой мере, проявлено бытие разных энтелехий, образующих свои композиции (со свойственным для всех них, тем не менее, суммативным характером). Это связано с тем, что для каждой стадии «другим» выступает свой объект, соответственно: природа, «боги», греческое «тело». На первобытной и римской стадиях душевная жизнь предстаёт как конкретная себетождественность. Данные стадии предстают относительно друг друга как «тезис» (организмичность первобытной души), «антитезис» (сверхорганизмичность греческой душевной жизни) и «синтез» (бытие римской душевной жизни выражено через сочетание греческого «тела» и организмичности лица). Если образы искусства, продуцированные на первой стадии выражают то, что человек и «больше», и «равен» природной организмичности; если греческие образы искусства выражают примерное «тождество» человеческого и «божественного»; то римское искусство выражает доминирование человеческого и над природным, и над «божественным».

Рассматриваемые стадии выражают нарастание процесса развертывания душевной жизни. Так, если на первых двух ступенях внутрен-

няя жизнь, по существу, не проявлена совсем; то римские бюсты отличаются достаточно высокой степенью психологизма. Организмический взгляд первобытности сменяется расплывчато-идеализированным греческим взглядом, и далее – холодно-отчётливым, «раздевающим и раздевающимся догола» римским взором. Именно на последней стадии впервые достигается адекватная форма выражения существа человеческого душевного бытия, становящегося из потенциального состояния (природного, квази-) в действительное. Римская душевная жизнь и предстает исходной точкой проявления (и утверждения) собственно человеческого (хотя и отчужденного) бытия.

Три начальные стадии развития душевной жизни предстают тремя объективациями непервозданного человеческого бытия; тремя ступенями отдифференциации от «иного» (тремя «слоями кожи», отслаиваемыми с души). Данные трансформации не могут не быть выражением начавшегося процесса изживания; а последний может развёртываться лишь в результате актуализации первозданного плана души (проявления которого представлены на всех трех стадиях: «Пасущийся олень» – «Афродита Милосская» – «Антиния Младшая»).

Если на первобытной и римской стадиях душевная жизнь ограничивается, в решающей степени, достаточностью своего настоящего бытия; то на греческой стадии осуществляется попытка прорыва в совершенные сверхвременные идеалии (хотя и ограничившиеся формальными исканиями, но тем не менее явившиеся выражением чувствования недолжного характера бытия и необходимости его преодоления). Греки пытались создать совершенный образ, исправляя, идеализируя человека. Но лицо (человека) нельзя превратить в лик (Бога, а не «бога»), улучшая его черты. Греческие идеалии заместили собой образ первозданного (внутреннего) человека, задав «иную» точку отсчета истории, обусловливающую дальнейшее развертывание именно внешней стороны душевной жизни. На всех рассматриваемых стадиях выявляется тенденция к целостности (выступающая одной из основных характеристик первозданного душевного бытия), фиксируемая в эволюции изображений зверя, в стремлении греческого «тела» к всеохватности выражения бытия, в римской попытке адекватного выражения облика человека (когда внешнее во всей полноте исчерпывает внутреннее).

Римская стадия является высшей и итоговой в развертывании первого этапа душевной жизни европейской культуры [2, с. 372]. Душа здесь предстает в своем сконцентрированном виде, достигая состояния зрелости, позволяющего отчетливо увидеть себя и адекватно запечатлеть. Проявлением зрелости римской душевной жизни выступает и ее выраженное стремление к самодостаточности: себетождественности отчужденного плана души (относительно предшествующих периодов) здесь наибольшая (светлых образов практически нет); закрытость душевной жизни «на входе» сосуществует со стремлением к экспансии «на выходе»; плотская энтелехия души предстает как субстрат существования плоти. Плоскостно-плотский римский образ человека является закономерным результатом синтеза первобытных натуралий и греческих идеалий; обнажением скрытого за их «нейтральным» внешним обликом характера душевного бытия.

Литература

1. Казаков Е. Ф. Душа европейского человека. Кемерово, 2012. – 424 с.
2. Казаков Е. Ф., Овчаров А. А. Искусство как выражение души // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 19 (1). – С. 193–199.
3. Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск: Наука, Сибирская изд. фирма, 1993. – 592 с.

References

1. Kazakov E.F. Dusha evropeyskogo cheloveka [The European Soul]. Kemerovo, 2012. 424 p. (In Russ.)
2. Kazakov E.F., Ovcharov A.A. Iskusstvo kak vyrazhenie dushi [Art as an expression of the soul]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no. 19 (1), pp. 193–199. (In Russ.)
3. Shpengler O. Zakat Evropy [Decline of Europe]. Novosibirsk, Nauka Publ., Siberian Publishing House, 1993. 592 p. (In Russ.)

УДК 008.001

СПЕЦИФИКА ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ КАРТИНЕ МИРА

Басалаева Оксана Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: oksana_basalaeva@mail.ru

В статье конкретизируется содержание научной картины мира, как частнонаучной – информационной и эксплицируется сущность исследуемой картины мира как философско-мировоззренческого и методологического средства изучения информационной реальности, отражающий важный аспект социального бытия, а именно, как искусственной реальности II рода (искусственное в искусственном).

Ключевые слова: научная картина мира, информационная картина мира, информационная реальность, информационные объекты, информационное взаимодействие, информационное время, информационное пространство, глобальность, виртуальность.

SPECIFICITY OF INFORMATION REALITY IN INFORMATION WORLD-VIEW

Basalaeva Oksana Gennadievna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Philosophy, Law and Socio-Political Disciplines, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oksana_basalaeva@mail.ru

Target causation inherent in any type of society is a creation of conditions for its effective functioning. Information in the second half of the XX century is in such a condition. The article specifies the content of a scientific world-view, as specially scientific information and explicated the essence of the studied world-view as the philosophical and methodological means of studying the information reality, reflecting an important aspect of social life. A person, perceiving the information, deploys in mind information world-view that he perceived as a reality. Information world-view expresses the following traits information reality, which is reflected in its substance: (1) information reality is artificial reality of the II kind (artificial in artificial); (2) the aggregate of the fundamental objects of computer science can be divided into three groups – an attribute that captures information properties – memory size, speed, methods of information presentation in the technical devices determined by the ability of technology or physical level computer science, logic and information technology and information ideology, pragmatic (utilitarian), expressed through the provision of users of information systems and information service, or application level computer science; (3) the general laws of functioning of objects of Informatics are the algorithms and software of information systems; (4) the specificity of the information space, the objects of which are the objects is its seriousness, virtuality, polylogues, accessibility (democracy).

Keywords: scientific world-view, information world-view, information reality, information objects, communication, information time, information space, globality, potentiality.

В конце XX – начале XXI века наука, техника и технологии стали рассматриваться как источники порождения нового типа общества и культуры. Подобное гиперболизирование породило ответную реакцию. Появились исследования, в которых аргументировалась вписанность науки в широкий социальный и культурный контексты. Это привело к пониманию того, что науку надо рассматривать с более широких позиций, с учетом социальных и культурных оснований. Встал вопрос о социальной и культурной детерминации научного знания и понимания того, что есть некий «посредник» между наукой и социокультурными процессами. Таким «посредником» является научная картина

мира в общем и частнонаучная информационная картина мира. Движение в осмыслении информационной картины мира от наглядности к особым конструктам далеко не завершено (см. подробнее [2, с. 275–276]). Более адекватно считать информационную картину мира за некий концепт, рожденный в процессе этого движения: «движения встречного: от информатики к философии и от философии к информатике. Иными словами информационная картина мира, это уже не представление, но еще и не понятие, а в реальном научном мышлении – это концепт» [1, с. 92].

Понятие «мир» имеет два основных значения – философское и естественно-научное. Мир в информационной картине мира выступает как процесс циркуляции информационных потоков. Задачами информационной картины мира являются: обеспечение синтеза всей информации, систематизация информации и распространение ее на мир в целом посредством информационного взаимодействия.

Применение уточненной модели научной картины мира [3, с. 216–217] в информатике не только конкретизирует содержание научной картины мира, превращая ее в частнонаучную картину мира – информационную, но и выявляет специфику информационной реальности. Если в теории информации абстрактным объектом является количество информации, содержащейся в сообщениях и сведениях, то в рамках информационной картины мира реально существующими материальными объектами являются информационные объекты: источник информации (субъект), потребитель информации (объект), информационные технологии, информационные ресурсы и информационная передающая среда, как материализованные формы сообщения и сведения. Человек, воспринимая информацию, разворачивает в своем сознании информационную картину мира, воспринимаемую им в качестве реальности. В «Новейшем философском словаре» читаем: «Для того чтобы правильно ориентироваться в мире, он запоминает полученные сведения (хранит информацию). В процессе достижения каких-либо целей человек принимает решения (обрабатывает информацию). Несущий информацию сигнал, передаваемый средой (каналом) и получаемый потребителем, имеет для последнего определенный смысл, отличный от самого факта поступления этой информации (сообщения). Это достигается за счет извлечения из получаемого сигнала понятного потребителю смысла» [9, с. 433]. Для реализации информационного процесса необходима информационная система, в которой протекает процесс. Для работы информационной системы требуется использование соответствующих ресурсов, в том числе информационных ресурсов. Использование информационных ресурсов требует информационных технологий. В настоящее время информация, информационные процессы и технологии являются важнейшими составляющими жизни человека, что формирует новый информационный образ жизни, где практически все ее стороны в значительной степени пронизываются информационной деятельностью человека, базирующейся на современных информационных технологиях, а значит изменяется и сам человек – его потребности, интересы, взгляды, ценностные установки.

Общие закономерности взаимодействия обозначенных информационных объектов следующие: «информационное взаимодействие – это процесс взаимодействия между субъектом социальной деятельности (индивидами, группами, организациями и т. п.) и объектом, с целью передачи или обмена информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем (языков), приемов и средств их использования и взаимодействия. Цель инфовзаимодействия – воздействие субъекта на объект для его преобразования посредством взаимодействия между информационным пространством и социумом, его создавшим, где целью функционирования информационного пространства является формирование среды обитания человека, наполненной культурным содержанием» [7, с. 64].

Информационное взаимодействие в виде следующих друг за другом фаз целиком укладывается в содержание информационной картины мира. Напомним их: предфаза (субъект сталкивается с базовым фактом, придает ему знаковую форму, базовый факт становиться информацией), фаза производства (процедуры, связанные с упорядочением информации и формированием массивов информации, придание сведениям знаковой формы), фаза передачи, фаза потребления, фаза использования информации, постфаза (длительное влияние информации на объект взаимодействия)

[8, с. 66–69]. Инфовзаимодействие осуществляется в определенной системе пространственно-временных координат.

Несущей конструкцией любой известной до сих пор картины мира, в том числе и информационной, являются пространство и время. Информационная картина мира включает временные характеристики, то есть может характеризоваться временем, необходимым для передачи информации, и возможным расстоянием (доступным для связи) между участниками коммуникации, обеспечивая доступ субъекта к информации. Информационное время, вслед за В. З. Коганом, можно определить как синхронное и диахронное. Синхронной является такая передача информации во времени, при которой субъект устанавливает или может установить обратную связь с объектом, то есть если субъект и объект живут одновременно. Если же речь идет о диахронном способе передачи информации в целом, то информация передается во времени, от поколения к поколению. Рост и распространение информации во времени обусловил все большую сложность информационного пространства. Ограничения в протяженности информационного пространства связаны со временем, необходимым для передачи информации, со скоростью продвижения информационного сообщения от индивида к индивиду.

Временное и пространственное измерение имеют прямое отношение к процессу. Во временном аспекте процесс обычно фиксируется как последовательность изменений, а в пространственном – как протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие объектов, связанных с определенным местом. Эти родовые характеристики процесса неизбежно наследуются и информационным процессом. В определении понятия информационного пространства неизменным остается следующее: определяющим фактором, смыслообразующим явлением в нем оказывается информация; субъектом деятельности в его границах является личность; имеют место специфические носители информации; его регулирование, плотность, подвижность, мера доступности определяются социальной потребностью [13, с. 41–42].

Исходя из методологических соображений, М. С. Каган утверждает, что концептуальные структуры могут иметь не реально пространственную, а квазипространственную природу и отражать «строение интеллектуального содержания различных духовных систем: научно-теоретических, идеологических, художественно-образных» [4, с. 5]. В зависимости от различной сложности А. И. Каптерев выделяет пять объектов информационного пространства, которые присутствуют в нем постоянно: образ, знак, концепт, текст, документ. То есть фиксирование образов в виде знаков на материальном носителе породило документ [6, с. 328].

К анализу информационного пространства возможны два подхода: ресурсный и коммуникационный. Ресурсный подход заключается в том, чтобы зафиксировать информацию, сохранить ее на носителях разного вида, научиться искать и передавать информацию по возможности оперативно, полно и точно. Ю. А. Шрейдер пишет, что «ресурсная концепция основана на представлении об информационной среде, прежде всего как о технической системе, позволяющей хранить информацию, дающую объективное (не зависящее от личных мнений) знание о мире, и с достаточным комфортом извлекать это знание и предоставлять его пользователям инфосреды. В противовес этому коммуникационная концепция рассматривает информационную среду и входящие в нее в качестве компонентов информационные системы как средство передачи знаний и, вообще, обмена сообщениями разного статуса, как средство, позволяющее осуществлять социокультурные функции» [12, с. 50–51]. В исследовании информационной картины мира необходимо использовать и коммуникационный и ресурсный подходы. Поскольку, при отсутствии информационных ресурсов становится бессмысленным само понятие «информационное пространство».

Информационная картина мира не статична, она изменялась с развитием общества. Каждая конкретно-историческая информационная картина мира реализовывалась в различных вариантах (вербальная, письменная, книгопечатная – это все виды донаучной информационной картины мира). Преемственность и конкуренция этих вариантов непременно приводили к изменениям информационной картины мира, и это изменения революционного характера. Речь идет об информационных революциях, связанных с количеством производимой информации и со сменой форм передачи и обработки информации. В 1928 году, американский ученый Ральф Винтон Лайон Хартли опубликовал

в журнале «Bell system» статью «Transmission of Information» («Передача информации»). Он ввёл понятие «информации» как случайной переменной и был первым, кто попытался определить «меру информации». В 1948 году К. Шенноном была опубликована статья «Mathematical Theory of Communication» («Математическая теория связи»), которая сделала его всемирно известным. В ней Шеннон изложил свои идеи, ставшие впоследствии основой современных теорий и технологий обработки передачи и хранения информации. Шеннон обобщил идеи Хартли и ввел понятие информации, содержащейся в передаваемых сообщениях. С конца 1940-х годов об информации как самостоятельной категории заговорили кибернетики. Книга «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине» Н. Винера увидела свет в 1948 году. И с этого времени информация перешла в разряд важнейших универсальных категорий общественного развития. Суть же революционного переворота в информационной картине мира заключалась в том, что только с этого периода было положено начало новой науки, основой которой является теория информации. Информационная картины мира стала дисциплинарной, то есть частнонаучной картиной мира. Противоречия, связанные с проблемами ориентации в информационном пространстве, сложностями доступа к необходимой информации, ограниченными возможностями ее усвоения и использования, дали основания в последней трети XX века говорить об очередном информационном кризисе. Очередная информационная революция частично разрешила ряд проблем за счет развития электронно-вычислительной техники, появление новых способов и каналов связи обеспечения перехода к машинным способам сбора, поиска, обработки, организации, хранения и передачи информации. Таким образом, электронная революция плавно перетекла в революцию компьютерную: микропроцессорная техника, персональные компьютеры и порожденная ими Всемирная сеть Интернет обрушили на человечество лавину информации, практически уничтожив пространственные преграды и расстояния. Объединение компьютеров в Глобальную сеть Интернет позволило обеспечить для каждого человека потенциальную возможность быстрого доступа ко всему объему информации, накопленному человечеством за всю его историю. Интернет в последние несколько лет стал настолько значимым явлением действительности, что вполне обоснованно может рассматриваться как социокультурное явление. Необходимо определить в информационной картине мира соответствующее место и для этого явлений. Федеральная сетевая комиссия США (Federal Networking Council) утвердила следующее содержание термина «Интернет»: «Интернет является глобальной информационной системой, которая 1) логически связана воедино глобально уникальным адресным пространством, основанным на интернет-протоколе (Internet Prorocol, IP) или его расширениях/модернизациях; 2) способна поддерживать коммуникации на основе стека протоколов передачи данных (Transmission Control Protocol/Internet Protocol, TCP/IP) или его расширениях/модернизациях и/или других IP-совместимых протоколов; 3) предоставляет, использует или делает доступным, публично либо конфиденциально, высокоуровневые сервисы, располагающиеся над или интегрированные с коммуникациями и соответствующей описанной здесь инфраструктурой» [5, с. 73]. Как свидетельствуют данные Международного союза электросвязи, в нулевые годы мировая численность пользователей Интернета возросла более чем в 5 раз (от 400 до 2000 млн), а пользователей мобильных сетей – более чем семикратно (от 700 до 5000) [11, с. 18–19]. Настало время сетевой информационной картины мира.

На наших глазах происходят революционные изменения в информационной картине мира. Конструктами данной картины становятся: источник информации (человек, компьютер, электронный информационный ресурс), потребитель информации (человек), сетевые информационные технологии. Канал связи – компьютерная сеть Интернет. Информационное взаимодействие опосредованно Всемирной паутиной. Современные компьютерные технологии размывают границу между субъектом и объектом. Этот феномен интерпретируется как интерактивность. Реализация интерактивности осуществляется благодаря такому свойству Интернета, как гиперизмерение, то есть отсутствие таких характеристик, как конечность пространства и времени. Для данной картины мира характерно Глобальное информационное пространство, при этом компоненты исходного вербального информационного пространства подвергаются трансформации, но оста-

ются существовать в сетевом инфопроцессе не всегда в явном виде, исполняя свои сущностные функции (ресурсную – фаза производства; коммуникативную – фаза передачи, фаза потребления). Информация – способ связи индивида и среды его обитания. Информация существует благодаря коммуникации. Вследствие этого у информации первородно проявляется такая ее сущностная черта, как коммуникативность. Вначале информация появляется при прямом отражении явлений окружающего мира и обозначении их индивидом через слово при формировании смысла. Но чем интенсивнее развиваются коммуникационные процессы, тем большую роль начинает играть информация, передаваемая вербально от индивида к индивиду, а далее, при возникновении фиксированной информации, передаваемая от документа к индивиду. Технологические нововведения в области коммуникации исторически способствовали наращиванию информации в двух измерениях: дальности и площади охвата. Покорение дистанции качественно улучшило возможности диалога (двусторонней коммуникации). Наращивание площади охвата качественно улучшило информационный монолог (односторонняя коммуникация). Компьютерные сетевые технологии открыли пространство многосторонней коммуникации. Общедоступный характер Глобальной сети делает ее объективным зеркалом общества [10, с. 53].

Представленная таким образом информационная картина мира выразила следующие черты информационной реальности, которые отражены в ее содержании.

1. Информационная реальность – это искусственная реальность II рода (искусственное в искусственном).

2. Совокупность фундаментальных объектов информатики можно разделить на три группы: атрибутивная, которая фиксирует информационные свойства – объем памяти, быстродействие, способы представления информации в технических устройствах, которые определяются возможностями техники или физическим уровнем информатики; логическая – информационная технология и информационная идеология; прагматическая (утилитарная), выражающаяся в предоставлении пользователям информационных систем и информационных услуг или прикладной уровень информатики.

3. Общими закономерностями функционирования с объектами информатики выступают алгоритмы и программное обеспечение информационных систем.

4. Спецификой информационного пространства, объектами которого выступают указанные информационные объекты, является его глобальность, виртуальность, полилогия, доступность (демократичность).

Литература

1. Басалаев Ю. М., Басалаева О. Г. Формирование информационной картины мира как методологического средства изучения информационной реальности // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 5 (2). – С. 90–92.
2. Басалаева О. Г. Информационный образ мира: функциональный подход // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2013. – № 24. – С. 274–280.
3. Басалаева О. Г. Функция понимания в частнонаучной картине мира // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 18. – С. 215–220.
4. Каган М. С., Эткинд А. М. Индивидуальность как объективная и субъективная реальность // Вопр. психологии. – 1989. – № 4. – С. 4–15.
5. Кан Р. Роберт Кан: эксклюзивное интервью журналу «Информационное общество» // Информационное общество. – 2009. – № 4–5. – С. 68–75.
6. Каптерев А. И. Информатизация социокультурного пространства. – М., 2004. – 512 с.
7. Коган В. З. Теория информационного взаимодействия. Философско-социологические очерки. – Новосибирск, 1991. – 320 с.
8. Коган В. З. Человек в потоке информации. – Новосибирск, 1981. – 177 с.
9. Новейший философский словарь. – Минск, 2003. – 1280 с.
10. Туронок С. Г. Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 51–63.

11. Цапенко И. П. ИКТ и глобальная мобильность труда // Информационное общество. – 2011. – № 2. – С. 18–28.
12. Шрейдер Ю. А. Социокультурные и технико-экономические аспекты развития информационной среды // Информатика и культура. – Новосибирск, 1990. – С. 50–51.
13. Яременко И. А. Организационно-педагогические условия формирования социальной активности личности средствами массовой информации: дис. … канд. пед. наук. – Магнитогорск, 2000. – 190 с.

References

1. Basalaev Yu.M. and Basalaeva O.G. Formirovanie informacionnoy kartiny mira kak metodologicheskogo sredstva izucheniya informatsionnoy real'nosti [Formation of the information world–view as a methodology of studying the information reality]. *Mezhdunarodnihyy zhurnal eksperiment'nogo obrazovaniya [International Journal of experimental education]*, 2014, no 5 (2), pp. 90–92. (In Russ.)
2. Basalaeva O.G. Informatsionnyy obraz mira: funktsional'nyy podkhod [Information picture of the world: functional approach]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2013, no 24, pp. 274–280. (In Russ.)
3. Basalaeva O.G. Funktsiya ponimaniya v chastnonauchnoy kartine mira [Hermeneutic function of personal scientific world outlook]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no 1, pp. 215–220. (In Russ.)
4. Kagan M.S., Etkind A.M. Individual'nost' kak ob'ektivnaya i sub'ektivnaya real'nost' [Identity as objective and subjective reality]. *Voprosy psikhologii [Voprosy Psychologii]*, 1989, no 4, pp. 4–15. (In Russ.)
5. Kan R. Robert Kan: eksklyuzivnoe interv'yu zhurnalu "Informatsionnoe obshchestvo" [Robert Kan: exclusive interview to the Journal "Information society"]. *Informacionnoe obshchestvo [Information society]*, 2009, no 4–5, pp. 68–75. (In Russ.)
6. Kapterev A.I. Informatizatsiya sotsiokul'turnogo [Informatization of sociocultural space]. Moscow, 2004. 512 p. (In Russ.)
7. Kogan V.Z. Teoriya informatsionnogo vzaimodeystviya. Filosofsko-sotsiologicheskie ocherki [Theory of information exchange. Philosophical and sociological sketches]. Novosibirsk, 1991. 320 p. (In Russ.)
8. Kogan V.Z. Chelovek v potoke informatsii [The person in a flow of information]. Novosibirsk, 1981. 177 p. (In Russ.)
9. Noveyshiy filosofskiy slovar' [The latest philosophical dictionary]. Minsk, 2003. 1280 p. (In Russ.)
10. Turonok S.G. Internet i politicheskiy protsess [Internet and political process]. *Obshchestvenyye nauki i sovremennost' [Social sciences and present]*, 2001, no 6, pp. 51–63. (In Russ.)
11. Capenko I.P. IKT i global'naya mobil'nost' truda [ICT and global mobility of work]. *Informatsionnoe obshchestvo [Information society]*, 2011, no 2, pp. 18–28. (In Russ.)
12. Shreyjder Yu.A. Sotsiokul'turnye i tekhniko-ekonomicheskie aspekty razvitiya informatsionnoy sredy [Sociocultural and technical and economic aspects of development of the information environment]. *Informatika i kul'tura* [*Informatics and culture*]. Novosibirsk, 1990, pp. 50–51. (In Russ.)
13. Yaremenko I.A. Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya formirovaniya sotsial'noy aktivnosti lichnosti sredstvami massovoy informatsii. Diss. kand. ped. nauk. [Organizational and pedagogical conditions of formation of social activity of the personality mass media. Ph.D. ped. sci. diss.]. Magnitogorsk, 2000. 190 p. (In Russ.)

УДК 316.16: 141.7

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ КАК НОРМООБРАЗУЮЩЕЕ СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Жукова Ольга Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово, РФ). E-mail: oizh@list.ru

Жуков Владимир Дмитриевич, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Кемеровская государственная медицинская академия (г. Кемерово, РФ). E-mail: oizh@list.ru

В статье рассматривается проблема идентичности как то, что позиционирует личность в качестве индивидуальной неповторимости и то, что позволяет ей формировать собственное «я»; подчеркивается,

что по мере усложнения мира социума идентичность приобретает множественный характер. Авторами кризис идентичности рассматривается как конфликт между сложившимися устойчивыми структурами идентичности индивида и соответствующим способом вписывания ее в окружающую реальность. Авторы приходит к выводу, что кризис идентичности – это неизбежный и логичный этап на пути развития личности и обретения себя в качестве гармоничной целостности.

Ключевые слова: личность, самость, идентичность, кризис идентичности.

IDENTITY CRISIS AS A NORM-SETTING FORMATION OF PERSONALITY

Zhukova Olga Ivanovna, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of Chair of Philosophy of Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oizh@list.ru

Zhucov Vladimir Dmitrievich, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Chair of Philosophy, Kemerovo State Medical Academy (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: oizh@list.ru

The article deals with the problem of identity that considers personality as an individual uniqueness and allows it to form his own ego. Identity gets multiple nature as the world society becomes more complicated. The authors consider identity crisis as a conflict between the established stable structures of the individual identity and the appropriate manner of inscribing it in the surrounding reality. The authors conclude that the identity crisis is inevitable and logical stage of personal development and finding himself as a harmonious whole.

Keywords: personality, self, identity, identity crisis.

Сегодня с полным основанием можно говорить о том, что современный социум утратил устойчивые социальные общности, которые сплетали единую социальную ткань, позволяя самости обретать аутентичную себе систему социальных координат. Вращаясь во множестве разнопорядковых реальностей, извлекая из них определенный для себя опыт, человек, тем не менее, не идентифицирует себя ни с одной из них. Подобное неустойчивое положение индивида, его образа, как в собственных глазах, так и в глазах других, стало естественным и даже привычным явлением.

Дело не только в том, что человек лишился определенных гарантий данной устойчивости в социокультурной реальности. В истории всегда были периоды, которые воспринимались, описывались как катастрофические, распадающиеся, деструктивные. Но они не понимались и не анализировались в качестве «кризиса идентичности». Безусловно, это явление имеет свои объективные причины, на которые обращает внимание теоретическая мысль и где попытки осознания данной тенденции предпринимаются в разных исследовательских программах.

Проблема идентичности – одна из преобладающих в современном гуманитарном знании. Термин этот прочно вошел в дискурсивные практики интеллектуального сообщества. Философы и психологи практически соединили понятия самосознания и идентичности, культурологи рассматривают культурную и субкультуральную идентичность, политологи – мультикультуральность и национальную идентичность. Понятие «идентичность» прилагается к индивидам, культурам, субкультурам, этносам, нациям. В литературе имеется достаточно много типологий и классификаций идентичности. Их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные» и «негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». Самыми основополагающими считаются этнические, расовые, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями индивидов. Такая широта и частота использования данного понятия, конечно, не являются случайными, а выражают объективно существующие процессы, происходящие в социокультурной реальности. Несмотря на то, что в литературе отмечается достаточно разнопорядковое осмысление данного феномена, связанное с междисциплинарным характером его изучения

и серьезно разнящееся в зависимости от предмета исследования, на сегодняшний день сложилось определенное понимание идентичности, позволяющее фиксировать его существенные характеристики.

Термин идентичность (от лат. корня idem – то же самое) обозначает прежде всего (что обычно фиксируется в словарях) структуру вещей, которые остаются теми же самыми, сохраняющими свою сущность при всех трансформациях. Здесь необходимо учитывать, что нас интересует не широкий спектр видения данного феномена, где речь идет об установлении тождества однозначного соответствия по отношению к разным объектам, а применение этого соответствия по отношению к индивиду. Отсюда, в контексте исследования, проблема идентичности будет нами рассматриваться как то, что позиционирует личность в качестве индивидуальной неповторимости и то, что позволяет ей оставаться самой собой.

Идентичность личности не означает ее тождественности с другими. Здесь, в первую очередь, речь заходит об идентичности, тождественности личности по отношению к самой себе, и в этом заключается ее простое обозначение. Но очевидно, что данная простота весьма обманчива, так как «тождественность личности самой себе» – одна из сложнейших и мучительных проблем ее развития, где сами параметры, координаты данной тождественности не даны в качестве непреложных и однозначных. Данная тождественность всегда ищется и корректируется сквозь призму опыта ее взросления и становления в качестве зрелой, целостной самости, где немаловажную роль играют ее духовные способности, одной из которых является способность к постоянной открытости в постижении нового.

Данная тождественность может связываться с антиномичностью идентичности, где можно определить точку соприкосновения между двумя противоречивыми представлениями идентичности. Здесь, с одной стороны, как показывает П. Рикер, идентичность выступает как тождественность (лат. idem), с другой – проявляет себя как самость (лат. ipse). В первом случае (idem) речь идет об одинаковости, самотождественности, которая находит свое отражение в генетической, биологической основе индивида, воплощенной в его характере. Во втором случае (ipse) речь идет о самости и ее изменении, изменении, происходящим с тем, что не меняется. В этом плане можно говорить о том, что личность есть единство устойчивости и изменчивости. Даже сама фиксация такого различие между этими двумя вариантами идентичности проявляется в таких терминах, которые одновременно являются и дескриптивными, и символическими: характер и сдержанное слово. Под характером здесь имеется в виду «совокупность отличительных признаков, позволяющих повторно идентифицировать человеческого индивида как самотождественного. Благодаря дескриптивным чертам характер вбирает в себя количественную и качественную идентичность, непрерывное постоянство, постоянство во времени. Именно так он эмблематическим образом обозначает тождественность личности» [3, с. 148–149].

Дело в том, что по характеру, обозначаемому как сочетание длительных предрасположенностей, можно узнать человека. С понятием предрасположенности сочетается понятие привычки, как уже наличествующей, так и приобретенной. Каждая привычка образует некоторую черту личности, черту ее характера, по которой она распознается. Тем самым характер становится совокупностью этих отличительных знаков. Также понятие предрасположенности связывается с приобретенными идентификациями, с помощью которых в состав тождественного привносится новое. По большому счету, идентичность человека устанавливается по таким идентификациям, как ценности, нормы, идеалы, герои. В них личность узнает себя и по ним определяет приоритеты своего бытия. Благодаря приобретенным привычкам и идентификациям, то есть предрасположенностям, у характера формируется и качественная и количественная идентичность, не прекращающееся постоянство изменения, постоянство во времени, определяющие его тождественность. В характере idem и ipse стремятся препятствовать их различению, поэтому вполне логично для различения идентичности самости и идентичности тождественного обращаться к другой модели постоянства во времени, чем характер, – модели сдержанного слова.

Именно верность сдержанному слову является показательным выражением идентичности противоположной модели характера. Сдержанное слово и говорит о том, что личность сохраняется. Сдерживая слово, обещание, человек символи-

зирует собой некий вызов, брошенный времени, отрицая тем самым изменения. Как бы не изменялись его предпочтения, желания, привязанности, наклонности, он сохраняет самого себя. Подобную устойчивость ему и придает сдержанное слово.

Здесь принципиально важным оказывается то, что личность является личностью, если она включена в этическую плоскость своего существования. Этический параметр (особенно проявляющейся в таком термине, как «ответственность») обозначает, что личность существует так, чтобы другой мог на нее рассчитывать, а рассчитывать – это и значит держать ответ, слово за свои поступки перед другим.

Итак, понятие «идентичность личности» обозначает непротиворечивый, личностно принимаемый образ самости во всем спектре самых разнообразных взаимоотношений с окружающей реальностью, где личность поддерживает, открывает саму себя через диалектику своей самостоятельности и многочисленных зависимостей. Идентичность личности – это прежде всего изменчивость при неизменной устойчивости. Идентичность не есть некое неизменное свойство присущее изначально, а то, что формируется, закрепляется или, наоборот, преобразовывается, трансформируется в процессе взаимоотношений с окружающей реальностью.

Проблема идентичности приобрела свое актуальное звучание с наступлением современной эпохи. До этого в обществе (которое можно обозначить и как традиционное или доиндустриальное) идентичность индивида определялась принадлежностью определенному социальному слою, которую невозможно было изменить по его желанию. Поэтому проблема самоидентичности принципиально не могла возникнуть в качестве основополагающей в данной социальной реальности.

В традиционном обществе идентичность представала высоко профилированной, то есть полностью представляющей ту объективную реальность, в которой она находилась. Фактически каждый человек был тем, за кого его принимали. П. Бергер и Н. Лукман пишут: «В таком обществе идентичности легко узнаваемы, как объективно, так и субъективно. Всякий знает про всякого, кем является другой и он сам. Рыцарь является рыцарем, а крестьянин – крестьянином, как для других, так и для самого себя. Поэтому тут нет проблемы идентичности. Вопрос “Кто я такой?” – вряд ли возникнет в сознании, поскольку социально предопределенный ответ массивно реален субъективно и постоянно подтверждается всей социально значимой интеракцией. Это не в коем случае не означает, что индивид рад такой идентичности. Быть крестьянином вряд ли очень приятно, это включает в себя всякого рода субъективные реальные и настоятельные проблемы, совсем не радостные. Но в эти проблемы не входит проблема идентичности. Можно быть нищим или даже бунтующим крестьянином. Но он был именно крестьянином. Личности, сформированные в таких условиях, вряд ли понимают себя в терминах “скрытых глубин”. “Поверхностное” и лежащее за поверхностью Я дифференцируется лишь в терминах степеней субъективной реальности, которая в каждый данный момент представлена в сознании, но не в терминах перманентной дифференциации “слоев” Я» [1, с. 265]. Итак, в традиционном обществе сознание людей мир воспринимало строго упорядоченным, иерархичным. В этом мире все имело свое место, все было взаимосвязано, гармонизировано. Каждый человек являлся исполнителем определенной социальной функции, которую исполняли до него, и после него будут исполнять другие.

В современных обществах подобные взаимоотношения принципиально меняются: межличностные отношения обретают независимость от связей родства, от клановых традиционных определений. Возникает личность, которая пытается воспринимать себя в качестве целостности своей индивидуальной жизни. Для нее в качестве главной становится проблема самоопределения, самоидентичности. Данная самоидентичность осмысливает себя в терминах автобиографии. В этом плане можно говорить о том, что автобиография является своеобразным структурирующим ядром самоидентичности. Ее наличие подразумевает возможность личности выстраивать целостную, планируемую логику своего жизненного проекта. Такой проект не может быть успешно реализован, если она не полагает в качестве естественного возможности выбора нескольких вариантов жизненного пути. Признание данной вариативности означает, что личность должна сознательно осуществить выбор своей жизненной программы, «выбирая» которую она, в конечном

счете, формирует себя, свою тождественность с определенной группой, образом жизни, ценностными императивами.

По мере усложнения мира социума – вступления обществ в стадию постиндустриального развития – (и здесь неважно как данное общество будет обозначаться: «постиндустриальным» «информационным», «обществом риска», «обществом постмодерна» и т. д.) идентичность начинает приобретать множественный характер. Все это приводит к сложной проблеме, с которой она сталкивается. Индивид начинает ощущать себя совокупностью самых разных ролей, которые ему приходится исполнять и в которых присутствует лишь самая минимальная часть его целостности. Причем ему приходится постоянно держать под контролем взаимодействие между собой этих ролей, не позволяя им вмешиваться в исполнении друг друга, поскольку каждая из них имеет свой собственный контекст и может быть совершенно неуместна и неприемлема в другом. Таким образом, он нигде не чувствует себя аутентично в полной мере, у него нет однозначного образа себя, который выступал бы для него как естественный и очевидный. Наличие множества идентичностей приводит личность к определенному замешательству, которое обозначается как кризис идентичности.

Если исходить из социально-онтологических оснований кризиса идентичности, то они заключаются в размывании свойственных классическому обществу модерна привычных, устойчивых социальных образований, текучести социальных структур постиндустриального общества. Не случайно постсовременность обозначается как «текучая», «мягкая», «бархатная», в которой устойчивые социальные классы, прослойки (объединенные общностью социальных интересов) уступают место случайным, возможным при определенных условиях объединениям, скрепленным лишь условностью социального символа.

Появление терминов «неокочевничество», «номадическая идентичность», сравнивающих жизнь современного человека с образом жизни кочевников, как раз и отражают размывание устойчивых социальных структур. Когда в свое время А. Тоффлер говорил о кочевничестве, то он под ним подразумевал самоощущения людей вынужденных мигрировать, менять место жительства, работы и сопутствующие этому, состояния потерянности, депрессии, которые они испытывали. Сегодня неокочевничество скорее выражает не трудную жизненную ситуацию, а наоборот, ее нормальность. Оно отражает обычный образ многих людей, воспринимаемый ими как вполне естественный. Номадизация характеризуется как такое положение человека, при котором он не в состоянии, хотя бы в общих чертах, определить свое будущее. И в этом плане его жизнь, как и жизнь кочевника, не связывается с долгосрочными программами и осознанными целями. Все это приводит к тому, что, с одной стороны, индивид привыкает полагаться только на самого себя и исходить из своей самодостаточности и самореализации (отсюда рост идивидуализации), с другой – у него возрастает чувство внутренней несогласованности, разорванности собственного «я», потерянности самоидентичности.

Собственно понятия «идентичность», «кризис идентичности» прочно вошли в философский, психологический, социологический словарь, с середины двадцатого столетия и приобрели междисциплинарный характер после публикаций работ Э. Эриксона. Следует при этом заметить, что сам эго-психолог не считал себя первооткрывателем и называл среди основных предшественников данной позиции У. Джеймса, З. Фрейда, А. Фрейд и др. Безусловно, здесь необходимо учитывать, что хотя до Эриксона данные термины не использовались именно в таком понятийном обозначении, их отсутствие не означает, что соответствующая проблематика не обсуждалась в теоретических концепциях. Так, по большому счету Джеймс, говорит именно об идентичности (используя в основном термин «характер»), подразумевая под ней субъективное чувство соответствия личности себе самой. У З. Фрейда идентичность понимается как внутренний, частный мир человека, на становление которого большую роль оказывают биологический и социальный процессы. В основном З. Фрейд уделял большое внимание феномену идентификации. Идентификация – группообразующий фактор, позволяющий человеку выстраивать свою самость, принимая во внимание множество образцов и стилей поведения других и отождествляя себя в большей степени бессознательно с некоторыми из них. Процесс идентификации выполняет важные функции: адаптационную (защитную) и социализирующую. При этом наиболее важной оказывается биолого-

психологическая. Именно сохранение этой функции оказывается наиболее существенной и определяющей для человека.

В позиции фрейдизма есть определенный недостаток: отсутствие в нем должного внимания к факторам окружающей реальности, мира социума, оказывающих серьезное воздействие на внутренний мир личности. В противоположность классическому психоанализу, исходящему из противопоставления человека и общества, здесь в след за Эриксоном следует подчеркнуть наличие адаптивного характера поведения человека, где собираются, кумулируются черты наличествующие в качестве идентичности. Отсюда идентичность и понимается как состояние перманентной самотождественности, самооценки, основанные на принятие своего целостного образа в единстве с многоаспектными социальными связями. Таким образом, стабильность, непротиворечивость идентификации происходит тогда, когда личность достигает гармоничного соотношения между представлениями о себе самой и представлениями других о ней. Данный процесс находится в постоянном развитии и изменении, постоянной дифференциации, наполняясь более сложным содержанием по мере того, как расширяются значимые для индивида другие. В любом случае человек всегда стремится к обретению собственной целостности, которая, тем не менее, может быть нарушена в результате «кризиса идентичности».

Впервые термин «кризис идентичности» был употреблен во время Второй мировой войны в процессе лечения ветеранов. Работавшие с ними психологи, обнаружили, что многие из них пройдя экстремально тяжелые условия войны, потеряли тождество своей самости и чувство непрерывности, взаимосвязанности времени. Позже подобные нарушения были зафиксированы у молодых людей раздираемых внутренними глубинными противоречиями. Но реакция на подобный кризис у молодых людей, проявляющаяся в состояниях либо агрессии, либо депрессии, носит временный характер и не влечет за собой необратимые, деструктивные процессы в развитии самости. Все это позволило развести патологический «кризис идентичности» от возрастного кризиса как неотъемлемого атрибута жизни любого человека. Отсюда изменилось отношение к пониманию самого термина «кризис». Он перестал ассоциироваться с неизбежной катастрофой, деструктивностью, а стал пониматься как неизбежный поворотный пункт, критический момент, после которого развитие повернет в ту или иную сторону – в сторону роста или собственно деградации.

Кризис идентичности – это конфликт между сложившимися устойчивыми структурами идентичности личности и соответствующим способом вписывания ее в окружающую реальность. Проявляться кризис может в таких состояниях, как близость, неотчетливость временных перспектив, выбор негативной идентичности, наложение и смешение ролей. В этом контексте особенно важным для понимания процессов, происходящих с индивидом, предстает негативная идентичность, которая диктуется необходимостью найти свою нишу и защититься от чрезмерно высоких требований, предъявляемых актуализированными вышестоящими авторитетами. Подобный выбор негативной идентичности представляет собой попытку овладеть ситуацией, для того что бы таким своеобразным способом согласовать различные элементы идентичности, взаимоподавляющие друг друга. Негативная идентичность исходит из таких идентификаций и ролей, которые на критических стадиях развития представляются и осознаются как наиболее нежелательные или опасные, но и в то же время наиболее реальные.

Кризис, переживаемый индивидом, как правило, приводит к фрустрации, депрессии, агрессивности, многочисленным внутренним конфликтам, но, тем не менее, его следует рассматривать как неизбежный и логичный этап на пути развития личности к становлению и обретению себя в качестве целостной идентичности. В конечном итоге, здесь важно, чтобы кризис не приводил к замене самоуважения ненавистью к себе. Именно в таком контексте рассматривает кризис идентичности В. Хёсле, чьи идеи для нас являются близкими в понимании проблем, с которыми сталкивается личность.

Хёсле рассматривает кризис идентичности как отвержение самости со стороны «я». Здесь сразу необходимо прояснить, что понимается мыслителем под самостью и «я». В его концепции это не совпадающие понятия, при всей относительности различий между самостью и «я». «Я» – это наблюдающее начало, самость – наблюдаемое (в данном случае мы видим следование одной из традиционных позиций философии, рассматри-

вающих самость в качестве устойчивого, «ядерного» центра человека). «Я» человека наблюдает за его самостью, дистанцируется от нее, но «я», может наблюдать и свое наблюдение, и в этом случае, то, что было «я», становится самостью. Отсюда «я» может также отождествляться с самостью, то, что сначала было самостью, становится «я». В любом случае, проблема идентичности является проблемой отождествления, идентификации «я» и самости.

Кризис идентичности, в котором «я» отвергает свою самость, не может быть совершенно явным, открытым, очевидным. Человек, не любящий, презирающий свою самость, ищет разные способы обмана, бегства от самого себя. Это связано с весьма серьезными, мучительными страданиями, через которые ему приходится проходить, и которые могут быть преодолены только путем продолжительных усилий. Здесь можно назвать разные причины проявления кризиса идентичности (от психосоматических до социальных). Так, например, одной из них может быть причина, коренящаяся в физических метаморфозах тела и нежелании мириться с этими изменениями; другая – может вызываться потерей памяти, так как в значительной степени личность формируется прошлым, и некоторые моменты прошлого «я» хочет забыть, то есть забыть свою самость. Последнее приводит к кризису идентичности. Также источником кризиса может быть и отказ признавать временность, мимолетность своей самости, следствием чего вполне может быть панический страх смерти. Неверные, искаженные образы собственной самости (чрезмерное преувеличение своих достоинств или наоборот недооценивание, принижение себя) приводят к кризису идентичности. Но самый серьезный и безысходный кризис идентичности в основном вызывается убеждением в отсутствии вообще каких либо нравственных норм. Безысходность этого кризиса в том, что из него практически нет выхода, так как само понятие «кризис» предполагает нормативные коннотации, которые человек отклоняет. В данном случае отвержение, неприятие различия между правильным и неправильным, ошибкой и истиной снимает саму постановку вопроса о кризисе, что и порождает его безвыходность. К наиболее распространенным причинам кризиса идентичности относится диспропорция между аутентичной и феноменальной (социальной) самостью. И в этом плане особенно поразительным оказывается то, насколько человек быстро, практически без всякого сопротивления, принимает завышенные или наоборот осуждающие оценки других относительно самого себя, вне каких-нибудь убедительных моральных посылок. Также кризис дает о себе знать, когда происходит столкновение с наиболее властной, доминирующей, сильной личностью, под давлением которой приходится находиться, или взаимодействие с талантливым, незаурядным человеком, в результате чего, оценка собственной индивидуальности приходит к резкой аберрации, появлению ощущения своей никчемности и ненужности вообще. Идентичность «расшатывается» тогда, когда приходится переживать разочаровывающее поведение близких людей, особенно предательство бесконечно дорого и близкого человека, в результате чего возникает сомнение относительно адекватной способности объективно воспринимать и оценивать других.

Важность для нашего исследования концепции Хёсли заключается в том, что мыслителем подчеркивается следующая (и как нам представляется справедливая) идея: несмотря на весьма серьезную опасность, которую с собой несет каждый кризис идентичности, тем не менее его нельзя оценивать только в негативных характеристиках. Необходимость кризиса заключается в том, что благодаря ему происходит развитие человека и социальных институтов (когда речь заходит о кризисе коллективной идентичности). В результате кризиса происходит частичное отторжение своей прежней идентичности и начинает формироваться новая самость, которая приобретает более сложное содержание. Для этого, как считает Хесле, необходимы следующие условия разумного восстановления идентичности: «Прежде всего чрезвычайно важно, чтобы «я» признало, что отвергаемая им самость не является всецело отрицательной. Причина, в силу которой «я» столь сильно призирает самость – именно их идентичность, – указывает правильное направление. Признание «я» недостатков самости следует видеть в положительном свете: поскольку данное признание следует считать положительным достижением «я», относящего к этой самости, последняя не может быть совершенно неисправима и безнадежно дурна; в противном случае «я» никогда не мог-

ло бы почувствовать отвращения к ней. Испытываемое «я» отвращение является зачатком новой идентичности и именно благодаря пониманию им того, что это отвращение не может быть полностью оправданным, будь оно даже разумным, ибо, будучи разумным, оно представляет собой нечто положительное» [4, с. 121].

Ключевым для философского пути поиска адекватного выхода из кризиса идентичности выступает разумность идентичности. Именно поэтому отвержение собственной самости для «я» не может носить тотального характера, так как это просто противоречит принципу разумности. Разумность в этом контексте выступает в качестве нормативного принципа идентичности человека. Особенно это проявляется в отрицании самости, в том, что разумное, последовательное отношение «я» к самости требует признания за отрицаемым положительного значения по причине ее тождества с отрицаемым. Разумность проявляется в том, что в построении новой идентичности человек должен насколько возможно избегать оценки своих прошлых идентичностей как абсолютно ложных, отрицательных. Ошибка подобного варианта поведения индивида заключается в его излишней зависимости от отрицательного опыта, который удерживает его, доминирует над ним и не дает возможности адекватно, непредвзято оценить путь своего развития. Здесь принципиально важно человеку понять порождающий принцип развития собственной индивидуальности, исходя из которого признается определенный смысл, закономерность (пусть и в скрытом варианте) прошлого опыта, позволяющего примирить свое прошлое с настоящим.

Итак, кризис идентичности, несмотря на весь драматизм его прохождения, выступает нормой становления личности. И его следует понимать как желание ее осознавать себя в качестве единой целостности, как умение преодолевать разорванность, противоречивость своих образов и гармонично их соединять. Как отмечается О. И. Жуковский в статье «Проблема кризиса личности в условиях общества постмодерна, «кризис идентичности позволяет человеку понять принцип собственного становления. Сущность его заключается в умение признавать скрытую, но, тем не менее, логичную закономерность своего прошлого, принимать себя в системе пространственно-временных координат этого прошлого, а значит примиряться с ним, даже если оно отвергается по причине смены ценностных ориентиров» [2, с. 178]. Даже обостренное осознание ошибочных действий, которые человек не должен был совершать, предполагает не восприятие их в качестве абсолютной неисправимости, а как условие возможного личностного прогресса. В этом контексте прогресс совершенно был бы не мыслим, если бы личность с самого начала своего жизненного пути уже им обладала. Анализ причин глубины самой себя, своей аутентичности. И здесь как раз ее зрелость, самодостаточность и проявляется в способности понять смысл своего подлинного существования.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Жукова О. И. Проблема кризиса личности в условиях общества постмодерна // Философия образования. – 2008. – № 1 (22). – С. 176–183.
3. Рикер П. Я. – сам как другой. – М.: Изд-во гуманитар. лит., 2008. – 419 с.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М.: Флинта, 2006. – 356 с.
5. Хесле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопр. философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.

References

1. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti [The Social Construction of Reality]. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (In Russ.)
2. Zhukova O.I. Problema krizisa lichnosti v usloviyakh obshchestva postmoderna [The problem of personal crisis in the postmodern society]. *Filosofiya obrazovaniya [Philosophy of educadion]*, 2008, no 1 (22), pp. 176–183. (In Russ.)
3. Riker P. Ya – sam kak drugoy [I – self as another]. Moscow, Human literature Publ., 2008. 419 p. (In Russ.)
4. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis [Identity: Youth and crisis]. Moscow, Progress Publ., 2006. 234 p. (In Russ.)
5. Khesle V. Krizis individual'noy i kollektivnoy identichnosti [Crisis of individual and collective identity]. *Voprosy filosofii [The question of philosophy]*, 1994, no 10, pp. 112–123. (In Russ.)

УДК: 316.7

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ В ПОЗНАНИИ

Балабанов Павел Иванович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: preimnaya@kemguki.ru

Коханова Ольга Владимировна, преподаватель, Кемеровский музыкальный колледж (г. Кемерово, РФ). E-mail: olga_kohanova@mail.ru

В статье рассматриваются современные подходы к изучению социокультурного детерминизма. На основе теоретического анализа раскрыто понятие детерминизма, которое в применении к научному исследованию принимает форму основополагающего, исходного принципа. Изложена эволюция концепции детерминизма в истории познания и его интерпретация современными исследователями. Проанализированы представления о различных формах детерминизма: – географическом, экономическом, культурном, где особая роль отводится культурному детерминизму, основы которого закладываются М. Вебером, Т. Парсонсоном и получают развитие в работах современных отечественных ученых: В. Д. Попова, М. Мамардашвили, И. Т. Янина и др. При анализе сделан вывод, что на смену технико-экономическому детерминизму в современную эпоху приходит неклассический детерминизм, то есть комплексный, в состав которого входят такие виды детерминизма, как: культурный, социальный, психологический и информационный. Утверждено положение о том, что перечисленные виды детерминизма задают вектор развития общества.

В заключении зафиксировано, что принцип детерминизма, его разновидности достаточно ассимилированы различными науками, что позволяет более полно исследовать социокультурные процессы в развитии общества.

Ключевые слова: общество, культура, детерминизм, комплексность, системность, развитие.

SOCIOCULTURAL DETERMINISM IN THE CONTEXT OF HISTORY OF KNOWLEDGE

Balabanov Pavel Ivanovich, Doctor of Philosophy Science, Professor, Professor of Chair of Philosophy, Law and Socio-Political Disciplines, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: preimnaya@kemguki.ru

Kokhanova Olga Vladimirovna, Lecturer, Kemerovo College of Music (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: olga_kohanova@mail.ru

The concept of determinism is detected in this work based on the theoretical analysis, which in relation to scientific research takes a form of a fundamental and initial principal. The evolution of the concept of determinism in the context of history of knowledge and its interpretation by the modern researches have been expounded in this work. Different concepts of the forms of determinism such as geographical, economical, cultural had been analyzed. And the special role was given to cultural determinism among others, the basis of which was established but M. Weber, T. Parsonson and got developed into the works of contemporary Russian scientists such as V. D. Popov, M. Mamardashvili, I. T. Jannina, etc. The researches concluded that techno-economic determinism will be dislodged in the future by neoclassical determinism, which is more complex and it includes three other types of determinism such as cultural, social, physiological and information. It is claimed that the kinds of determinism listed above set the direction of further development. So, it may be concluded according to the observations made that the principal of determinism and its kinds are assimilated by different sciences which gives a possibility to further explore socio-cultural processes in their very development.

Keywords: society, culture, determinism, complexity, consistency, development.

Любое конкретное научное исследование всегда опирается на предшествующее знание разного характера – эпистемологическое, методологическое, аксиологическое и др., а также на определенные философско-мировоззренческие основы. Исторически оправданным и практически значимым для научного познания выступает философское учение детерминизма как учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира.

Иными словами, философский детерминизм обусловливает виденье объекта научного исследования как форму взаимосвязи идеального и материального, их взаимодействия и в тоже время нацеливает на понимание существования начальных ограничительных условий, которые сопутствуют и определяют направления его развития из всего спектра реальных возможностей движения и развития этого объекта, а также обусловливает на основании данных современной науки и философии понимание этого объекта, этой формы взаимосвязи и взаимодействия как системно-организованного, как причинно-необходимого и случайного.

Приведенная интерпретация основных положений философского детерминизма благодаря успехам, прежде всего, релятивистской квантовой механики, релятивистской космологии, молекулярной биологии (генетики) является предметом дискуссии в современной философии. Благодаря обсуждению в научном сообществе выявляются новые грани философского детерминизма. В применении к научному исследованию философский детерминизм принимает форму основополагающего, исходного принципа [7, с. 520]. Эту мысль подтверждает В. М. Демин. Он обращает внимание на то, что «принцип, наряду с целеполаганием и ценностно-оценочной ориентацией, с наибольшей полнотой отобразил именно активно-преобразовательную сущность процесса познания. <...> Принцип – это не просто знание, а знание действенное, направляющее осмысление и преобразование действительности. Действие принципов никоим образом не ограничивается сферой идеального. В этом смысле теоретические принципы, корректируя научный поиск, направляют его на познание объективных закономерностей, обеспечивают установление и подбор фактов, приводят к выводу о необходимости проведения опытов и экспериментов, диктуют их цель и определение. Тем самым научные принципы выступают в качестве руководящей нити практической деятельности» [2, с. 25–26]. В этом плане совершенно уместным выглядит утверждение, что «принцип детерминизма служит руководящим началом во всех областях научного знания, эффективным орудием постижения истины» [9, с. 149].

Принцип детерминизма в той или иной степени применяется в качестве основы в различных конкретных науках. Но при этом необходимо помнить, что «категория детерминации, поскольку она выражает какие-то воздействия на ход процесса, ограничивающие его произвол, сужающие возможности иных его направлений, чем-то, в русле которого он протекает в действительности, предполагает всегда внешнюю ей спонтанность детерминируемого ей процесса, его самодвижение. Детерминанты определяют возможности эволюции такого спонтанного самодвижения и в меру этого предопределяют конечный результат» [3, с. 65].

Детерминизм в социальных науках и культурологии – использование принципа причинно-следственной закономерной связи в анализе социальной и культурной жизни. В истории научной мысли детерминизм понимался по-разному. Например, сторонники механистической трактовки детерминизма в социальных науках полагали, что общество подчинено одинаковым с природой причинно-следственным связям (социальная физика XVII–XVIII веков), и основывали на этом возможность предвидения в социальных науках. Образцом для механистической трактовки детерминизма долгое время служил принцип, сформулированный французским физиком П. Лапласом (лапласов детерминизм), согласно которому существует однонаправленная динамическая связь между состояниями предмета, подчиняющаяся законам классической физики и прежде всего механики. Вместе с тем применение теории вероятности в социальных науках (в статистике, в обосновании страхового дела и др.) сформировало новое понимание детерминизма как регулярности случайных событий, как распределений в большом массиве случаев.

Статистический анализ, распространенный в социологии, демографии и других социальных науках, наполняет детерминизм более конкретным содержанием. В крупных совокупностях социальных явлений выражается статистическая закономерность или тенденция развития, подчеркивается значение случайности во взаимодействии многих элементов и выделяются причины отклонений от предполагаемого хода событий на основе анализа статистических распределений. В социальных науках признается вероятностный и вместе с тем закономерный характер социальных связей. Ни одно из пониманий детерминизма не отрицает значение сознательной, целенаправленной человеческой деятельности, поскольку социальные законы – это законы деятельности людей. Поэтому так важна субъективная сторона этой реальности – те цели, которые ставит перед собой общество и каждый отдельный индивид.

Одной из форм детерминизма является детерминизм географический, то есть концепции, утверждающие географическую среду в качестве детерминанты социального устройства, социально-исторического и культурного развития отдельных государств, что выражено в работах Ш. Монтескье, А. Тюрго, Г. Бокля, Ф. Ратцеля, Л. Мечникова и др.

Наиболее распространенной формой детерминизма в социальных науках XIX века был детерминизм экономический, то есть концепция, согласно которой экономика как сфера человеческой деятельности имеет определяющее влияние на характер и содержание политических и социальных процессов. В рамках экономического детерминизма законы экономики объявляются универсальными для всех общественных форм, а исторический путь развития общества отождествляется с историей развития общественно-экономических формаций. Понятие экономического детерминизма традиционно связывают с марксистской социологией, которая объясняет многие социальные феномены с точки зрения их экономической обусловленности. Надстроечные элементы, такие как государство, идеология, политика, культура, выступают в этой связи в качестве отражений экономического базиса, служащего выражением интересов правящего класса, и являются следствием господствующего способа производства.

Культурный детерминизм характеризуется, как правило, чрезмерно широким толкованием понятия культуры, под которой часто понимается совокупность разделяемых большинством членов общества ценностей и значений (фундаментальные общественные идеи и принципы, верования, обычаи традиции и т. п.). Эта концепция ведёт своё начало от работ М. Вебера, в которых он утверждал, что развитие общества зависит от господствующих в нём религиозных ценностей.

Культурный детерминизм Вебера выразился в постановке вопроса об определяющей роли культурных факторов в развитии капитализма. В основе социального развития, как минимум, не меньшую, чем экономика, роль играет такая сфера общественного сознания, как религия. Религия для Вебера есть результат удвоения мира, и в этом смысле он недалек от понимания марксистов, объясняющих ее как фантастическое отражение «в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни». Но далее они расходятся; если для марксистов религия как отражение социальной и природной действительности не играет первичной роли в социальном процессе, то для Вебера эта роль является определяющей, поскольку религия представляет собой систему ценностей и смыслов, мотивирующих и оправдывающих поведение людей. Таким образом, в силу направляющего влияния на человеческую деятельность религия становится ведущей детерминантой общественного развития.

Итак, у М. Вебера налицо попытка обнаружения причин социокультурной эволюции в самой социокультурной действительности без существенного влияния каких-либо внешних по отношению к культуре сил, из чего напрашиваются следующие выводы:

- западноевропейская индустриальная цивилизация уникальна;
- капитализм, развитие которого детерминировано преимущественно социокультурными факторами, эндогенен Западу и является результатом исключительно западного пути развития;
- модернизация Востока, по меньшей мере, затруднена [8, с. 41–51].

Иными словами в работах М. Вебера культурный детерминизм уже выступает в качестве

методологического регулятива, что очень важно для развития науки.

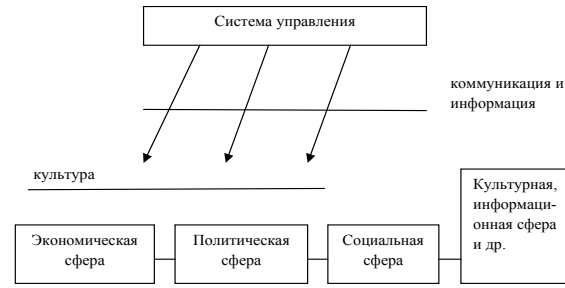
С такими выводами, полагаем, согласится большинство исследователей творчества немецкого ученого, отметив при этом, что сделать их можно только из контекста его наследия. Как сказано выше, Вебер избегал социофилософских обобщений своих исследований.

Наиболее последовательно идеи культурного детерминизма сформулированы в структурном функционализме Т. Парсонса. Культура в работах Парсонса интерпретируется как часть социальной системы, обеспечивающая структурирование и существование ценностных форм. Главные работы Парсонса: «Структура социального действия» (1937), «Социальная система» (1951), «Социальная система и эволюция теории действия» (1977). Суть данных работ выражает не только его содержательную сторону, но методологическую ориентированность автора, что служит направляющим для тех, кто изучает культуру в более поздний период.

В дальнейшем идеи культурного детерминизма нашли как своих сторонников, так и противников. Достаточно ярко это проявилось в конце XX – начале XXI веков и не в работах ученых-культурологов, хотя и их работы сбрасывать со счета нельзя, а в работах управленцев и экономистов. Так, например, В. Д. Попов отмечает, приводя слова М. Мамардашвили и схематизируя их смысл.

В свое время М. Мамардашвили справедливо заметил: «Под культурой я понимаю некий единый срез, проходящий через все сферы человеческой деятельности» (цит.: по [4, с. 16]). Это можно представить в виде следующей схемы, в которой «показана роль информационного и культурного управления всей жизни социума на основе системного, структурно-сферного, социально-информациологического и культурологического подходов. Они отражают новое понимание проблемы детерминизма в развитии социального прогресса. Детерминизм должен быть комплексным, системным, а не однобоким [6, с. 128].

И далее, автор подчеркивает, что в конце прошлого, в начале XXI века, в России произошел «интеллектуальный взрыв культуры как последствия серебряного века в двух ее направлениях: 1) становление и утверждение культурологии как науки; 2) обоснование места и роли культуры в социальном процессе. Первое направление – результат ученых, преподавателей университетов (научно-смысловой взрыв). Второй – результат мыследействия той части интеллигенции, интеллектуалов, которые своими публикациями в прессе поднимали значение культуры наравне с экономикой» [6, с. 112].



Здесь же автор поясняет следующее: «Культурный взрыв, по большому счету – это взрыв детерминизма, перевернувший “с ног на голову” взаимообусловленность культуры и экономики. Это уже не классический детерминизм. Если ранее все развитие общества определял технико-экономический детерминизм, то вдруг приоритетными стали культурный, социальный, плюс психологический детерминизм. И рядом с ними, точнее “внутри них”, – информационный детерминизм. Они стали задавать вектор развития экономики. В результате углубился “стык” культурологии – экономики, психологии – социальной информациологии. И в самом деле – сколько можно управлять экономикой только технико-экономическими инструментами, а культурой – только культурными средствами» [6. с. 113]. Проблемы России в этот период осмысляются также экономистами. Например, И. Т. Янин пишет: «Реформирование страны единственно возможно на основе ее культуры: духовной, нравственной, экономической, правовой, политической... Истинная модернизация возможна… Ключ к ее успеху лежит не в области финансовых манипуляций и передаче собственности в духе “беспредела”, а в области Культуры с большой буквы – экономической, политической, правовой и прежде всего гражданской» [10, с. 3].

Более резко заявляет другой экономист – С. Глузман. Его тезис: «Экономика всегда вто-

рична по отношению к идеологии и культуре» [1, с. 227]. И в заключение можно привести слова все того же автора – В. Д. Попова: «И, наконец, следует подчеркнуть, что речь не идет об умалении экономического детерминизма, объективно требуется его единство с культурным детерминизмом (культурным управлением экономикой) и информационным детерминизмом и информационной культурой» [6, с. 120, 127].

Таким образом, можно констатировать, что принцип детерминизма, его разновидности достаточно ассимилированы различными науками и, разумеется, культурологией. Это позволяет более полно исследовать социокультурные процессы в развитии общества. Но при этом следует иметь в виду следующие обстоятельства: все виды общественного детерминизма – географический, демографический, социально-экономический, технологический – определенным образом сказываются на конкретном облике культур по странам и регионам. А природа общественного детерминизма в целом – то, что он носит объективно-субъективный характер, – есть весомое основание культуры. С одной стороны, непреложно действие в обществе объективных законов, с другой – формирование многих явлений общественной жизни составляет весьма обширное поле творчества субъектов. Общественный закон «не принудителен, а целесообразен» [5, с. 26].

Литература

1. Глузман С. А. Ментальное пространство России. – СПб.: Алетейя, 2010. – 332 с.
2. Демин В. М. Принципы материалистической диалектики в научном познании. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1979. – 184 с.
3. Иванов В. Г., Лезгина М. Л. Детерминация научного поиска. – Л.: Наука, 1978. – 205 с.
4. Каган М. С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
5. Максимов А. Н. Философия ценностей. – М.: Высш. шк., 1997. – 176 с.
6. Попов В. Д. Культура управления [Электронный ресурс]. – М.: Изд-во РАНХиГС, 2012. – 234 с. – URL: http: // www.webarhimed.ru/page – 789.html (дата обращения: 24.11.2013).
7. Словарь иностранных слов / гл. ред. Ф. Н. Петрова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: СЭ, 1964. – 520 с.
8. Трубицин Д. В. Культурный детерминизм в концепции модернизации: философско-методологический анализ // Вопросы философии. – 2009. – № 8. – С. 30–85.
9. Философский энциклопедический словарь / ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: СБ, 1983. – 840 с.
10. Янин И. Т. Культура против кризиса, или искусство жить в России. – М.: РАУ-Ун-т, 1999. – 192 с.

References

1. Gluzman S.A. Mental'noe prostranstvo Rossii [Mental space of Russia]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2010. 332 p. (In Russ.)
2. Demin V.M. Printsipy materialisticheskoy dialektiki v nauchnom poznanii [Principles of materialist dialectics in scientific knowledge]. Moscow, Moscow University Publ., 1979.184 p. (In Russ.)
3. Ivanov V.G., Lezgina M.L. Determinatsiya nauchnogo poiska [Determination of scientific research]. St. Petersburg, Science Publ., 1978. 205 p. (In Russ.)
4. Kagan M.S. Filosofiya kul'tury [Philosophy of Culture]. *St. Petersburg*, Petropolis Publ., 1996. 416 p. (In Russ.)
5. Maksimov A.N. Filosofiya tsennostey [Philosophy of values]. Moscow, High School Publ., 1997. 176 p. (In Russ.)
6. Popov V.D. Kul'tura upravleniya [Culture Management]. Available at: www.Webarhimed.ru / page –789.html (accessed 24.11.2013). (In Russ.)
7. Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of Foreign Words]. Ch. Ed. F.N. Petrova. 6th ed., Rev. and ext. Moscow, SE Publ., 1964. 520 p. (In Russ.)
8. Trubitsin D.V. Kul'turnyy determinizm v kontseptsii modernizatsii: filosofsko-metodologicheskiy analiz [Cultural determinism in the concept of modernization: the philosophical and methodological analysis]. Voprosy filosofii [Questions of philosophy], 2009, no 8, pp. 30–85. (In Russ.)
9. Filosofskiy enciklopedicheskiy slovar' [Dictionary of Philosophy]. Ed. L.F. Il'ichev, P.N. Fedoseev, S.M. Kovalev, V.G. Panov. Moscow, SB Publ., 1983. 840 p. (In Russ.)
10. Janin I.T. Kul'tura protiv krizisa, ili iskusstvo zhit' v Rossii [Culture against the crisis, or the art of living in Russia]. Moscow, RAU-University Publ., 1999. 192 p. (In Russ.)

УДК 316.477

АМЕРИКАНСКАЯ ФИЛОСОФИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА: РЕАЛИЗМ И ПРАГМАТИЗМ

Красиков Владимир Иванович, доктор философских наук, профессор, Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии естествознания (г. Москва, РФ). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

В статье анализируются ментальное своеобразие духовного склада американского суперэтноса и сложившиеся на его основе самобытные философские направления. Рассмотрены взгляды ключевых представителей этих течений и наиболее интересные их идеи.

Ключевые слова: духовное своеобразие американского способа отношения к действительности, критический реализм, неореализм, прагматизм/

THE AMERICAN PHILOSOPHY OF CLASSICAL PERIOD: REALISM AND PRAGMATISM

Krasikov Vladimir Ivanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

Self-American philosophy appears in the New World in the late nineteenth century, when in North America a stable democratic political system based on the free market economy and individualistic values that shape the development of the university system was established. The American philosophy in the intellectual form expressed typical mindset spiritual way of existing in the seventeenth to nineteenth centuries. This is the mindset of radical individualism, spiritual pluralism and relative religious tolerance. Here sober calculation and common sense are with extreme spiritualism and deep provincialism with the American centrism. Flowsof "realism" and "pragmatism" are theoretically the most authentically expressed these features.

Historians of philosophy distinguish the two forms of realist philosophy, namely neorealism and critical realism. Neorealism states the possibility of direct access to the outside world through sensory perception and adequate statements about them. In contrast, critical realism denied the possibility of direct perception of external objects and inclined to accept the truth of Kant's division of the world of the things-you-for-itself and thing-for-us. The author considers as typical representatives of these areas Ralph Barton Perry, Edwin Holt and George Santayana. The article provides an analysis of the most original ideas of these philosophers. This is a position Perry "egocentric difficulties" and his theory of "immanence independent". Edwin Holt offered interesting doctrine of "metaphysical neutral entity". Santayana has developed regulations on "animal faith" and "the four kingdoms of existence".

In the final part, the paper describes the main ideas of classical pragmatism of Charles Peirce, William James, John Dewey and Ferdinand Schiller.

Keywords: spiritual uniqueness of the American way of relating to reality, critical realism, neo-realism, pragmatism.

Самостоятельная философия появляется в Новом Свете, как, кстати, и в России, довольно поздно – где-то к концу XIX столетия, когда в Северной Америке установился относительно стабильный политический режим демократии, базирующийся на свободном рыночном хозяйстве и индивидуалистских ценностях, сформировалась развитая университетская система. Философия в Америке в полной мере подтверждает правомерность гегелевского положения о том, что «опреде-

ленный образ философии одновременен... с определенным образом народов, среди которых она выступает, с их государственным устройством и формой правления, с их нравственностью, с их общественной жизнью, с их сноровками, привычками и удобствами жизни, с их попытками и работами в области искусства и науки, с их религиями, с их военными судьбами и внешними отношениями...» [1].

Американская философия в интеллектуальной форме выразила характерные умонастроения духовного уклада, сложившегося в течение XVII–XIX столетий в полиэтническом конгломерате, который образовывали, как правило, активистские, пассионарные элементы из этносов Старого Света. Это умонастроения радикального индивидуализма (культ «сильной личности»), духовного плюрализма, относительной межконфессиональной терпимости, где трезвый расчет и здравый смысл соседствуют с крайним спиритуализмом, а глубокий провинциализм с американоцентризмом. Именно «реализм» и «прагматизм», как представляется, теоретически наиболее аутентично выразили эти особенности.

Первый из них выразил, по-видимому, сам характер ценностного строя американского суперэтноса – унифицирующий синтез в одно ментальное целое самых противоречивых духовных элементов на основе принципов «здравого смысла» и «чувства реальности». Соответственно, и в философской теории «реализм» также представляет собой синтез казалось бы несоединимого (по крайней мере с точки зрения западноевропейской философской традиции): радикального эмпиризма и объективного идеализма.

Прагматизм, похоже, выразил доминирующую ориентацию на эффективность, успешные последствия как высшие мерила человеческой жизненной активности. В прагматизме философски легитимируются главные координаты американского мышления: значения здравого смысла и естественной установки, активизма и стремления к инновациям, сциентизма и спиритуализма, утилитаризма и рационализма (на фоне религиозной веры фундаменталистского склада).

Обратимся, однако, к рассмотрению характерных персонажей названных философских направлений. Если ранее, в истории философии, термин «реализм» применялся в основном для обозначения одной из позиций в средневековой философии по проблеме онтологического статуса общих понятий – универсалий (которые полагались существующими либо наряду с вещами, либо в конкретных вещах), то сейчас под «реализмом» понимается определенное философское направление, сложившееся в англо-американской философии начала XX века. Философы этого направления говорят о существовании объективной, независимой от человека, но познаваемой действительности, которая включает в себя как материальное, так и идеальное в качестве неотъемлемых своих ингредиентов.

Различают две формы реалистской философии: неореализм (или непосредственный реализм) и критический реализм. Пункт их расхождения – вопрос о характере познания внешнего мира. Неореализм заявляет о возможности непосредственного доступа к внешнему миру через чувственное восприятие и адекватные высказывания о них, апеллируя к непосредственной очевидности. Из этого следует признание объективности чувственных качеств (цвет, вкус, запах и пр.) и интуитивизм в теории познания. В противоположность неореализму критический реализм отрицает возможность непосредственного восприятия внешних объектов и склонен признавать правоту кантовского членения мира на вещи-сами-по-себе и вещи-для-нас.

Как самостоятельное философское течение неореализм возникает в последней трети XIX века в Австрии и Германии (Ф. Брентано, А. Мейнонг). Англо-американский неореализм берет свое начало со знаменитой статьи Дж. Мура «Опровержение идеализма» (1903) и от «Программы и первой платформы шести реалистов» (1910) – Р. Б. Перри, У. Монтегю, Э. Холта, Э. Сполдинга, У. Марвина и У. Питкина. Кроме этого к неореалистам относят и так называемое «космологическое» направление, представленное работами С. Александера, А. Н. Уайтхеда и Я. Л. Смэтса.

В качестве характерного типажа *неореалистской философии* рассмотрим взгляды Ралфа Бартона Перри (1876–1957): критику идеализма за использование «эгоцентрического затруднения» и концепцию независимости объекта и непосредственности его постижения [2].

«Эгоцентрическое затруднение» состоит в том, что мы не можем иметь дело с объектом вне его отношения с субъектом и вне отношения познания. Ведь иметь дело с объектом или даже думать о нем – уже означает в каком-то смысле познать его. Вследствие этого сама познавательная ситуация изначально и неустранимо предполагает центральное место в ней субъекта.

Перри предложил ряд аргументов против эксплуатации идеалистической философией подобного затруднения.

1. Идеализм незаконно использует индуктивный метод сходства в таких условиях, когда сходство вызвано особыми причинами. Иначе говоря, неправомерно из факта, что некоторые объекты познаются делать выводы о том, что любой объект зависим от познания. «Быть познанным» – это скорее случайное для объектов отношение, в которое они могут вступать, а могут и не вступать.

2. Ошибка идеалистического рассуждения, основанного на эгоцентрическом затруднении, является особым видом общей ошибки «определения посредством первоначальной предикации», суть которой состоит в том, что какие-то первые попавшиеся, привычные или иные случайные характеристики вещи рассматриваются как определяющие ее. Другими словами, привычное для нас отношение «быть познанным» полагают неотъемлемым элементом, определяющим природу любого объекта.

3. Следствием эгоцентрического затруднения также является и ошибка «исключительной принадлежности». Она заключается в предположении, что некоторый частный член какой-то системы принадлежит только этой системе. Предполагается, что идеи принадлежат только системе разума и не могут принадлежать внешнему миру. На самом же деле, из реальной практики мы знаем, что многие объекты принадлежат одновременно многим системам и нет никаких серьезных оснований утверждать, что идеальные объекты являются исключением и относятся только к системе разума.

Таким образом, критика неореализма была направлена как против идеалистической установки на объявление зависимости объекта от процесса познания, так и против установки репрезентативного реализма о недоступности целостного познания объекта. Задача неореалистов состояла в совмещении, с одной стороны, принципа независимости объекта, а с другой – принципа непосредственности его постижения. Реализации этой задачи послужила теория «имманентности независимого» Перри. Ее основные постулаты заключаются в следующем.

Первое. Перри полагает, что сознание следует рассматривать не как особую, миросозидающую структуру, а как объект среди других объектов. Метод наблюдения за человеческим поведением, деятельностью тела и мозга, показывает нам, что сознание на самом деле не является чем-то особенным в сравнении с другими элементами окружающей среды. Это некоторое свойство физического организма, позволяющее последнему осуществить поведенческий выбор посредством пассивного постижения окружающего. Подобное постижение осуществляется с помощью категорий, но эти категории принадлежат не только разуму, но и области вещей. Ведь иначе, по Перри, их познавательная ценность была бы невелика.

Второе. Наши идеи, полагает Перри, есть некоторый аспект объектов окружающего мира, а вещи мира, взятые в отношении познания, суть идеи. Это означает, что когда вещи познаются, они суть идеи разума и *содержание сознания состоит из частей окружающей среды, освещенных действием организма*. Таким образом, через качественное отождествление содержания нашего сознания с его окружением неореалисты достигают полного монизма.

Третье. Хотя вещи могут непосредственно входить в содержание сознания, это не означает зависимость объекта от сознания – объекты независимы от сознания. Перри утверждает, что между внешними предметами и сознанием существует отношение односторонней независимости, которое связано с зависимостью в обратном направлении – сознание зависит от предмета, но предмет не обязательно зависит от сознания.

Более оригинальной интерпретацией мира в рамках неореализма представляется «метафизика нейтральных сущностей» Эдвина Холта (1873–1941). Ее оригинальность заключается в объявлении значения (а не ощущения, как у Э. Маха) нейтральной всеобщей сущностью, кирпичиком мироздания, не имеющего, однако,

соотносящейся с субъектом квалификации (на материальное либо идеальное). Эти сущности нейтральны и не ограничены принадлежностью исключительно к разуму или к материи, они могут одинаково свободно входить как в физические, так и в психические ряды, не теряя при этом своего собственного характера; в любом контексте они остаются самим собой.

Эти элементы представляют собой значения, «логические сущности», безразличные к своему пространственно-временному или какому-либо иному положению. Так, белизна вчерашнего облака равна белизне сегодняшнего снега, а та, в свою очередь, равна белизне как таковой (воспринимаемой или нет). Поэтому все мироздание и представляет собой конгломерат подобных нейтральных сущностей-значений. Свой субъект-объектный вид реальность приобретает благодаря «сечению сознания». Почему происходит возникновение этого не-нейтрального начала, «взбаламучивающего» тихо-нейтральную заводь Вселенной, неясно. Так или иначе, но сознание, по Холту, не локализовано в определенном фрагменте, а является сечением бесконечной области бытия, которое, вместе с тем, определяется реакциями организма, обладающего нервной системой. Это сечение создается органами чувств всех живых организмов (от амебы до человека) в корреляции с объектами зон контакта восприятия. Именно оно делает нейтральные элементы-значения «значениями-для-кого-то» (в том числе и для человека).

В концепции Холта есть оригинальный тезис о градации значений в зависимости от самоорганизации материального мира, который, усложняясь в какой-то своей части, трансформирует и свои первичные элементы. Так появляются сечения жизни и сознания, где нейтральные значения мира стали значениями жизни и сознания – жизнь и сознание сами создают свой мир, вселенную своих значений. Но и под слоем значений жизни и сознания мы можем обнаружить первозданный состав – сечение объекта, если создадим ситуацию, когда какая-то часть объекта определяется некоторым законом, не зависящим от законов, определяющих объект в целом, тогда эта часть обычно пересекается с целым таким образом, что обнаруживается по существу нейтральное строение этого объекта.

В результате неореализм переосмысливает субъективистский кантовский тезис о том, что сознание творит значения своих картин мира (из материала первичных ощущений) и превращает его в объективистский, онтологический – сознание творит свой мир, трансформируя саму первичную реальность, хотя бы только в зонах жизни и в зонах своих контактов с окружающим.

Неореалистское отождествление идей нашего сознания с некоторыми аспектами внешних предметов вызвало неприятие части реалистски ориентированных философов. Тезис о непосредственности доступа к действительности приводил к невозможности определения заблуждения (сны, галлюцинации также дают нашему восприятию определенные «объекты»). Реакцией на эти эпистемологические трудности было появление *критического реализма*, представители которого (Дж. Сантаяна. Р. В. Селларс, А. Лавджой, Д. Пратт, А. Роджерс, Д. Дрейк и Ч. Стронг) консолидировались для написания программного сборника под названием «Очерки критического реализма» (1920). Они категорически выступили против представления о непосредственности вхождения вещей в сознание, равно как и против представления об участии идей в объекте. Вместе с тем, они были не согласны и с тезисом радикальных эмпириков, типа Дж. Беркли, о том, что мы познаем лишь наши идеи. Их лейтмотив: мы познаем сами независимые от нас объекты, но посредством наших идей.

Наиболее интересен из критических реалистов Джордж Сантаяна (1863–1952), создавший в своем учении удивительное сочетание радикального эмпиризма и объективного идеализма, представленное в его работе «Скептицизм и животная вера» [3].

Основы своего мировидения Сантаяна, как и Р. Декарт, создает через радикальное сомнение. Однако, если Р. Декарт остановился на реальности «я», то Сантаяна считает, что с исключением материального мира память, ожидание, а также само самосознание должны быть также непременно элиминированы. Остаются только данные опыта, чье существование поддерживается нашим неослабным вниманием или интуицией. Само их существование есть скорее акт нашей веры, и если мы откажемся от этой веры, то сомнение будет полным.

Что же остается? Только эти непосредственные данные опыта, которые, однако, не существуют – они значат, ибо «существовать» для «я» синонимично «внешнему», само же «я» для себя скорее конкретно «значит». Таким образом, Сантаяна радикально разводит значение и существование: первое есть суть качество нашего сознания, которые он называет «сущностями» (универсалии, логические формы), второе – результат полагания (утверждения) нашим сознанием этих сущностей в качестве внеположенных объектов (значения объектов).

Предикация же существования происходит в актах интуиции и веры. Другими словами, человек наделяет вещи свойством «быть» и поддерживает это свое представление об определенном порядке существующих внеположенно вещей лишь благодаря своей «животной вере». Животная вера или априорная (вне опытная и доопытная) убежденность в существовании независимого внеположенного человеческому сознанию мира вещей выражает, по мнению Сантаяны, естественно родовое стремление людей к созданию для себя уверенности в прочности реальности. Подобная вера и фундирует собой все наше сознание. Поэтому каждое мгновение нашей сознательности – это всегда вспышка интуиции, которая высвечивает смыслы «слепых» ощущений. Гаснет интуиция – исчезает смысл.

Сознание, как считает Сантаяна, есть всегда в сознании о чем-то. Это нечто полагается самим сознанием и поэтому является его непосредственным данным. Интуиция и есть акт полагания и схватывание данного. Собственно говоря, интуиция Сантаяны – скорее всего акт удерживающего внимания (метафора «включения света»), благодаря которому перед внутренним взором оформляется значение какого-либо фрагмента внутреннего или внешнего содержания. Поэтому непосредственные данные столь очевидны для самосознания. Но они, очевидно, «значат» для самосознания, а то, что их принимают за сообщения о реально существующих вещах – заслуга животной веры: само собой разумеющегося отнесения наших впечатлений и мыслей к фактам внешнего мира – рационального инстинкта или инстинктивного разума. Именно животная вера превращает сущности в идеи и впечатления, а затем выносит их во вне, создавая иллюзию существования.

Подобное состояние дел, а именно наличие в сознании форм или сущностей, Сантаяна объясняет отнюдь не особыми качествами сознания. Сущности или логические формы являются постоянной константой всего мироздания. Вселенная образуема пересекающимися, качественно различными бытийными плоскостями или «царствами бытия» по терминологии Сантаяны. Их четыре: царство сущности (наиболее непосредственно доступно нашему сознанию), царство материи, царство истины и царство духа. Однако, все они в сущности могут быть сведены к двум: к материальному и идеальному.

Царство материи представляет собой поток разнообразных физических процессов, динамических систем, находящихся во внешних отношениям друг с другом. Другими словами, материя-субстанция состоит из активных событий, в противоположность чему царства идеального образуемы из пассивных качеств, форм. Философскую систему Сантаяны часто называют платонистской. И действительно – мы видим отчетливый дуализм мира форм-сущностей и материи. Но отношение между этими онтологическими началами в картине мира Сантаяны принципиально иное, нежели чем у Платона. Здесь активна материя, а сущность чисто пассивна – это инертный предмет, нечто неспособное к самодвижению. Сущность никогда ничего не выбирает и не влияет на что-либо, ее выбирающее. Она входит в реальность только тогда, когда ее выбирают люди или вещи. В соответствии с этим она ждет, пока ее воплотят или заметят, если природа или внимание когда-либо решат остановиться на ней или пройти через нее.

Отсюда необычный, с точки зрения западноевропейской гносеологии, тезис о том, что истина следует за блужданиями материи, представляя собой сияющую тень или полутень, которую субстанция отбрасывает на область сущности в силу своего существования и движения.

Появление другого, характерного для Америки, философского направления – *прагматизма* – связывают со статьей Чарльза Пирса (1839–1914) «Как сделать наши идеи ясными», где он предложил новый метод выявления смысла, получивший название «прагматического». «Принцип Пирса» разъясняет другой виднейший философ этого на-

правления Уильям Джемс (1842–1910) в своей статье «Что такое прагматизм?». Он заключается в том, что «наши убеждения суть фактически правила для действия. Для того, чтобы выяснить смысл какого-либо утверждения, мы должны лишь определить тот способ действия, которое оно способно вызвать: в этом способе действия и заключаются для нас все значения данного утверждения... Поэтому, чтобы добиться полной ясности в наших мыслях о каком-нибудь предмете, мы должны только рассмотреть, какие практические следствия содержатся в этом предмете, то есть каких мы можем ожидать от него ощущений и к какого рода реакциям со своей стороны мы должны подготовиться. Наше представление об этих следствиях – как ближайших, так и отдаленных – и есть все то, что мы можем представить себе об этом предмете...» [4].

Иначе говоря, «принцип Пирса» означал новое отношение к способу интерпретации знания: значение как таковое есть предвидимый опыт. Пирс вообще был пионером субъективистского толкования смыслового значения как отношения интерпретатора к денотату значения. Однако основные концептуальные выводы из принципа Пирса были сделаны Джемсом: если все, что имеет значение есть предвидимый опыт, то становится бессмыслицей прежняя дуалистическая парадигма субъекта и объекта всей предшествующей философии, непременное и считавшееся самоочевидным деление познания на две стороны. В 1904 году в своем очерке под названием «Существует ли сознание» он провозглашает доктрину радикального эмпиризма: все, с чем имеет дело человек, – это только опыт или непосредственный жизненный поток, представляющий материал для нашего последующего отражения. Опыт – это то «первичное вещество», из которого состоит все в мире, где познание является скорее частным видом отношений между двумя порциями чистого опыта.

Это положение Джемса было более содержательно проинтерпретировано Джоном Дьюи (1859–1952) в контекстуалистском толковании опыта. Адекватный подход к познанию, по его мнению, требует рассматривать любое знание в контексте того конкретного исследования, в котором оно реально имело место. Прежние гносеологии как раз абстрагировались от реального биологического и психологического контекста познания, пытаясь решить надуманный вопрос об отношении мысли вообще к реальности как таковой. Дьюи и предлагает новую, контекстуалистскую интерпретацию познания на основе джемсовского радикального эмпиризма. Вкратце она представима в следующих положениях:

- познание необходимо имеет биологическую и культурную спецификации, то есть зависит от налично-родовых и социокультурных форм;
- оно непрерывно, его элементы находятся в состоянии постоянного взаимодействия (трансакции);
- каждый его акт – это попытка решения определенной проблемы в конкретной ситуации;
- природа, а также все, о чем только можно говорить, являются частями целостного опыта.

По существу, прагматисты следуют И. Канту в его феноменологической позиции. Мир сам по себе – это первозданный хаос ощущений, в котором наш интерес, наша избирательная активность выделяет отдельные образования, вызывающие наше внимание, которые мы и считаем вещами. Однако если их значения И. Кант относит к субъектной сфере, имеющей всеобщие, необходимые структуры, достаточно жестко обусловливающие логику интеллигибельного мира, то прагматисты плюрализуют мир наших значений и смыслов, который становится делом выбора.

Таким образом, если чувственная сторона реальности принудительна, то определенность составляющих ее вещей всецело зависит от нас, нашей точки зрения, выбора, цели. Наличность действительности принадлежит ей, но содержание ее зависит от выбора, а выбор зависит от нас.

Аналогичным образом, только в еще более радикальной форме, рассуждал и Фердинанд Шиллер (1864–1937). Значение всегда должно мыслиться не изолированно, а как психологический факт, зависящий от его цели и использования. Не существует «действительного значения термина» вне его контекста. Единственная известная нам реальность, реальность для нас, в значительной степени создана нашим познанием. Поэтому любая реальность должна мыслиться в становлении, поскольку отождествлять фактически данный нам мир со всей Вселенной –

значит игнорировать потенциальность мира. Согласно формулировке Шиллера, мир есть по существу «бесформенная материя», *есть то, что мы из него делаем*. Бесполезно определять его посредством того, чем он был первоначально или чем является отдельно от нас.

В этой связи прагматистами разрушается миф о данном, как «окне в действительность». Данные скорее *берутся, чем даются*. Непосредственный опыт не дает нам привилегированного доступа к реальности-самой-по-себе. Опыт не познается, а существует – познаются в какой-то мере объекты. Сам опыт поэтому не может быть квалифицирован как «ложный» или «истинный» – он лишь наличествует, но суждения о нем могут быть проверяемы.

Таким образом, коль скоро значения объекта зависят в первую очередь от выбора субъекта в экзистенциально-проблемной ситуации, то способы символизации объекта сопряжены только с выбором, удовлетворительно разрешающим проблемную ситуацию. Наши понятия возникают в результате стремления чувственного опыта к самоорганизации и саморегулированию. Они «изобретаются» (Джемс) выдающимися индивидами, доказывают свою безусловную полезность, представая перед людьми затем как бесспорные и врожденные.

Можно сказать, что значения не просто обнаруживаются в опыте – их изобретают для конкретных целей. Они являются, по существу, выражением творческой активности человека. Наши понятия и категории суть наши устанавливания для каких-то целей. Пытаться представить их в виде адекватного отражения наличного обстояния дел – значит редуцировать действительность посредством втискивания цветущей сложности мира в наши жесткие упрощающие формы. При этом некоторые важнейшие аспекты действительности (например непрерывность) проскальзывают незамеченными через отверстия нашей понятийной «сети», которую мы набрасываем на мир. В силу своей неизбежной расчлененности понятия могут покрывать непрерывную реальность лишь пятнами.

Потому истинно то, что успешно руководит нашим опытом. В упомянутой статье Джемс утверждает, что «мысли (составляющие сами лишь часть нашего опыта) становятся истинными ровно постольку, поскольку они помогают нам приходить в удовлетворительное отношение к другим частям нашего опыта» [4]. Истина, по Дьюи, – это оправданная утверждаемость или работоспособность идеи в соответствующей ситуации: истинна та идея, действие которой приводит нас к тому, для чего она предназначена. Истины не присутствуют в ситуациях с самого начала, их надо создать. Они соотносятся с реальностью не как фотографии с их объектами, но скорее, как изобретения с условиями, которым должно отвечать изобретение.

Таким образом, американская философия XX века в лице характерных своих представителей (реалистские и прагматистские учения), во-первых, продолжила разработку гносеологической проблематики, развивая философскую линию английского эмпиризма (Дж. Локк, Дж. Беркли, Д. Юм, утилитаристы), а во-вторых, предложила оригинальные философские идеи, резонирующие со схожими интеллектуальными новациями в европейской философии (Р. Авенариус, Э. Мах, Э. Гуссерль, Ф. Ницше, «философия жизни»).

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. – М., 1994. – Кн. 1. – С. 110–111.
2. Хилл Т. Современные теории познания. – М., 1965. – С. 99–107.
3. Сантаяна Дж. Скептицизм и животная вера. – СПб., 2001. – 387 с.
4. Джемс У. Что такое прагматизм? // Вестн. Москов. ун-та. Сер. 7 «Философия». – 1994. – № 4. – С. 82–83, 85.

References

1. Gegel' G.V.F. Lektsii po istorii filosofii [Lectures on the History of Philosophy]. Moscow, 1994, vol. 1, pp. 110–111. (In Russ.)
2. Hill T. Sovremennye teorii poznaniya [Modern theories of cognition]. Moscow, 1965, pp. 99–107. (In Russ.)
3. Santayana Dzh. Skeptitsizm i zhivotnaya vera [Scepticism and animal faith]. St. Petersburg, 2001. – 387 p. (In Russ.)
4. Dzhems U. Chto takoe pragmatizm? [What is pragmatism?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7 «Filosofiya» [Bulletin of Moscow University*. Series 7 "Philosophy"], 1994, no 4, pp. 82–83, 85. (In Russ.)

УДК 1

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ «ПОКОЛЕНИЙ» ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Волков Николай Алексеевич, кандидат философских наук, доцент, Уполномоченный по правам человека в Кемеровской области (г. Кемерово, РФ). E-mail: ombudsman@mail.ru

Волкова Татьяна Александровна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, права и социально-политических дисциплин, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

В статье на основе анализа генезиса «поколений» прав человека в истории философской мысли выявляются некоторые проблемы теоретического обоснования и практической реализации гендерной стратегии, как в мире, так и в Российской Федерации на современном этапе, рассматриваются отдельные аспекты деятельности государства в предотвращении дискриминации по половому признаку.

Ключевые слова: поколения прав человека, права женщин, дискриминация, гендерная стратегия, декларация, конвенция.

PROBLEMS OF GENDER STRATEGY REALIZATION IN THE CONTEXT OF “GENERATIONS” AND HUMAN RIGHTS IN RUSSIA

Volkov Nicolay Alekseevich, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Ombudsman in Kemerovo region (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ombudsman@mail.ru

Volkova Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Chair of Philosophy, Law and Socio-Political Disciplines, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tatyanaolkowa@yandex.ru

As a rule, four generations of human rights are allocated nowadays. Traditionally it is admitted that the first generation of human rights is civil and political rights as well, won as a result of bourgeois revolutions in Europe and America.

The second generation is social and economic human rights as well. It was composed in the XIX century during the fight for improvement of an economic situation.

The third generation of human rights began to be formed after World War II. According to many researchers, they are considered as collective rights. This right is the right for the world, for national self-determination, for healthy environment, for freedom from a gender, age or nationality discrimination. Women’s rights are also among human rights of the third generation.

The fourth generation of human rights started to be formed in the 1990th years of the XX century. This right is the right for the world, for nuclear safety, space, ecological, information rights, etc.

The problems of gender equality and fight for the women’s rights against gender discrimination always accompanied the history of human society, and the doctrine development about human rights. However, nowadays this problem is very sharp.

Social discrimination of women means restriction or deprivation of their rights in all spheres of life: labor, social and economic, political, spiritual, family and household. The UN convention “About elimination of all forms of discrimination concerning women” (1979) accurately formulated a principle of men and women equality. These are guarantees of conditions for women: the education, equal payment for equal work, mutual responsibility of men and women for a family, education of children, and understanding of motherhood as social function. These provisions are reflected in the Constitution of the Russian Federation.

Acceptance of gender strategy as the direction of a state policy is caused by the necessity to solve difficult social and economic problems of a transition period in Russia that is connected with activization of all social forces, first of all women. It means inevitability of further increase of their role in society.

The Gender Strategy of the Russian Federation is the fundamental document defining the government gender policy, its purposes, tasks and the principles, the directions and priorities for the average and long-term period. The Strategy is directed on coordination of efforts of legislative and executive power government bodies with all structures of civil society and, in particular, with the non-governmental organizations which activity is connected with implementation of social programs, prevention of gender discrimination, protection of human rights and families, motherhood, paternity and the childhood.

Unfortunately, practical realization of gender strategy in Russia does not fully correspond to the theoretical provisions proclaimed in it. Therefore, in Russia women make more than a half of the population of the country. Nevertheless, they are obviously insufficiently presented in the government bodies. For example, the State Duma of the Russian Federation has only 13,6 % of women and the Russian Federation Council has only 8,4 % of women.

Representation of women in government bodies is much better in Institute of Commissioners for Human Rights. The analysis shows that today the representation of women in Institute of Commissioners for Human Rights is rather high (more than 25 %) and it characterizes this institute as an example for imitation for other governmental bodies in Russia. At the same time, formation process of this important state human rights institute demands a further increase in women's representation and implementation of gender equality, but in our opinion, not due to artificial processing, but due to increase of women's activity in a human rights movement as a whole.

Keywords: generations of human rights, women rights, discrimination, gender strategy, declaration, convention.

Классификация прав и свобод человека проводится на базе самых разнообразных оснований. Одно из оснований – генерационное. Согласно этому подходу существуют «поколения» прав человека, под которыми понимают основные этапы их развития, связанные с формированием представлений о содержании прав [5, с. 18–19].

В настоящее время, как правило, выделяют четыре «поколения» прав человека, хотя ряд исследователей считают более правильным выделение трех «поколений» прав, а некоторые авторы утверждают и о наличии прав человека пятого «поколения».

Первым «поколением» прав человека традиционно признаются гражданские и политические права, завоеванные в результате буржуазных революций в Европе и Америке, затем конкретизированные в практике и законодательстве демократических государств. Речь идет о личных (гражданских) и политических правах, которые отражают так называемую «негативную свободу» – обязывают государство воздерживаться от вмешательства в сферу личной свободы и создавать условия участия граждан в политической жизни [8, с. 57].

Как утверждает О. А. Воронина, первое «поколение» прав человека (которые еще называют естественными и неотъемлемыми правами и свободами) – это право на свободу мысли, совести и религии, право на жизнь, свободу и безопасность личности, на справедливость, равенство и уважение человеческого достоинства [19, с. 10].

То, что идея прав человека в эпоху, например, американского Просвещения сосуществовала с рабством и дискриминацией женщин, еще не говорит о том, что ее нельзя считать идеей всеобщих прав. Здесь следует отличать идею от практики. К тому же для международной идеи прав человека характерен так называемый «двойной стандарт» – внутри государства права человека урезаются на практике и могут отрицаться даже в теории, а на внешнеполитической арене к собственной выгоде провозглашаются неограниченными и общечеловеческими.

Права человека первого «поколения» признаются международными и национальными документами как неотчуждаемые и не подлежащие ограничению. Некоторые западные специалисты склонны именно эти права рассматривать в качестве собственно «прав человека», полагая, что права второго и третьего «поколений» являются всего лишь «социальными притязаниями», то есть не столько правами, сколько привилегиями, направленными на «перераспределение национального дохода в пользу социальнослабых» [9].

С течением времени становится очевидно, что неограниченная индивидуальная свобода и полная независимость человека от государства и

общества могут иметь столь же неблагоприятные социальные и личностные последствия, как и тотальное подчинение личности государству. Поэтому в обществе формируется концепция основных прав человека, или прав второго «поколения». Так называют социальные, экономические и культурные права – право на труд и свободный выбор работы, на социальное обеспечение, на образование и т. д. [19, с. 10–11].

Таким образом, второе «поколение» – это социально-экономические права человека. Оно сформировалось в XIX столетии в ходе борьбы за улучшение экономического положения народа.

При этом большую роль в формировании прав второго «поколения» сыграло и значительно активизировавшееся в России женское движение. Еще до 1917 года в нашей стране создавались разнообразные по форме и содержанию союзы, клубы, движения, целью которых провозглашалось повышение роли женщины в обществе, защита ее интересов и прав.

Революция 1917 году, первая Конституция утвердили равные права мужчины и женщины во всех сферах жизни – политической, гражданской, трудовой, образовательной, социальной. Был созван Всероссийский съезд женщин (1918), созданы женские отделы культурной, воспитательной, организационной работы; начала развиваться женская периодическая печать (журналы «Работница», «Крестьянка»), появились женские странички в центральных и местных газетах, стали издаваться серии книг и брошюр «Библиотечка для женщин».

Существенную роль сыграла Россия в признании прав второго «поколения» и в целом в мире. В Конституции СССР 1936 года был закреплен широкий набор прав второго «поколения» (право на труд, отдых, образование, социальное обеспечение, медицинскую помощь). Даже несмотря на то, что социальная защищенность гражданина в СССР была минимальной, документально она существовала и этим воздействовала на мировое сообщество. В результате права второго «поколения» сначала нашли отражение во Всеобщей декларации прав человека (1948), а затем были закреплены в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах (1966). Вместе с тем эти права носят более относительный характер, нежели права первого «поколения».

Международное сообщество не предъявляет каких-либо жестких критериев к осуществлению этих прав. Так, согласно статье 2-й Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, «каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется... принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав всеми надлежащими способами, включая, в частности, принятие законодательных мер» [12].

Однако признание второго «поколения» прав человека означало существенные изменения самой концепции. В основе этих изменений лежало позитивное понимание свободы как реальной возможности осуществления своей воли наравне с другими людьми. Обладание свободой, понимаемой таким образом, предполагает не просто отсутствие принуждения со стороны других людей, но и наличие определенных возможностей, в частности материальных ресурсов. В противном случае человек зачастую не может воспользоваться своим правом.

Третье «поколение» прав человека стало формироваться в период после Второй мировой войны. Природа этих прав вызывает дискуссии.

По мнению Е. А. Лукашевой, они являются коллективными и могут осуществляться общностью, ассоциацией [17, с. 150]. Подобная точка зрения высказана и К. Васаком, который к третьему «поколению» прав относит только коллективные права, основанные на солидарности: право на развитие, на мир, независимость, самоопределение, территориальную целостность, суверенитет, избавление от колониального угнетения, право на достойную жизнь, на здоровую окружающую среду, на общее наследие человечества, а также право на коммуникацию. Основы этих прав заложены в международных документах (Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека, Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 года, Международных пактах 1966 года и др.).

Существуют и другие точки зрения на этот счет. Например, по мнению С. В. Полениной, третье «поколение» прав человека охватывает права (специальные права) тех категорий граждан (детей, женщин, молодежи, престарелых, инвалидов, беженцев, представителей национальных и расо-

вых меньшинств и др.), которые по социальным, политическим, физиологическим и иным причинам не имеют равных с другими гражданами возможностей осуществления общих для всех людей прав и свобод и в силу этого нуждаются в определенной поддержке со стороны как государства, так и международного сообщества в целом [16]. Главные возражения против легитимации таких прав в качестве прав человека связаны с опасностью размывания исходной идеи естественных прав, которыми все люди обладают в равной мере. Защитники этих прав аргументируют свою позицию ссылками на невозможность защитить права данных категорий в рамках имеющейся социальной структуры и необходимостью обеспечить их реализацию с помощью особых правовых возможностей.

С. Г. Айвазова также относит к правам человека третьего «поколения» коллективные права – право на мир, на национальное самоопределение, на здоровую окружающую среду, на свободу от дискриминации по половому, возрастному или национальному признаку. К числу прав человека третьего «поколения» она относит и права женщин в их современном, классическом понимании [1].

Четвертое «поколение» прав человека, как считают некоторые авторы, начало формироваться в 1990-х годах XX столетия. По мнению Ф. М. Рудинского, эти права должны защищать человека от угроз, связанных с экспериментами в сфере генетики человека, открытиями в области биологии [18]. Однако, например, Ю. А. Дмитриев в четвертое «поколение» включает лишь информационные права и технологии.

А. Б. Венгеров называет четвертое «поколение» *правами человечества* (право на мир, на ядерную безопасность, космос, экологические, информационные права и др.): «Четвертое поколение – это правовой ответ вызову XXI века, когда речь пойдет уже о выживании человечества как биологического вида, о сохранении цивилизации, о дальнейшей, космической социализации человечества. Рождается новое, четвертое поколение прав, и соответственно возникают международно-правовые процессуальные институты, обеспечивающие эти права. Формируется международное гуманитарное право, светский гуманизм становится одной из вех в нравственном развитии общества» [4].

О. Ю. Малинова в учебном пособии «Поколения прав человека: основные этапы развития правовой идеи и правового института» предполагает, что «возможно, на горизонте – пятое или шестое поколение прав...». Аргументирует она это тем, что корпус прав, требующих защиты, неизбежно будет расширяться. Вместе с тем этот процесс нельзя оценивать однозначно. С одной стороны, расширение круга признаваемых прав должно усиливать правовую защищенность личности. С другой – каждое «поколение» приносит с собой новую логику узаконивания притязаний, именуемых правами человека, и неизбежны конфликты «новых» прав со «старыми», в результате чего уровень защищенности может не возрасти, а снизиться [15].

Таким образом, проблемы гендерного равенства, и в первую очередь борьба женщин за свои права против дискриминации по признаку пола сопровождала всю историю существования человеческого общества, все этапы развития учения о правах человека. Однако наибольшей остроты эта проблема достигла в современных условиях.

Социальная дискриминация женщин означает ограничение или лишение их прав по признаку пола (или гендерному признаку) во всех сферах жизни общества: трудовой, социально-экономической, политической, духовной, семейно-бытовой. Ряд авторов [2; 3] сходны в том, что суть идеи равноправия мужчин и женщин, их равных возможностей, состоит в том, что по своему интеллектуальному и физическому потенциалу женщина ни в чем не уступает мужчине. Для нее не существует принципиально закрытых, недоступных сфер умственного и физического труда. Ни один закон не должен запрещать женщине заниматься тем или иным делом, осваивать ту или иную профессию. Ее святое право – полная свобода личного выбора видов и форм деятельности для ее самореализации. Такая постановка вопроса, разумеется, не означает, что физиологические особенности женщин не могут ограничивать (иногда – временно) их профессиональные обязанности. Отсюда следует вывод, что равенство полов, не являясь абсолютным, может быть достаточно полным и всесторонним.

Конвенция ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (1979) четко сформулировала принцип равноправия мужчин и женщин [10]. Это гарантии условий для

всестороннего развития женщин, получение образования, равная оплата за равный труд, взаимная ответственность мужчин и женщин за семью, воспитание детей, понимание материнства как социальной функции.

Эти положения отражены и в Конституции Российской Федерации, которая утверждает, что государство гарантирует гражданам отсутствие любой дискриминации, в том числе и по признаку пола. Мужчины и женщины имеют равные права и равные возможности для их реализации. Конституция предусматривает участие женщин в политике государства и в неправительственных организациях; одинаковые условия при выборе профессии; равные права при выходе на пенсию, по безработице, болезни, инвалидности, медицинском обслуживании, предоставлении платных услуг.

Хотя женщина и выполняет важнейшую для продолжения человеческого рода репродуктивную функцию, но, начиная с первобытного общества, это не давало ей никаких социальных преимуществ. Л. В. Бабаева констатирует, что женские гражданские права вплоть до XX века были ущемлены [2].

Современная социальная политика мирового сообщества направлена на ликвидацию дискриминации женщин, облегчение их быта, освобождение времени на воспитание детей, продвижение женщин в структуры власти. Проходившая в Пекине в 1995 году IV Всемирная конференция по положению женщины обсуждала вопросы дискриминации женщин, такие как разные формы насилия. Принятая программа действий направлена на улучшение положения женщин.

Социальная стратегия**,** направленная на создание условий для устойчивого развития Российской Федерации на основе использования и совершенствования человеческого потенциала в стране, предполагает включение гендерной компоненты во все области общественной жизни – в политику, экономику, культуру. Это определяется конституционным принципом (ст. 19): «Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации» [11]. Как известно, по определению ООН, именно гендерные отношения (социальные отношения между полами) ныне выступают как одна из главных проблемных парадигм XXI века.

Принятие гендерной стратегии как направления государственной политики обусловливается необходимостью решить сложные социально-экономические проблемы переходного периода в России, что связано с активизацией всех общественных сил, прежде всего женщин. Это означает неизбежность дальнейшего повышения их роли в обществе на базе ликвидации сложившихся дискриминационных гендерных асимметрий в сферах доступа к принятию решений, экономическим ресурсам, собственности, доходам, рабочим местам, профессиям, в распределении домашнего труда, в которых они являются в силу ряда объективных причин «догоняющим полом» с недостаточным объемом прав и, особенно, возможностей [6].

Стратегия гендерного равенства ни в коей мере не может пониматься как стратегия ликвидации объективно обусловленных гендерных различий. Ее главное предназначение – создание социально-политических условий для наиболее полной реализации способностей женщин и мужчин во всех сферах социальной жизни в целях общего благосостояния и прогресса.

Гендерные проблемы при внешне непривычной терминологии не есть нечто совершенно новое. Ранее государства занимались ими в рамках решения «женского вопроса» при проведении текущей и перспективной социальной политики. Однако в XXI веке, как никогда раньше, требуется повышенное внимание к гендерным аспектам государственного управления и общественных отношений. От эффективности гендерной политики во многом зависит успешное осуществление общенациональных планов и программ социально-экономического развития каждого государства.

Гендерная стратегия Российской Федерации является основополагающим документом, определяющим государственную гендерную политику, ее цели, задачи и принципы, направления и приоритеты на средне- и долгосрочный период. Стратегия направлена на координацию усилий государственных органов законодательной и исполнительной власти со всеми структурами гражданского общества и, в частности, с неправительственными организациями, деятельность которых связана с реализацией социальных программ, недопущением дискриминации по признаку пола, защитой прав человека и семьи, материнства, отцовства и детства.

Стратегия базируется на Конституции Российской Федерации, Концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации, Концепции законотворческой деятельности по обеспечению равных прав и равных возможностей мужчин и женщин, других социально-экономических и социально-защитных актах, а также общепринятых международных критериях и нормах, определенных мировым сообществом: Всеобщей декларации прав человека, Декларации ООН о ликвидации дискриминации в отношении женщин, Конвенции ООН о политических правах женщин, Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Декларации ООН о предотвращении насилия в отношении женщин, Декларации тысячелетия ООН, Конвенций МОТ «О равном вознаграждении за труд равной ценности», «О недопущении дискриминации в сфере труда и занятости», «О работниках с семейными обязанностями», «О защите материнства», Европейской социальной хартии, Пекинской платформы действий.

К сожалению, практическая реализация гендерной стратегии России не в полной мере соответствует теоретическим положениям, провозглашенным в ней. Так, в России женщины составляют более половины населения страны (54 %). Но, по мнению ряда исследователей, женщины явно недостаточно представлены в органах государственной власти.

Например, в составе ныне действующей Государственной думы Российской Федерации из 450 депутатов только 61 депутат являются женщинами, что составляет всего 13,6 % [13]. Еще хуже обстоит ситуация с гендерным равенством в Совете Федерации РФ. По данным официального сайта Совета Федерации, на 1 июня 2014 года из 167 членов Совета Федерации РФ только 14 человек, или 8,4 %, являются женщинами [14].

Значительно лучше положение с представительством женщин в достаточно новом для российской действительности государственном органе – институте уполномоченных по правам человека.

В институте российских уполномоченных по правам человека по гендерному основанию ситуация выглядит так: из 79 ныне действующих региональных уполномоченных по правам человека 22 омбудсмена являются женщинами и 57 человек – мужчины. В процентном отношении это составляет 27,8 % и 72,2 % соответственно. Из четырех федеральных уполномоченных по правам человека три первых – С. А. Ковалев, О. О. Миронов и В. П. Лукин – мужчины, а ныне действующий федеральный омбудсмен – Э. А. Памфилова – женщина.

В аппарате Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации из 188 сотрудников 116 человек (61,7 %) составляют женщины и только 72 человека (38,3 %) мужчины.

Еще более благополучной выглядит гендерная ситуация в субъектах РФ. Так, например, в Кемеровской области из 8 сотрудников аппарата уполномоченного 6 женщин (75 %) и 2 мужчины (25 %). Из 28 помощников уполномоченного по правам человека, работающих на общественных началах в муниципальных образованиях (городских округах и сельских муниципальных районах), 19 человек (или 67,8 %) составляют женщины и 9 человек (32,2 %) – мужчины. Примерно аналогичная ситуация наблюдается и в большинстве аппаратов в других субъектах России.

Таким образом, анализ показывает, что на сегодняшний день представительство женщин в институте Уполномоченных по правам человека является достаточно высоким (более 25 %) и характеризует этот институт как пример для подражания для других органов государственной власти в России. Вместе с тем, процесс становления этого важнейшего государственного правозащитного института требует дальнейшего увеличения в нем представительства женщин и более полного осуществления гендерного равенства, но, на наш взгляд, не за счет искусственного урегулирования этого процесса, а за счет повышения активности женщин в правозащитном движении в целом [7].

Определенный интерес представляют статистические данные об обращениях граждан к региональному уполномоченному по правам человека по гендерному признаку за последние три с половиной года:

Таблица 1

Распределение количества обращений граждан к Уполномоченному по правам человека в Кемеровской области по гендерному признаку

Год	Мужчины		Женщины		Не определено (коллективные)		Всего обращений
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
2011	446	49,4	443	49,1	14	1,5	903
2012	408	48,6	402	47,9	30	3,5	840

Окончание таблицы 1

Год	Мужчины		Женщины		Не определено (коллективные)		Всего обращений
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
2013	445	49,7	425	47,5	25	2,8	895
2014	191	50,4	173	45,6	15	4,4	379

Анализ показывает, что в среднем ежегодное количество обращений, поступающих к Уполномоченному по правам человека распределяется между мужчинами и женщинами равномерно, примерно поровну. По мнению авторов, это в первую очередь свидетельствует о том, что и количество нарушений прав человека органами государственной власти и местного самоуправления также распределяется равномерно между мужчинами и женщинами. Иными словами, специальной дискриминации по отношению к женщинам со стороны государства нет.

Вместе с тем, сложившаяся в обществе система скрытой, латентной дискриминации женщин заставляет выделять их в социально уязвимую группу населения, принимать в каждом государстве гендерную стратегию, проводить гендерную политику, направленную на защиту женщин от такой дискриминации. Немаловажная роль в этом принадлежит органам государственной власти, и особенно национальным, а также межгосударственным, международным правозащитным механизмам, в том числе и международному сообществу омбудсменов.

Литература

1. Айвазова С. Гендерное равенство в контексте прав человека. – М.: Эслан, 2001. – 80 с.
2. Бабаева Л. В. Женщины: актуальные направления социальной политики (концептуальный подход к разработке Федеральной программы) // Социологические исследования. – 2007. – № 7. – С. 51–59.
3. Бойченко Л. Д. ООН и права женщин: история и современность // Права женщин в России. Законодательство и практика. – 2008. – № 2. – С. 17–21.
4. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник. – М., 2004.
5. Волков Н. А. Права человека в современном обществе: учеб. пособие / Кузбас. гос. техн. ун-т им. Т. Ф. Горбачева. – Кемерово, 2013. – 156 с.
6. Волков Н. А. Роль института российских уполномоченных по правам человека в реализации принципа гендерного равенства // Мат-лы XII Междунар. бакин. конф. омбудсманов на тему «Роль Национальных институтов по Правам Человека в обеспечении прав женщин», 18–20 июня 2014 года. – Баку, 2014.
7. Волкова Т. А., Волков Н. А. Реализация принципа гендерного равенства в современной России // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 19/2. – С. 241–250.
8. Головистикова А. Н., Грудцына Л. Ю. Права человека: учебник. – М.: Эксмо, 2008. – 448 с.
9. Дмитров А. И. Социальное государство и духовная культура [Электронный ресурс] // Официальный сайт общественной организации «Наша Родина» (дата обращения: 6.02.2004).
10. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. «Права человека: изложение фактов» № 22. Дискриминация в отношении женщин: Конвенция и Комитет. – Женева, 1995. – 109 с.
11. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. – М.: Юрид. лит., 2000. – 41 с.
12. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Ведомости ВС СССР. – 1976. – № 17 (1831).
13. Официальный сайт Государственной думы Федерального собрания РФ [Электронный ресурс]. – URL: http//www.duma.gov.ru.
14. Официальный сайт Совета Федерации Федерального собрания РФ [Электронный ресурс]. – URL: http//www.council.gov.ru.
15. Поколения прав человека: основные этапы развитие правовой идеи и правового института: учеб. пособие // Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации / под ред. А. Ю. Сунгурова. – СПб., 2003. – С. 80–91.
16. Поленина С. В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект. – М., 2000.
17. Права человека: учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. – М., 2011. – 560 с.
18. Рудинский Ф. М. Гражданские права человека: общетеоретические вопросы // Право и жизнь. – 2000. – № 31.
19. Уполномоченный по правам человека в городе Москве. Дискриминация в сфере труда по гендерному признаку. – М., 2013. – 240 с.

References

1. Ayvazova S. Gendernoe ravenstvo v kontekste prav cheloveka [Gender equality in the context of human rights]. Moscow, Eslan Publ., 2001. 80 p. (In Russ.)
2. Babaeva L.V. Zhenshchiny: aktual'nye napravleniya sotsial'noy politiki (kontseptual'nyy podkhod k razrabotke Federal'noy programmy) [Women: current trends in social policy (conceptual approach to the development of the Federal program)] *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]*, 2007, no 7, pp. 51–59. (In Russ.)
3. Boychenko L.D. OON i prava zhenshchin: istoriya i sovremennost' [The United Nations and women's rights: history and modernity]. *Prava zhenshchin v Rossii. Zakonodatel'stvo i praktika [Women's Rights in Russia. Law and practice],* 2008, no 2, pp. 17–21. (In Russ.)
4. Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava. Uchebnik [Theory of State and Law. The textbook]. Moscow, 2004. (In Russ.)
5. Volkov N.A. Prava cheloveka v sovremennom obshchestve. Uchebnoe posobie. Kuzbasskiy gosudarstvennyy tekhnicheskiy universitet im. T.F. Gorbacheva [Human rights in modern society. Studies allowance. T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University]. Kemerovo, 2013. 156 p. (In Russ.)
6. Volkov N.A. Rol' instituta rossiyskikh upolnomochennykh po pravam cheloveka v realizatsii printsipa gendernogo ravenstva [The role of the Institute of the Russian ombudsmen in the implementation of the principle of gender equality]. *Materialy XII Mezhdunarodnoy Bakinskoy Konferentsii Ombudsmanov na temu "Rol' Natsional'nykh institutov po Pravam Cheloveka v obespechenii prav zhenshchin" [Proceedings of the XII International Baku Conference of Ombudsmen on "The Role of National Human Rights Institutions in ensuring the rights of women"]*. Baku, 2014. (In Russ.)
7. Volkova T.A., Volkov N.A. Realizatsiya printsipa gendernogo ravenstva v sovremennoy Rossii [The principle of gender equality in modern Russia]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*, 2012, no 19/2, pp. 241–250. (In Russ.)
8. Golovistikova A.N., Grudtsyna L.Yu. Prava cheloveka. Uchebnik [Human rights. Textbook]. Moscow, Eksmo Publ., 2008. 448 p. (In Russ.)
9. Dmitrov A.I. Sotsial'noe gosudarstvo i dukhovnaya kul'tura [Social state and spiritual culture] *Ofitsial'nyy sayt obshchestvennoy organizatsii "Nasha Rodina"* (accessed 06.02.2004). (In Russ.)
10. Konventsiya o likvidatsii vsekh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin. "Prava cheloveka: izlozhenie faktov" № 22. Diskriminatsiya v otnoshenii zhenshchin: Konventsiya i Komitet [Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women. "Human Rights Fact Sheets" № 22. Discrimination against Women: The Convention and the Committee]. Geneva, 1995. 109 p. (In Russ.)
11. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. Ofitsial'noe izdanie [Constitution of the Russian Federation. Official publication]. Moscow, Yuridicheskaya literataura Publ., 2000. 41 p. (In Russ.)
12. Mezhdunarodnyy pakt ob ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh pravakh [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights]. *Vedomosti VS SSSR*, 1976, no 17 (1831). (In Russ.)
13. Ofitsial'nyy sayt Gosudarstvennoy dumy Federal'nogo sobraniya RF [The official website of the State duma of the Federal Assembly of the Russian Federation]. Available at: http//www.duma.gov.ru. (In Russ.)
14. Ofitsial'nyy sayt Soveta Federatsii Federal'nogo sobraniya RF [The official website of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation]. Available at: http//www.council.gov.ru. (In Russ.)
15. Pokoleniya prav cheloveka: osnovnye etapy razvitie pravovoy idei i pravovogo institute. Uchebnoe posobie [Generations of human rights: the main stages of development of legal ideas and legal institution. The textbook.]. *Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub"ekte Rossiyskoy Federatsii. Pod redaktsiey A.Yu. Sungurova [Institution of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. Editor A.Yu. Sungurova]*. St. Petersburg, 2003, pp. 80–91. (In Russ.)
16. Polenina S.V. Prava zhenshchin v sisteme prav cheloveka: mezhdunarodnyy i natsional'nyy aspect [Women's rights in the system of human rights: international and national dimension]. Moscow, 2000. (In Russ.)
17. Prava cheloveka. Uchebnik. Otvetstvennyy redaktor E.A. Lukasheva [Human Rights. The textbook. Holes editor E.A. Lukasheva]. Moscow, 2011. 560 p. (In Russ.)
18. Rudinskiy F.M. Grazhdanskie prava cheloveka: obshcheteoreticheskie voprosy [Civil rights: theoretical questions]. *Pravo i zhizn' [Law and Life]*, 2000, no 31. (In Russ.)
19. Upolnomochennyy po pravam cheloveka v gorode Moskve. Diskriminatsiya v sfere truda po gendernomu priznaku [Commissioner for Human Rights in Moscow. Discrimination in employment by gender]. Moscow, 2013. 240 p. (In Russ.)

ПЕДАГОГИКА
PEDAGOGY

УДКУДК 378.1

АКТУАЛЬНОСТЬ АДАПТИВНОГО ПОДХОДА К ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Заруба Наталья Андреевна, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: znak42@mail.ru

В статье предложен взгляд на необходимость активного научного поискав направлении разработки подходов к подготовке специалистов, который был бы более эффективным в условиях трансформирующегося общества и модернизируемого образования. В качестве такого подхода может быть адаптивный подход, так как его актуальность в новых сложившихся реалиях инновационно развивающегося российского общества возрастает и требует не только изучения, но и развития.

Ключевые слова: научный подход, адаптация, адаптивность, адаптивный подход, транзитивность общества и др.

RELEVANCE OF ADAPTIVE APPROACH TO TRAINING THE SPECIALISTS IN SOCIAL TRANSFORMATION PROCESSES OF RUSSIAN SOCIETY

Zaruba Natalya Andreevna, Doctor of Social Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of State and Municipal Management, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: znak42@mail.ru

The Russian education system changes occur to ensure its conformity with the requirements of the innovation economy and demands of innovative society, and above all, in training the specialists in the conditions of market development of the sphere of vocational training. Modernization of the education system provides regular updates of all its components, such as training. Today, the system of vocational education is worth a serious problem of transition to lifelong learning as a life-long education, worked to improve the professional competence of the expert taking into account the needs of an ever-changing labor market to a qualitatively new approaches to data management processes. In search of ways, which are aimed at improving the system of professional training, a significant role belongs to the idea of the adaptive approach. Since he is able to take into account individual characteristics, skills and abilities to be a specialist and focused on meeting their diverse professional needs, in terms of future life and professional success, taking into account permanently ongoing social change. Today, however, in our opinion, is not enough developed an adaptive approach that would be effective in view of constantly ongoing transformation processes in the society and modernization of education.

Modern policy of the Russian Federation in the field of education seeks to take into account the general trends of world development, which, in our opinion, is the one of the adaptive approach, flexible, able to take them into account. However, there is a contradiction between the need for an adaptive approach to training the specialist, due to the active transformation processes in the formation of an innovative nature, requiring the adaptation and sufficient elaboration of this issue in science.

Understanding the adaptive system training the specialist has two main aspects: firstly, an adaptive system of vocational education must comply with adaptive training the specialist, and second, the adaptability of both, the quality inherent in the entire educational system and its components, and, consequently, the system of vocational training the specialist as its component, which should possess the quality of adaptability and be able to adapt to the changing conditions of the innovative environment.

Modern requirements for the formation and development of professional competence of an expert, due to the modernization of education transformed society, dictate the need for a training system of active teaching methods and modern teaching technologies, in such that later would allow a specialist to adapt to innovation processes in professional world and to reach qualitatively new professional results.

Keywords: scientific approach, adaptation, adaptive, adaptive approach, transitivity society and others.

Социально-экономические и социально-культурные изменения, происходящие в начале XIX века во всём мире, в том числе и в нашей стране, вызвали необходимость смены образовательной парадигмы, повлекшей за собой появление ряда нововведений в педагогической теории и практике, в том числе в вопросах подготовки специалистов. Актуальность разработки и развития адаптивного подхода в педагогической науке, а также активное его применение на практике, обусловлено перманентно идущими переменами в жизни общества, и, в том числе, инновационным характером развития современного образования.

В российском образовании происходят системные изменения, направленные на обеспечение его соответствия требованиям инновационной экономики и запросам инновационного общества, и прежде всего, в системе подготовки специалистов к условиям рыночного развития сферы профессионального образования. Модернизация системы образования предусматривает регулярное обновление всех ее компонентов, например подготовки специалистов, в связи с изменениями в сфере культуры, экономики, науки и технологий, что обусловлено активными трансформационными процессами, происходящими в российском обществе.

В связи с этим характерным явлением в образовании в последнее десятилетие стало активное развертывание инновационных процессов, направленных на обновление образовательных систем. В образовательных системах различного уровня, наряду с контуром текущего функционирования, сложился контур развития, позволяющий им активно адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим условиям, последовательно совершенствоваться в направлении все более полного удовлетворения запросов, пожеланий, нужд потребителей образовательных услуг, заказчиков, общества в целом. Это подтверждает актуальность изучения адаптивного подхода в образовании, которому присущи адаптивные свойства и адаптивный характер как любой системе, однако в настоящее время актуализация возрастает в связи с активными инновационными процессами в образовании в условиях транзитивного общества и модернизируемого образования.

Особую значимость в этом плане приобретает система профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов. Перед системой профессионального образования стоит серьёзная задача перехода к непрерывному образованию как образованию через всю жизнь, способствующему совершенствованию профессиональной компетентности специалиста с учётом потребностей постоянно изменяющегося рынка труда на качественно новых подходах к управлению данными процессами.

В поиске путей, которые направлены на совершенствование системы профессиональной подготовки специалистов, в условиях активных перемен в обществе, значительная роль, на наш

взгляд, принадлежит идее адаптивного подхода. Так как он способен учитывать индивидуальные особенности, способности и возможности специалиста и быть ориентированным на удовлетворение их разнообразных профессиональных потребностей, в аспекте дальнейшего жизненного и профессионального успеха с учётом перманентно осуществляемых перемен в обществе.

В условиях быстро меняющегося мира, динамичного и непредсказуемого времени, традиционные подходы к системе профессиональной подготовки специалистов не способствуют гибкости и оперативности её развития, что является крайне актуальным для реформенного периода развития образования и, в целом, российского общества. Поиски наиболее адекватного потребностям трансформирующегося российского общества научного подхода к профессиональной подготовке специалиста могут быть востребованы практикой.

Такой взгляд, можно рассматривать как наиболее перспективный подход к решению вопросов профессиональной подготовки специалиста в современных условиях, характеризующихся трансформирующимся образованием как социальным институтом общества.

Научная актуальность идеи адаптивного подхода к профессиональной подготовке специалистов определяется тем, что в условиях перманентно осуществляемых перемен, как в обществе, так и в образовании, изменяется взгляд и на саму систему профессионального образования как адаптивную систему, способную более адекватно реагировать на изменяющиеся внешние и внутренние условия её развития.

Смена концептуально-ценностных оснований профессиональной деятельности приводит к возникновению острых противоречий между требованиями к системе профессиональной подготовки, к её качеству и неспособностью самой системы соответствовать современным требованиям. Причиной противоречий может быть, том числе, и не достаточная разработанность такого подхода, который бы был эффективным с учётом постоянно осуществляющихся трансформационных процессов в обществе и модернизации образования, в нашем понимании – это адаптивный подход. Однако исследований, посвященных изучению адаптивного подхода к подготовке специалиста, в отечественной педагогике выявлено мало, не смотря на актуальность проблемы.

Современная политика Российской Федерации в сфере образования стремится учитывать *общие тенденции* мирового развития, которые, на наш взгляд, требуют именно адаптивного, гибкого подхода:

- ***перманентное*** *развитие общества, рост возможности социального выбора и способность граждан осуществлять его;*
- ***расширение границ*** *социокультурного и профессионального взаимодействия;*
- *способность специалиста определять собственные личностные, профессиональные, социальные границы и достраивать их с учетом постоянно* ***меняющейся ситуации****;*
- ***новые позиции*** *в сфере занятости специалиста и потребность в постоянном повышении квалификации, а также* ***профессиональная мобильность;***
- ***динамичная*** *социокультурная и профессиональная среда;*
- *создание сетевых форм организации ПК,* ***необходимость быстро встраиваться*** *и продуктивно работать во временных коллективах – командах, проектах.*

Акценты, выделенные в перечисленных тенденциях мирового развития, подчёркивают востребованность и актуальность изучения адаптивного подхода к профессиональной подготовке специалиста, его способности гибко и оперативно отвечать на потребности заказчиков с учётом воздействий внутренней и внешней среды, например, тенденции мирового развития.

В условиях модернизации отечественной системы образования, отражающей трансформационные процессы в российском обществе, актуальным является осуществление адаптивной подготовки специалиста. Учёт особенностей внутренней и внешней среды его подготовки создает условия для оказания оперативной поддержки специалисту в процессе обучения и улучшения качества профессиональной деятельности в соответствие с их адаптивной индивидуальной траекторией развития и на основе учёта их собственных возможностей и интересов, а также потребностей современного рынка труда.

Актуальность изучения адаптивной профессиональной подготовки специалиста *на социально-экономическом уровне* определяется несоответствием между тем, что развитие современного общества и экономики вызывает необходимость разработки современных научных подходов, обусловленных процессами трансформации как внутренними, так и внешними, мало учитываемыми в системе профессионального образования. Это, думается, будет способствовать формированию адаптивной личности специалиста, готовой к самостоятельному и ответственному принятию решения в условиях непредсказуемости и нестабильности общественного развития.

На *социально-педагогическом уровне* актуальность исследования определяется несоответствием между необходимостью профессиональной подготовки учителя с учётом современных требований общества к уровню их профессиональной компетентности и состоянием исследованности данного процесса; между интенсивными изменениями в системе профессионального образования, обусловленными задачами модернизации, возрастающими требованиями к уровню квалификации специалиста и состоянием исследованности данной проблемы в науке. Сформировавшаяся на сегодняшний день система профессиональной подготовки специалиста, в целом, трудно совместима с требованиями модернизации образования, с процессами трансформации в обществе, не приспособлена к решению задач развивающегося инновационного современного общества.

На *научно-теоретическом* уровне актуальность адаптивной профессиональной подготовки специалиста определяется тем, что во взглядах на проблемы профессионального образования в исследованиях делается акцент на формах и методах профессиональной подготовки, на содержании и технологиях. Остаются мало изученными вопросы концептуального характера, какой является идея профессиональной подготовки специалиста на основе адаптивного подхода в образовании.

Важнейшим социальным требованием к системе образования, которое было определено Концепцией модернизации российского образования и другими стратегическими документами в области науки, является ориентация образования не только на усвоение обучающимися определенной суммы знаний, но и на целостное развитие личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире; на формирование у нее не только познавательных и созидательных способностей, но и адаптивных, необходимых для социализации в обществе и адаптации на рынке труда.

В связи с этим в современных условиях реформирования образования радикально меняется статус профессионала, его профессиональные функции, соответственно меняются требования к уровню его профессиональной компетентности. Одним из условий, способствующих соответствию специалиста новым требованиям современного рынка труда, является система профессиональной подготовки специалиста, которая на современном этапе развития образования рассматривается как один из основных компонентов системы непрерывного профессионального образования. Чтобы система профессионального образования соответствовала предъявляемым ей требованиям в условиях динамичного реформирования современного развития общества, на наш взгляд, необходим такой подход к системе подготовки специалиста, который бы создавал условия для решения новых задач трансформирующегося общества и модернизируемого образования.

Таким образом, возникает противоречие между необходимостью разработки адаптивного подхода к профессиональной подготовке специалиста, обусловленного активными трансформационными процессами в образовании инновационного характера, требующими адаптации к ним, и недостаточной разработанностью этого вопроса в науке.

В современной науке обоснованы *теоретико-практические предпосылки* актуальности адаптивного подхода к профессиональной подготовке специалиста. Это обусловлено, во-первых, спецификой идеи, которая опирается на позиции ряда научных дисциплин (педагогики, биологии, кибернетики, управления, социологии и др.), а в основу разработки *адаптивного подхода в образовании* положена *концепция адаптации*, которая в науке рассматривается в качестве стратегии приспособления [1–4]; во-вторых – потребностями практики, нуждающейся в разработке адаптивного подхода к профессиональной

подготовке специалиста в связи с перманентно идущими процессами изменений в трансформирующемся обществе. А следовательно, и в образовании возникает проблема учёта новых потребностей заказчика (государства, общества, работодателей, предприятий, организаций и самих специалистов), сформированных инновационными процессами в российском обществе.

Рассматривая систему профессиональной подготовки специалиста как элемент социальной системы образования (как подсистему) и как самостоятельную систему, мы придерживались концепции адаптации, разработанной в педагогической науке, которая научно обосновывает адаптацию всей системы образования [6–7].

В связи с этим понимание адаптивной системы профессиональной подготовки специалиста как бы имеет два основных аспекта:

- во-первых, узкое понимание. Оно заключается в том, что адаптивной системе профессионального образования должна соответствовать и адаптивная система профессиональной подготовки специалиста, которой было бы свойственно такое качество, как адаптивность, присущее всем самоорганизующимся системам и которое выражается в её способности приспосабливаться к изменяющимся условиям среды.
- во-вторых, широкое понимание. Оно заключается в том, что адаптивность как качество присуще всей системе образования и системе профессиональной подготовки специалиста как её компонента, которая должна обладать качеством адаптивности и уметь приспосабливаться к изменяющимся условиям инновационной среды.

Но современная система профессионального образования и, прежде всего, профессиональной подготовки специалистов не осуществляет в полной мере формирование компетенций специалиста в сфере инноваций и, в частности, в сфере профессиональных инноваций. Преподаватель современной высшей школы профессионального образования не готов и не стремиться к овладению инновационными технологиями обучения. Это является прямым подтверждением того, что система профессиональной подготовки не приспосабливается к переменам, к ведущим мировым тенденциям активно, значит проявляет оторванность от жизни. То есть это свидетельствует о том, что система профессиональной подготовки специалиста не проявляет такое качество, как адаптивность, характеризующее в целом систему образования и её элементы.

Адаптивность системы образования, системы профессиональной подготовки специалиста, с точки зрения автора – это качество, которое характеризует систему образования и образующие её компоненты с позиции способности мягко, гибко, динамично адаптироваться к социально-экономическим изменениям во внешней по отношению к образованию среде, а также внутренней логике и закономерностям самоуправляемого развития [1–3].

Сущность адаптивной подготовки специалистов, думается, может представлять собой адаптивный процесс профессионального обучения, построенный на основе *адаптивного подхода* и направленный на получение желаемых результатов в развитии профессиональной компетентности специалиста, в направлении формирования его компетенций в сфере инноваций.

Адаптивная система профессиональной подготовки специалиста рассматривается как *адаптивная образовательная система*, которой присущи *адаптивные свойства* (гибкость, приспособляемость, личностная значимость, способность сохранять и совершенствовать свою организацию и содержание в зависимости от внешних и внутренних условий и др.), которая может быть эффективной на основе адаптивного управления, представляющего собой по содержанию двусторонний процесс приспособления: с одной стороны, система обучения активно приспосабливается к индивидуальным особенностям одного конкретного специалиста, к требованиям государства, общества, учреждения (организации и др.); а, с другой – сам обучающийся специалист приспосабливается к системе, в результате чего происходят его качественные профессиональные изменения.

Основу организации адаптивного профессионального обучения, ориентированного на формирование компетенций специалиста в сфере инноваций, составляет использование гибких, адаптивных форм, методов и средств обучения, учитывающих потребности как внешней, так и внутренний среды системы профессионально-

го обучения, с целью реализации адаптивной траектории подготовки специалиста. В качестве организационно-педагогических условий адаптивной профессиональной подготовки специалиста следует рассматривать, во-первых, *модель* адаптивной подготовки, которая представляет собой единство и целостность структурных составляющих элементов: целевого, содержательного, процессуального, оценочного и результативного.

Особенностью реализации данной модели является следование принципам: *поэтапности, интегрированности, системности, целостности, комплексности, адаптивности и функциональности и др.* Во-вторых, *научно-методическое* обеспечение адаптивной подготовки специалистов (адаптивные образовательные программы, формы, методы, средства обучения специалиста и др.). В качестве критериев и показателей результативности адаптивной подготовки специалистов, думается, можно применить *обобщённый критерий*, которым может быть уровень компетенций специалистов в сфере инноваций, так они являются доминирующими в его профессиональной деятельности в условиях транзитивного общества и модернизируемого образования. В качестве *показателя* результативности выступает *приращение* уровня компетенций специалиста в сфере инноваций, так как возмущающие действия инновационных процессов требуют от адаптивного поведения в профессии.

Формирование мобильных, творческих, образованных, инициативных, компетентных людей, способных легко адаптироваться к быстро изменяющимся условиям жизни, темпам экономического развития, обладающих потребностью и способностью к развитию и самосовершенствованию, – главная задача образования, которая в свете новых представлений неизбежно требует качественных изменений на всех этапах непрерывного профессионального образования. Для решения означенной задачи важны следующие положения:

- *постоянное и активное стремление системы образования, в том числе системы профессиональной подготовки специалиста, к достижению соответствия* ***динамично меняющимся потребностям личности, общества и государства с целью их удовлетворения****;*

- *приоритетность изучения, обобщения и распространения* ***инновационных образовательных программ и технологий профессиональной подготовки специалиста, инновационных моделей образования****, потребность в которых испытывает передовая практика современного рынка труда;*

- ***адаптивная переориентация структуры и содержания профессионального образования****, в основе которого приоритет знаний, на активное развитие профессиональных компетенций в сфере инноваций, востребованных трансформирующимся обществом в долгосрочной жизненной перспективе как основа адаптивного содержания системы профессиональной подготовки специалиста;*

- *ценность развития системы профессиональной подготовки специалиста как* ***открытой, адаптивной, гибкой, сенситивной, синергетической системы, ориентированной на потребности личности и общества, государства, учреждения (организации и др.)*** *и др.*

В условиях быстро меняющегося мира, динамичного и непредсказуемого времени, трансформации общества, активных инновационных процессов традиционные подходы к системе профессиональной подготовки специалиста уже не способствуют гибкости и оперативности её функционирования, а значит, они не способствуют удовлетворению потребности личности, общества и государства в развитии профессионального мастерства специалиста.

Существующая традиционная профессиональная подготовка специалиста, прочно укоренившаяся в условиях стабильного развития общества, уже не соответствует во многом требованиям времени, а тем более не соответствует требованию к образованию в части его опережающего характера, что является крайне актуальным для реформенного периода развития образования и, в целом, российского общества. Возникает необходимость более гибкого и адаптивного взгляда на удовлетворение его образовательных потребностей специалиста, связанных с его профессиональной деятельностью, важен акцент на учёте интересов и потребностей, как самого специалиста, так и учёте потребностей общества, государства и перманентных процессов, происходящих в них.

То есть система подготовки специалиста должна иметь «адаптивные свойства», а, следуя логике понимания, адаптивные системы могут быть эффективными только при условии соответствующего управления ими. Речь идёт об актуальности адаптивного подхода к управлению процессом обучения специалиста, которую можно рассматривать как адаптивную систему в силу того, что она обладает адаптивными свойствами.

Профессиональное образование как система имеет определённый уровень способности и резервных возможностей для осуществления процессов адаптационных перестроек и избирательного приспособления к меняющимся условиям жизни при сохранении своей сущностной основы [1–4].

Например, современная тенденция подготовки специалиста в содержательном аспекте регулируется актуализацией образования, то есть соответствие его научного содержания структуре современного знания. Содержание должно соответствовать актуальным знаниям и универсальным способам действия в различных областях, открытиях, с учётом новой информации, что появляется в образовательной науке и практике; оно также должно фиксировать происходящие изменения в обществе, прогнозировать его будущее состояние, что, безусловно, свидетельствует о её способности быть адаптивной системой [1–4].

Современные требования к формированию и развитию профессиональной компетентности специалиста, обусловленные модернизацией образования трансформирующегося общества, диктуют необходимость использования в системе профессиональной подготовки активных методов обучения и современных педагогических технологий, то есть таких, которые впоследствии позволили бы специалисту адаптироваться к инновационным процессам в профессиональном мире и достигать качественно новых профессиональных результатов.

Литература

1. Заруба Н. А. Адаптивный подход в управлении образованием: принципы управления // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2012. – № 6. – С. 75–79.
2. Заруба Н. А. Подготовка профессионально-компетентных кадров для сферы культуры в условиях транзитивного общества // Вестн. Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств. – 2014. – № 26. – С. 228–232.
3. Заруба Н. А. Управление образованием адаптивный подход // Сборник научных трудов Sworld, 2012. – Т. 16, № 1. – С. 23–29.
4. Заруба Н. А., Шпак Л. Л. Дезадаптация в контексте повседневной жизни. – Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2009. – 446 с.
5. Шамова Т. И., Давыденко Т. М., Рогачёва Н. А. Адаптивная школа: проблемы и перспективы. – Архангельск; М., 1995. – 160 с.
6. Ямбург Е. А. Школа для всех: Адаптивная модель. – М.: Новая шк., 1996. – 352 с.

References

1. Zaruba N.A. Adaptivnyy podkhod v upravlenii obrazovaniem: printsipy upravleniya [Adaptive approach in education management: management principles]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom [Professional education in Russia and abroad]*, 2012, no 6, pp. 75–79. (In Russ.)
2. Zaruba N.A. Podgotovka professional'no-kompetentnykh kadrov dlya sfery kul'tury v usloviyakh tranzitivnogo obshchestva [Preparation of professionally qualified staff for the sphere of culture in terms of the transitive society]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art]*, 2014, no 26, pp. 228–232. (In Russ.)
3. Zaruba N.A. Upravlenie obrazovaniem: adaptivnyy podkhod [Education Management: adaptive approach]. *Sbornik nauchnykh trudov Sworld [Collection of scientific works Sworld]*, 2012, vol. 16, no 1, pp. 23–29. (In Russ.)
4. Zaruba N.A., Shpak L.L. Dezadaptatsiya v kontekste povsednevnoy zhizni [Disadaptation in the context of everyday life]. Kemerovo, Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv Publ., 2009. 446 p. (In Russ.)
5. Shamova T.I., Davydenko T.M., Rogacheva N.A. Adaptivnaya shkola: problemy i perspektivy [Adaptive School: Challenges and Perspectives]. Arkhangel'sk, Moscow, 1995. 160 p. (In Russ.)
6. Yamburg E. A. Shkola dlya vsekh: Adaptivnaya model' [School for All: Adaptive model]. Moscow, Novaya shkola Publ., 1996. 352 p.

УДК 37

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ РАБОТЫ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Панина Татьяна Семеновна, доктор педагогических наук, профессор, директор института дополнительного профессионального образования, Кузбасский государственный технический университет им. Т. Ф. Горбачева (г. Кемерово, РФ). E-mail: panina1510@mail.ru

Журавлева Ольга Владимировна, кандидат педагогических наук, директор ООО «Центр развития личности» (г. Кемерово, РФ). E-mail: panina1510@mail.ru

В статье представлены некоторые подходы к совершенствованию профессиональной ориентации в организациях профессионального образования с учетом задач нового закона «Об образовании в Российской Федерации» и других стратегических документов, направленных на выявление и повышение конкурентоспособности вузов, удовлетворение запросов получателей услуг, работодателей и рынка труда. На основе анализа состояния и перспектив профессиональной ориентации описан комплекс мер, актуальных форм и содержания работы, направленных на «выращивание» своих будущих студентов и сопровождение их дальнейшего профессионального становления. Авторами обоснована возможность и целесообразность организации дополнительных предпрофессиональных программ в условиях технического вуза.

Ключевые слова: профессиональная ориентация в организациях профессионального образования; дополнительные профессиональные программы в техническом вузе, профориентация в инженерно-техническом образовании.

IMPROVING THE CAREER GUIDANCE ORGANIZATIONS IN VOCATIONAL EDUCATION

Panina Tatiana Semenovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute for Continuing Professional Education, T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: panina1510@mail.ru

Zhuravleva Olga Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Science, Director of Center of Personality Development (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: panina1510@mail.ru

The paper presents approaches to improving the vocational guidance in vocational education institutions with the objectives of the new law “On Education in the Russian Federation” and other strategic documents aimed at identifying and improving the competitiveness of universities meet the needs of beneficiaries, employers and labor market. Vocational guidance is considered from the standpoint of a regulator and facilitator for optimization, harmonization of interests of the employer and employee (including the future), which is a major contradiction in the modern labor market.

The authors analyzed the status and prospects of vocational guidance, including Kuzbass, where it was born, modern multidepartmental documents defining the objectives and directions for the formation of a new paradigm in addressing and solving its problems in terms of vocational training, which must take drastic measures for its development. Particular attention is paid to the analysis and possibility of a new law “On Education in the Russian Federation,” offering to make educational organizations accents to the organization, actual conditions and means of enhancing the career guidance to learners and students’ population. In particular, we consider the problem and resources of special additional educational programs.

Arguments to prove the possibility and feasibility of additional pre-service programs in career-oriented activities of a technical college, which should be aimed at identifying and supporting the children with a special ability to master the disciplines, necessary for successful learning, technical studies and future career, vocational guidance and training them to learn.

The paper presents a set of measures of actual form and content of work aimed at "growing" our future students and support their further professional development, aimed at solving problems with the definition of the priorities and functional structures of each institution involved in educational and career-oriented activities and educational process as a whole. It considered the role of customers, employers, which is a subject position, consumers of educational services, which will undoubtedly have a positive impact on the quality of the formation of a contingent of students, training and performance of the university, economic development of specific areas and the region as a whole.

Innovative approach can be widely used in solving the problems of improving the career guidance in vocational education institutions. Its scientific novelty is associated with the identification and support of children with a special ability to master the disciplines necessary for successful learning technical studies and future career, vocational guidance and training of their learning (for example, Kuzbass Technical University).

Keywords: professional orientation in organizations vocational education; more professional programs in technical colleges, career guidance in engineering and technical education.

Изменения, происходящие в современном российском образовании, затрагивают широкий спектр проблем, предусматривающих иные экономические и образовательные отношения, и формируют совокупность теоретических и методологических задач перед педагогической наукой.

Вступление в силу нового закона «Об образовании в Российской Федерации» как основополагающего для сферы образования требует от ученых и практиков переосмысления существующих подходов, технологий организации и совершенствования профессиональной ориентации. Сегодня у нее стал явно выраженный межведомственный характер и зависимость от интеграции усилий различных социальных институтов.

Профориентация рассматривается как важнейшее условие эффективного и качественного обеспечения организаций и предприятий, современного рынка труда кадрами необходимых профессий и квалификаций, успешного функционирования отдельных сфер деятельности и экономики в целом.

Профориентация может сыграть важную посредническую роль в оптимизации, согласовании интересов работодателя и работника (в том числе будущего), что является главным противоречием современного рынка труда. Задачи и направления преодоления его сегодня обозначены и будут способствовать повышению эффективности деятельности образовательных организаций профессионального образования, обоснованному оптимальному профессиональному самоопределению подростков и молодежи, решению проблем кадрового обеспечения экономически значимых сфер деятельности.

Кузбасс сыграл важную роль в возникновении и развитии отечественной профориентации. Научная школа, созданная в конце 80-х годов XX столетия профессором Н. Н. Чистяковым, внесла и вносит существенный вклад в ее становление и развитие, оперативно реагируя на происходящие общественные и экономические события. Поэтому не случайно, следуя сложившимся традициям, рядом ученых региона проведена исследовательская работа по выявлению актуальных направлений, средств совершенствования профориентационной деятельности в высшем профессиональном образовании с учетом изменений и перспектив социально-экономического развития государства и региона.

Основополагающими для преобразований в профориентации и образовании в целом, являются следующие документы: Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ, Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года

№ 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Приказ Минтруда России № 148н от 12 апреля 2013 года «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов», методические рекомендации Минобразования РФ «О создании многофункциональных центров профессиональной квалификации» от 17.06.2013, совместный приказ Минтруда России и Минобрнауки России от 27 августа 2013 года № 390/985 «О межведомственном координационном совете по профессиональной ориентации» и др. [1–4; 6].

В них представлены новые концептуальные подходы, задачи, способствующие выявлению и повышению конкурентоспособности образовательных организаций профессионального образования, удовлетворения запросов получателей услуг, работодателей и рынка труда. Развитие человеческого потенциала закономерно рассматривается основным фактором экономического роста страны и ее отдельных субъектов.

Данные документы, на наш взгляд, предполагают формирование новой парадигмы в рассмотрении и решении задач профориентации в условиях профессионального образования, которое должно принять радикальные меры по ее развитию, не рассчитывая, как прежде, только на школу. Подписание «Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов и общероссийскими объединениями работодателей и правительства Российской Федерации на 2014–2016 годы» открывает новые перспективы совершенствования данной деятельности с учетом интереса и обязательств всех сторон соглашения [5].

Поиск и внедрение актуальных форм профессиональной ориентации сегодня является жизненно важной задачей, от которой зависят показатели эффективности работы в целом и отдельных его структур, прежде всего выпускающих кафедр. Они связаны с обеспеченностью контингента обучающихся, его сохранением и подготовкой высококлассных, конкурентоспособных специалистов, трудоустройством выпускников. В этой связи необходимы не только новые технологии, содержание, но и управленческие, организационные решения, которые должны приниматься и осуществляться каждой образовательной организацией самостоятельно с учетом имеющихся специфики и ресурсов, региональных особенностей.

Анализ нормативно-правовых документов показал, что определение «профориентация» и компетенции организаций профессионального образования, изложенные во все еще действующем «Положении о системе профессиональной ориентации и психологической поддержки населения в Российской Федерации», в целом актуальны в условиях современных требований. Не реализуются в полной мере определенные в данном документе задачи проведения профессионального отбора (подбора) поступающих на обучение с учетом показателей профессиональной пригодности и прогнозируемой успешности освоения профессии, специальности, усиления мотивации к выбранному профилю и адаптации к будущей профессии [1]. Большинство наших вузов больше акцентируют внимание на наборе студентов, который осложнен не только сложившейся демографической ситуацией, но и слабой подготовленностью старшеклассников к сдаче предметов ЕГЭ, необходимых для поступления в вузы и, особенно, технические, а в дальнейшем – качественному и осознанному освоению учебных дисциплин, профессиональному становлению.

Это не секрет, что сегодня многие общеобразовательные организации не могут обеспечить соответствующий уровень обучения в связи с отсутствием условий и, прежде всего, высококвалифицированных педагогов по отдельным дисциплинам и др. Этим можно объяснить и факт потери престижа инженерно-технического образования и соответствующих профессий у молодежи. Отсутствие служб практической профориентации и статуса государственной системы профориентации, слабая профориентационная работа в школе значительно затрудняют процесс самоопределения (осознанного) и самореализации современного молодого человека и решение задач профессионального образования, рынка труда.

Поэтому требованием времени и ситуации стало обеспечение действующей системы проф-

ориентационной работы со школьниками и другими категориями населения в каждой организации профессионального образования. Она (система) должна включать «выращивание» своих будущих студентов как актуальнейшую задачу для успешного функционирования и конкурентоспособности вуза и выпускающих кафедр, удовлетворения заказчиков и потребителей образовательных услуг, подготовки профессионалов для регионального и федерального рынков труда.

Особого внимания требует изучение и внедрение нового закона «Об образовании в Российской Федерации», предлагающего сделать образовательным организациям, в том числе и профессионального образования, особые акценты на рассмотрение и организацию таких условий и средств активизации профориентационной работы с обучающимися и студентами, населением, как разработка и внедрение специальных ***дополнительных образовательных программ***.

На дополнительное образование детей сегодня возложены основные задачи обеспечения их адаптации к жизни в обществе, профессиональной ориентации, а также выявления и поддержки детей, проявивших выдающиеся способности. Данные программы подразделяются на ***дополнительные общеразвивающие программы, дополнительные профессиональные программы*** (ст. 12, ст. 75). [1] Впервые введено новое понятие «дополнительные предпрофессиональные программы», которые реализуются только для детей, а дополнительные общеразвивающие программы – как для детей, так и для взрослых.

Проанализировав статьи закона об организации дополнительных предпрофессиональных программ (ст. 83, 84), мы пришли к выводу, что разработка и внедрение данных программ является возможным и целесообразным для технического вуза. Направления и цели программ должны быть связаны с выявлением и поддержкой детей, проявляющих особые способности к освоению дисциплин, необходимых для успешного обучения инженерно-техническим специальностям и дальнейшей профессиональной деятельности, профориентацией и подготовкой их обучению.

В этой связи в Кузбасском государственном техническом университете начато внедрение комплекса мер, направленных на решение актуальных задач с определением приоритетных направлений и функционала каждой из структур вуза, участвующих в профориентационной деятельности.

Основными задачами определены следующие:

1. Создать оптимальную систему профессиональной ориентационной работы в университете.

2. Совершенствовать профориентационную работу на довузовском и вузовском этапе с повышением активности и ответственности за результаты работы факультетов, выпускающих кафедр.

3. Разработать и внедрить дополнительные образовательные программы для обеспечения устойчивости и качества набора студентов.

4. Обеспечить систематическое проведение информационных мероприятий по профориентации и содействию трудоустройству выпускников университета, повышению имиджа вуза и его специальностей.

Основные организационно-управленческие меры связаны с обеспечением внедрения программных мероприятий по совершенствованию деятельности по профессиональной ориентации и сопровождению профессионального самоопределения школьников и студентов, методических рекомендаций по исполнению нового закона «Об образовании в Российской Федерации» структурными подразделениями по учебно-воспитательной, информационной работе, факультетами, выпускающими кафедрами и т. д., которые взаимодействуют друг с другом и, в пределах своих компетенций, исполняют определенные функции. Особое внимание уделено созданию условий для систематического проведения профориентации со школьниками и другими категориями населения, повышению квалификации сотрудников вуза, участвующих в данной деятельности.

Для решения проблем «выращивания» будущих студентов и имиджевых аспектов рынка инженерно-технических профессий и образовательной организации профессионального образования мы считаем необходимым организацию «Школы планирования карьеры инженера» для обучающихся 7–9-х и 10–11-х классов региона. В ходе

подготовки по дополнительной предпрофессиональной программе школьникам обеспечиваются не только знания по основам профессионального самоопределения, но и профессиональные пробы по специальностям (направлениям подготовки) вуза, занятия по планированию карьеры, которые проводят выпускающие кафедры университета.

Другой инновацией должно стать создание музея «Планирование инженерной карьеры» на базе уже существующего в образовательной организации, за счет расширения его функционала, который мы определили следующим образом:

1. Организация «Школы технического развития» для детей, начиная с 9 лет. Основная цель – реализация дополнительных общеразвивающих общеобразовательных программ, направленных на развитие познавательных интересов и способностей, мышления детей к техническим видам деятельности и дисциплинам (наглядно-образного, естественно-научного, логического, конструкторского мышления и др.), необходимых для успешного освоения школьных предметов, поступления в вуз, обучения техническим специальностям. Содержание дополнительных общеразвивающих программ и сроки обучения определяются образовательной программой, разработанной и утвержденной вузом.

Они разрабатываются с учетом индивидуально-возрастных особенностей групп. Продолжительность участия детей станет одним из показателей положительных результатов. Если обучающиеся 7–8-х классов будут постоянными участниками школы, а затем и студентами, то есть они будут подготовленными для обучения, «своими» студентами, и вуз для них, в свою очередь, станет тоже «своим», особенно это важно в отношении школьников, имеющих выраженные способности, особые достижения, таланты, которые нужно своевременно выявить, развить, поддержать.

2. Музей разрабатывает и проводит экскурсии, тематика которых связана с деятельностью вуза и его отдельных кафедр, карьерными перспективами и историями успешных профессиональных карьер выпускников вуза, знакомством с предприятиями-партнерами в организации практик, стажировок, трудоустройства и др. Программы дифференцируются на дополнительные общеразвивающие или входят составной частью в предпрофессиональные общеобразовательные программы. Их тематика и содержание разрабатываются для различных целевых групп, включая младших школьников, старшеклассников, студентов организаций среднего профессионального образования. График проведения и тематика занятий составляются на учебный год, согласовываются на совете по профориентации. Музей готовит информацию и рекламные проспекты для дальнейшего распространения среди потенциальных потребителей услуг вуза.

Для обеспечения эффективности занятий, поддержания и развития у школьников мотивации к обучению, освоению специальностей вуза целесообразным является обеспечение психолого-педагогической поддержки, что позволит компенсировать для школьника имеющийся дефицит помощи в профессиональном самоопределении. К деятельности в области профессионального консультирования, профессионального отбора (подбора), психодиагностики и коррекции могут допускаться только лица, имеющие соответствующую профессиональную подготовку. Группы для участия в программах планирования инженерной карьеры, кружковой работы на выпускающих кафедрах и в группах профильной подготовки по школьным дисциплинам, необходимым для сдачи ГИА и ЕГЭ, успешного обучения в вузе формируются на основе имеющихся сведений (профориентационных, педагогических и др.).

Центрами профориентационной работы вуза со школьной и вузовской молодежью должны стать деканаты и выпускающие кафедры. Заведующий кафедрой должен нести персональную ответственность за состояние профориентационной работы и ее результативность в вопросах набора и профессионального становления контингента обучающихся. Основные мероприятия на факультетах, кафедрах и в подведомственных им службах в обязательном порядке включаются в план работы на год деканатами, кафедрами.

Целесообразным, по нашему мнению, является привлечение к участию в заседаниях со-

вета факультета, кафедр студенческого актива факультета, представителей добровольческой организации. Приоритетом профессиональной деятельности факультетов и кафедр должно стать непосредственное обеспечение организации и реализации пропаганды специальностей и направлений подготовки вуза путем использования различных методов профессионального информирования всех субъектов профессионального самоопределения подростков и молодежи.

Важным направлением деятельности факультетов, кафедр является создание дополнительных школ, курсов, кружков для старшеклассников (8–11-х классов) с профориентационной и образовательными программами по подготовке детей к поступлению в вуз. При организации профориентации и образовательных дополнительных профессиональных программ в области технического образования важно учитывать то, что они должны быть основаны на принципах непрерывности и преемственности, направлены на выявление одаренных детей и молодежи в раннем возрасте, профессиональное самоопределение, развитие обучающихся, основанное на возрастных, эмоциональных, интеллектуальных и физических факторах, а также последовательное прохождение взаимосвязанных этапов профессионального становления личности.

Образовательные программы носят практико-ориентированный характер, учитывают требования образовательной организации профессионального образования, работодателей; обеспечивают формирование устойчивого интереса к освоению специальности, востребованной на рынке труда.

Разработка информационных материалов (печатные и электронные версии) просветительско-пропагандистского характера для различных категорий молодежи, родителей, педагогических работников и других категорий населения также является важным программным пунктом. Информационная политика должна быть направлена не только на решение задач обеспечения набора и качества подготовки студентов, но и их подготовки к выходу на рынок труда, содействия трудоустройству, что является правом студента и обязанностью образовательной организации – «получение информации от образовательной организации о положении в сфере занятости населения Российской Федерации по осваиваемым ими профессиям, специальностям и направлениям подготовки» [1].

Организуя профориентацию со студентами вуза, факультеты и выпускающие кафедры должны способствовать эффективной занятости студентов, формированию правовых, социально-психологических, экономических, организационных условий и гарантий профессионального самоопределения студентов, достижению сбалансированности между профессиональными интересами молодого человека и возможностями рынка труда; прогнозированию профессиональной успешности в сфере трудовой деятельности в соответствии с получаемым образованием; содействию непрерывному росту профессионализма личности студента и его конкурентоспособности, реализации им индивидуального потенциала и решению задач рынка труда, развития экономики региона, обеспечение полной продуктивной и свободно избранной занятости населения, в свою очередь, определено одним из государственных приоритетов страны [5].

Для достижения целей профориентации работники кафедры взаимодействуют с субъектами государственной системы профессиональной ориентации, которая представляет собой совокупность государственных органов, организаций и учреждений, деятельность которых направлена на развитие образования, воспитания, профессиональной ориентации, занятости, здравоохранения и социально-психологической защиты граждан: службы занятости населения, учреждения здравоохранения, отраслевые профсоюзы и т. д.

В программе предусмотрено проведение информационно-методических семинаров, мастер-классов и обеспечение участия сотрудников кафедры в повышении квалификации (компетенций) по организации профориентации и сопровождения профессионального самоопределения молодежи, содействия подготовке ее к выходу на рынок труда.

К реализации дополнительных образовательных программ, кружков и мероприятий могут быть привлечены специалисты и руководители профильных организаций, компаний, предприятий, объединений и квалифицированные специалисты-практики в порядке, установленным законодательством Российской Федерации. Мы принимаем во внимание, что эффективность деятельности вузов становится тесно связанной с их ориентацией на требования организаций – заказчиков и потребителей выпускников, развитием различных форм их участия в образовательном процессе, его кадровом, методическом, материально-техническом обеспечении.

Сегодня выпускник стал свободным субъектом труда, имеющим право на выбор своего жизненного пути. Поэтому вузу, кафедрам нужно самим стремиться формировать рынок труда выпускников, на котором работодатели могли бы оценивать их качество, конкурировать за получение лучших из них. Это будет способствовать повышению эффективности взаимодействия и обеспечению прямой включенности работодателей в процесс подготовки и трудоустройства выпускников организаций профессионального образования.

Таким образом, субъектная позиция заказчиков-работодателей, потребителей образовательных услуг несомненно окажет положительное влияние на качество формирования контингента студентов, подготовки специалистов и эффективность деятельности вуза в целом. Совершенствуя систему профессиональной ориентации, организации профессионального образования также будут этому способствовать.

Литература

1. Закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ.
2. Методические рекомендации Министерства образования и науки Российской Федерации «О создании многофункциональных центров профессиональной квалификации» от 17.06.2013.
3. Постановление Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 27 сентября 1996 года № 1 «Об утверждении положения о профессиональной ориентации и психологической поддержке населения в Российской Федерации».
4. Приказ Минтруда России № 148н от 12 апреля 2013 года «Об утверждении уровней квалификации в целях разработки проектов профессиональных стандартов» (зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации от 27 мая 2013 года, регистрационный номер № 28534).
5. Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и правительства Российской Федерации на 2014–2016 годы // Российская газета. – 2013. – 30 декабря (федеральный выпуск № 6271).
6. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки».
7. Стенографический отчёт о заседании Совета при Президенте по науке и образованию от 23 июня 2014 года [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kremlin.ru/transcripts/45962

References

1. Zakon “Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii” ot 29 dekabrya 2012 goda № 273-FZ [Law “On Education in the Russian Federation” dated 29 December 2012 № 273-FZ]. (In Russ.)
2. Metodicheskie rekomendatsii Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii “O sozdanii mnogofunktsional’nykh tsentrov professional’noy kvalifikatsii” ot 17.06.2013 [Guidelines of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “On the creation of multifunctional centers of professional qualifications” from 17.06.2013]. (In Russ.)
3. Postanovlenie Ministerstva truda i sotsial’nogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii ot 27 sentyabrya 1996 goda № 1 “Ob utverzhdenii polozheniya o professional’noy orientatsii i psikhologicheskoy podderzhke naseleniya v Rossiyskoy Federatsii” [Resolution of the Ministry of Labour and Social Development of the Russian Federation dated 27 September 1996 № 1 “On Approval of the vocational guidance and psychological support in the Russian Federation”]. (In Russ.)

4. Prikaz Mintruda Rossii № 148n ot 12 aprelya 2013 goda "Ob utverzhdenii urovney kvalifikatsii v tselyakh razrabotki proektov professional'nykh standartov" (zaregistrirovano v Ministerstve yustitsii Rossiyskoy Federatsii ot 27 maya 2013 goda, registratsionnyy nomer № 28534) [Order of the Ministry of Labour of Russia № 148n of April 12, 2013 "On approval of skill levels in order to develop projects of professional standards" (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation dated 27 May 2013, registration no 28534)]. (In Russ.)
5. General'noe soglashenie mezhdu obshcherossiyskimi ob"edineniyami profsoyuzov, obshcherossiyskimi ob"edineniyami rabotodateley i pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii na 2014–2016 gody [General Agreement between the national associations of trade unions, the national associations of employers and the Government of the Russian Federation for 2014–2016]. *Rossiyskaya gazeta, 2013, 30 dekabrya. Federal'nyy vypusk, № 6271 [Rossiyskaya Gazeta, 2013, December 30. The federal issue, no 6271]* (In Russ.)
6. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 7 maya 2012 goda № 599 "O merakh po realizatsii gosudarstvennoy politiki v oblasti obrazovaniya i nauki" [Presidential Decree of May 7, 2012 № 599 "On measures for implementation of the state policy in the field of education and science"]. (In Russ.)
7. Stenograficheskiy otchet o zasedanii Soveta pri Prezidente po nauke i obrazovaniyu ot 23 iyunya 2014 goda [Transcript of the meeting of the Presidential Council for Science and Education on June 23, 2014]. Available at: http://www.kremlin.ru/transcripts/45962. (In Russ.)

Палитра мнений

УДК 13.31

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТСТВА: ДИСКУССИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Борисова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук, заведующая сектором правового обеспечения деятельности библиотек, Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: borisova@nlr.ru

Статья посвящена одной из дискуссионных проблем – обеспечению информационной безопасности детства в библиотеках, в решение которой активно включено российское библиотечное сообщество в лице Российской библиотечной ассоциации.

Ключевые слова: информационная безопасность детей, информационная продукция, знак информационной продукции, оборот информационной продукции, государственная цензура детского чтения, концепция информационной безопасности детей, классификация информационной продукции, общедоступные библиотеки, Российская библиотечная ассоциация, правовые барьеры библиотечной отрасли.

Different views

CHILDREN'S INFORMATION SECURITY: THE DISCUSSION CONTINUES

Borisova Elena Ivanovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Head of the Sector of Legal Support of Libraries, National Library of Russia (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: borisova@nlr.ru

This article analyzes the heated debate currently taking place in the library community regarding the Federal Law No. 436 "On protection of children from information harmful to their health and development"

that entered into force on 01.09.2012. Practical application of this law and its provisions inevitably leads to negative consequences. Aiming to overcome the latter, the Russian Library Association also joined the debate. This organization plays a significant role in resolving the described problem and has already contributed a lot to it. As the result this work, two insurmountable legal problems have been identified. The first one is age rating, which is mandatory for all the information products issued from the holdings of public libraries. The second one is related to the information products dissemination. If such product is prohibited for children, dissemination should take place at a distance of no less than 100 meters from the borders of children's libraries. The first problem, in essence, deals with the placement of this age restriction label. Even if the printed product was released before the date when article 23, item 2 of Federal Law No. 436 entered into force, libraries are still required to follow the relevant provisions and organize checkout process according to the requirements of Federal Law No. 436, as if the information product label had been properly placed. That's why libraries have to apply the necessary labels upon all document copies belonging to their holdings. The second problem is rooted in the model of library services provision to the population of Russia. According to this model, public library includes departments serving both adults and children. Of course, these departments are located in the same building. Meeting the requirements of this law and moving these prohibited information products 100 meters away from children requires governmental spending. These funds are needed to relocate children's departments to different premises. However, such spending is not included into the economic justification of Federal Law No. 436.

Russian Library Association initiated a dialogue with the Ministry of Culture of the Russian Federation and other governmental bodies, looking to find ways to address urgent legislative issues which create serious legal barriers to library work. At the moment, we can witness a few positive trends, although this debate is not finished yet. Ministry of Culture of the Russian Federation supported the idea of amending the Federal Law No. 436. Moreover, certain attempts are made to develop the Concept of children's information security, which should become the methodological basis for the Federal Law No. 436. Government is working on the National Electronic Library, which contents, among everything else, shall be suitable for children. As many as 35 entities of Russian Federation participate in another project that selects kid-safe websites, etc.

Thus, provision of children's information security becomes one of the public policy strands, although the library professionals are still debating about its regulatory basis.

Keywords: children's information security, information products, information product label, information product circulation, state censorship on childhood reading, concept of children's information security, information product classification, public libraries, Russian Library Association, legal barriers of library sector.

1 сентября 2012 года вступил в силу Федеральный закон от 29.12.2010 ФЗ-№ 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – ФЗ-№ 436), что инициировало многочисленные жаркие дискуссии, связанные с проблемами его внедрения. Активными участниками развернувшихся дебатов в первую очередь стали заинтересованные лица – те, на кого распространяется его действие и кто по определению ст. 2, п. 12, осуществляет «оборот информационной продукции», а это в первую очередь издатели, книготорговцы и библиотечные специалисты. Однако среди многочисленных вопросов, которые обсуждались и продолжают сохранять свою дискуссионность, самым «болезненным» остается внедрение норм ФЗ-№ 436 в практику работы российских библиотек.

О сложности правового регулирования вопросов информационной безопасности детей и юношества свидетельствует и тот факт, что в еще не вступивший в силу ФЗ-№ 436 были уже внесены изменения Федеральным законом от 28.07.2012 № 139-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и раз-

витию" и отдельные законодательные акты РФ». А всего за два прошедшие после вступления ФЗ-№ 436 в законную силу года он корректировался и дополнялся трижды – Федеральным законом от 05.04.2013 № 50-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части ограничения распространения информации о несовершеннолетних, пострадавших в результате противоправных действий (бездействия)», Федеральным законом от 29.06.2013 № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей», Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 185-ФЗ (ред. от 02.04.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации"». Можно предположить, что этими коррективами ФЗ-№ 436 не ограничится и еще неоднократно будет подвергнут переработке.

О необходимости внедрять в практику работы библиотек нормы вступающего в силу с 1 сентября 2012 года нового ФЗ-№ 436 было заявлено в Перми на XVII ежегодной конференции РБА в ходе совместного заседания Секции библиотечной профессии, кадров и непрерывного образования, Секции по библиотечной политике и законодательству и круглого стола «Общение и профессиональная этика библиотекаря». Однако на начальном этапе профессиональным сообществом проблемы внедрения ФЗ-№ 436 в практику работы библиотек недооценивались, поэтому на совместном заседании по профессиональной этике и библиотечной практике обсуждалась нравственная ответственность библиотекаря при введении в действие ФЗ-№ 436.

Но уже в ходе первых дискуссий было ясно, что под действие норм ФЗ-№ 436 попали не только детские библиотеки. Фактически соблюдать его нормы обязаны все библиотеки России. Ведь записаться в библиотеку, обслуживающую взрослых, согласно ст. 7 ФЗ-№ 78 «О библиотечном деле, могут граждане, достигшие 14-летнего возраста и имеющие паспорт, но согласно классификации информационной продукции, представленной в ФЗ-№ 436 и основанной на возрастной градации, эти граждане отнесены к категории «дети».

По той причине, что в процесс реализации должны были включиться практически все библиотеки России, было принято решение о подготовке рекомендательного документа по реализации ФЗ-№ 436 в общедоступных библиотеках России. Ответственными за его разработку назначались Круглый стол «Общение и профессиональная этика библиотекаря», Секция библиотечной профессии, кадров и непрерывного образования, Секция публичных библиотек и Секция детских библиотек.

Однако уже осенью 2012 года после доклада на Всероссийском совещании руководителей федеральных и центральных региональных библиотек вице-президента Российской библиотечной ассоциации (далее – РБА), директора Российской государственной библиотеки для молодежи И. Б. Михновой «Глазами библиотекаря ФЗ-№ 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», в котором были выявлены проблемные зоны нового закона стало ясно, что приступать к его реализации необходимо, четко и взвешенно определив позицию библиотечного сообщества. В Состав специально созданной 25 октября 2012 года при РБА Межсекционной рабочей группы по выработке рекомендаций по внедрению в общедоступных библиотеках России Федерального закона ФЗ-№ 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – Межсекционная рабочая группа) вошли ведущие специалисты библиотечной отрасли под руководством И. Б. Михновой. К работе по анализу ФЗ-№ 436 и разработке предложений по его исполнению был привлечен также Сектор правового обеспечения деятельности библиотек РНБ.

В ходе совместной аналитической работы Межсекционной рабочей группы и Сектора правового обеспечения деятельности библиотек РНБ были выявлены те проблемы, которые оказались практически невыполнимые при организации библиотечного обслуживания детей и подростков. Первая из них – обязательность возрастной классификации информационной продукции, выдаваемой из фондов общедоступных библиотек.

В понятие «информационная продукция», оборот которой регулирует ФЗ-№ 436, оказались включенными – печатная продукция, аудиовизуальная продукции на любых видах носителей, базы данных, продукция средств массовой информации, которыми комплектуются библиотеки России. Несмотря на то, что размещение знака на печатной продукции, выпущенной в оборот до дня вступления в силу по ст. 23, п. 2 ФЗ-№ 436 не требовалось, чтобы организовать ее выдачу по требованиям ФЗ-№ 436 в соответствии со знаком информационной продукции, маркировка необходима на всех экземплярах документов библиотечного фонда, однако только совокупный фонд общедоступных библиотек России достигает миллиардов экземпляров книг. К нему следует прибавить огромные массивы аудиовизуальной продукции на любых видах носителей, базы данных, продукцию средств массовой информации, которые должны иметь возрастную маркировку независимо от срока поступления в фонды. Исполнение норм Закона библиотеками, во-первых, потребовало бы от государства миллиардных затрат, во-вторых, вступило бы в противоречие с правами граждан на доступ к информации – ведь библиотекам придется временно прекратить выдачу информационной продукции, не прошедшей классификацию.

Вместе с тем, федеральные бюджетные средства на эту работу запланированы не были, что следует из Финансово-экономического обоснования и официального Отзыва № 2.12-17/202 от 18 марта 2009 года на проект ФЗ №-155209-5 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», подписанного заместителем Председателя Правительства РФ С. Ивановым, в котором подчеркнуто, что «в соответствии с прилагаемым к законопроекту финансово-экономическим обоснованием принятие законопроекта не потребует дополнительного расходования бюджетных средств».

Не менее проблемными оказались дополнительные требования к обороту информационной продукции, изложенные в п. 3, ст. 16. Применительно к библиотекам они означали, что информационная продукция, запрещенная для детей, не только не допускается к распространению в детских библиотеках (что обоснованно), но и на расстоянии не менее чем сто метров от границ территорий детских библиотек.

Однако распространенной моделью библиотечного обслуживания населения России, является наличие в структуре общедоступной библиотеки отделов, обслуживающих как взрослых, так и детей, расположенных в одном здании. Чтобы соблюсти требование Закона и удалить от детей запрещенную информационную продукцию на расстояние в 100 метров потребуются не менее разорительные государственные затраты для перевода детских отделов в помещения других зданий.

Межсекционной рабочей группой и Сектором правового обеспечения деятельности библиотек РНБ была выработана линия защиты интересов пользователей, которая предполагала на первом этапе письменные обращения к руководителю Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций А. А. Жарову и министру культуры РФ В. Р. Мединскому по поводу проблем, обусловленных применением норм Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Адресаты были выбраны неслучайно. Выбор адресатов был обусловлен постановлениями Правительства РФ № 228 от 16 марта 2009 года «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий массовых коммуникаций» и № 590 от 20 июля 2011 года «О Министерстве культуры РФ», согласно которым на Роскомнадзор и Министерство культуры РФ были возложены полномочия по осуществлению государственного контроля

и надзора за соблюдением требований законодательства в сфере защиты детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

В связи с обращением Российской библиотечной ассоциации к министру культуры В. Р. Мединскому 15 февраля 2013 года по инициативе Нормативно-правового департамента Министерства культуры РФ совместно с Департаментом науки и образования (Отдел библиотек и архивов) в Министерстве культуры РФ состоялось заседание по вопросам применения Федерального закона № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» в общедоступных библиотеках, в ходе которого выявленные проблемы были официально признаны непреодолимыми, требующими внесения изменений в ФЗ-№ 436. В ходе правового анализа ФЗ-№ 43, проведенного в Секторе правового обеспечения деятельности библиотек РНБ, были выявлены не только правовые барьеры. Более серьезным недостатком оказалась некомпетентность разработчиков в вопросах специфики работы библиотечных специалистов с такой категорией пользователей библиотек как дети.

До появления ФЗ-№ 436 библиотечное обслуживание населения России, в том числе и детского, осуществлялось в соответствии с ФЗ-№ 78 «О библиотечном деле», п. 1, ст. 12 и п. 1, ст. 13 которого соответственно предоставляют общедоступным библиотекам право «самостоятельно определять содержание и конкретные формы работы, а также запрещают государственную и иную цензуру, ограничивающую пользователей библиотек на свободный доступ к информации. Выдача информационной продукции по формальному возрастному знаку, к чему обязывает ФЗ-№ 436, – это прямое вмешательство в профессиональную библиотечную деятельность. Традиционно библиотечное обслуживание детей осуществлялось дифференцированно, на основе разработанных библиотечной наукой теорий руководства чтением детей и наработанной уникальной практики общения библиотекаря с детьми и юношеством, которые ФЗ-№ 436, по существу игнорирует и сводит к формальной выдаче информационной продукции в соответствии со знаком.

Государственная цензура детского чтения в библиотеках, фактически вводимая ФЗ-№ 436, дискредитирует роль библиотекаря как руководителя детского чтения, а на практике и педагога, и психолога, и наставника молодежи, вступая в противоречие с законодательством о библиотечном деле.

В результате проведенного Сектором правового обеспечения деятельности библиотек РНБ правового анализа, было высказано предложение об исключении из понятия «оборот информационной продукции» (п. 12, ст. 2) выдачи из фондов общедоступных библиотек. В этом случае библиотеки выйдут из-под действия ФЗ-№ 436, что будет соответствовать международной практике в области регулирования информационной безопасности детей. Доминирующее большинство зарубежных государств борется за безопасный для детей Интернет.

В настоящее время пока это предложение не получило должного общественного резонанса. Однако делаются попытки реализовать идею внесения поправок в действующий закон. 4 февраля 2014 года состоялось заседание Общественного совета при Министерстве культуры РФ, в ходе которого обсуждался законопроект о внесении изменений в ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», разработанный Минкультуры по инициативе и предложению РБА. Межсекционной рабочей группой в Министерство культуры РФ были представлены предложения об изменениях в тексте ФЗ № 436 двух «проблемных» положений, принципиально не применимых в практике работы российских библиотек, но, несмотря на в целом положительные отзывы, было решено вопрос поручить доработать Межсекционной рабочей группе.

Невзирая на продолжение дискуссий с целью переломить ситуацию, библиотекам России приходится приспосабливаться к новому правовому барьеру. Ведь неисполнение норм ФЗ-№ 436 наказуемо в соответствии со ст. 4.5, 6.17, 13.21, 19.5, 23.1 и 28.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Соответствующие изменения и дополнения были внесены в него ФЗ-№ 252 от 21 июля 2011 года «О внесении изменений в от-

дельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”». Не вдаваясь в детали, акцентируем внимание лишь на том, что неисполнение норм ФЗ-№ 436 (если действие не содержит уголовно наказуемого деяния) влечет за собой для юридических лиц наложение значительных сумм штрафа и административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток. В связи с этими суровыми обстоятельствами библиотекам невозможно ни игнорировать, ни нарушать ФЗ-№ 436, а придется сегодня и сейчас его исполнять, что в действительности значит – находить решения, совершая обходные маневры и преодолевая воздвигнутые ФЗ-№ 436, казалось бы непреодолимые препятствия.

Некоторые библиотеки принимают продуманные и взвешенные решения. Так, выполняя требования нового закона аккредитацию в качестве экспертной организации на право проведения экспертизы информационной продукции в соответствии с требованиями Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» получило Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Российская государственная детская библиотека» в соответствии с приказом Роскомнадзора № 1314 от 16 ноября 2013 года. Решение, принятое руководством библиотеки будет способствовать поднятию престижа библиотек, защите детского чтения от некомпетентности и т. д. Ведь сегодня складывается парадоксальная ситуация, когда главными экспертами информационной продукции, предназначенной для детей, в библиотеках оказываются прокуроры, которые вправе во исполнение норм закона запретить выдачу пользователям любого экземпляра произведений.

По инициативе Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) в ноябре 2013 года была подготовлена «Концепция информационной безопасности детей», одной из целей разработки которой являлось оказание методической помощи в реализации ФЗ-№ 436. Среди авторов Раздела 20 «Стратегия, цели, задачи и методы информационного образования детей и подростков» Концепции во второй редакции – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член постоянного комитета секции по информационной грамотности IFLA, член Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», директор НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств Н. И. Гендина. Подчеркнем, что и Н. И. Гендиной пришлось вести напряженные дискуссии с авторами Концепции, чтобы настоять на включении в подраздел 20.5 «Опыт, формы и методы информационного образования детей в России (по возрастным категориям)» данных, отражающих вклад библиотек России и российских библиотечных ассоциаций в развитие информационного и медиаобразования, а также раскрыть их потенциал в обеспечении информационной безопасности детей.

В свете контроля за исполнением норм ФЗ-№ 436 многочисленными в последнее время стали прокурорские проверки библиотек с целью выявления нарушений в обеспечении информационной безопасности детей при использовании ресурсов в Интернете. 28 февраля 2014 года в Совете Федерации прошли Парламентские слушания по обсуждению актуальных вопросов обеспечения информационной безопасности детей при использовании ресурсов в Интернете, в ходе которых была поднята тема развития в стране сети публичных электронных библиотек как эффективного инструмента для обеспечения интернет-безопасности детей, позволяющего осуществлять контроль за используемым контентом. Министерство культуры РФ предпринимает шаги по государственному участию в решении проблемы информационной безопасности детей – ведется работа над созданием Национальной электронной библиотеки, которая адресована в том числе и детям, в 35 субъектах Федерации реализует проект по отбору сайтов, благоприятных для детей. Таким образом, обеспечение информационной безопасности детей становится важнейшей государственной задачей.

Социально-культурная деятельность

УДК 316.773.4

ВОЗДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ СЕТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)[1]

Паршиков Николай Александрович, доктор педагогических наук, профессор, ректор, Орловский государственный институт искусств и культуры (г. Орел, РФ). E-mail: ogiik@orel.ru

Домаренко Елена Васильевна, доцент, заведующая кафедрой социально-культурной деятельности, Орловский государственный институт искусств и культуры (г. Орел, РФ). E-mail: e.v.domar@mail.ru

Домбровская Анна Юрьевна, заведующая лабораторией «Социология Интернета», Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Орловский государственный институт искусств и культуры (г. Орел, РФ). E-mail: an-doc@yandex.ru

Степанченко Оксана Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, Орловский государственный институт искусств и культуры (г. Орел, РФ). E-mail: tita075@yandex.ru

В статье представлены результаты анализа воздействия Глобальной электронной сети на формирование духовных ориентиров молодежи России. Использовались методы киберметрики и глубинного интервью с молодежью. Сопоставление результатов киберметрического и опросного методов позволило выявить ценностные стратегии, социально-политические профили представителей российской молодёжи, а также модели их интернет-коммуникации.

Ключевые слова: Интернет, молодёжь, ценностные ориентации, интернет-коммуникация, глубинное интервью, киберметрика.

Socio-cultural activity

THE IMPACT OF INTERNET COMMUNICATIONS ON THE FORMATION OF VALUE ORIENTATIONS OF RUSSIAN YOUTH (THE RESULTS OF NATIONAL SOCIOLOGICAL RESEARCH)

Parshikov Nikolay Aleksandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector, Oryol State Institute of Arts and Culture (Orel, Russian Federation). E-mail: ogiik@orel.ru

Domarenko Elena Vasilievna, Docent, Chair of the Social and Cultural Activities, Oryol State Institute of Arts and Culture (Orel, Russian Federation). E-mail: e.v.domar@mail.ru

[1] Статья подготовлена при поддержке Федерального агентства по науке и технологиям Министерства науки и образования в рамках выполнения государственного задания на тему «Разработка и апробация организационно-методических моделей и технологий сопровождения информального самообразования взрослых на основе комплексного анализа духовных потребностей различных возрастных и гендерных групп взрослого населения России» (ТЗ 12.9220.2014).

Dombrovskaya Anna Yurievna, Chair of the Laboratory of "Sociology of the Internet", M. A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Candidate of Sociology Science, Docent of Chair of Social and Cultural Activities, Oryol State Institute of Arts and Culture (Orel, Russian Federation). E-mail: an-doc@yandex.ru

Stepanchenko Oksana Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Social and Cultural Activities, Oryol State Institute of Arts and Culture (Orel, Russian Federation). E-mail: tita075@yandex.ru

The article analyzes the influence of the Internet communication on the formation of values of Russian youth. The research methodology is based on the combination of cyber-metrical methods and in-depth interviews. Cyber-metrics allowed to reveal the dominating value orientations of Russian youth and their representation in the global electronic network. In-depth interviews provided understanding the senses of the Russian youth in different types of values, gave a reason why these values are an important core of their identity. As the main results of the article should be called rating represented in consciousness and behavior, the Russian youth values and establishment of a relationship realizable values and socio-demographic characteristics of young people (gender, age subgroup, region of residence, occupation). The life strategy, social-political profile, type of Internet communications, features of national identity are among the analysed categories of values. The research result is a conclusion on rapidly changing gender contract, reflected in the behavior of feminine and masculine gender youth groups, improvement of patriotism, degree of positivity of national identity, domination and microsocial achieving values, predominance of political indifference in attitudes of the young Russians.

Keywords: Internet, young people, value orientation, Internet communication, in-depth interviews, kibermetrics.

Масштабы влияния Глобальной сети на сознание и поведение людей в настоящее время всё усиливается. Интернет проникает во все сферы жизнедеятельности, переводя жизнь человека в онлайновое пространство. Особенно подвержены воздействию Интернета представители молодого поколения. В связи с этим необходимо измерить структурные и содержательные показатели влияния Глобальной сети на российскую молодёжь.

Для достижения этой цели предпринято исследование с использование двух методов:

- киберметрического анализа (с применением возможностей поисковых систем Yandex, Google, Mail.ru и онлайн интернет-сервера для мониторинга социальных медиа IQBuzz[2]);

- глубинного интервью с молодёжью в возрасте 14–35 лет городов Центрального, Северо-Западного, Южного, Сибирского, Уральского, Приволжского и Дальневосточного федеральных округов РФ (всего 40 человек)[3].

На первом этапе анализа с привлечением указанных поисковых систем и указанного сервера был получен перечень из 138 вопросов, наиболее часто задаваемых пользователями русскоязычного сегмента Интернета. Данный список был типологизирован и установлено соответствие между вопросами и актуализированными в этих вопросах ценностными ориентациями (см. табл. 1). На втором этапе были установлены взаимосвязи между актуализированными ценностями и половозрастными характеристиками пользователей, задающих данные вопросы. На третьем этапе осуществлен поиск смысловых полей вокруг выявленных доминирующих, значимых для пользователей ценностей. Эти данные позволили понять структуру ценностной ориентации, смыслы и значения, актуализируемые пользователями при вербализации данной ценности.

[2] Настройки мониторинга блогохостингов:
- Период: 19 января – 19 февраля 2014 г.
- Язык: русский
- География: Россия.

Поисковые критерии задавались отдельно для каждого выделенного в результате мониторинга поисковых систем вопроса. В формулировке поискового запроса учитывалась общая тема запроса.

[3] Исследование проведено научным коллективом МГГУ им. М. А. Шолохова при участии сотрудников лаборатории «Взаимодействие учреждений социально-культурной сферы в формировании ценностных ориентаций молодежи» и научной школы под руководством Н. А. Паршикова «Системный подход к организации социально-культурной деятельности» Орловского государственного института искусств и культуры.

Вначале проанализируем структурные и смысловые характеристики наиболее часто задаваемых россиянами вопросов по схеме: ранг в структуре выявленного списка вопросов, половозрастные корреляции, значения смысловых полей.

I место: вопросы об интернет-технологиях.

Анализ гендерных и возрастных особенностей пользователей, интересующихся вопросами интернет-технологий позволил сделать вывод о преобладании интереса маскулинной гендерной группы к данному типу вопросов (с учетом принятия за 100 % пользователей, пол которых установлен). Исключение составляют вопросы о так называемых простых, невысокотехнологичных действиях – это «территория женского интереса».

Что касается возрастной специфики, то по большинству вопросов типа «об интернет-технологиях» наблюдается довольно равномерное распределение интереса пользователей в возрасте 16–35 лет (то есть вся социальная группа молодёжи).

Анализ смысловых полей, образующихся вокруг вопроса об использовании интернет-технологий, выявил четыре основных значения:

1. Важность ощущения «бесплатных благ».
2. Значимость чувства консолидации, принадлежности, возможности эффективной самопрезентации и саморекламы на глобальном уровне.
3. Виртуализация: ускорение и упрощение значимых и необходимых действий.
4. Осознание необходимости информационной защиты.

Таблица 1

Типы вопросов и соответствующие ценностные ориентации пользователей русскоязычного сегмента Интернета

Тип вопросов и соответствующая ценностная ориентация	Ранг типа вопросов	Абс. зн.
Вопросы о возможностях и использовании Глобальной сети = Ценности обладания и пользования информационными технологиями и Интернетом	I	342 064 509
Вопросы о приготовлении блюд и ухода за домом = Ценности обладания информацией о ведении домашнего хозяйства	III	45 760 237

Окончание таблицы 1

Тип вопросов и соответствующая ценностная ориентация	Ранг типа вопросов	Абс. зн.
Вопросы о рынке различных товаров и услуг = Ценности обладания информацией о рациональном потребительском поведении	IV	13 930 427
Вопросы о признаках заболеваний и способах их лечения = Ценности обладания информацией о поддержании здоровья и ухода за внешностью	VI	7 739 588
Вопросы о досуге = Ценности обладания информацией о способах рекреации	V	11 500 473
Вопросы об общении с противоположным полом = Ценности обладания информацией о формировании и поддержании отношений с противоположным полом	VIII	1 265 943
Вопросы о значении каких-либо понятий и причин интересующих явлений, вопросы обучения = Ценности познавательного интереса и образования	II	75 301 947
Вопросы о местоположении чего-то и датах = Ценности обладания информацией об ориентации во времени и пространстве	VII	4 866 274
Вопросы о трудоустройстве и улучшении материального положения = Ценности материального благополучия	X	343 325
Вопросы о суевериях, риторические и праздные вопросы = Ценности обладания информацией об ответах на нерациональные вопросы	IX	489 731

II место: познавательные вопросы, вопросы любопытного пользователя.

Гендерный анализ данных по этому типу вопросов указывает на отсутствие явного домини-

рования мужчин или женщин в числе интересующихся темами познавательного толка. Наиболее характерная возрастная категория проявляющих любопытство относительно каких-либо понятий или слов 26–35 лет.

Смысловые поля данного типа вопросов:

1. Значимость информированности и высокого интеллекта.

2. Проекция высокого социально-культурного статуса.

III место: вопросы о ведении домашнего хозяйства и кулинарии.

Гендерный и возрастной анализ интересующихся темой кулинарного искусства позволил описать типичный образ этих людей как женщин, пребывающих в возрасте от 16 до 35 лет. Другими словами, и это вполне очевидно, что речь идет о феминной гендерной группе, представители которой осваивают или активно реализуют социальные роли, связанные с ведением домашнего хозяйства.

Изучение смысловых полей данного типа вопросов выявило два контекста обсуждения темы кулинарии (и ведения домашнего хозяйства в более широком смысле):

1. Проекция идеальности.

2. Рассмотрение кулинарии как единственного оплота разрушаемой и утрачиваемой традиционности в устройстве современной семьи.

IV место: вопросы потребителя.

Гендерный анализ задающих данный тип вопросов показал, что информация о действительно серьёзных и дорогостоящих покупках (квартира, автомобиль) в большей степени интересует мужчин. В случае с товарами бытового назначения (в первую очередь, бытовая техника) среди интересующихся доминируют женщины.

Среди пользователей, задающих «вопросы потребителя» чаще всего присутствуют лица в возрасте от 16 до 35 лет.

Смысловые поля данного типа вопросов:

1. Значимость получения неангажированной информации и объективных отзывов о предлагаемых товарах.

2. Проекция покупательской способности на уровень социального статуса, приобретение товара как символ и атрибут высокого социального положения.

V место: вопросы, связанные с поиском возможностей проведения интересного досуга в сети и офлайн.

Чаще всего в получении информации такого рода заинтересованы девушки (молодые женщины) в возрасте 16–35 лет (примерно равномерно по всем интервалам возрастов).

Смысловые поля вопросов о досуге:

1. Значимость ценности семейного досуга.

2. Получение объективной информации о конкретной продукции индустрии досуга.

3. Сбор информации с целью выбора книг для прочтения.

VI место: вопросы о поддержании здоровья и лечении.

Смысловые поля вопросов о здоровье и лечении:

1. Востребованность информации о нетрадиционных методах лечения, народной медицине.

2. Обращение к духовным практикам для восстановления здоровья.

3. Инициирование и участие в сборе благотворительной помощи нуждающимся в срочном лечении.

VII место: вопросы о сиюминутной ориентации в пространстве и времени, наиболее удобной посредством оперативной интернет-коммуникации.

Если анализировать гендерное сопряжение данных по этому типу вопросов, то, исходя из совокупности пользователей с идентифицированным полом, несколько чаще своей геолокацией с помощью Интернета интересуются мужчины. Что касается возраста задающихся подобными вопросами, то их примерно одинаковое количество по всем возрастным интервалам от 16 до 35 лет. Очевидно, что такое возрастное распределение обусловлено самой возрастной структурой пользователей Интернета.

Смысловые поля вопросов об ориентации в пространстве и времени:

1. Поиск наиболее оптимальных маршрутов.

2. Поиск географической информации.

3. Уточнение значимых дат.

4. Востребованность поздравительного контента.

VIII место: вопросы о формировании отношений с противоположным полом.

Гендерное распределение интересующихся данным типом вопросов свидетельствует о довольно существенном преобладании женщин. Именно для женщин наибольшую значимость имеют сведения о построении желаемых отношений с противоположным полом.

Портрет интересующихся вопросами межполовых отношений имеет также возрастную специфику, связанную с относительно большей численной представленностью лиц младше 16 лет (в сравнении с социально-демографическим сопровождением других вопросов).

Смысловые поля данного типа вопросов:

1. Выбор правильного подарка.

2. Инструкции о конкретных действиях по формированию отношений.

3. Инструкции о конкретных действиях по прекращению отношений.

4. Обсуждение личной жизни знаменитостей.

IX место: так называемые иррациональные и праздные вопросы.

Востребованных этих запросов объясняют результаты пилотажной фокус-группы, в соответствии с которыми, определенная часть россиян готова специально искать и платить за информацию о необъяснимых, секретных, сенсационных фактах, касающихся плоскости иррационального. Вполне ожидаемо выявлено «феминное преобладание» в числе интересующихся данным типом вопросов. Что касается возрастных параметров пользователей этого типа контента, то явного доминирования какой-либо возрастной группы не выявлено.

Смысловые поля праздных вопросов:

1. Обладание информацией о необъяснимых явлениях.

2. Обладание информацией о секретных государственных разработках.

3. Объяснение суеверий.

4. Подробности громких событий с известными людьми.

X место: вопросы об улучшении материального положения.

В гендерном отношении к данным вопросам более тяготеют женщины. Помимо традиционного поиска работы, женщины в контексте способов обогащения интересуются альтернативными стратегиями повышения экномического статуса. Чаще всего о поиске работы спрашивают лица в возрасте 16–35 лет.

Смысловые поля вопросов об улучшении материального благополучия:

1. Деньги – средство свободы и независимости.

2. Значимость легкого обогащения.

3. Образование: потенциальный доход или потеря времени?

4. Быстрое обогащение требует соблюдения ритуалов и наличия магических предметов.

5. Деньги – главный атрибут социального положения.

На следующем этапе исследования изучалось содержание глубинных интервью с представителями молодого поколения о реализуемых ими в жизни ценностных ориентациях. Проведение глубинного интервью предполагало использование неслучайной (невероятностной, целевой) выборки. При этом использовался направленный отбор (метод типичных представителей), предполагающий выбор единиц по заранее определенному принципу: выделению индивидуальных характеристик (пол, возраст, уровень образования, характер занятости, федеральный округ, тип населенного пункта), кроме того во внимание принималась интенсивность вовлеченности пользователя в интернет-коммуникацию (не реже одного раза в неделю) и наличие аккаунта в одной из социальных сетей.

Анализируя полученные результаты, отметим, что в текстах интервью выделяются несколько смысловых концептов, составляющие которых связаны общей идеей:

- жизненная стратегия;
- стратегия поведения в сфере пользования Глобальной сети;
- социально-политический профиль.

Кроме того установлено, что лейтмотивом содержания интервью практически во всех исследовательских случаях является внутренняя установка личности информанта, выраженная в индивидуальном слогане. Выделенная в том или ином высказывании главная идея жизненной стратегии очерчивает общий смысловой контур размышлений участников интервью на все темы беседы. Поэтому вначале выявим эти ценностные доминанты жизненных позиций, вербализированные в личном девизе участников интервью.

Модальным концептом названных информантами слоганов служат идеи целеустремленности, активного и позитивного настроя на достижение успеха. Данный концепт четко прослеживается в таких девизах, как «1000 милль начинается с первого шага», «Под лежачий камень вода не течет», «Кто хочет – ищет способы, кто не хочет – ищет причины», «Двигаться только вперед», «Добиться цели любой ценой», «Всегда двигайся к цели», «Все к лучшему», «Никогда не сдавайся!» и т. п. Тяготение к этим ориентирам детерминировано в большей степени возрастными особенностями, нежели территориальными или гендерными. В частности, указанная жизненная позиция характеризует стратегию более юной части информантов (моложе 25 лет). Старшие участники интервью (26–33 года) чаще демонстрируют приверженность иным девизам, связанным с более рефлексивной стратегией. Показательны такие девизы, как «Всё приходит с годами», «Дождь не может идти вечно».

Переходя к социально-политическим профилям информантов (реализуемые политические ценности), отметим, что явно выделились четыре позиции:

- пассивные центристы (on-line-центристы);
- активные центристы (on-line- и off-line-центристы);
- пассивные оппозиционеры (on-line-оппозиционеры);
- аполитичные.

Предлагаемая типология социально-политических профилей основана на синтезе идеи традиционного деления видов политических ориентаций молодежи на центристов и оппозиционеров [2] и необходимого исходя из нашего предмета исследования критерия предпочитаемой среды проявления социально-политического участия (on-line или off-line), предопределяющей степень активности политической деятельности молодежи.

Концепция политического участия пассивных центристов заключается в поиске и анализе политической информации в Глобальной сети, позитивном отношении к существующей власти и убеждении в правильном направлении политического развития страны. Данные информанты выражают мнение, что заниматься политикой нет смысла, так как «все и так идет нормально». Эта часть молодежи положительно оценивает свои будущие перспективы и акцентируется на процессе вхождения в социально-экономическую жизнь. Эта часть молодых россиян позитивно относится к демотиваторам проправительственной направленности и осуждает «низкокачественную антирекламу Президента РФ». Вместе с тем данные информанты не расположены переводить свои политические взгляды из режима on-line в off-line. Это «бездеятельные» поклонники власти.

Активные центристы в отличие от пассивных готовы участвовать и даже самостоятельно создавать молодежные движения центристской направленности. В русле воспринятых идей социального процветания государства эта часть молодых россиян инициирует различного рода молодежные проекты. Активные центристы ориентированы в будущем на позиции глав муниципальных образований, депутатов Государственной думы и политиков. Это та часть молодежи, на которую власть может рассчитывать как на активных помощников в реализации государственных программ и прочих инициатив.

Пассивные оппозиционеры представляют собой общность информантов, склонных к критическому осмыслению действий власти. Эта часть российской молодежи интересуется оппозиционным контентом в Глобальной сети, размещает свои комментарии и статьи об оценке тех или иных сторон российской социально-политической реальности. Однако данная часть информантов считает достаточным так называемую виртуальную политическую активность и не готова перевести ее в режим off-line.

Аполитичные информанты вовсе пренебрегают возможностью интересоваться и участвовать в политической жизни страны. Причин тому – несколько:

- условия жизни вполне устраивают;
- доминантой сегодняшнего дня считают образование и получение желаемой работы, необходимой для самореализации и создания собственной семьи;
- конформность личности.

Анализируя те фрагменты транкскрибов интервью, которые касаются политического участия молодежи, необходимо подчеркнуть узость и поверхностность рассуждений информантов, ста-

рающихся как бы избегать подробных разговоров. За очень малочисленным исключением тексты интервью лишаются архитектоники по большей части ввиду весьма скромных и односложных ответов на «политические вопросы».

Сравнивая данные кластерного анализа и глубинного интервью, можно проследить некоторое соответствие выявленных кластеров и социально-политических профилей. Так, активные центристы по сути входят в число макросоциалов с их установками на высокие общественные позиции и ориентированность на свершение значимых социальных проектов. Пассивные центристы соответствуют кластеру индивидуалов-прагматиков, которым необходима социальная стабильность и сильная власть для ведения собственного бизнеса или осуществления руководящих функций на разных уровнях институционального и организационного управления.

Аполитичные информанты в точности повторяют жизненные позиции микросоциалов, нацеленных на традиционные семейные ценности и межличностные отношения благополучной спокойной жизни.

Немного сложнее с пассивными оппозиционерами. Эта подгруппа социально-политического профиля, на наш взгляд, включает в себя представителей двух кластеров: индивидуалистов-созерцателей (думающих, анализирующих, критикующих окружающую реальность) и потенциальный прекариат (способный в перспективе при возникновении определенных условий активизировать свое политическое участие оппозиционной направленности). Важной задачей в связи с этим представляется анализ тех факторов, которые могут способствовать переходу из on-line- в off-line-активность. Ряд исследований отечественных ученых показывает, что современная молодежь склонна к приспособлению и адаптации при наличии хотя бы каких-либо возможностей спокойной жизни и не стремиться к отстаиванию своих интересов насильственными средствами [2; 3]. Вместе с тем необходимо учитывать внутренние побудительные мотивы особого типа личности (прекариата), поведение которой подчиняется логике девиации и аномии (по Э. Дюркгейму). Индивидуальные жизненные обстоятельства вполне могут стать теми недостающими элементами пазла, способными простимулировать переход оппозиционной активности из виртуального мира в мир реальный.

Социально-политические профили и ценностные предпочтения информантов по сути сформировали конструкты интернет-коммуникаций молодежи. Аполитичная часть молодежи, тяготеющая к традиционным ценностям (Южный и Дальневосточный федеральные округа), ориентирована на использование Глобальной сети для удовлетворения основных социальных потребностей: общение, поиск необходимой информации, самопрезентация, развлечение. Центристски ориентированная и настроенная на утилитарные жизненные ценности молодежь (мускулинная гендерная группа старше 26 лет Центрального и Северо-Западного федеральных округов) акцентирует внимание на применение мировой паутины для работы или ведения собственного бизнеса.

Оппозиционеры, нацеленные на индивидуалистические ценности самопознания, познания мира и критическую оценку социальной реальности, сориентированы на Интернет как на средство получения необходимой информации для собственных умозаключений и платформу для апробации своих социально-политических воззрений.

Семантическими конструкциями, подтверждающими так называемую интернет-зависимость всех территориальных, гендерных и возрастных групп участников интервью, служат высказывания информантов наподобие «не взял с собой планшет… первое время испытывал ломку, потом стало легче» или «не выпускаю из рук телефон, подключенный к сети» и т. д.

Вместе с тем, как показывают данные массового опроса и глубинного интервью, пока говорить о полной подмене реальной жизни виртуальной активностью не приходится: молодежь осознает преимущества непосредственного общения и использует социальные сети в основном в ситуации невозможности непосредственного контакта. Другими словами, на данный момент выбор межличностной on-line- или off-line-коммуникации происходит в режиме рациональности: в отсутствии времени, территориальной удаленности предпочтение отдается Интернету; в остальных случаях молодежь предпочитает мир реального взаимодействия. А Глобальная сеть при этом рассматривается как гигантский архив – регистратор и свидетель всех значимых жизненных событий.

Продолжая анализ включенности молодежи в интернет-коммуникацию, исследуем отношение информантов к демотиваторам. Важность этой переменной определяется тем, что в ней в значительной степени проявляются уже выявленные ранее ценностные приоритеты молодежи, тем самым подтверждая полученные результаты исследования. Прежде всего необходимо констатировать безусловно позитивное отношение информантов к явлению демотиваторов в целом. Комментируя свое мнение о данном явлении, молодые россияне акцентируют внимание на потенциале демативаторов как остроумного способа заставить людей задуматься над привычным и увидеть обыденное в новом свете, как способ развенчать стереотипы. В этом магистральном для информантов мнении прослеживается ранее выделенная ценностная доминанта личностной уникальности, возможности высказать свой особый взгляд на мир.

В выборе молодежью одобряемых или неподдерживаемых ими демотиваторов явно доминируют две темы: о Президенте и о национальных отношениях. Информанты подчеркивают неприемлемость распространенных в сети низкокачественных демотиваторов, критикующих В. Путина и, напротив, одобряют демотиваторы высокого профессионального уровня в защиту и поддержку Президента. Что касается националистических демотиваторов, то участники интервью выражают умеренно этноцентрированную позицию, присоединяясь к концепту «Россия для русских», при этом признавая многонациональность государства, а также не приемля национальный экстремизм.

Наиболее болезненно национальную тему «Россия для русских» воспринимают информанты из Северо-Кавказского федерального округа. Фокус размышлений весьма четко прослеживается в следующем высказывании: «Я сам с Владикавказа. Я видел, как ведут себя кавказцы, такое поведение неприемлемо. Я абсолютно понимаю русских. Но нельзя всех кавказцев бросать под одну эгиду. Потому что сейчас это пропаганда “Россия для русских!”. Хотя Россия – огромное государство, где тот же самый Кавказ является одним из субъектов Российской Федерации. Так что я не думаю. Что всех надо одной эгидой закидывать» (Без имени, 21 год, Северо-Кавказский федеральный округ). Представители данного округа ставят акцент на необходимости восстановить социальную справедливость и выстраивать межнациональные отношения с учетом принципа «нет плохой нации, есть отдельные плохие представители нации».

Развивая данную тему, перейдем к анализу самоидентификационных особенностей российской молодежи. Изучение транскрибов интервью показывает единство информантов в позитивной национальной самоидентификации. Ощущение себя русским у молодежи напрямую связано с чувством гордости за свою страну, стремлением работать на ее процветание. Такие патриотические установки во многом могут объясняться ситуацией глубинного интервью, проводимого во время молодежного форума, усиливающего патриотические чувства. С другой стороны, никакие мероприятия патриотической направленности не могут за короткое время сформировать такой осмысленный, зрелый, устойчивый патриотизм, проходящий красной нитью практически через все ответы на вопросы национального свойства.

Заметим, что национальное чувство информантов имеет некоторые особенности, диктуемые социально-психологическими эффектами. В частности, выявлены сегрегационные установки молодежи по отношению к «нерусским» мигрантам. Эти установки проявляются в эффекте большего осуждения за преступления людей из числа нероссийских народов. Другими словами, складывается впечатление «декларируемого права на преступление только представителей народов России». При этом информанты все же не придерживаются жестких и категоричных позиций в отношении зарубежных мигрантов, тем более яркий акцент большинства интервью делается на осуждении экстремистских методов решения межнациональных вопросов. Эти выводы об отсутствии экстремистских установок у современной российской молодежи подтверждаются результатами массового опроса в рамках настоящего исследования, а также данными исследований социально-политической активности данной социальной группы, осуществленных Ю. А. Зубок и В. И. Чупровым, Е. В. Бродовской [1; 4; 6].

Переходя в связи с разговором о национальных чувствах к эмиграционному потенциалу информантов, отметим, что, как и частотные распределения ответов респондентов на соответ-

ствующие вопросы, транскрибы свидетельствуют об отсутствии у молодежи ярко выраженных внешних миграционных установок. Желание совершить территориальную мобильность в основном ограничивается пределами страны. Однако представители Центрального и Северо-Западного округов чаще, чем остальные информанты выражают установку на возможный переезд за границу. Наиболее типичное высказывание в подтверждение тому: «Вполне (соглашается на возможную перспективу жизни за границей для карьерного роста), наши ребята учатся за рубежом, для карьерного роста, чтобы выходить потом на более европейский уровень. Ребята из РосМолодёжи получают гранты для обучения за границей» (Мария, 19 лет, Северо-Западный федеральный округ). Вместе с тем, объясняя в дальнейшем свои миграционные установки, данная часть молодежи чаще всего подчеркивает установку на неперманентность пребывания за рубежом, а только с позиций пользы для своей социальной мобильности (приобретение профессионального опыта, знаний, изучение языка).

Ориентация на внутреннюю миграцию наиболее характерная для молодых представителей малых городов России, выражается в стремлении переехать в более крупные города, но, что характерно, не в столицу. Формирование внутренних миграционных установок участников интервью определяется как минимум двумя факторами:

- представлением о России как наиболее желательной стране для жизни;
- предпочтением тех городов, в которых есть возможность профессиональной и личностной самореализации, но не имеющих масштаб столицы и уровень интенсивности ее жизни.

Переходя к интегральному по отношению ко всем предыдущим темам направлению анализа – жизненной стратегии информантов, рассмотрим доминирующие ценностные ориентации молодежи, ее жизненные цели и способы их достижения.

Прежде всего, отметим, что данные глубинного интервью несколько заостряют исследовательское внимание на достижительных установках молодежи. Если количественный срез анализа с помощью массового опроса указал на первостепенность ценностей межличностного общения, семейных отношений, то транскрибы интервью свидетельствуют о приоритетности жизненного успеха, понимаемого как триединство карьеры, материального благополучия и семейного счастья. Наиболее выражена данная позиция у представителей Центрального и Северо-Западного федеральных округов мужского пола. Наиболее развернуто идея неразрывности материального и семейного благополучия выражена в таком фрагменте транскриба: «В любом случае на данном этапе жизни – это все-таки попробовать реализовать себя. Как самостоятельную личность, основать свой бизнес – это попытка повести за собой людей, которые будут со мной, которые будут помогать мне строить этот бизнес. Это направление позволит достигнуть следующей цели. Мне необходимо получить финансовую независимость, потому что работать на “дядю” мне никогда не нравилось, я по натуре лидер, но не открытый. Я никогда не полезу в открытое сопротивление, лучше посижу, посмотрю, как все это происходит, а сделаю так, как считаю необходимым. Это моя черта, поэтому я очень тяжело переношу зависимость, любую зависимость, от человека, от ситуации, от еще чего-то. Ну, во-первых, приобрести финансовую независимость, плюс это позволит мне дать достаточно хорошее образование моим детям и не будет напрягать меня дальше…» (Алексей, 29 лет, Центральный федеральный округ).

Для современной молодежи, исключение, пожалуй, составляет феминная гендерная группа из Южного федерального округа, не характерно понимание любви и семьи по принципу «с милым рай и в шалаше». Этот романтический настрой старшего поколения практически полностью заменен у молодых россиян на социально ответственную позицию «для создания семьи необходима материальная платформа». Поэтому, размышляя о жизненных целях, полностью соответствующих ценностным ориентирам, информанты указывают на получение образования, желаемой работы и достойного дохода как необходимых условиях семейного благополучия. Говоря о семье как о значимой ценности и жизненной цели, участники интервью обеих гендерных групп демонстрируют определенный прагматизм. Девушки свою позицию в семье не сводят к традиционным ролям и функциям, а ориентированы на полноценное участие в экономическом обеспечении семьи, что свидетельствует об их стремлении к построению эгалитарной семьи. Молодые люди расценива-

ют наличие семьи как важное условие карьеры и профессионального успеха, зачастую вербализируя немного утилитарную по отношению к женщинам позицию «за спиной у великого мужчины всегда стоит великая женщина».

Для молодых уральцев и сибирцев мужского пола немного в большей степени, чем для остальных характерно стремление к общественно-полезному креативу и инновационности. Их жизненные ценности помимо традиционных семейных предполагают так называемые интеллектуально-патриотические ориентиры. Приведем цитату: «Я бы хотел, чтобы лет через 30 наша страна вошла в тройку держав с высокими экономическими показателями… уже работаю над этим… у меня инновационный бизнес по переработке мусора» (Без имени, 28 лет, Уральский федеральный округ).

Важно отметить полученную в ходе глубинного интервью детализацию и уточнение сущности индивидуально-созерцательной позиции (см. данные кластерного анализа по результатам массового опроса), наиболее характерной для мускулинных представителей Северо-Кавказского федерального округа. Жизненные приоритеты этой части информантов наибольшее воплощение приобретают в следующем высказывании: «…Ну потому что я считаю, что все ценности сейчас, они навеянные. Ну это искусственные ценности, которые в природе человека не заложены. Тоже самое зарабатывание денег. Ну это бред – всю жизнь провести в погоне за деньгами. Всё равно в один день умрём и всех денег не заработаем. Есть какие-то искусственные ценности, которые навязало общество. А есть истинные – семья, продолжении рода, культура, порядочность – это всё уходит на задний план» (Без имени., 21 год, муж., Северо-Кавказский федеральный округ). В этом взгляде на главное явно прослеживается стремление подняться над существующей реальностью и оценить ее с философских позиций, при этом проявляется уникальная для молодежи способность не следовать ценностям «мэйнстрима».

Переходя к анализу стратегий достижения важных жизненных целей информантов, подчеркнем некоторое преобладание патерналистических установок. Молодежь убеждена, что для получения достойного образования, желаемого места работы, жилья и прочих благ необходима мощная государственная поддержка. Патерналистические взгляды, как показывают исследования ВЦИОМ, характерны для всего населения России и в несколько меньшей степени для молодежи, чем для остальных граждан [5]. Действительно, патерналистическе установки молодежи сочетаются с позицией самоотдачи. В частности, многие информанты утверждают, что готовы реализовать социально значимые проекты, однако, им не хватает необходимой государственной поддержки. В наибольшей степени эта проблема вербализуется представителями малых городов практически всех федеральных округов: «…и если люди что-то делают, то властью это зарубается на корню. …мало такого творческого пространства… (для реализации своих проектов)» (Юлия, 21 год, Приволжский федеральный округ).

Другими словами, современные молодые россияне настроены на сотрудничество с государством: добросовестный труд на благо отечества при наличии достойной оплаты труда, жилья и необходимой инфраструктуры для жизни.

Таким образом, общие контуры духовных приоритетов молодежи, выявленных в ходе массового опроса и глубинного интервью, в целом совпали и описываются в терминах слияния прагматичных, достижительных и традиционных ценностей на фоне патриотических установок и ориентиров на социальное признание.

Еще одной переменной, значимой для исследования жизненных стратегий молодежи, является образ будущего в сознании молодых россиян. Обозначенные территориальные локализации ценностных приоритетов абсолютно точно воспроизводятся и в данном признаке. Позиция представителей Северо-Кавказского и Южного федеральных округов рисует образы будущего в терминах традиционных семейных ценностей. Например: «…для меня самое главное – семья, то, что человек может знать, что он придёт в дом, где его ждут родные, где его всегда ждут. Продолжение рода, дети» (Юлия, 18 лет, Южный федеральный округ).

Информанты из Центрального и Северо-западного федеральных округов в представлении себя через 10 лет более тяготеют к образу «захватывающей дух» социальной мобильности, в том числе посредством внешней миграции. Наиболее показательными высказываниями могут служить

фразы: «…допускаю вероятность того, что если я буду совсем молодцом-молодцом, то меня куда-нибудь пригласят (имеет ввиду заграницу) (Денис, 18 лет, Центральный федеральный округ), «Вообще я планирую стать депутатом Государственной думы» (Марат, 20 лет, Северо-Западный федеральный округ) или «Создать свой бизнес, работать на самого себя» (Дмитрий, 14 лет, Центральный федеральный округ).

Резюмируя основные результаты исследования, полученные методами кибернетического анализа и качественного контент-анализа транскрибов глубинного интервью с молодыми россиянами, отметим, что преимущество данных, полученных с помощью указанных методов, заключается в более высоком эвристическом потенциале заключений и выводов, позволивших понять и объяснить специфику формирования ценностно-потребностной сферы современной российской молодежи. Перечислим основные выводы настоящего исследования:

- на формирование жизненных ориентиров молодежи в наибольшей степени оказывает влияние возрастной и связанный с ним критерий – вид занятости: молодежь студенческого периода (моложе 25 лет), доминантой которой является получение образования, сфокусирована на оптимистических взглядах образа будущего, возможностях своей социальной мобильности, уверена в собственных силах и нацелена на достижение жизненного успеха, понимаемого в первую очередь, как социальное признание. Молодежь, работающая после окончания вуза, выражает более взвешенную позицию людей, преодолевающих реальные жизненные трудности. Их жизненные принципы формируются под влиянием стремления к обретению стабильной финансовой платформы для содержания семьи;

- жизненная стратегия современной молодежи по-разному формируется в различных федеральных округах и городах разного масштаба. Проблемы малых городов предопределяют наличие внутренних миграционных установок молодого поколения на переезд в более крупные города с хорошей инфраструктурой и широким рынком труда. Территориальная близость Европейских стран и более интенсивная интериоризация западных ценностей молодежью Центрального и Северо-Западного федеральных округов обусловливает доминирование у нее утилитарных и достижительных ценностей. Традиции социокультурного пространства Уральского, Сибирского, Дальневосточного и Южного округов, тяготеющих к традиционным и общечеловеческим ценностям семейственности и межличностного общения предопределяет доминирование у молодежи этих округов микросоциальных ориентаций, существование которых подтверждено также и результатами массового опроса;

- качественные характеристики включенности молодых россиян в интернет-коммуникацию детерминированы, с одной стороны, ценностными ориентирами, с другой – социально-демографическими показателями. Так, прагматично-ориентированные молодые представители Центрального и Северо-Западного федеральных округов ориентированы на утилитарное применение Глобальной сети, в частности, зарабатывание денег. Имеющие установку на межличностные и семейные отношения представители феминной и реже мускулинной гендерных групп Южного и Дальневосточного федерального округов вовлечены в интернет-коммуникацию в целях безграничного общения и развлечения. Ориентированные на ценности миропознания и саморефлексии молодые представители Северо-Кавказского, Уральского и Сибирского федеральных округов рассчитывают на Интернет как на «бездонный» источник информации и средство опубликования собственных мыслей. Вместе с тем вовлеченность в интернет-коммуникацию может быть описана в терминах формирующейся интернет-зависимости, которая обусловливает поверхностность, бессистемность, фрагментарность когнитивной составляющей личности представителей молодого поколения (молодежь не считает нужным уделять время освоению больших массивов текстовой информации и интериоризации знаний, так как в любое время может найти интересующие сведения в сети);

- выявленные корреляции между данными глубинного интервью и массового опроса о типах ценностных и социально-политических профилей молодежи определили существование четырех основных видов социально-политической активности молодых россиян. Молодежь, ориентированная на традиционные ценности семействен-

ности и межличностных отношений, относится большей частью к аполитичному типу (среди них больше всего жителей Южного, Уральского и Сибирского федеральных округов женского пола). Прагматично настроенные молодые россияне придерживаются чаще всего пассивных политических взглядов проправительственной направленности в режиме on-line (среди них большинство составляют представители Северо-Западного федерального округа). Ведомые ценностями общественной пользы и макросоциальных свершений молодые люди чаще всего являются активными центристами, способными перенести политическую on-line-активность в off-line (возглавлять молодежные отделения политических партий, участвовать в митингах в поддержку существующего хода реформ) (большинство составляют жители Уральского, Сибирского, Дальневосточного федерального округов). Пассивная оппозиционная стратегия характерна для двух типов молодежи: ориентированных на ценности миропознания и саморефлексии и так называемых «потенциально опасных». Вместе с тем на данный момент их оппозиционная стратегия представлена исключительно в on-line и отсутствии явных тенденций перевода виртуальной политической активности в деятельность off-line (большинство представлено молодежью Центрального федерального округа);

- современную молодежь вне зависимости от половозрастных характеристик и территориальной принадлежности характеризует достаточно высокий уровень патриотизма, имеющий сущностную взаимосвязь с позитивной национальной самоидентификацией и отсутствием установок на внешнюю миграцию;

- жизненная позиция молодежной феминной группы становится частью активно изменяющегося в наши дни гендерного контракта, что предполагает интенсивное включение молодых женщин в сферу профессиональной самореализации и полноценного участия в экономическом обеспечении семьи.

Литература

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ИС РАН, 2010. – 592 с.
2. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. сущность и особенности проявления // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 37–47.
3. Профилактика экстремизма и радикализма в молодежной среде Республики Татарстан: сб. науч.-метод. и информац. мат-лов. – Казань: РЦМИПП, 2011. – 180 с.
4. Учителя, врачи или военные: кому повысить зарплату? [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск. – 05.05.2011. – № 1745. – URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111580 (дата обращения: 10.11.2013).
5. Чупров В. И. Социология молодежи. – М.: НОРМА, 2011. – 335 с.
6. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu. Types of value systems of young internet users in Russia // The International Scientific-Practical Conference on the Humanities and the Natural Science ISPC 2013. Printed and Bound by Berforts Information Press Ltd, UK, 2013. – P. 215–229.

References

1. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Molodezh' Rossii: sotsiologicheskiy portret [Russian youth: a sociological portrait]. Moscow, IS RAN Publ., 2010. 592 p. (In Russ.)
2. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Molodezhnyy ekstremizm. Sushchnost' i osobennosti proyavleniya [Youth extremism. The nature and characteristics of manifestation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological study]*, 2008, no 5, pp. 37–47. (In Russ.)
3. Profilaktika ekstremizma i radikalizma v molodezhnoy srede Respubliki Tatarstan. Sbornik nauchno-metodicheskikh i informatsionnykh materialov [Prevention of extremism and radicalism among young people of the Republic of Tatarstan. Collection scientific-methodological and information materials]. Kazan, RTsMIPP Publ., 2011. 180 p. (In Russ.)
4. Uchitelya, vrachi ili voennye: komu povysit' zarplatu? [Teachers, doctors or military: who raise the salary?]. *Press-vypusk*, 05.05.2011, no 1745. Available at: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111580 (accessed 10.11.2013). (In Russ.)
5. Chuprov V.I. Sotsiologiya molodezhi [Sociology of Youth]. Moscow, NORMA Publ., 2011. 335 p. (In Russ.)
6. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu. Types of value systems of young internet users in Russia. *The International Scientific-Practical Conference on theHumanities and the Natural Science ISPC 2013*. Printed and Bound by Berforts Information Press Ltd, UK, 2013, pp. 215–229.

УДК 316.61

ИНСТИТУТ ВОЛОНЕРСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Пономарев Валерий Дмитриевич, доктор педагогических наук, профессор, проректор по творческой и международной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово, РФ). E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Васильковская Маргарита Ивановна, преподаватель, кафедра социально-культурной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (Кемерово, РФ). E-mail: margo197411@rambler.ru

Статья посвящена рассмотрению и анализу понятия «волонтерство». Конкретизируется и уточняется понятие «институт волонтерства», а также дается характеристика представленной педагогической модели развития института волонтерства в условиях социально-культурного творчества участников молодежных объединений. В статье рассматриваются критерии формирования и развития социально-культурного творчества молодежи как интегрированного качества личности. Также авторами определяются условия формирования и развития социально-культурного творчества личности.

Ключевые слова: волонтерство, институт волонтерства, добровольчество, социально-культурное творчество, молодежь, молодежное объединение, личность.

INSTITUTE OF VOLUNTEERS IN THE ACTIVITIES OF YOUTH ORGANIZATIONS

Ponomarev Valeriy Dmitrievich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector for Creative and International Activities, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: tvorchestvo@kemguki.ru

Vasylkovskaya Margarita Ivanovna, Lector, Chair of Social and Cultural Activities, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: margo197411@rambler.ru

The article is devoted to the review and analysis of the concept of “volunteering.” It concretized and specified the concept of “Institute of Volunteering,” and describes the development of a pedagogical model provided by the Institute of volunteering in terms of socio-cultural creativity of youth associations’ members. The article examines the criteria for the formation and development of social and cultural creativity of youth as an integrated personality traits. Also, the authors determined the conditions of formation and development of social and cultural creativity of the individual.

“Volunteering” is used to refer to voluntary work as an activity carried out by people voluntarily, free of charge and aimed at achieving the socially important objectives, solving the problems of society. Non-profit organizations are based on the idea of volunteering, including associations, youth clubs, national cultural organizations.

Scientific research has revealed and characterized the appearance of a new object of socio-pedagogical research, the Institute of volunteering, as well as to establish the concept of the phenomenon. The Institute of Volunteering is a social institution, an independent public entity which has its own logic of development, a system of values, norms, ideals, and the patterns of behavior of people in public, useful activity on the principles of gratuitous; it is a system that combines volunteer centers of regions of the Russian Federation to provide voluntary and gratuitous assistance to the needy social groups.

Modern state requires new approaches and teaching conditions in the organization of youth and volunteer activities for the first time in the theory, methods and organization of welfare activity, proposes pedagogical model of the Institute of volunteering in terms of socio-cultural creativity members of youth associations.

Socio-cultural creativity is seen as an integrated quality of a person, whose core is the subjective properties that determine the extent of its freedom, humanity, spirituality, motivation for active, self-sufficient and transferrable to other areas of life.

The study confirms the fact that the socio-cultural creativity is expressed primarily in volunteer activities in public and individual interest, in a creative attitude to any socially useful productive mental (intellectual) labor to the existing or socially accepted norms of behavior.

For the first time in the theory, methods and organization of welfare activity, it proposed a pedagogical model of development of the institution of volunteering in terms of socio-cultural creativity members of youth associations. Based on the methodology and methods of modeling the Institute of Volunteering, it is obvious that the model should combine the features of a function based on a specific group of customers and geographical coverage models of volunteer services.

The presented model specifies the modalities of the activities of volunteer services of youth: socio-cultural projects and events (informational, cultural, scientific and methodical); “art therapy” through the involvement of young people in cultural and recreational activities, visits to various cultural and recreational facilities; music therapy, socialization of the individual by referring to musical culture, subculture, attending concerts, rallies, contests, themed disco regular music listening composite; bibliotherapy is an impact on the consciousness of the individual in the process of meaning the life orientations through the selection of literature; Creative Technology is the involvement of young people and collective creative activity to promote the development of individual creativity, logotherapy.

In this case, the relevant methods of functioning of the Institute of Volunteering: active involvement in creative and socially meaningful activities, project-based learning, creating a situation of success.

Structure of the Institute of volunteering in terms of socio-cultural creativity of youth organizations is seen as a series of interrelated components (cognitive motivational, personal activity and reflexive and analytical).

The basis of analysis of the problem is being studied the theoretical and experimental research, released the following set of pedagogical conditions:

- Immersion members of youth associations in the practice-oriented, socially meaningful activities that promote the development of personal qualities;
- The intention of the development process of the Institute of volunteerism in the self-development mode in a youth association;
- Development and implementation of innovative forms, methods and technologies of the Institute of Volunteering the youth through socio-cultural creativity in terms of the youth association.

Synthesis of the results of the pilot studies, their practical implementation suggest that developed and tested model of the “Institute of Volunteering” promotes the effective development and implementation of creative capacity of members of youth associations in the process of socio-cultural activities. The proposed model can be widely implemented in the practice of socio-cultural work with young people in the youth associations of Kemerovo.

Keywords: volunteering, Institute for volunteering, socio-cultural creativity, youth, youth association, person.

История человечества располагает примерами добровольной и бескорыстной помощи, оказываемой человеком, группой людей отдельным людям или обществу в целом; помощи, не преследующей цели извлечения прибыли, получения оплаты или карьерного роста и основанной на идее бескорыстного служения гуманным идеалам человечества. Она может иметь различные формы: от традиционных видов взаимопомощи, помощи бездомным детям до совместных усилий

тысяч людей, направленных на преодоление последствий стихийного бедствия, урегулирование конфликтных ситуаций; включать в себя действия, предпринимаемые на местном, национальном уровнях, а также на уровне международного сообщества в целом. Подобную помощь сейчас называют волонтерством или добровольчеством.

В современной западной социологии «волонтерство» (Volenteerism) применяется для обозначения добровольного труда как деятельности, осуществляемой людьми добровольно на безвозмездной основе и направленной на достижение социально значимых целей, решение проблем общества [11]. Причем понятие «волонтерство» можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле понятие «волонтерство» рассматривается как деятельность некоммерческих и общественных объединений, под которыми подразумеваются добровольные, самоуправляемые, некоммерческие формирования, созданные по инициативе граждан, объединившиеся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения [12]. В узком смысле волонтерская деятельность связана с социальной работой, предоставлением социальных услуг и основана на желании человека оказать помощь нуждающимся в ней людям [11].

На идее добровольной помощи базируется деятельность некоммерческих организаций, в том числе объединений, молодежных клубов, национально-культурных организаций. Это стало возможным после создания и закрепления нормативной правовой базы, регулирующей деятельность волонтерских объединений и организаций в Российской Федерации, к которой относятся: Всеобщая декларация прав человека (1948 год); Конвенция о правах ребенка (1989 год); Всеобщая декларация добровольцев, принятая на XVI Всемирной конференции Международной ассоциации добровольческих усилий в Амстердаме, в январе 2001 года (Международный год добровольцев) при поддержке Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций и Международной ассоциации добровольческих усилий (IAVE); Конституция Российской Федерации (ч. 4 и 5 ст. 13, ч. 2 ст. 19, ст. 30); Гражданский кодекс Российской Федерации (ст. 117). Наиболее полно цели деятельности благотворительных организаций, которыми и являются все волонтерские и добровольческие клубы, организации, объединения, перечислены в Федеральном законе о благотворительной деятельности и благотворительных организациях от 11.08.1995 года № 135 ФЗ.

Также отметим, что с 1 января 2014 года вступает в силу Федеральный закон о добровольчестве (волонтерстве), подготовленный в рамках реализации права законодательной инициативы. Закон направлен на повышение эффективности деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, содействие развитию гражданского общества в России, совершенствование законодательных основ, обеспечивающих функционирование добровольческой (волонтерской) деятельности [13].

Актуальность и своевременность создания законодательства о добровольчестве (волонтерстве) обусловлена, с одной стороны, динамичным развитием института добровольчества (волонтерства), а с другой – недостаточным нормативно-правовым регулированием добровольческой (волонтерской) деятельности. Цель законопроекта заключается в создании правовой основы функционирования в России целостной системы добровольческой (волонтерской) деятельности, структуры, механизмов функционирования институтов и организаций, осуществляющих добровольческую (волонтерскую) деятельность, определении основных принципов добровольчества (волонтерства), целей и задач добровольческой (волонтерской) деятельности, форм и видов добровольческой (волонтерской) деятельности, прав и обязанностей участников добровольческой (волонтерской) деятельности, отношений между ними, системы мер по стимулированию добровольчества (волонтерства), полномочий органов государственной власти и органов местного самоуправления в данной области [13].

Законопроектом устанавливаются следующие понятия «добровольчество (волонтерство)», «доброволец (волонтер)», «благополучатель», «уполномоченный орган», «добровольческая (волонтерская) организация», «координатор добровольцев (волонтеров)», «добровольческое (во-

лонтерское) объединение», «добровольческая (волонтерская) программа», «добровольческая (волонтерская) акция», «личная книжка добровольца (волонтера)», «информационная сеть добровольчества (волонтерства)» [13].

Ко всему прочему добавим, что наша научная работа позволила выявить и охарактеризовать появление нового объекта социально-педагогического исследования – института волонтерства, – а также установить понятия данного явления.

Итак, в нашем понимании **институт волонтерства** – социальный институт, представляющий собой самостоятельное общественное образование, которое имеет свою логику развития, систему ценностей, норм, идеалов, а также образцов поведения людей в общественно-полезной деятельности на принципах безвозмездности; **институт волонтерства** – это система, объединяющая волонтерские центры регионов РФ, с целью оказания добровольной и безвозмездной помощи нуждающимся социальным категориям населения.

Но, вместе с тем, современное состояние требует новых подходов и педагогических условий в организации волонтерской деятельности молодежи, и впервые в теории, методике и организации социально-культурной деятельности мы предлагаем педагогическую модель **развития института волонтерства** в условиях **социально-культурного творчества** участников молодежных объединений.

Научный интерес к проблеме развития социально-культурного творчества современной молодежи, его актуализация обусловлена, прежде всего, целым рядом существенных факторов современного общественного развития, происходящими коренными преобразованиями во всех структурах жизнедеятельности общества. Как отмечает Я. А. Пономарев, современная жизнь нашего общества выдвигает перед исследователями творчества в науке «комплекс специфических задач практического характера и прежде всего задачу наращивания творческого потенциала» [10, с. 54].

Исходное положение нашего исследования состоит в понимании того, что для культурного обустройства жизни современного общества необходима продуктивная деятельность людей, обладающих созидательным качеством, которым обладает социально-культурное творчество [2]. Рассматривая сущность социально-культурного творчества, специфику его развития в сфере социально-культурной деятельности, которая является ядром социокультурной сферы, мы считаем, что данная специфика состоит в разработке и реализации проектно-технологической модели, при этом формирование и развитие социально-культурного творчества может осуществляться в любой социальной группе [4]. Мы анализируем развитие социально-культурного творчества в молодежной среде, так как именно молодежь представляет собой основной ресурс нации, является главным проводником социально-экономического и технического прогресса, передовых идей глобализации. Их творческое воображение, идеалы, энергия имеют важное значение для обеспечения постоянного движения вперед [3].

Таким образом, социально-культурное творчество рассматривается нами как интегрированное качество личности, ядром которого являются субъективные свойства, определяющие меру ее свободы, гуманности, духовности, мотивацию к активным самостоятельным действиям и их переносу на другие сферы жизни.

Мы считаем, что в новых социальных условиях XXI века актуализируется процесс формирования и развития социально-культурного творчества, основными критериями которого для молодежи являются:

1. Критерий духовности как культурного качества личности. Показатели: развитие духовных потребностей в понимании и самопознании, рефлексии, красоте, творчестве, общении (с родными, друзьями, природой), развитие творческой индивидуальности и т. д.

2. Критерий творческой личности. Показатели: внутренняя мотивация, готовность к преодолению препятствий, готовность трудиться инициативно, проявлять упорство; интеллектуальная активность, выражающаяся в постановке и решении проблем; возможность достижения оригинальных решений и т. д.

3. Критерий свободной личности как ее культурного качества. Показатели: высокий уровень самосознания, чувство собственного достоинства, самодисциплина, независимость суждений, непоколебимая твердость характера, умение принимать решения и нести ответственность за свои поступки, осуществлять свободный выбор содержания своей жизнедеятельности, линии поведения и т. д.

4. Критерий гуманности как культурного качества личности. Показатели: понимание ценности и неповторимости каждого человека, стремление к согласию, любовь ко всему живому, сочетаемая с милосердием, добротой, способностью к сопереживанию, готовностью оказать помощь и т. д. [1].

Названные критерии можно представить в виде концентрических слоев, в центре которых находится ядро биологически обусловленных качеств, а оболочку образует «направленность».

Масштабы и глубина влияния молодежного социально-культурного творчества (как позитивного, так и негативного) зависят не только от действий инициатора, но и от ответной реакции других людей. Следовательно, педагогически значимым становится воспитание не только творческо-инициативных качеств личности, но и формирование особой социально-психологической атмосферы в молодежном коллективе, которая позволит поддержать полезные и предотвратит отрицательные инициативные действия [9].

Анализ научной литературы позволил нам предположить, что для формирования и развития социально-культурного творчества личности необходимы следующие условия:

- социально-культурное творчество необходимо рассматривать как развивающуюся в коллективе способность личности к самостоятельным, целенаправленным, активным поэтапным социально значимым действиям, основанным на глубокой потребности личности к социальным ценностям, на сформированности ее морального и делового облика, на осознанном и ответственном поведении и деятельности [6];

- социально-культурное творчество как проявление волевой регуляции нацелено на совершенствование деятельности и поведения человека, а в конечном итоге на изменение его личности, условий социальной действительности [7];

- специфика социально-культурного творчества проявляется в ее целеоринтированном характере, который выражается в самостоятельной постановке целей и самостоятельной организации действий, направленных на достижение этих целей. Ее установки, принципы, умения и навыки должны демонстрировать творческий подход к решению поставленных задач [6].

Следовательно, речь идет о выборе и обосновании специфики организации обучения, которая бы в достаточном объеме отражала объективные процессы настоящего этапа развития творческого потенциала, раскрывала возможности к развитию творческой и инициативной личности.

Следует отметить, что в воспитании молодого поколения акцент должен ставиться на формировании и воспитании в нем личностных качеств адекватных требованиям времени и современного общества: социальная мобильность, восприимчивость к инновации, профессиональная компетентность, творческая инициатива, способность к добровольческой деятельности [4].

В нашем исследовании мы подтверждаем тот факт, что социально-культурное творчество выражается, прежде всего, в волонтерской деятельности в интересах общества и отдельной личности, в творческом отношении к любому общественно полезному производительному умственному (интеллектуальному) труду, к сложившимся или принятым в обществе нормам поведения. Оно оценивает достижения человека, его потенциальные возможности, готовность включения в многообразные социальные связи и отношения, способность к самостоятельным активным действиям. И впервые в теории, методике и организации социально-культурной деятельности мы предлагаем педагогическую модель развития института волонтерства в условиях социально-культурного творчества участников молодежных объединений. Мы полагаем, что моделирование процесса развития института волонтерства в условиях социально-культурного творчества молодежных объединений способствует выявлению особенностей феномена института волонтерства и их

отражению с точки зрения структуры, функций и содержания.

Разработанная нами модель развития института волонтерства в условиях социально-культурного творчества молодежных объединений является моделью структурно-функционального типа.

Опираясь на методологию и методику моделирования института волонтерства, мы сделали вывод об очевидности того, что модель должна сочетать в себе признаки функционального, ориентированного на определенную группу клиентов, и территориального охвата моделей волонтерских служб.

В представленной модели мы указываем формы осуществления деятельности волонтерских служб молодежи: социально-культурные проекты и акции (информационные, культурно-массовые и научно-методические); арттерапия – «терапия искусством» через вовлечение молодого человека в культурно-досуговые мероприятия, посещение различных культурно-досуговых учреждений; музыкотерапия – социализация индивида путем, обращения к какой-либо музыкальной культуре, субкультуре, посещение концертов, слетов, смотров-конкурсов, тематических дискотек, регулярное прослушивание музыкальных композий; библиотерапия – воздействие на сознание индивида в процессе формирования смысложизненных ориентаций через подбор специальной литературы; творческие технологии – вовлечение молодых людей в коллективную творческую и созидательную деятельность, содействие развитию индивидуального творчества; логотерапия (от греч. logos – слово, therapeia – уход, лечение) – лечение словом [3].

При этом применяются соответствующие методы функционирования института волонтерства: активное включение в творческую и социально значимую деятельность, проектное обучение, создание ситуации успеха (рис. 1).

Структура развития института волонтерства в условиях социально-культурного творчества молодежных объединений рассматривается как ряд взаимосвязанных компонентов (когнитивно-мотивационный, личностно деятельностный и рефлексивно-аналитический).

Каждая задача целевого блока отвечает за развитие определенного компонента института волонтерства в условиях социально-культурного творчества молодежных объединений. Первая, из поставленных, соответствует когнитивно-мотивационному компоненту. Вторая задача отвечает за развитие личностно-деятельностного компонента волонтерской деятельности молодежи. В этом же блоке мы определяем комплекс педагогических условий успешного развития института волонтерства в условиях социально-культурного творчества молодежных объединений, обеспечивающего эффективную реализацию спроектированной модели на основе выделенных принципов.

На основе анализа изучаемой проблемы и теоретико-экспериментального исследования, мы выделили следующий комплекс педагогических условий:

- погружение участников молодежных объединений в практико-ориентированную, социальнозначимую деятельность, способствующую развитию личностных качеств;
- интенция процесса развития института волонтерства в режим саморазвития в условиях молодежного объединения;
- разработка и внедрение инновационных форм, методов и технологий развития института волонтерства молодежи посредством социально-культурного творчества в условиях молодежного объединения.

Также содержательно-организационный блок модели института волонтерства в условиях социально-культурного творчества молодежных объединений включает методы, формы и технологии процесса развития института волонтерства.

Синтез результатов экспериментального исследования, их практическая реализация позволяют сделать вывод о том, что разработанная и апробированная модель «Институт волонтерства» способствует эффективному развитию и реализации творческих возможностей участников молодежных объединений в процессе социально-культурной деятельности. Предложенная модель может быть широко внедрена в практику социально-культурной работы с молодежью в молодежных объединениях города Кемерово.

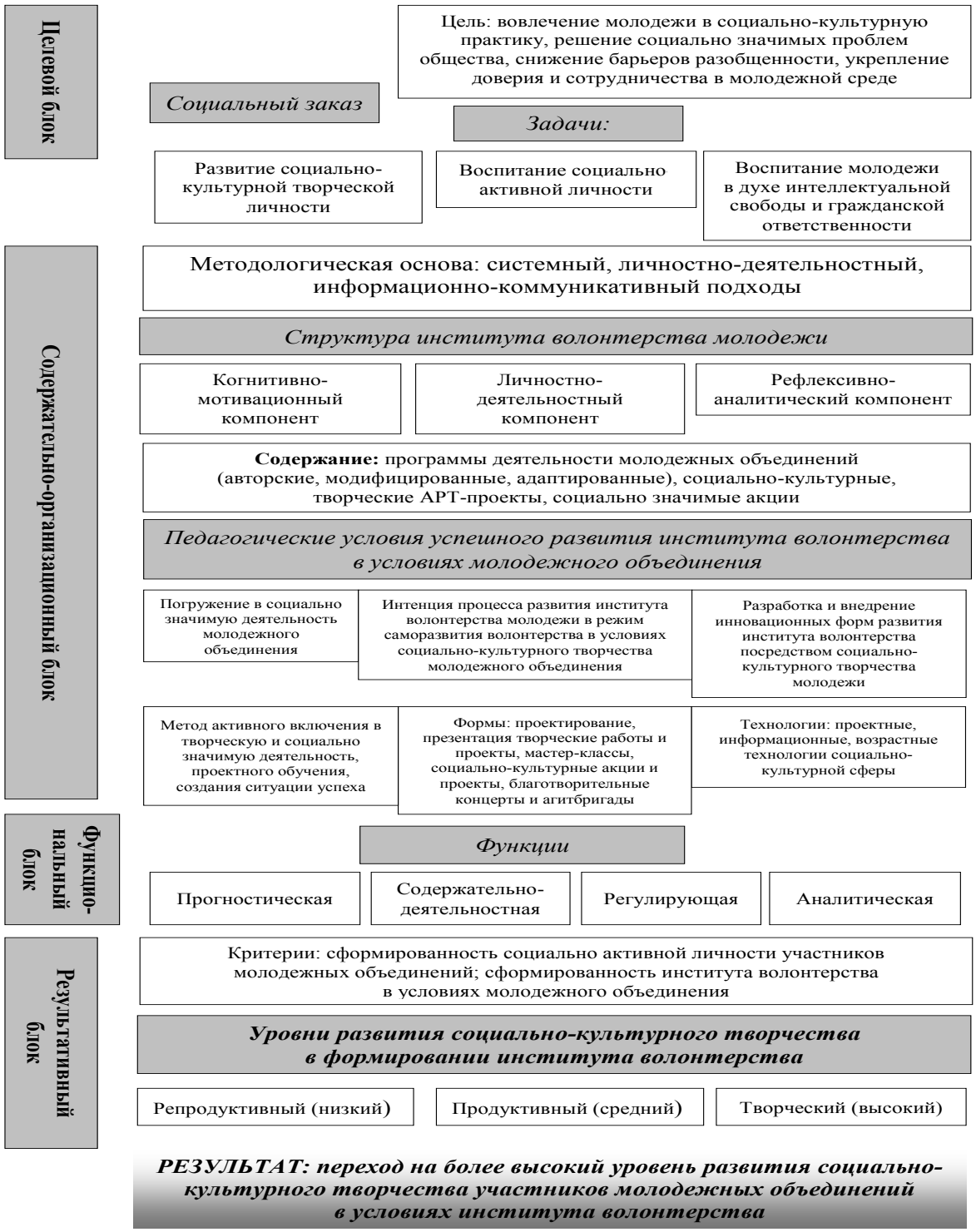


Рисунок 1. Структурно-функциональная модель развития института волонтерства в условиях социально-культурного творчества молодежных объединений

Литература

1. Андреев В. И. Педагогика творческого саморазвития. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. – 567 с.
2. Бодалев А. А. Личность и общение. – М., 1983. – 271 с.
3. Васильковская М. И. Технологии формирования личности. Проектный подход [Электронный ресурс] // Культура и образование. – 2014. – Январь (№ 1). – URL: http://vestnik-rzi.ru/2014/01/1225
4. Глуховская Е. А. Развитие творческого потенциала старшего школьника в учебной деятельности: автореф. дис. … канд. пед. наук. – Оренбург, 1997. – 18 с.
5. Грановская Р. М., Крижанская Ю. С. Творчество и преодоление стереотипов. – СПб.: OMS, 1994. – 465 с.
6. Дуранов М. Е., Дуранов И. М., Жернов В. И., Лешер О. В. Педагогика воспитания и развития личности учащегося. – Магнитогорск: МГПИ, 1996. – 315 с.
7. Кравчук П. Ф. Формирование творческого потенциала личности в системе высшего образования: автореф. дис. … д-ра фил. наук. – Курск, 1992. – 35 с.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: ИПЛ, 2007. – 218 с.
9. Лешер В. Ю. Развитие творческого потенциала подростка в учреждении дополнительного образования: автореф. дис. … канд. пед. наук. – Оренбург, 2000. – 21 с.
10. Пономарев Я. А. Психология творчества. – М.: Наука, 1976. – 302 с.
11. Смит Д. Добровольцы – капитал будущего? // Курьер ЮНЕСКО. – 2001. – Июнь. – С. 28.
12. Федеральный закон «Об общественных объединениях» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravmir.ru/proekt-federalnogo-zakona-o-dobrovolchestve-11-01-2013/#ixzz2xmEorKpx
13. Федеральный закон о добровольчестве (волонтерстве) [Электронный ресурс]. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=107564

References

1. Andreev V.I. Pedagogika tvorcheskogo samorazvitiya [Pedagogy of creative selfdevelopment]. Kazan, Kazanskiy Publ., 2006. 567 p. (In Russ.)
2. Bodalev A.A. Lichnost' i obshchenie [Personality and communication]. Moscow, 1983. 271 p. (In Russ.)
3. Vasylkovskaya M.I. Tehnologii formirovaniya lichnosti. Proektnyy podhod [Technology of identity formation. Project approach]. *Kul'tura i obrazovanie. [Culture and Education]*, 2014, January, no 1. Available at: http://vestnik-rzi.ru/2014/01/1225 (In Russ.)
4. Gluhovskaya E.A. Razvitie tvorcheskogo potentsiala starshego shkol'nika v uchebnoy deyatel'nosti. Avtoref. Dis. kandidat. ped. nauk [Development of the creative potential of the older student in learning activities. Author. Dis. Candidate ped. sci.]. Orenburg, 1997. 18 p. (In Russ.)
5. Granovskaya P.M., Krizhanskaya, Ju.S. Tvorchestvo i preodolenie stereotipov [Creativity and overcoming the stereotypes]. Petersburg, OMS Publ., 1994. 465 p. (In Russ.)
6. Duranov M.E., Duranov, I.M., Zhernov, V.I., Lesher, O.V. Pedagogika vospitaniya i razvitiya lichnosti uchashchegosya [Pedagogy education and development of the individual student]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State Pedagogical Institute Publ., 1996. 315 p. (In Russ.)
7. Kravchuk P.F. Formirovanie tvorcheskogo potentsiala lichnosti v sisteme vysshego obrazovaniya. Avtoref. Dis. Dr. fil. nauk. [Formation of personal creativity in higher education. Author. Dis. Dr. fil.]. Kursk, 1992. 35 p. (In Russ.)
8. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'ost' [Consciousness. Personality]. Moscow, IPL Publ., 2007. 218 p. (In Russ.)
9. Lesher V.Ju. Razvitie tvorcheskogo potentsiala podrostka v uchrezhdenii dopolnitel'nogo obrazovaniya. Avtoref. Dis. kandidat ped. nauk [Development of the creative potential of the teenager in the establishment of additional education. Author. Dis. candidate ped. sciences]. Orenburg, 2000. 21 p. (In Russ.)
10. Ponomarev Ja.A. Psihologiya tvorchestva [The psychology of creativity]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 302 p. (In Russ.)
11. Smit D. Dobrovol'tsy – kapital budushchego? [Volunteers – the capital of the future?]. *Kur'er JuNESKO [UNESCO Courier]*, 2001, June. p. 28 (In Russ.)
12. Federal'nyy zakon "Ob obshhestvennyh ob"edineniyah" [Federal Law "On Public Associations"]. Available at: http://www.pravmir.ru/proekt-federalnogo-zakona-o-dobrovolchestve-11-01-2013/#ixzz2xmEorKpx. (In Russ.)
13. Federal'nyj zakon o dobrovol'chestve (volonterstve) [Federal Law on volunteering (volunteering)]. Available at: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=107564. (In Russ.)

УДК 304.2

ПРОБЛЕМЫ ДЕФИНИЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Тельманова Анастасия Сергеевна, старший преподаватель кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: astel-75@mail.ru

В статье рассматривается проблема трактовки понятия «социально-культурное пространство» на основе анализа существующих научных подходов. Социально-культурное пространство – это социокультурный феномен, отражающий условия создания, сохранения, презентации, передачи и интерпретации культурных и социальных ценностей посредством непосредственного контакта с человеком. Формирование социально-культурного пространства актуализирует значение социального фактора в культурном освоении пространства, делая культуру основополагающей категорией деятельности различных социальных субъектов.

Ключевые слова: культура, культурное пространство, пространство, социальное пространство, социально-культурное пространство, социокультурное пространство.

THE PROBLEMS OF DEFINITION OF SOCIOCULTURAL SPACE

Telmanova Anastasia Sergeevna, Senior Lecturer of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: astel-75@mail.ru

Conditions, methods and problems of formation of sociocultural space are the important tasks of Russian culture and directly affect the general trend of development of the state in domestic and foreign policy on economic conditions, on intellectual and emotional state of all layers of the population.

Complexity of theoretical study and practical application of this concept lies in the ambiguity of its interpretation and application in the fields of science without a specific methodological approach.

We offer our own interpretation of the concept based on the analysis of modern approaches to understanding the social and cultural space.

Sociocultural space is an organic unity of institutions of culture, education, information, recreation, sports and state (regional and local) cultural policy, emerging and designed to meet the needs and interests of members of all population groups within a single geographic area. “Social” is not simply a subject of cultural space, it points to the importance of the cultural space for humans.

In this context, the sociocultural space acts as a sociocultural phenomenon which reflects the conditions of creation, preservation, presentation, transmission and interpretation of cultural and social values through direct human contact.

The sociocultural space is able to form a system of the social values, relationship of people to each other and to the world. In this infrastructure, customs, traditions, preferences space, it satisfies the needs of the given territory, but they can differ, both qualitatively and quantitatively, in another place. This fact makes the sociocultural space original, unique and specific.

“Social” and “cultural” cannot exist separately in space because the subject of all social is man, who presents oneself as the creator, custodian and consumer of culture. Interaction of society and culture is a process bilateral and continuous.

Sociocultural space, directly and indirectly, educates and develops the cultural norms and values oriented on the individual in the regional space and in the system of social relations.

Keywords: culture, cultural space, space, social space, social and cultural space, sociocultural space.

Условия, методы и проблемы формирования социально-культурного пространства в настоящее время являются одной из важных задач российской культуры, так как прямым образом затрагивают общую тенденцию развития государственной внутренней и внешней политики, экономических условий функционирования общественных институтов, интеллектуального и эмоционального состояния всех слоев населения. Социально-культурное пространство представляет собой многоаспектное и многоуровневое явление, что затрудняет изучение данного вопроса в контексте узкоспециального научного направления.

Сложность теоретического изучения и практического применения данного понятия заключается в неоднозначности его трактовок и применении в научных областях без определенного методологического подхода.

Цель нашего исследования заключается в формулировке дефиниции социально-культурного пространства, на основе анализа существующих научных подходов.

Являясь конгломератом общественной и культурной характеристик определенной территории, социально-культурное пространство должно рассматриваться в ракурсе междисциплинарного научного знания. Включая социально-культурные явления в пространство региона, необходимо изначально учитывать общефилософские подходы к трактовке понятия пространства. Пространство здесь представляется как одна из основных форм существования материи, оно характеризует протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах [19, с. 69]. Э. Кант в своей работе «Критика чистого разума» представляет пространство как внешнее восприятие действительности, независящее от индивида, а воспринимающееся им как данность (см. [12]).

Появившись изначально, как философская категорийная единица, пространство стало предметом научных исследований в различных областях научных знаний. На рубеже XIX–XX веков социологическая наука обратила свое внимание на неотделимость человеческого физического существования от пространственного. Э. Дюркгейм в своей работе «Метод социологии» представил свои взгляды о социальном пространстве как о массе людей, обладающей известной плотностью, расположенной на территории, которая предлагает им возможность межличностного общения, используя всякого рода пути сообщения [6, с. 276]. У М. Вебера социальное пространство представлено в качестве концентрации определенных социальных групп и не называется «пространством», а вместо него представлено понятие «место», что указывает на географическую привязку социума к конкретной территории [4, с. 10]. Позже П. Сорокин в своей работе «Социальная стратификация и мобильность» характеризует пространство как «народонаселение Земли». На основе данного заключения он выделяет понятие «социальное пространство» и его качественные характеристики – социальное положение, связь положений человека в социальной вселенной [16, с. 298–299].

Фундаментальные исследования социального пространства легли в основу осмысления роли пространства во всех аспектах жизнедеятельности человека. В научных кругах стали разрабатываться новые формы пространства: экономического, правового, нравственного, культурного, педагогического и др.

В основе эмоционального, гносеологического, потребительского и репродуктивного восприятия человеком окружающего мира лежит культурологический фактор, определяющий систему личностных ценностно-смысловых установок, принципов и жизненных ориентиров. И в данном контексте важную роль играет культурное пространство.

В основе понимания культурного пространства первоначально лежит понятие культуры как таковой. Данная категория наиболее часто и широко обсуждалась, описывалась и изучалась как философская величина. В трудах каждого философа отводилось место решению вопроса культуры. Но каждый из них вкладывал в этот термин свое понимание и видение этой проблемы. «Нет ничего менее определенного, чем это слово – “культура”, и нет ничего более обманчивого, как прилагать его к целым векам и народам» – писал И. Г. Гердер в своей книге «Идеи к философии истории человечества» [5, с. 6].

Ю. М. Лотман понимал культуру только как качество присущее образованному человеку:

«…механизм культуры может быть описан в следующем виде: недостаточность информации, находящейся в распоряжении мыслящей индивидуальности, делает необходимым путь для нее к другой такой же единице» (см. [14, с. 235]). Он делал акцент на том, что только образованный человек может понимать культуру и сохранять ее.

Лесли А. Уайт рассматривал культуру уже с двух сторон. «Для одних культура – научаемое поведение. Для других – не поведение как таковое, а его абстракция. Для одних антропологов каменные топоры и керамические сосуды – культура, для других ни один материальный предмет таковой не является. Одни полагают, что культура существует лишь в сознании людей, другие считают культурой лишь осязаемые предметы и явления внешнего мира» (см. [1, с. 17]). При этом Уайт утверждал, что поведение людей является ничем иным, как функцией культуры. Следовательно, в этом контексте можно утверждать, что именно от поведения человека зависит окружающий его мир. Культура при этом выступает как константа, а поведение как переменная величина.

Многообразие философских, исторических, социологических и других научных взглядов на культуру делает неоспоримым существование культурного пространства.

М. С. Каган представляет культурное пространство как многоаспектное явление, включающее в себя природные условия в их первозданном виде («дикая природа»), природу преобразованную человеком для своего комфортного существования (изменение рельефа, насаждения, система коммуникаций, природные и исторические охранные зоны и т. п.), свидетельства исторической памяти (памятники, артефакты) и сферу межличностный и общественных отношений, объединяющую предыдущие аспекты в цельную, уникальную среду определенной местности [8].

Культурное пространство как жизненную и социокультурную сферу общества, «вместилище» культурных процессов, представляющую из себя территориальную протяженность с присущими ей национально-этническими языками общения и духовными ценностями, традиционным бытовым укладом и образом жизни определяет С. Н. Иконникова. При этом С. Н. Иконникова, как и М. С. Каган отмечает многомерность культурного пространства, его связь с географическим, этническим, экономическим и политическим положениями и зависимость от этих факторов.

А. С. Кармин при определении культурного пространства отрицает влияние физического пространства, измеряющегося километрами, годами. По его мнению, культурное пространство – это пространство, сложившееся из множества феноменов культуры. Культурное пространство включает в себя отдельные феномены культуры и их комплексы, национальные культуры и культурную политику, цивилизации и культурные конгломераты [9].

В отличие от А. С. Кармина, А. Н. Быстрова [3] ставит культурное пространство в прямую зависимость от географической среды, которая оказывает влияние на формы и способы ее воспроизводства этносами, сообществами, коллективами. Картина мира, влияющая на формирование и развитие определенной культуры, напрямую зависит от территориальных ресурсов и возможностей. В результате освоения физического пространства идет процесс складывания определенных традиций, ценностей, идеалов, социальных норм и т. д.

Научные исследования в области социального и культурного пространства подтвердили взаимозависимость общественного и культурного фактора в определенной географической и временной среде бытования человека, что повлияло на продолжение изучения данных процессов в их совокупном существовании. Исследования в данном направлении привели к появлению двух новых дефиниций «социокультурное пространство» и «социально-культурное пространство».

Начало изучению социокультурного пространства положила социокультурная (социологистская) школа, обратившая внимание на динамические свойства и закономерности социокультурных явлений. Ф. Теннис, Г. Зиммель, Э. Росс и другие ученые проанализировали и систематизировали огромное число исторически повторяющихся процессов, таких как социокультурная изоляция, война, аккультурация, социальный контроль и многие другие, с целью выяснения возникновения социокультурных систем, их организации, структурированного распределения внутренних ролей членов общества, воздействия на перемены в социальных нормах и нравах.

Современные ученые в большей степени опираются на понятие «социокультурного пространства» с точки зрения социального пространства. Исследуя работы видных философов, историков и социологов (О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, А. С. Панарина), Е. Н. Ненахова характеризует социокультурное пространство как процесс и результат развертывания культуры во взаимосвязи с социальными параметрами [12, с. 174].

Тулиганова И. В. в своем диссертационном исследовании «Социокультурное пространство современного города» [18] рассматривает городскую среду как пространство, концентрирующее социальные структуры, выявляющее многочисленные смыслы и символические формы. Социокультурное пространство, И. В. Тулигановой включает в себя социум, символы и ценности, коммуникацию и информацию.

Социокультурная среда, по мнению И. В. Колинько, – это «важный аспект формирования модели мира, обладающий характеристиками протяженности и структурности, сосуществования и взаимодействия… Категория “социокульутрное пространство” предстает как связка понятий, что превращает ее в универсальную общесоциологическую категорию и включает в себя экономическое, политическое, педагогическое, физическое, туристическое и т. п. пространства» [10].

В работах О. В. Естриной и Н. В. Дулиной социокультурное пространство предстает как специфическая пространственно-временная целостность, представляющая из себя результат генезиса и функционирования культуры во взаимосвязи с социальными параметрами [7, с. 14].

Таким образом, опираясь на проведенные исследования в области социокультурного пространства можно сделать вывод, что оно является пространством реализации социальных отношений всех индивидов на основе материальных и нематериальных контактов, посредством установленных культурных связей, эволюционно и революционно сформировавшихся в рамках временного периода и географической территории.

Наряду с понятием «социокультурное пространство» в работах современных исследователей встречается и другое понятие «социально-культурное пространство». Несмотря на орфоэпическую схожесть и однокоренные производные данных понятий необходимо отметить принципиальную разницу при трактовке этих категорий, что в свою очередь оказывает влияние на теоретико-методологическую базу их изучения.

В основе одного из составляющих понятия «социокультурное пространство» лежит латинское слово «socius» (товарищ, компаньон), которое явилось отправной точкой для появления понятия «социум» – общество, социальная среда человека, совокупность исторически сложившихся форм деятельности людей [11, с. 105].

В основе же понятия «социально-культурное пространство» лежит латинское слово «socialis» (общественный), в настоящее время использующееся в контексте прилагательного «социальный», то есть связанный с жизнью людей в обществе, их отношениями в обществе или к обществу [17]. Данное прочтение указывает на общественную направленность деятельности применительно к разным современным научным, политическим, антропологическим и т. п. институтам: социальная психология, социальные законы, социальное воспитание, социальная гигиена.

Таким образом, в отличие от социокультурного пространства, которое заключает в себе ценности и нормы, взаимодействие групп на основе культурных, социальных и личностных уровнях, социально-культурное пространство имеет четко выраженную общественную направленность и представляет собой так называемую «инфраструктуру» социокультурного пространства. В данной связи социально-культурное пространство выполняет две важные функции: с одной стороны, оно является индикатором социокультурных процессов, происходящих в обществе (во временном и пространственном векторах), с другой стороны, оно является базисом для формирования, развития и изменения социокультурного пространства.

Понятие «социально-культурного пространства» используется многими учеными, политиками и общественными деятелями, но при этом остается недостаточно отрефлексированным в научном плане. Существующие трактовки зачастую противоречат друг другу и несут в себе многозначность, неструктурированность и терминологическую неопределенность.

По мнению И. П. Сморжок, социально-культурное пространство – это ценностно-нормативная

система определенной субкультурной группы (профессиональной, возрастной, досуговой и др.), формирующуюся в процессе культурогенеза [15].

В работе С. Б. Брижатовой «Современная социально-культурная среда региона: состояние, условия и факторы формирования» предложено свое понимание социально-культурного пространства. Рассматривая вещественные, личностные, вещенственно-личностные и духовные компоненты в единстве и взаимодействии, автор понимает социально-культурное пространство как «…целостность объектов, определяющих условия и основную направленность формирования человека, его духовного мира и связанных в этом взаимодействии генетическими, структурными и функциональными отношениями» и отождествляет это понятие с «культурной средой региона» [2, с. 5].

На основе анализа современных подходов к пониманию социально-культурного пространства, нами предлагается собственная трактовка данного понятия.

Социально-культурное пространство является органичным единством учреждений культуры, образования, информации, рекреации, спорта и государственной (региональной, местной) культурной политики, формируется и предназначается для удовлетворения потребностей и интересов представителей всех категорий населения в рамках единого географического пространства. При этом «социальность» не просто определяет субъекта культурного пространства, а указывает на значимость культурного пространства и фиксирует его адресную направленность.

В данном контексте социально-культурное пространство выступает как социокультурный феномен, отражающий условия создания, сохранения, презентации, передачи и интерпретации культурных и социальных ценностей посредством непосредственного контакта с человеком.

Социально-культурное пространство региона способно формировать систему жизненных ценностей, поведение потребителей, отношение людей друг к другу и к окружающему миру. При этом сложившаяся инфраструктура, обычаи, традиции, предпочтения оказывают влияние, отвечают запросам в рамках данной территории, но они могут быть совершенно иными, в качественном и количественном отношении, в другом месте. Именно этот факт делает социально-культурное пространство региона оригинальным, неповторимым, специфичным.

Социально-культурное пространство выполняет ряд функций:

1. Информационно-просветительская (познавательная).
2. Культуросозидающая и культуроформирующая.
3. Художественно-зрелищная.
4. Рекреационная.
5. Оздоровительная.
6. Социализирующая.

В реализации данных функций социально-культурного пространства участвуют социально-культурные институты, которые классифицируются в зависимости от их функциональной роли по отношению к потребителям производимой ими социально-культурной продукции.

Формирование социально-культурного пространства актуализирует значение социального фактора в культурном освоении пространства, делая культуру основополагающей категорией деятельности различных социальных субъектов. Суть социально-культурного пространства, как на личностном так и на государственном уровнях, заключается в поиске созидающего аспекта выводящего социальное общение индивидов на качественно другой уровень, отвечающий внутренним потребностям человека, открывающий перспективы личностного развития, определяющий смысловые целеполагания.

Социальное и культурное не могут существовать в пространстве автономно, потому что субъектом всего социального является человек, выступающий в свою очередь главным творцом, хранителем, транслятором и потребителем культуры. Взаимодействие общества и культуры должно является процессом двусторонним и непрерывным.

Социально-культурное пространство прямо и опосредовано воздействует на человека в его представлениях об окружающем мире, воспитывает и развивает культурные нормы и ценности, ориентирует индивида в региональном пространстве и в системе общественных отношений.

Литература

1. Антология исследований культуры. – СПб.: Университет. кн., 1992. – Т. 1. – 727 с.
2. Брижатова С. Б. Современная социально-культурная среда региона: состояние, условия и факторы формирования // Кризис и культура: диалог регионов: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. / отв. ред. Г. Г. Волощенко, Л. В. Секретова, Н. А. Томилов, Н. Ф. Хилько. – Омск: Наука, 2009. – С. 5–6.
3. Быстрова А. Н. Модель культурного пространства: граница и безграничность [Электронный ресурс] // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – Режим доступа: http://vestnik.tspu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1211&Itemid=276
4. Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. – М.: Юристъ, 1994. – 704 с. – (Лики культуры).
5. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
6. Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 350 с.
7. Естрина О. В., Дулина Н. В. Социокультурное пространство: определение понятия // Человек. Культура. Общество. – Волгоград, 2007. – Вып. 5. – С. 13–15.
8. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. – СПб., 2003. – Кн. 1. – 383 с.; кн. 2. – 320 с.
9. Кармин А. С. Культурология. Культура социальных отношений. – СПб.: Лань, 2000. – 128 с.
10. Колинько И. В. Социологические основы развития социокультурного пространства [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития 2005. – Вып. № 3. – Режим доступа – URL: http://www.teoria-practica.ru/ru/2005/3-2005.html (дата обращения: 05.02.2014).
11. Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов. (С переводом, этимологией и толкованием). – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 144 с.
12. Ненахова Е. Н. Теоретико-методологические подходы к формированию социокультурного пространства образовательного учреждения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – СПб.: ГОУ ВПО РГПУ им. Герцена, 2010. – Вып. № 128. – С. 172–181.
13. Рассел Б. История западной философии. Кн. II [Электронный ресурс] // Философский портал. Philosophy.ru. – URL: http://philosophy.ru/library/russell/01/06.html#20 (дата обращения: 01.04.2014).
14. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия. – М.: Аграф, 1997. – 781 с.
15. Сморжок И. П. Проектирование социально-культурного пространства (Теоретический и организационно-педагогический аспекты): дис. канд. пед. наук: 13.00.05. – М., 2002. – 221 с.
16. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 542 с.
17. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – URL: http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=72979 (дата обращения: 01.03.2014).
18. Тулиганова И. В. Социокультурное пространство современного города [Электронный ресурс]: дис. … канд. филос. наук. – Саратов, 2009 // Человек и наука. – URL: http://cheloveknauka.com/sotsiokulturnoe-prostranstvo-sovremennogo-goroda
19. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. – Изд. 3-е. – М.: Политиздат, 1975. – 495 с.
20. Юдина А. И. Формирование социально-культурной среды в системе инфраструктуры региона, как основа социализации молодежи // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – Кемерово, 2012. – № 19, ч. II. – С. 195–203.

References

1. Antologiya issledovaniy kul'tury [Anthology of Cultural Studies]. St. Petersburg, University Book Publ., 1992, vol. 1. 727 p. (In Russ.)
2. Brizhatova S.B. Sovremennaya sotsial'no-kul'turnaya sreda regiona: sostoyanie, usloviya i faktory formirovaniya [Modern social and cultural environment of the region: the state, conditions and factors of formation]. *Krizis i kul'tura: dialog regionov. Materialy mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Crisis and Culture: Dialogue regions. Materials interregional scientific conference]. Holes. ed. G.G. Voloshchenko, L.V. Sekretova, N.A. Tomilov, N.F. Khil'ko. Omsk, Nauka Publ., 2009, pp. 5–6. (In Russ.)
3. Bystrova A.N. Model' kul'turnogo prostranstva: granitsa i bezgranichnost' [Model of cultural space: the border and immensity]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]*. Available at: http://vestnik.tspu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1211&Itemid=276 (In Russ.)
4. Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva [Favorites. Image of society]. Moscow, Yurist Publ., 1994. 704 p. (In Russ.)
5. Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva [Ideas to the philosophy of history]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 703 p. (In Russ.)

6. Dyurkgeym E. Sotsiologiya i sotsial'nye nauki [Sociology and Social Sciences]. *Dyurkgeym E. Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its obyect, method, purpose]*. Moscow, Kanon Publ., 1995. 350 p. (In Russ.)
7. Estrina O.V., Dulina N.V. Sotsiokul'turnoe prostranstvo: opredelenie ponyatiya [Socio-cultural space: definition]. *Chelovek. Kul'tura. Obshchestvo[Man. Culture. Society]*. Volgograd, 2007, iss. 5, pp. 13–15. (In Russ.)
8. Kagan M.S. Vvedenie v istoriyu mirovoy kul'tury [Introduction to the history of world culture]. Petersburg, 2003, vol. 1. 383 p., vol. 2. 320 p. (In Russ.)
9. Karmin A.S. Kul'turologiya. Kul'tura sotsial'nykh otnosheniy [Cultural Studies. Culture of social relations]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2000. 128 p. (In Russ.)
10. Kolin'ko I.V. Sotsiologicheskie osnovy razvitiya sotsiokul'turnogo prostranstva [Sociological basis for the development of socio-cultural space]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2005, iss. 3. Available at: http://www.teoria-practica.ru/ru/2005/3-2005.html. (accessed 05.02.2014). (In Russ.)
11. Komlev N.G. Slovar' novykh inostrannykh slov [Dictionary of new foreign words]. Moscow, MGU Publ., 1995. 144 p. (In Russ.)
12. Nenakhova E.N. Teoretiko-metodologicheskie podkhody k formirovaniyu sotsiokul'turnogo prostranstva obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Theoretical and methodological approaches to the formation of social and cultural space of the educational institution]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena [News RSPU A. I. Herzen]*. St. Petersburg, GOU VPO RGPU im. Gertsena Publ., 2010, no 128, pp. 172–181. (In Russ.)
13. Rassel B. Istoriya zapadnoy filosofii. Kn. II [History of Western Philosophy Vol. II]. *Filosofskiy portal. Philosophy.ru*. Available at: http://philosophy.ru/library/russell/01/06.html#20 (accessed 01.04.2014). (In Russ.)
14. Rudnev V.P. Slovar' kul'tury XX veka. Klyuchevye ponyatiya [Dictionary of the XX century culture. Key concepts]. Moscow, Agraf Publ., 1997. 781 p. (In Russ.)
15. Smorzhok I.P. Proektirovanie sotsial'no-kul'turnogo prostranstva (Teoreticheskiy i organizatsionno-pedagogicheskiy aspekty). Diss. kand. ped. nauk [Designing socio-cultural space (theoretical and organizational-pedagogical aspects). Diss. ped. sci.]. Moscow, 2002. 221 p. (In Russ.)
16. Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. [People. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 542 p. (In Russ.)
17. Tolkovyy slovar' Ushakova [Explanatory Dictionary]. Available at: http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=72979 (accessed 01.03.2014). (In Russ.)
18. Tuliganova I.V. Sotsiakul'turnoe prostranstvo sovremennogo goroda. Diss. kand. filos. nauk [Socio-cultural space of the modern city]. Saratov, 2009. *Chelovek i nauka*. Available at: http://cheloveknauka.com/sotsiokulturnoe-prostranstvo-sovremennogo-goroda. (In Russ.)
19. Filosofskiy slovar' [Philosophical Dictionary]. Ed. M.M. Rozentalya. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 495 p. (In Russ.)
20. Yudina A.I. Formirovanie sotsial'no-kul'turnoy sredy v sisteme infrastruktury regiona, kak osnova sotsializatsii molodezhi [Formation of socio-cultural environment in the region's infrastructure as the basis of socialization of youth]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Vestnik Kemerovo State University of Culture and Arts]*. Kemerovo, 2012, no 19, pt. II, pp. 195–203. (In Russ.)

УДК 168.522:304.2

КУЛЬТУРНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОД СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЧИТАТЕЛЯ

Худолей Наталья Викторовна, аспирант, специальность 24.00.01 «Теория и история культуры», Красноярский государственный аграрный университет (г. Красноярск, РФ). E-mail: nvkkaf@mail.ru

В статье рассматривается одно из важнейших понятий культурологии – культурный код, приводятся различные его определения. Культурный код передается посредством различных каналов. В этом смысле тексты произведений художественной литературы являются трансляторами культурного кода

нации. В статье предположительно названы имена тех авторов, чьи произведения формируют культурный литературный код современного российского читателя.

Ключевые слова: культура, культурный код, литература, художественный текст, автор.

CULTURE LITERARY CODE OF THE MODERN RUSSIAN READERS

Khudoley Natalia Victorovna, Post-Graduate Student, Specialty 24.00.01 "Theory and History of Culture", Krasnoyarsk State Agricultural University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: nvkkaf@mail.ru

The article is devoted to the culture code which is considered to be one of the most important phenomena of culturology. The culture code guarantees nation's survival and its further development. A lot of scientific papers written by R. Barthes, C. Rapaille, A. I. Kravchenko, V. V. Krasnykh and by many other researchers deal with the culture code which is defined as the culture unconscious phenomenon, imperceptible with mind but revealing itself in people's behavior. Nowadays the culture code problem is the most pressing for many fields of science, among which are philosophy, linguistics, culturology, political studies, sociology. Having a command of the national culture code helps ordinary people and government representatives to understand the cultural peculiarities of the nation and to determine the strategies for the national further development. The culture code is often referred to as the nation's mindset.

To keep the national and cultural identity safe, ethical and spiritual customs and traditions undamaged is very important for up-to-date Russia, and the given problem is raised at the highest government levels. We suppose that the importance of the national cultural heritage is increasing, while the forward social movement of our country is being determined. The fiction works' texts present a large fragment of the national cultural heritage. Besides, they are considered to be the channels to transmit the national culture code. We suggest that the fiction works' texts should contain versatile anthropological and ontological ideas and values to be able to reflect the national culture code and be interesting or claiming for people for all time. Such fiction works' texts – the classics – are included in the opinion poll of the Russian readers which is named "The list of 100 best books from the beginning of time," and show the readers' preferences. We have tried to analyze "the List…" aiming to find out a set of authors and their works that represent and still have been creating the culture literary code of our compatriots. The results of the statistical data analysis let us supposedly find out that the dominant of the cultural literary code of modern Russian readers is presented by the fiction works' texts of F. Dostoevsky, L. Tolstoy, N. Gogol, A. Pushkin, M. Bulgakov, A. Chekhov, the Strugatskys brothers, W. Shakespeare, E. M. Remarque.

The list of bibliography containing eight sources of information on the above-mentioned subject concludes the article.

Keywords: culture, culture code, literature, fiction works' texts, author.

Каждый этнос живет и развивается только при условии, если он не теряет своего культурного кода. Существует множество определений культурного кода. Р. Барт определял культурный код как отголоски того, что уже было читано, видано, сделано, пережито; код – это след прошлого [1, с. 39]. А. И. Кравченко называет кодом культуры «совокупность знаков (символов) и систему определенных правил, при помощи которой информация может быть представлена (закодирована) в виде набора из таких символов, для передачи, обработки, хранения и запоминания» (см. [2, с. 36]). В. В. Красных определяет культурные коды как «"сетку", которую культура "набрасывает" на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и "кодируют"» [3, с. 5]. Он полагает, что коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает определенные эталоны культуры (отраженные, в свою очередь, в языке) [3, с. 5–19]. К. Рапай считает, что культурный код – это подсознательные смыслы, вкладываемые людьми в любой объект и формирующиеся под воздействием национальной

культуры, в которой эти люди были социализированы [5]. Под культурным кодом подразумевается «ключ к пониманию данного типа культуры, уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков. Это закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру. Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это культурное бессознательное – не то, что четко говорится или осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках» [4]. Культурный код принято по-другому называть национальным менталитетом.

Проблема культурного кода или национального менталитета на сегодняшний день является одной из самых актуальных для культурологов, лингвистов, социологов, философов, политологов, поскольку владение культурным кодом помогает не только понять культурные особенности нации, но и выстраивать стратегии национального развития в будущем.

В России вопрос сохранения своей национальной и культурной идентичности в нынешних непростых условиях является одним из злободневных. Способна ли отечественная культура сохранить свою неповторимость и предложить векторы движения в будущее? Или же нам уготована судьба периферийного субъекта мирового культурного пространства? Эти вопросы ставятся на самых высоких уровнях: Президент России В. Путин поставил цель сформировать образ будущего нашей страны как полиэтнической цивилизации, скрепленной русским культурным ядром. Вопросы будущности русской культуры поднимаются депутатами Государственной думы, а также представителями науки, культуры и искусства: учеными, народными и заслуженными артистами, режиссерами, художниками. Они отмечают значение духовно-нравственных, христианских корней и традиций русской культуры, которые помогли российскому народу пережить не одно трудное лихолетье, с честью преодолеть «смутные времена», сформировали характер государственно мыслящего и социально ответственного гражданина великой страны. Эти традиции живы и в наши дни. Чем очевиднее, что Россия «сосредоточивается», выстраивает стратегию развития, возвращается к своим нравственным истокам, тем более востребованными в обществе становятся ценностные ориентиры, великое реалистическое искусство, культурное наследие наших предков.

Принято выделять три типа глобальных культурных кодов: дописьменный (традиционный), письменный (книжный) и экранный, находящийся сегодня в стадии формирования. В каждом культурном типе присутствует основной культурный код, открытый к изменению и самопорождению новых, вторичных культурных кодов. В письменном (книжном) культурном типе основным культурным кодом является текст. Текст вплетен в ткань культуры нитями языка. Язык привносит в текст посредством своих единиц фрагменты картины мира, закрепленной языком в сознании языковой личности, то есть текст порожден контекстом языка и служит его иллюстрацией. Кроме того, текст во внешнем плане порожден развитием культуры данного периода и отражает его идеи, то есть сам текст репрезентует культуру. Таким образом, связи текста и культуры разноплановы. Будучи цельным образованием, он оказывается связанным с культурой как своей порождающей материей. Кроме того, он связан с языковым кодом национально-культурного сообщества и через этот код непосредственно коррелирует с культурой нации. Ядром же книжного культурного типа являются, на наш взгляд, классические тексты. Под классическими текстами мы понимаем такие, которые формируют культурный код нации, без знания которых представители единой нации не смогут вполне понять друг друга или вникнуть в реалии окружающего мира. Чтобы стать частью культурного кода нации, книга должна не только соответствовать духу своего поколения, отражать свое время. Она должна содержать нечто большее, быть интересной и востребованной во все времена. А это означает, прежде всего, отвечать или пытаться отвечать на самые главные вопросы, которые ставит жизнь. Какие же тексты художественной литературы сформировали и продолжают формировать культурный код россиянина? [7, с. 228–229].

Пытаясь найти ответ на этот вопрос, мы проанализировали список «100 лучших книг всех времен» [6], составленный по инициативе российского Президента В. Путина на основании результатов голосования посетителей сайта – http://www.100bestbooks.ru (см. табл. 1).

Таблица 1

Список «100 лучших книг всех времен»

№	Автор и произведение	Год	Баллы	Средний балл	Проголосовало
1	Михаил Булгаков – Мастер и Маргарита	1929–1940	13293	2.25	5892
2	Лев Толстой – Война и мир	1865–1868	10208	2.12	4814
3	Федор Достоевский – Преступление и наказание	1866	9665	2.03	4740
4	Федор Достоевский – Идиот	1868–1869	8080	2.35	3434
5	Федор Достоевский – Братья Карамазовы	1879–1880	7955	2.60	3054
6	Лев Толстой – Анна Каренина	1873–1877	7837	2.35	3325
7	Александр Пушкин – Евгений Онегин	1825–1837	7693	1.81	4248
8	Николай Гоголь – Мёртвые души	1842	7625	1.99	3818
9	Михаил Булгаков – Собачье сердце	1925	7508	1.58	4747
10	Артур Конан Дойль – Приключения Шерлока Холмса	1887–1927	7165	1.60	4454
11	Михаил Лермонтов – Герой нашего времени	1839–1840	6908	1.77	3901
12	Илья Ильф, Евгений Петров – Двенадцать стульев	1928	6908	1.63	4229
13	Антон Чехов – Рассказы	1883–1885	6904	2.16	3190
14	Эрих Мария Ремарк – Три товарища	1936	6345	2.10	3013
15	Антуан де Сент-Экзюпери – Маленький принц	1942	6186	1.25	4948
16	Федор Достоевский – Бесы	1870–1872	6075	3.25	1869
17	Александр Дюма – Граф Монте-Кристо	1844–1845	6075	2.02	2994
18	Иван Тургенев – Отцы и дети	1860–1861	6065	1.99	3039
19	Александр Грибоедов – Горе от ума	1828	6036	2.06	2925
20	Виктор Гюго – Отверженные	1862	5867	2.91	2010
21	Николай Гоголь – Тарас Бульба	1835, 1842	5293	1.82	2894
22	Уильям Шекспир – Ромео и Джульетта	1591–92 (?), 1595 (?)	5212	1.87	2787
23	Николай Гоголь – Вечера на хуторе близ Диканьки	1831–1832	5139	1.76	2918
24	Иван Гончаров – Обломов	1848–1858	5050	1.95	2581
25	Джордж Оруэлл – 1984	1947–1948	5002	2.42	2062
26	Антон Чехов – Палата № 6	1892	4965	2.62	1892
27	Эрнест Хемингуэй – Старик и море	1952	4941	2.12	2329
28	Александр Пушкин – Капитанская дочка	1836	4933	1.85	2657
29	Николай Гоголь – Ревизор	1836	4917	2.39	2053
30	Эрих Мария Ремарк – Триумфальная арка	1945	4901	2.55	1917
31	Рэй Брэдбери – 451 градус по Фаренгейту	1953	4897	2.29	2138
32	Михаил Булгаков – Белая гвардия	1924	4870	2.34	2078
33	Виктор Гюго – Собор Парижской Богоматери	1831	4781	1.91	2496
34	Иоганн Вольфганг фон Гёте – Фауст	1774–1831	4747	1.95	2428
35	Уильям Шекспир – Гамлет	1601	4740	1.96	2409
36	Маргарет Митчелл – Унесённые ветром	1936	4616	1.00	4590
37	Оскар Уайльд – Портрет Дориана Грея	1891	4540	1.30	3491
38	Федор Достоевский – Униженные и оскорблённые	1861	4408	3.17	1388
39	Эрнест Хемингуэй – По ком звонит колокол	1940	4325	3.68	1174
40	Федор Достоевский – Игрок	1866	4315	3.31	1300
41	Александр Пушкин – Повести Белкина	1831	4145	2.23	1856
42	Станислав Лем – Солярис	1961	4106	2.39	1716
43	Александр Дюма – Три мушкетера	1844	4102	1.21	3371

Продолжение таблицы 1

№	Автор и произведение	Год	Баллы	Средний балл	Проголосовало
44	Аркадий и Борис Стругацкие – Пикник на обочине	1972	4101	2.02	2025
45	Марк Твен – Приключения Тома Сойера	1876	4096	1.33	3078
46	Михаил Шолохов – Тихий Дон	1926–1940	4081	1.33	3051
47	Джейн Остин – Гордость и предубеждение	1796–1797, 1813	3986	1.08	3658
48	Габриэль Гарсиа Маркес – Сто лет одиночества	1967	3980	1.39	2856
49	Роберт Льюис Стивенсон – Остров сокровищ	1883	3975	2.04	1942
50	Эрих Мария Ремарк – На западном фронте без перемен	1928–29	3970	2.33	1703
51	Жюль Верн – Таинственный остров	1874	3970	2.03	1947
52	Джек Лондон – Белый Клык	1906	3966	1.87	2119
53	Артур Конан Дойль – Собака Баскервилей	1901–1902	3965	1.51	2614
54	Даниель Дефо – Робинзон Крузо	1719	3963	1.42	2786
55	Вениамин Каверин – Два капитана	1938–1944	3962	2.05	1930
56	Борис Васильев – А зори здесь тихие	1969	3962	1.92	2054
57	Илья Ильф, Евгений Петров – Золотой теленок	1931	3962	1.71	2313
58	О. Генри – Рассказы	1904–1910	3870	1.68	2302
59	Лев Толстой – Воскресение	1899	3823	3.09	1234
60	Льюис Кэрролл – Алиса в стране чудес	1864	3674	1.36	2692
61	Алексей Толстой – Пётр Первый	1929–1945	3665	2.64	1384
62	Лев Толстой – Детство. Отрочество. Юность	1852–1857	3655	2.73	1337
63	Николай Гоголь – Шинель	1842	3630	2.99	1211
64	Александр Грин – Алые паруса	1916–1922	3612	1.24	2900
65	Кен Кизи – Пролетая над гнездом кукушки	1962	3548	1.84	1925
66	Ярослав Гашек – Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны	1921–1923	3480	2.17	1600
67	Александр Беляев – Человек–амфибия	1928	3479	2.22	1563
68	Джек Лондон – Мартин Иден	1909	3417	2.41	1416
69	Шарлотта Бронте – Джейн Эйр	1847	3378	1.00	3387
70	Ганс Христиан Андерсен – Сказки	1839–1872	3330	1.30	2583
71	Николай Гоголь – Петербургские повести	1832–1842		3.68	903
72	Лев Толстой – Хаджи-Мурат	1896–1904	3325	3.23	1027
73	Александр Волков – Волшебник Изумрудного города	1939	3323	1.20	2756
74	Николай Носов – Приключения Незнайки и его друзей	1953–1954	3322	1.13	2919
75	Федор Достоевский – Бедные люди	1845	3320	3.27	1013
76	Александр Пушкин – Дубровский	1833, 1842	3319	3.72	891
77	Аркадий и Борис Стругацкие – Трудно быть богом	1963	3258	1.80	1809
78	Жюль Верн – Дети капитана Гранта	1868	3185	1.74	1826
79	Джоан Роулинг – Серия книг о Гарри Поттере	1997–2007	3181	0.67	4678
80	Аркадий и Борис Стругацкие – Понедельник начинается в субботу	1965	3056	1.66	1830
81	Антон Чехов – Вишневый сад	1903	3035	2.41	1258
82	Марк Твен – Приключения Гекльберри Финна	1884	3012	1.51	1988
83	Джон Толкиен – Властелин колец	1954–1955	3005	0.71	4193
84	Иван Тургенев – Записки охотника	1852	2937	2.57	1142
85	Борис Пастернак – Доктор Живаго	1945–1955	2920	1.32	2199
86	Фрэнсис Скотт Фицджеральд – Великий Гэтсби	1925	2915	2.11	1378

Окончание таблицы 1

№	Автор и произведение	Год	Баллы	Средний балл	Проголосовало
87	Александр Пушкин – Сказка о рыбаке и рыбке	1833	2914	1.87	1552
88	Теодор Драйзер – Американская трагедия	1925	2905	2.16	1341
89	Марк Твен – Принц и нищий	1880	2895	2.44	1185
90	Леонид Филатов – Про Федота-стрельца, удалого молодца	1985	2893	1.07	2697
91	Джером Д. Сэлинджер – Над пропастью во ржи	1951	2893	0.96	2998
92	Мигель Сервантес – Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский	1615	2880	1.83	1570
93	Федор Достоевский – Подросток	1875	2854	3.93	726
94	Лев Толстой – Кавказский пленник	1872	2835	2.41	1175
95	Федор Достоевский – Записки из подполья	1864	2815	3.94	714
96	Лев Толстой – Севастопольские рассказы	1855	2715	3.41	795
97	Лев Толстой – Казаки	1863	2710	3.49	775
98	Эрих Мария Ремарк – Жизнь взаймы	1959/1961	2682	2.09	1281
99	Федор Достоевский – Село Степанчиково и его обитатели	1859	2670	3.25	820
100	Уильям Шекспир – Король Лир	1605–1606	2645	2.38	1110

Голосование началось с декабря 2012 года и производится в режиме on-line, результаты его еженедельно обновляются. По условиям голосования в нем принимают участие произведения художественной литературы любой длины, любого жанра, написанные на любом языке в любой период времени. Участники голосования сами решают, что понимать под словом «лучшие произведения»: это могут быть как самые эпохальные и известные литературные тексты, так и просто любимые книги, перечитываемые с удовольствием раз за разом.

Согласно правилам голосования, участник получает 300 баллов, которые он может распределить между своими любимыми произведениями. Одной книге он может дать не более 5 баллов. Помимо этого, у него есть 100 отрицательных баллов. Одной книге можно дать не более 3 отрицательных баллов. Если участник голосования считает, что какая-либо книга попала в список незаслуженно, и ее следует вовсе удалить из списка, он имеет право поставить галочку в колонке «Удалить». Книги, набравшие определенное число таких «голосов за удаление», автоматически удаляются из списка. Повторное голосование участнику разрешается через одну неделю [6].

Приступая к анализу списка текстов и их авторов, мы поставили следующие вопросы:

1. Какие авторы (классики или современники) преобладают в списке «100 лучших книг всех времен»?

2. Какое процентное соотношение существует между отечественными и зарубежными авторами?

3. Тексты художественных произведений каких отечественных авторов в списке «100 лучших книг всех времен» наиболее популярны среди участников голосования? В какой период они были созданы?

4. Тексты художественных произведений каких зарубежных авторов в списке «100 лучших книг всех времен» наиболее популярны среди участников голосования? В какой период они были созданы?

5. Среди зарубежных авторов больше представителей западной или восточной культуры?

6. Какие авторы имеют самые высокие баллы?

7. Какие авторы набрали самое большое число голосов?

8. Какие авторы имеют самый высокий средний балл?

9. Какие авторы имеют самый низкий средний балл?

10. Тексты каких авторов сформировали и продолжают формировать культурный код россиянина?

Принимая во внимание, что периодом новой литературы считается время с 1997 года, мы выявили, что в списке «100 лучших книг всех времен» абсолютное большинство составляют произведения «классиков» – 99 авторов. «Современники» представлены единственным автором – Дж. Роулинг – с серией книг о Гарри Поттере, созданных в период с 1997 по 2007 год, занимающей 79 позицию рейтинга.

В процентном соотношении в списке «100 лучших книг всех времен» преобладают отечественные авторы – 55 %, зарубежные авторы получили 45 %.

Проанализировав состав отечественных авторов по периодам создания их произведений, мы выявили, что наибольшей популярностью пользуются тексты художественных произведений, созданных в конце XIX века (1861–1900), что отражено в таблице 2:

Таблица 2

Наиболее популярные тексты отечественных авторов

Место в рейтинге	Автор	Произведение	Год создания
2	Л. Толстой	Война и мир	1865–1868
3	Ф. Достоевский	Преступление и наказание	1866
4	Ф. Достоевский	Идиот	1868–1869
5	Ф. Достоевский	Братья Карамазовы	1879–1880
6	Л. Толстой	Анна Каренина	1873–1877
13	А. Чехов	Рассказы	1883–1885
16	Ф. Достоевский	Бесы	1870–1872
18	И. Тургенев	Отцы и дети	1860–1861
26	А. Чехов	Палата № 6	1892
38	Ф. Достоевский	Униженные и оскорбленные	1861
40	Ф. Достоевский	Игрок	1866
59	Л. Толстой	Воскресение	1899
93	Ф. Достоевский	Подросток	1875
94	Л. Толстой	Кавказский пленник	1872
95	Ф. Достоевский	Записки из подполья	1864
97	Л. Толстой	Казаки	1863

Второе место в списке «100 лучших книг всех времен» принадлежит авторам середины XIX века (1831–1860), что показано в таблице 3:

Таблица 3

Произведения отечественных авторов, занявшие второе место по популярности

Место в рейтинге	Автор	Произведение	Год создания
8	Н. Гоголь	Мертвые души	1842
11	М. Лермонтов	Герой нашего времени	1839–1840
21	Н. Гоголь	Тарас Бульба	1835; 1842
23	Н. Гоголь	Вечера на хуторе близ Диканьки	1831–1832
24	И. Гончаров	Обломов	1848–1858
28	А. Пушкин	Капитанская дочка	1836
29	Н. Гоголь	Ревизор	1836
41	А. Пушкин	Повести Белкина	1831
62	Л. Толстой	Детство. Отрочество. Юность	1852–1857
63	Н. Гоголь	Шинель	1842
71	Н. Гоголь	Петербургские повести	1832–1842
75	Ф. Достоевский	Бедные люди	1845
76	А. Пушкин	Дубровский	1833; 1842
84	И. Тургенев	Записки охотника	1852
87	А. Пушкин	Сказка о рыбаке и рыбке	1833
96	Л. Толстой	Севастопольские рассказы	1855
99	Ф. Достоевский	Село Степанчиково и его обитатели	1859

Двадцатый век в отечественной литературе ассоциируется у голосующих с большим числом авторских имен, однако, с меньшим количеством их произведений. При этом самыми «читаемыми» авторами являются, согласно опросу, М. Булгаков и братья А. и Б. Стругацкие (по 3 произведения в списке). Кроме того, сразу обращает на себя внимание факт отсутствия в списке имен авторов-классицистов, создававших свои произведения до начала XIX века. Мы объясняем это определенной сложностью восприятия для

широкой массы современных читателей текстов авторов-классицистов (Державин, Сумароков, Ломоносов, Кантемир и др.). Мы предполагаем, что хотя их имена известны современным читателям, однако сами произведения изучает узкий круг специалистов-филологов.

Проанализировав состав зарубежных авторов по периодам создания их произведений, мы выявили, что наибольшей популярностью у голосующих пользуются тексты художественных произведений, созданных в конце XIX века (1861–1900), что показано в таблице 4:

Таблица 4

Наиболее популярные тексты зарубежных авторов

Место в рейтинге	Автор	Произведение	Год создания
20	В. Гюго	Отверженные	1862
37	О. Уайльд	Портрет Дориана Грея	1891
45	М. Твен	Приключения Тома Сойера	1876
49	Р. Л. Стивенсон	Остров сокровищ	1883
51	Ж. Верн	Таинственный остров	1874
60	Л. Кэрролл	Алиса в стране чудес	1864
70	Г.-Х. Андерсен	Сказки	1839–1872
78	Ж. Верн	Дети капитана Гранта	1868
82	М. Твен	Приключения Гекльберри Финна	1884
89	М. Твен	Принц и нищий	1880

Кроме того, популярными являются тексты «высокой классики», включающие в себя такие авторские имена и произведения, без знания которых вообще сложно представить себе современного культурного человека. Интересно отметить, что понятие «высокой классики» современный российский читатель связывает, прежде всего, именно с зарубежными, а не с отечественными авторами. Причиной тому, возможно, являются великолепные переводы данных произведений на русский язык, довольно частые их экранизации и театральные постановки и, как результат, лучшая ознакомленность с ними читателей (см. табл. 5).

Таблица 5

Популярные тексты «высокой классики» зарубежных авторов

Место в рейтинге	Автор	Произведение	Год создания
22	У. Шекспир	Ромео и Джульетта	1592–1595
34	И.-В. Гете	Фауст	1774–1831
35	У. Шекспир	Гамлет	1601
47	Д. Остин	Гордость и предубеждение	1796–1797; 1813
54	Д. Дефо	Робинзон Крузо	1719
92	М. де Сервантес	Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский	1615
100	У. Шекспир	Король Лир	1605–1606

При этом самым «читаемым» зарубежным автором назван Э.-М. Ремарк (4 произведения в списке).

В списке «100 лучших книг всех времен» среди имен зарубежных писателей отсутствуют имена «восточных» авторов, наличествуют только представители Западной Европы или Америки. Это, вероятно, указывает на направленность современного российского читателя в сторону Запада, на лучшее восприятие им западных ценностей и мировоззрения. Кроме того, нам кажется, что имеет место экспансия западноевропейской и американской культуры.

Таким образом, XIX век ассоциируется у современного российского читателя прежде всего с именами Ф. Достоевского (10 произведений в списке), Л. Толстого (8 произведений), Н. Гоголя (6 произведений), А. Пушкина (5 произведений), А. Чехова (3 произведения), И. Тургенева (2 произведения), М. Твена (3 произведения), А. Дюма (2 произведения), В. Гюго (2 произведения), Ж. Верна (2 произведения). Двадцатый век связан у читателей с именами М. Булгакова (3 произведения), братьев Стругацких (3 произведения), И. Ильфа и Е. Петрова (2 произведения), Э.-М. Ремарка (4 произведения), А. Конан Дойля (2 произведения), Д. Лондона (2 произведения). Понятие «высокой классики» связано, прежде всего, с именем У. Шекспира (3 произведения).

Самые высокие баллы по итогам голосования распределились следующим образом (см. табл. 6).

Таблица 6

Список произведений, набравших самые высокие баллы

Автор	Произведение	Баллы
М Булгаков	Мастер и Маргарита	13293
Л. Толстой	Война и мир	10208
Ф. Достоевский	Преступление и наказание	9665
Ф. Достоевский	Идиот	8080
Ф. Достоевский	Братья Карамазовы	7955
Л. Толстой	Анна Каренина	7837
А. Пушкин	Евгений Онегин	7693
Н. Гоголь	Мертвые души	7625
М. Булгаков	Собачье сердце	7508
А. Конан Дойль	Приключения Шерлока Холмса	7165

Самое большое число голосов было отдано авторам, чьи имена отражены в таблице 7.

Таблица 7

Список произведений, получивших наибольшее число голосов

Автор	Произведение	Кол-во голосов
М. Булгаков	Мастер и Маргарита	5892
А. де Сент-Экзюпери	Маленький принц	4948
Л. Толстой	Война и мир	4814
Л. Толстой	Анна Каренина	4747
Ф. Достоевский	Преступление и наказание	4740
Д. Роулинг	Серия книг о Гарри Поттере	4678
М. Митчелл	Унесенные ветром	4590
А. Конан Дойль	Приключения Шерлока Холмса	4454
Ф. Достоевский	Братья Карамазовы	4248
И. Ильф, Е. Петров	Двенадцать стульев	4229

При этом самый высокий средний балл, который определялся путем соотнесения общего количества баллов и проголосовавших читателей, получили авторы и их произведения, представленные в таблице 8.

Таблица 8

Список произведений, получивших самый высокий средний балл

Автор	Произведение	Средний балл
Ф. Достоевский	Записки из подполья	3,94
Ф. Достоевский	Подросток	3,93
А. Пушкин	Дубровский	3,72
Э. Хемингуэй, Н. Гоголь	По ком звонит колокол; Петербургские повести	3,68
Л. Толстой	Казаки	3,49
Л. Толстой	Севастопольские рассказы	3,41
Ф. Достоевский	Игрок	3,31
Ф. Достоевский	Бедные люди	3,27
Ф. Достоевский	Бесы; Село Степанчиково и его обитатели	3,25
Л. Толстой	Хаджи-Мурат	3,23

Интересно отметить, что самый низкий средний балл набрали произведения Д. Роулинг (серия книг о Гарри Поттере) – 0,67, а также Д. Толкиена («Властелин колец») – 0,71 балла при общем большом количестве принявших участие в голосовании (4678 и 4193 голоса соответственно). Это говорит о том, что многие читатели отдали наименьшее число баллов произведениям этих авторов.

Таким образом, можно заключить, что наибольший интерес современного российского читателя вызывают художественные тексты как отечественных, так и зарубежных (преимущественно западноевропейских) авторов-классиков, поскольку «одна из особых черт классики – её бытийность, онтологический критерий. Классика отвечает на вечные, универсальные вопросы человеческого бытия. Эта универсальность является парадоксальной: каждое новое поколение читателей по-новому интерпретирует вечные, бытийные темы. Именно бытийность классики, её способность запечатлеть в тексте антропологические и онтологические универсалии, некий комплекс вечных, надвременных идеологий определяет её ценность для читателей, давая возможность вневременного диалога между автором, текстом и интерпретатором…» [8, с. 280]. Однако интересен

тот факт, что количество «культурообразующих» художественных текстов отечественных авторов вдвое превышает количество аналогичных текстов зарубежных авторов: 42 отечественных произведения против 20 зарубежных текстов. Самое большое число баллов, голосов, наиболее высокие средние баллы также сохраняются за текстами отечественных авторов. Поэтому мы предполагаем, что доминанту культурного литературного кода современного российского читателя прежде всего формируют тексты художественных произведений отечественных писателей-классиков Ф. Достоевского, Л. Толстого, Н. Гоголя, А. Пушкина, М. Булгакова, А. Чехова, братьев А.и Б. Стругацких, а также произведения У. Шекспира и Э.-М. Ремарка.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: пер. с фр. / сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Прогресс, 1989. – 616 с.
2. Быкова О. И. Образная составляющая как релевантный признак этноконнотата // Вестн. ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2005. – № 1. – С. 34–40.
3. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 5–19.
4. Культурный код [Электронный ресурс] // Википедия – версия энциклопедии на русском языке. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/
5. Рапай К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему: пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 167 с.
6. 100 лучших книг всех времен [Электронный ресурс]. – URL: http://www.100bestbooks.ru/index.php (дата обращения: 23.04.2014).
7. Худолей Н. В. Художественный текст как транслятор культурного кода нации // Проблемы современной аграрной науки: мат-лы междунар. заоч. науч. конф. – Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т., 2013. – С. 228–230.
8. Худолей Н. В. Роль классического литературного текста как языка духовной культуры в социально-культурном пространстве России // Вестн. КрасГау. – 2013 – № 7. – С. 278–280.

References

1. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika. Per. s fr. Sost., obshch. red. i vstup. st. G.K. Kosikova [Selected Works: Semiotics: The Poetics. Per. with fr. Comp., P. Ed. and entered. G.K. Kosikova]. Moscow, Progress Publ., 1989. 616 p. (In Russ.)
2. Bykova O.I. Obraznaya sostavlyayushchaya kak relevantnyy priznak etnokonnotata [Shaped component as relevant feature of ethnoconnotate] *Vestnik VGU, Seriya "Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya" [Herald VSU Series "Linguistics and Intercultural Communication"]*, 2005, no 1, pp. 34–40. (In Russ.)
3. Krasnykh V.V. Kody i etalony kul'tury (priglashenie k razgovoru) [Codes and standards of culture (an invitation to talk)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya. Sb. Statey. Otv. red. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov [Language, consciousness, communication. Coll. Articles. Ed. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov]*. Moscow, MAKS Press Publ., 2001, pp. 5–19. (In Russ.)
4. Kul'turnyy kod [Cultural code]. *Vikipediya – versiya entsiklopedii na russkom yazyke [Wikipedia, the version of the encyclopedia in Russian]*. Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/ (In Russ.)
5. Rapay K. Kul'turnyy kod: kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu [Culture Code: how we live, what we buy and why]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 2008. 167 p. (In Russ.)
6. 100 luchshikh knig vsekh vremen [100 best books of all time]. Available at: http://www.100bestbooks.ru/index.php (accessed 23.04.2014.). (In Russ.)
7. Khudoley N.V. Khudozhestvennyy tekst kak translyator kul'turnogo koda natsii [Literary text as a cultural code translator of the nation]. *Problemy sovremennoy agrarnoy nauki. Materialy mezhdunarodnoy zaochnoy nauchnoy konferentsii [Problems of modern agricultural science. Materials of International scientific conferences]*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet Publ., 2013, pp. 228–230. (In Russ.)
8. Khudoley N.V. Rol' klassicheskogo literaturnogo teksta kak yazyka dukhovnoy kul'tury v sotsial'no-kul'turnom prostranstve Rossii [the Role of classical literary texts as the language of spiritual culture in the socio-cultural space of Russia]. *Vestnik KrasGau [Bulletin of KrasGAU]*, 2013, no 7, pp. 278–280. (In Russ.)

УДК 378. 2

ДОСУГОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА И ПРЕДПОСЫЛКИ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

Вековцева Татьяна Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, кафедра маркетинговых коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, РФ). E-mail: y-u-l-i-a-v-a-l@mail.ru

В статье представлены результаты анализа социокультурной ситуации в сфере высшего профессионального образования, обусловливающие необходимость формирования досуговых стратегий преподавателя вуза. Введены понятия «досуговая стратегия» или «стратегия досуга» в качестве критерия для оценки профессиональных деформаций, происходящих в пространстве досуга современного преподавателя вуза. Выделен ряд досуговых стратегий преподавателя вуза и определены направления изменений в данной сфере.

Ключевые слова: досуг, досуговая деятельность, досуговая стратегия, стратегия досуга, преподаватель вуза.

LEISURE STRATEGIES OF A UNIVERSITY TEACHER AND THEIR PRECONDITIONS OF FORMATION

Vekovtseva Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Art History, Docent, Chair of Marketing Communications, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: y-u-l-i-a-v-a-l@mail.ru

The article presents results of analysis of socio-cultural situation in higher education caused by necessity of leisure strategies formation of a university teacher. The concept of "leisure strategy" or "the strategy" introduced a criterion for assessing the professional deformations occurring in the space of leisure of a university's modern teacher. The runk of leisure strategies emitted a university teacher and directions of changes in this area.

Scientific analysis of professors' leisure activities presented in works of Russian and foreign scientists showed that only some publications consider the problem of leisure activities in higher professional education, as well as investigate holistically the leisure as a socio-cultural phenomenon and educational environment as a factor of forming professors' leisure activities.

As a result of the conducted research, the following leisure strategies of university professors are defined: a strategy of professional self-development, strategy of intellectual and creative development, communicative strategy and strategy of active rest and health. The research also revealed a contradiction between the desired and real leisure activities. It proves the existence of motivation, values, individualism and differentiation of professors' leisure strategies.

Keywords: leisure, leisure activity, leisure strategy, a university teacher.

В современных условиях одним из основных факторов развития личности является ее досуговая деятельность. В частности, речь идет и о профессиональном развитии личности преподавателя вуза, так как именно в досуговой деятельности происходит восстановление физических, эмоциональных и интеллектуальных сил человека, а также создается устойчивая основа для профессионального роста, преодоления профессиональных деформаций и других негативных аспектов профессиональной деятельности преподавателя.

В связи с этим не случайно развивающиеся мировые державы, а также экономически успешные страны значительно усилили с начала XXI века свое внимание к проблеме свободного времени личности. Четко прослеживается тенденция выдвижения сферы свободного времени на передний план, повышения уровня культуры досуга человека, рассмотрения досуговой деятельности в аспекте профессионального становления и саморазвития личности. Именно данные направления способствуют активному росту творческого

и профессионального потенциала общества в целом, оказывают целенаправленное влияние на перспективы его развития, а также исторические судьбы.

Однако научный анализ досуговой деятельности преподавателя вуза в работах российских и зарубежных ученых показал, что в основном рассматриваются отдельные аспекты досуга, его формы, происхождение, творческое начало, влияние на эмоциональную сферу личности, ее культуру и др. Лишь в отдельных публикациях освещается проблема досуговой деятельности в сфере высшего профессионального образования, ставится задача целостного изучения досуга как социокультурного феномена, а также образовательного пространства вуза как фактора формирования досуговой активности преподавателей и студентов (см. [1] и др.).

Большинство авторов придерживаются позиции, что досуг представляет собой некоторую специфическую сферу свободного времени личности, в которой происходит самовыражение ее сущностных сил и природных задатков. Кроме того, в сфере досуга происходит целенаправленный выбор видов активной деятельности на основе личностных интересов и предпочтений, ее содержания, видов, форм и целевых установок. Поэтому досуг является достаточно самостоятельной сферой жизнедеятельности человека и особой подсистемой культурной жизни общества.

Практика показывает, что в современных условиях развития высшего профессионального образования и преобразования профессиональной деятельности преподавателя вуза существенно меняется и содержание его досуговой деятельности. В результате происходит формирование новых видов досуговой деятельности, обоснованных социально-культурными изменениями в обществе и профессионально-личностными трансформациями преподавателя. Данное обстоятельство приводит к необходимости выявления актуальных на сегодняшний день досуговых стратегий преподавателя вуза.

Вообще, стратегия жизни, по мнению ученых Ю. М. Резника и Е. А. Смирнова, – это социокультурно обусловленная система ориентирования личности в будущей жизни, принятая на долговременную перспективу. На основе данного определения, досуговую стратегию преподавателя вуза, необходимо рассматривать как социокультурно обусловленную систему ориентирования личности в сфере досуга, принятую с определенной перспективой.

Понятие «досуговая стратегия» (или «стратегия досуга») выбрано в качестве критерия для оценки профессиональных деформаций, происходящих в пространстве досуга современного преподавателя вуза. Под «досуговыми стратегиями» в научной литературе понимается механизм удовлетворения потребностей в сфере досуга, а также реализации целей, в которых преподаватель вуза видит результат своего досугового времяпрепровождения (см. [3; 6] и др.).

Важно отметить, что досуговая стратегия преподавателя вуза должна разрабатываться на основе личноопределенной цели, которая формируется с учетом его индивидуального потенциала и с использованием доступных ресурсов. Кроме того, выявление досуговых стратегий преподавателя вуза предполагает исследование мотивов личности преподавателя, что, в конечном итоге, и определяет содержание, виды и формы его досуговой деятельности. Другими словами, зафиксировать определенный вид досуга преподавателя вуза не является достаточным, так как только специфика содержания и мотивы досуговой деятельности могут раскрыть истинный смысл данной деятельности, а также направленность на достижение поставленных целей.

Еще одним немаловажным моментом в определении досуговых стратегий преподавателя вуза является культура досуга, которая выступает как качественная характеристика досуговой деятельности личности, а также отражает ценностные ориентации преподавателя, его формы поведения, готовность к осуществлению профессионально значимой досуговой деятельности, способствующей реализации научно-творческого потенциала.

Именно такой подход к исследованию пространства досуга преподавателя вуза позволяет эмпирически зафиксировать его досуговые стратегии и определить воздействие изменений, в условиях которых они формируются и реализуются.

Социологическое исследование на предмет выявления досуговых стратегий преподавателя вуза было проведено в Южно-Уральском государственном университете (национальный ис-

следовательский университет) (ЮУрГУ НИУ). В исследовании приняли участие деканы факультетов, заведующие кафедрой, профессорско-преподавательский состав факультетов экономического профиля (институт экономики торговли и технологий, факультет экономики и управления, международный факультет, факультет экономики и предпринимательства).

В качестве основных методов опросов были выбраны: интервью и опросы в фокус-группах. Они сочетались с массовыми опросами об общих ценностных ориентациях преподавателя вуза в сфере досуга. Такая корреляция методов опроса основана на мировой практике, в которой прослеживается устойчивое применение методологического подхода, состоящего в сочетании массовых опросов с изучением единичных случаев, отдельных типичных жизненных траекторий. Это позволяет более глубоко и всесторонне проанализировать массовые тенденции [5].

Таким образом, сочетание данных массовых опросов об общих ценностных ориентациях преподавателей вузов в сфере досуга с данными интервью и фокус-групп конкретных представителей досуговых стратегий позволило раскрыть наиболее важные причины выбора преподавателями соответствующих видов досуговой деятельности. Это помогло выявить многообразие способов достижения различных целей, которые реализуются современным российским преподавателем в пространстве досуга.

Формирование фокус-групп осуществлялось по возрастному критерию и по стажу научно-педагогической деятельности в высшей школе. Такой подход обусловлен необходимостью сравнения досуговых стратегий начинающих преподавателей со стратегиями более опытных коллег. К тому же результаты исследования контрольной группы, состоящей из более опытных представителей профессорско-преподавательского состава, позволили зафиксировать между начинающими («молодыми») преподавателями различие стратегий досуга, характеризуемых своеобразием социокультурной ситуации.

Интервью проводилось с представителями всех групп и позволило выявить ценностные ориентации в сфере досуга преподавателей разного возраста и стажа педагогической деятельности, а также степени распространения среди определенных групп представителей профессорско-преподавательского состава отдельных видов досуговой деятельности. Такая необходимость связана, в первую очередь, с тем, что ценности в сфере досуга выступают первичным элементом в формировании досуговых стратегий, направленных на достижение определенных целей, в том числе и профессиональных.

По результатам проведенных интервью и опросов в фокус-группах представителей профессорско-преподавательского состава четырех крупных структурных подразделений ЮУрГУ, были получены следующие результаты.

Данные опроса, прежде всего, свидетельствуют о том, что досуговая деятельность преподавателя вуза зависит не столько от социокультурной ситуации в стране, регионе, конкретном вузе, сколько от его творческого, духовного, профессионального, научного потенциала, от его ценностных ориентаций. Именно эти аспекты задают направленность различных форм досуга, их программу и содержание.

Наиболее значимыми источниками и факторами свободного выбора времяпрепровождения для преподавателей вуза являются (в порядке убывания): культура и искусство (73,7 % опрошенных); художественная и гуманитарная литература (51,2 %); современные достижения науки и техники (42,8 %); преподавательская деятельность (38,9 %); активный отдых, спорт, туризм (34,1 %); семейные традиции, семейный досуг (28,3 %); экономическая, техническая литература (литература по профилю подготовки студентов) (27,5 %); национально-культурные традиции и религия (по 17,3 %).

Необходимо отметить, что результаты исследования не подтвердили выводы ученых о снижении за последние годы ценности свободного времени, которые были сделаны в отношении населения страны в целом (см. [4] и др.). Напротив данные результаты показали, что досуговая активность преподавателей вуза достаточно многообразна по своему диапазону. Среди ее структурных элементов наиболее актуальными являются: познавательный, художественный, коммуникативный и релаксационный элементы.

С целью получения информации о досуговых стратегиях преподавателей вуза, в процессе интервью и бесед в фокус-группах были заданы вопросы о предпочтениях преподавателей, о причинах выбора той или иной стратегии досуга, об

ожидаемых результатах досуговой деятельности, о целях, для достижения которых преподаватели осуществляют данную деятельность в свободное время и др.

Особенно эффективным исследовательским приемом в процессе выявления досуговых стратегий преподавателей вуза было планирование своего досуга при помощи проективных заданий, при помощи которых выявлялись ориентации на определенные виды досуговой деятельности, которые не реализовывались в действительности, то есть выявлялась неудовлетворенность потребностей в сфере досуга, а также ее причины.

Представленные вопросы и проективные задания позволили определить роль и место досуга в деятельности преподавателя вуза, а также выявить виды досуговой деятельности, которым отдавалось наибольшее предпочтение.

На основе полученных результатов выявлены основные досуговые стратегии преподавателя вуза.

Досуговая стратегия – профессиональное саморазвитие преподавателя вуза. Профессиональное саморазвитие преподавателя вуза представляет собой процесс обогащения профессиональных способностей, профессиональных и личностных качеств преподавателя в ходе его целенаправленной профессиональной деятельности (см. [2] и др.).

Исследование показало, что многие преподаватели в свободное время совершенствует свое педагогическое мастерство, работают над источниками профессиональных знаний, изучают научную литературу по специальности. Большое число опрошенных с этой целью регулярно просматривают специальные телевизионные программы или находят необходимую информацию в сети Интернет.

Учитывая тот факт, что речь идет о досуговых стратегиях преподавателя вуза, мы пришли к выводу, что досуговая стратегия – профессиональное саморазвитие преподавателя вуза является в данном случае наиболее значимой. Эффективность досуговой деятельности как фактора профессионального саморазвития преподавателя вуза повышается, если:

1) осуществляется процесс развития профессионально значимых качеств личности, таких как гностические, коммуникативные и организационные;

2) активизируется развитие индивидуально-творческого потенциала преподавателя вуза посредством учета мотивационной, эмоциональной и деятельностной сфер личности;

3) организуется соответствующая поддержка научно-педагогических работников в процессе освоения профессионально ориентированных видов досуговой деятельности.

Следующей по значимости стратегией досуга, согласно результатам социологического исследования, является досуговая стратегия интеллектуально-творческого развития. Преподаватели вуза отмечают досуговую активность, проявляющуюся в сфере художественной культуры. В свободное время они отдают предпочтение чтению художественной литературы, регулярным занятиям художественным творчеством, фотографией, литературным и изобразительным творчеством и т. п.

Отметим, что данная досуговая стратегия реализуется через единство производства и потребления. Это связано с тем, что преподаватели посещают выставки и музеи, театры и кинотеатры. Данные выводы мы обнаружили и в других социологических исследованиях ([3; 6] и др.).

Досуговая стратегия интеллектуально-творческого развития преподавателя вуза основана на активном отношении человека к миру. От этого отношения прежде всего зависит тот объем интеллектуально-творческого развития преподавателя, который он вберет в себя. Это определяется его жизненной позицией, опытом, знаниями, профессиональными интересами, возрастом, вкусом и др.

Конечно, досуг преподавателя вуза невозможно представить вне его общения с другими людьми (коллегами, студентами, работодателями, представителями СМИ и др.). В процессе общения происходит обмен опытом, информацией, умениями, навыками, результатами деятельности. Данное обстоятельство чрезвычайно важно для анализируемой проблемы и позволяет выделить следующую досуговую стратегию преподавателя вуза – коммуникативную.

Коммуникативная досуговая стратегия одновременно является способом формирования соответствующих сущностных сил преподавателя и их реализации. Спецификой общения является

направленность партнеров друг на друга, ориентирующаяся на каждого из них именно как на субъекта.

Большинство опрошенных преподавателей отдают предпочтение общению с друзьями, общению в Интернете, общению с близкими, особое место занимает профессиональное общение.

Как показало исследование, коммуникативная стратегия досуга преподавателя вуза тесно связана со стратегией активного отдыха и здоровья. Для многих преподавателей физическая подготовка позволяет успешнее осуществлять профессионально-педагогическую деятельность. Однако меньше половины респондентов отмечают регулярные занятия спортом. У большинства опрошенных занятия физкультурой и спортом формируют такие личностные качества, как самоконтроль, самоанализ, выдержку и силу воли, некоторые отмечают эстетические потребности и формирование хорошего вкуса. Кроме того, просмотр спортивных мероприятий помогает хорошо отдохнуть и поднять настроение.

Таким образом, на основе проведенного исследования выделены основные досуговые стратегии преподавателя вуза: стратегия профессионального саморазвития, интеллектуально-творческого развития, коммуникативная стратегия и стратегия активного отдыха и здоровья. Кроме того, исследование подтвердило наличие противоречия между интересами в виде «желаемого досуга» и «реализуемым досугом», что еще раз подтверждает наличие мотивационной составляющей, специфики ценностных ориентаций, индивидуализации и дифференциации досуговых стратегий преподавателя вуза.

Данные выводы иллюстрируют необходимость формирования досуговых стратегий преподавателя вуза и определяют перспективы дальнейших исследований в аспекте выявления причин и механизмов формирования предпочтений досуговой активности, направленной на профессиональное саморазвитие и самообразование, что позволит выйти на новый уровень осмысления роли досуга в образовательном пространстве вуза.

Литература

1. Жарков А. Д. Технология культурно-досуговой деятельности. – М., 2002.
2. Калнинш Л. М. Теоретическая модель саморазвития учителя в профессионально-динамической системе // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 3 (22). – С. 248–251.
3. Литвак Р. А., Резанович И. В. Организация досуговой деятельности пожилых людей в фитнес-клубе // Современные проблемы науки и образования. – 2011. – № 6. – С. 177–183.
4. Патрушев В. Д. Труд и досуг рабочих (бюджет времени, ценности и мотивы). – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. – 164 с.
5. Подповетная Ю. В. Методы развития научно-методической культуры преподавателя высшей школы // Современные исследования социальных проблем. – 2011. – Т. 8, № 4. – С. 51–59.
6. Ярцев А. А. Досуговая деятельность как фактор профессионального становления будущего педагога: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Н. Новгород, 2004. – 152 с.

References

1. Zharkov A.D. Tekhnologiya kul'turno-dosugovoy deyatel'nosti [Technology of cultural and leisure activities]. Moscow, 2002. (In Russ.)
2. Kalninsh L.M. Teoreticheskaya model' samorazvitiya uchitelya v professional'no-dinamicheskoy sisteme [Theoretical model of teachers' self-development in vocational and dynamic system]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education]*, 2010, no 3 (22), pp. 248–251. (In Russ.)
3. Litvak R.A., Rezanovich I.V. Organizatsiya dosugovoy deyatel'nosti pozhilykh lyudey v fitnes-klube [Organization of leisure activity of older people in the fitness club]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya *[Modern problems of science and education]*, 2011, no 6, pp. 177–183. (In Russ.)
4. Patrushev V.D. Trud i dosug rabochikh (byudzhet vremeni, cennosti i motivy) [Work and leisure of workers (time budget, values and motives)]. Moscow, Institut sociologii RAN Publ., 2006. 164 p. (In Russ.)
5. Podpovetnaya Yu.V. Metody razvitiya nauchno-metodicheskoy kul'tury prepodavatelya vysshey shkoly [Methods for the development of scientific and methodological culture of a high school teacher]. *Sovremennye issledovaniya social'nykh problem [Modern studies of social problems]*, 2011, vol. 8, no 4, pp. 51–59. (In Russ.)
6. Yartsev A.A. Dosugovaya deyatel'nost' kak faktor professional'nogo stanovleniya budushchego pedagoga. Diss. kand. ped. nauk [Leisure activity as a factor in professional development of future teachers. Diss. cand. ped. sci.]. Nizhny Novgorod, 2004. 152 p. (In Russ.)

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
HISTORY OF ART

УДК 7

ПИРАМИДА ХЕФРЕНА И ЕЁ НЕОЖИДАННЫЕ ОБЩЕЗНАЧИМЫЕ СТРУКТУРНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Сазонов Виктор Иванович, кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой архитектурной теории и композиции, Новосибирская государственная архитектурно-художественная академия (г. Новосибирск, РФ). E-mail: vi_sazo@mail.ru

В данной статье нам посчастливилось, как кажется, найти ещё одно связующее звено между знаниями древних египтян и греков. Это касается одного из фундаментальных аспектов канона геометрической гармонии в архитектуре Древнего Египта и счисления в Древней Греции. При этом актуальность и действенность этого аспекта простирается и до наших дней, проявляясь существенно, например, в теории натурального ряда чисел.

Ключевые слова: графоаналитическая грамматика-гармония архитектуры, Египет, пирамида Хефрена, истоки целочисленных представлений.

PYRAMID OF KHAFRE AND ITS UNEXPECTED UNIVERSALLY SIGNIFICANT STRUCTURAL REGULARITIES

Sazonov Victor Ivanovich, Candidate of Architecture, Professor, Chair of Architectural Theory and Composition, Novosibirsk State Academy of Architecture and Fine Arts (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vi_sazo@mail.ru

The overall purpose and direction of our work is to construct a graphoanalytical theory of architectural harmony, which would be able to realize itself into the appropriate instruments, in a way similar to the musical arsenal. In this sense, the theory of architectural harmony and composition is significantly behind the achievements in music, in its core and up-to-dateness despite the great achievements in architectural practice well-known all over the world at all times. Our proposals, as well as some of other previous authors, require well-grounded proofs from different perspectives of cognitive and practical activities. One of such convincing sides is the history of formation of the problem and particularly significant variations of its proposed solutions.

And if the solutions, both modern, and from the distant past, even if sometimes found intuitively, are consistent with each other, they can be used with confidence for explaining and proving the relative accuracy of new ideas. Merely the relative accuracy is a sign of everlasting openness of any new theory, which in the process of knowing the endless properties of the infinite universe (as well as arts reflecting it) can never be complete.

These aims are brilliantly and constantly manifested both in great diversity of concrete discoveries of different civilizations and in their profound unity, sometimes at first difficult to distinguish not only the short-term perspective, but also in the long-term outlook. In this article (as well as in others of this series) again and again we can see that. Now, an example of geometric harmony in the architecture of Medieval Central Asia in its comparison with the achievements of other civilizations. No matter how sophisticatedly unique were the principles of creating of the works of art, we can always make sure that there is a deep relationship between them based on extremely precise semi-graphical (geometric) constructions carried step-by-step: from simple to complex variants.

The architectural form-building cannot do without the unique tools, materialized in different times in the form of stick (stylus) to draw in the sand or on waxed board or in the form of peg and rope for using of the Egyptian rectangular integer-valued triangle. Or their prototypes – a ruler and compass, and more recently, their successful replacement on the basis of personal computers, with their various software capabilities. But all this is not possible without a system-theoretical understanding of the unity of actions and results produced by them, and the essence of the harmonic grammar conducted by relative correctness of architectural and artistic images. And most importantly – the transfer of knowledge to new generations. Circular square and derivative constructions – those universals which are simultaneously main carriers both of meanings and harmonic grammar language of architecture and other spatial arts. All this is proven within our powers in this series of articles.

Keywords: graphoanalytical harmonic grammar of architecture, Golden ratio, origins, unity of views.

Известнейший артефакт – «египетский треугольник» – из-за своей феноменальной динамической целостности проявления в качестве «квадрирования прямоугольников» или «Пифагоровых штанов», описанных в третьей из предшествующих статей [1–5], вновь побудил интуитивное предчувствие интересного и проявил новый графический эксперимент. И вероятно потому, что ансамбль исходных фигур артефакта – квадрат, треугольник и круг – также проявился во всех основных культурах: Египта, Древней Греции, в Средние века в Европе и Средней Азии. Скорее всего, именно это обстоятельство само собой потребовало рассмотреть начальные, Источно чистые взаимодействия этих фигур.

Но что значит «Источно чистые» взаимодействия или отношения? Во-первых, всякое свойство любого явления и предмета есть замаскированная форма отношений. Во-вторых, исторические данные говорят о том, что человечество пришло в первую очередь к счислению различных отношений в абстрагированной форме в виде целых чисел, что привело, хотя к разномасштабной и разнокачественной, но к единой метрической системе мер, которая, можно полагать, господствовала во всем. И, разумеется, доминировала в архитектурно-строительных изысканиях, в том числе и, в особенности – в поисках средств гармонизации форм. Предполагается, что затем благодаря уже графическим поискам и именно в метрических системах отношений были найдены многие основные закономерности и средства целостности и единства в различных видах искусства (сначала с помощью колышка и веревочки, а затем циркуля и линейки). О доказательстве верности предположения и пойдет далее речь.

В связи именно с этими фундаментальными обстоятельствами и мы начали с того, что построили квадрат и проявили его метрическую структуру таким образом, чтобы в ней нашли одновременно свое место все главные величины сторон «египетского треугольника» в модулях: **три, четыре и пять**. В результате недолгого подбора квадрат сам по себе вышел величиной 10 х 10 модулей, с единым центром в месте пересечения всех его осей симметрии. Этот же центр стал общим и не только для вписанного в него круга, с радиусом в 5 принятых модулей, но также и для всех острых вершин четырех парных треугольников со сторонами 3, 4 и 5 (рис. 1). Что же в первую очередь можно увидеть в строении полученного чертежа?

Для облегчения восприятия и понимания, сначала поименуем все главные взаимодействия наших фигур (узлы и пересечения) соответствующими символами (рис. 2). Благодаря этому, разумеется, легко заметим, что все вершины треугольников находятся строго в узлах этой самой метрической сетки, притом только в тех, через которые точно проходят круги с радиусами 4 и 5 модулей (например, A^3, F^4 и B^3; рис. 2). В иных местах одновременно троичных взаимодействий в данном приближении не наблюдается. Указанные симптомы чрезвычайно примечательны для сущности теории пропорций Древнего Египта. Поскольку пропорции пирамиды Хефрена в вертикальном разрезе по осям симметрии основания и через вершину представляют собой, по утверждению многих исследователей,

тот самый «египетский треугольник» со сторонами 3, 4 и 5 единых модулей.

Но на рис. 1 мы получили пропорции лишь условно видимого сдвоенного египетского треугольника (по осям симметрии плана и через вершину).

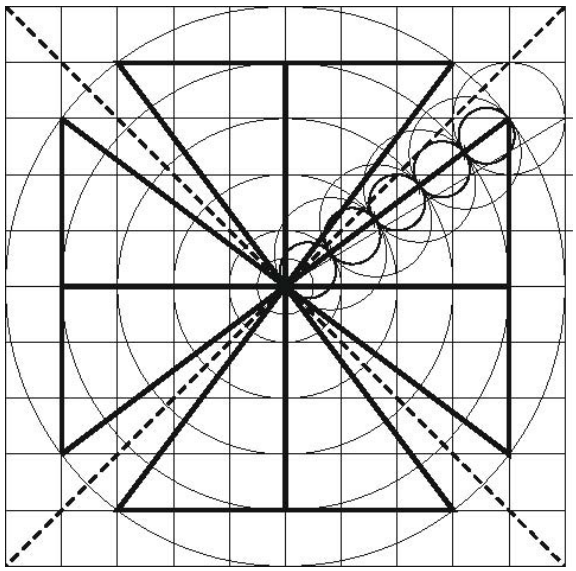


Рисунок 1. Источная (предельно-единственная) целочисленная структура ансамбля отношений трех плоских фундаментальных фигур: квадрата, круга и треугольника (модули целочисленных гипотенуз треугольников для наглядности выражены малыми кружками)

Что же представляют реально по форме и габаритам наклонные поверхности и ребра пирамиды Хефрена? И связаны ли они той же метрической структурой, которая выдержала общую гармонию всех отношений в единой гармонии-грамматики модульных отношений, используемых в Египте?

Графические построения и исчисления подтвердили эту догадку! На рис. 2 мы видим всю структуру взаимодействия форм и габаритов в полном единстве. А именно, все вершины, ребра и грани ограничены узлами метрической сетки. Например, план пирамиды Хефрена представлен квадратом $A^2B^2C^2D^2$. Вертикальный разрез пирамиды через ось симметрии её плана и вершину – по линии E^3OG^3 (или F^3OH^3) – в натуральных пропорциях будет представлен составным треугольником OD^3C^3 (или OA^3B^3). И, наконец, наклонная грань пирамиды есть треугольник OD^4C^4 (OA^4B^4).

Нельзя не заметить, что столь упорядоченная структура, строго говоря, не зависимая от человека, не могла не восхитить древнего египтянина-творца столь простым, но чрезвычайно лаконичным и убедительным взаимодействием всех элементов формы. И что немало важно, все элементы пирамиды (целочисленные или иррациональные) выводимы из плоскости плана, а путем трансформации их положения в третье измерение поворотом в пространстве и со сдвижкой оснований к своему месту на плане, мы получаем объемную форму пирамиды. То есть трехмерный макет пирамиды можно получить из одного листа бумаги по структуре представленного чертежа.

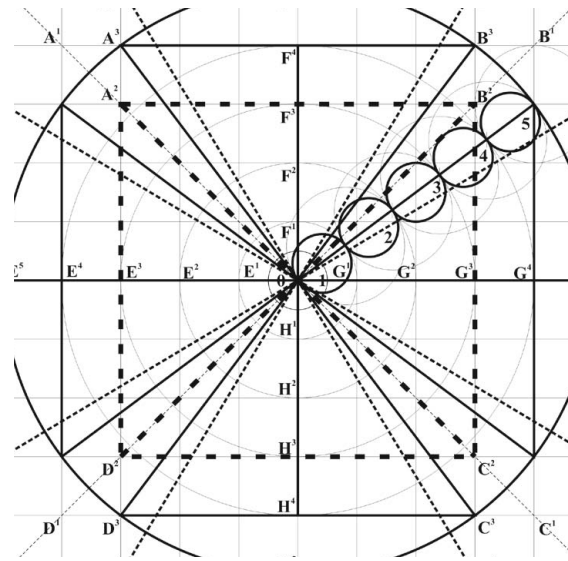


Рисунок 2. Метрическая структура построения пирамиды Хефрена

Однако, как видно из чертежа, величины ребер пирамиды не имеют чисто метрической кратности исходному модулю. Но они при восприятии являются единственными контрастно определяющими элементами формы. Поэтому справедливее следует считать трехмерную форму

пирамиды как имеющую слегка (нюансно) ритмический характер, что придает ей особый шарм спокойной, незыблемо длящийся динамики вознесения в вечность и пребывания в ней.

И этот метроритмический характер проявил себя в полную силу, когда мы пожелали рассмотреть возможное развитие ранее заявленной «Источной чистоты» отношений исходных фигур: квадрата, круга и треугольника 3x4x5. Результаты поразили нас своими последствиями в обосновании положений древних греков относительно их систем счисления. Пифагорейцы считали, что сущность числа начинается с цифры 3, когда в ней соединились два начала: «монада» (1) – мужское начало, и «дуада» (2) – женское начало [6 и 7].

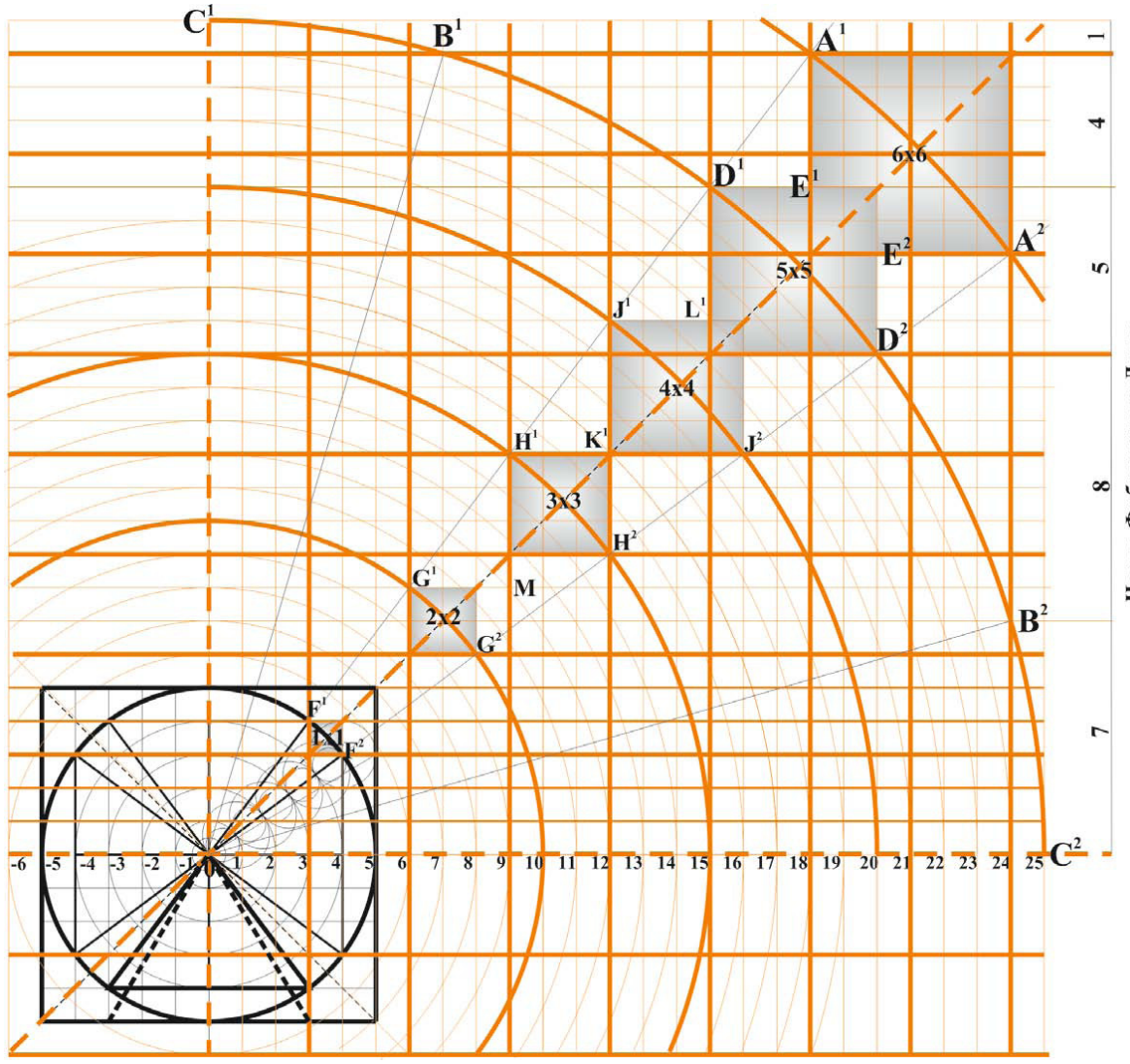


Рисунок 3. Исследование свойств исходного квадрата в расширенной области его построения

Но исходных причин таким установлениям мы долго не могли найти, понять и принять. Однако продолжение графического эксперимента позволило нам нащупать, как нам думается, великолепные основания этим правилам греков (рис. 3). Цель продолжения эксперимента – выявить возможные проявления триединства отношений круга, квадрата и треугольника в столь изумительном единстве, каковое проявилось в исходной позиции.

Оказалось, что таких единств появляется в определенной степени достаточно, и что особо интересно – проявляются и другие не менее интересные закономерности отношений. Для выяснения новых обстоятельств мы, прежде всего, расширили метрическое поле далеко за пределы исходного квадрата вправо и вверх от пяти и до 25 метрических шагов (в направлении от O и до C^1 и C^2, рис. 3).

Проведенные лучи OA^1 и OA^2 выявили для нас интереснейшие, «замечательные точки» (как говорят математики) – общие точки пересечения ***в узлах*** метрической сетки: ***дуг*** окружностей с метрически кратными радиусами – с направлениями ***сторон*** египетских треугольников. При этом образовался новый метрический шаг в **три** исходных модуля и по горизонтали, и по вертикали (выделены жирными оранжевыми линиями), в которых и только в которых образуются эти замечательные триединства (точки F, G, H, J, D, A). Вот нам отгадка и ещё одно подтверждение, почему древние греки считали первым числом цифру **3**.

К тому же, что не менее замечательно, дуги, проходящие через те же точки, образуют метрический сверхряд с обобщенным модулем в 5 исходных единиц (выделены оранжевыми жирными радиусными линиями). А высотная разница между триединими точками составляет метрический ряд из 4 исходных единиц, по горизонтали – из 3 мер. То есть, все интервалы по декартовым координатам составляют сами египетские треугольники (G^1MH^1, $H^1K^1J^1$, $A^1D^1E^1$ и др.).

Кроме всего прочего, парные замечательные точки (F^1F^2; G^1G^1; и далее по лучам) как створы диагоналей образуют и выделяют ряд увеличивающихся квадратов-фигур и квадратов-чисел натурального ряда, что развивает положения Пифагора о таблице умножения, описанные в одной из наших предыдущих статей [3].

Не менее интересны и другие продолжения, органично вытекающие из предыдущих построений (рис. 4). Легко строятся квадратные решетки поверх уже приведенных структур, под различными углами к ним, в разных масштабах, но в столь же органичном единстве (см. поля членений в створах диагоналей F^1F^2; F^1D^1 и F^4D^2).

Например, на модуле диагонали в 5 единиц (F^1F^2) чисто в исходной структуре единичных модулей легко строится метрическая решетка и с этим укрупненным модулем, и всякая иная увеличенная или уменьшенная, но иерархически строго взаимосвязанная как с исходной, так и со всякой иной из множества подмодулей, но органически взаимосвязанных масштабов. На этих примерах завершается одна из стадий изучения «самодоказательности фигурных чисел» по доктрине пифагорейцев.

В результате значительно расширяется наше понимание возможностей единства и многообразия бесконечных вариантов разномасштабных модульных интерференций между собой даже в столь, казалось бы, строго ограниченной исходной одномодульности. Появляются различные метроритмические напластования разномасштабных сеток, обогащающих возможности членений будущих образов в заведомо гармонизованных системах отношений. Можно быть уверенными, что именно такого рода данные позволяют убеждаться в том, что наши далекие предки добыли для своего творчества столь могучие средства формообразования и гармонизации, что подтверждается огромным количеством шедевров архитектуры и других видов искусства.

Но, думается, и наши же предки открыли этим самым дорогу к современному пониманию дробной – фрактальной мерности пространства и значительного обогащения средств членения любых современных форм. Интересно, могли ли предки почувствовать и связь их построений с современными представлениями биологов и математиков, выражаемых в структурных построениях так называемого филлотаксиса (листорасположения), выражаемого в рядах чисел Фибоначчи и Люка, усмотренных нами в описываемой структуре (см. рис. 2 и 3, правая вертикаль чисел: 7, 8, 5, 4 и 1).

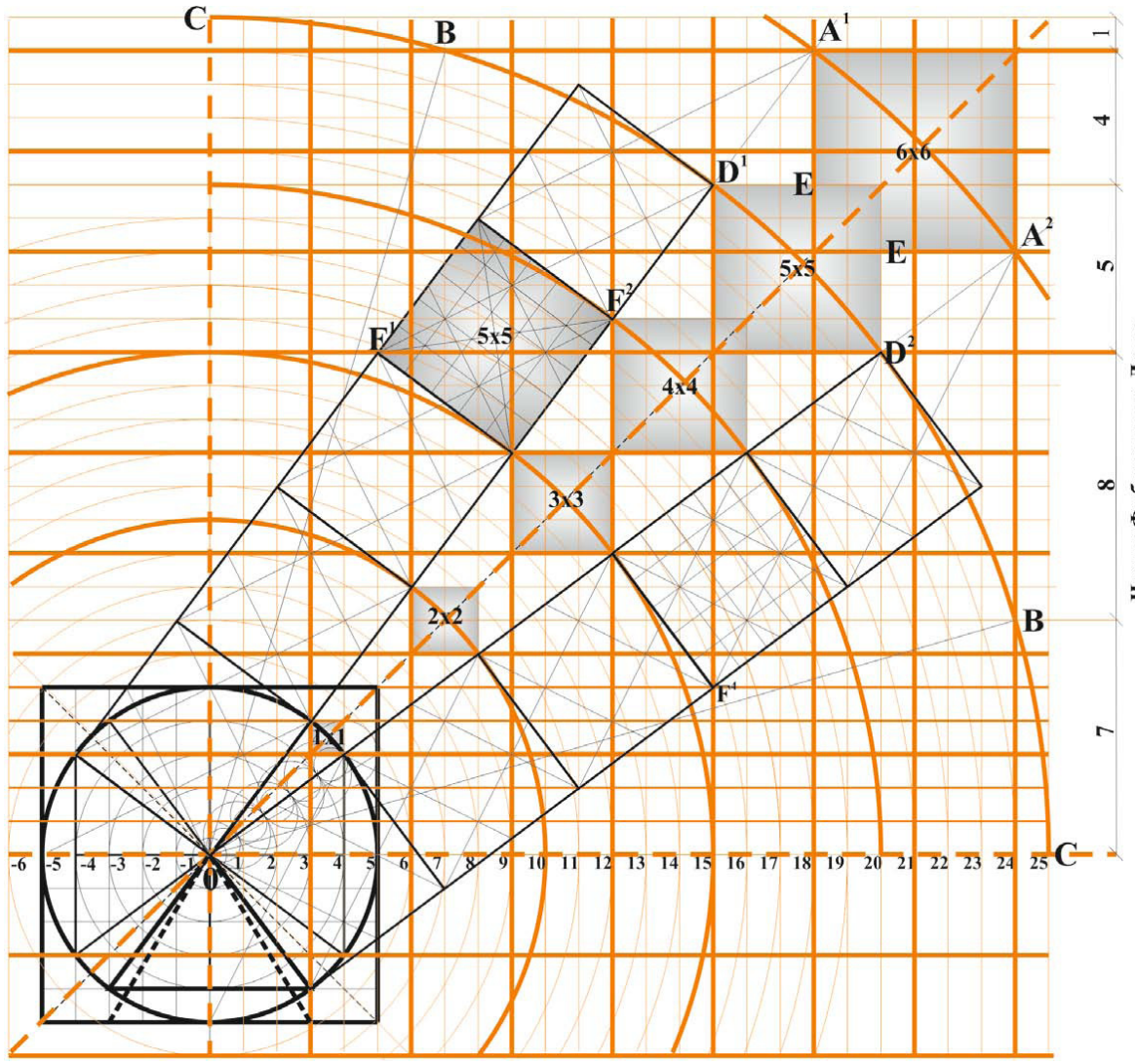


Рисунок 4. Развитие построений рис. 3

Все эти возможности, скорее всего, были явными спутниками наших древнейших коллег по искусствам. Нам же остается лишь сожалеть о том, что мы так долго не имели их осознанно и в такой изумительной форме в арсенале своих средств.

Литература

1. Сазонов В. И. Цикл статей о древнейших истоках современной грамматики-гармонии архитектурно-художественного языка. Статья 1. Универсальный инструментарий графоаналитического анализа гармонии-грамматики архитектурно-художественных форм.
2. Сазонов В. И. Цикл статей о древнейших истоках современной грамматики-гармонии архитектурно-художественного языка. Статья 2. Некоторые методологические основания трактовки гармонии-грамматики в культуре и архитектуре.

3. Сазонов В. И. Цикл статей о древнейших истоках современной грамматики-гармонии архитектурно-художественного языка. Статья 3. Пифагорейская поэтика «самодоказательной» динамической гармонии «квадрирования прямоугольников».
4. Сазонов В. И. Цикл статей о древнейших истоках современной грамматики-гармонии архитектурно-художественного языка. Статья 4. ЕГИПЕТ. РУСЬ. ГРЕЦИЯ: основы гармонии-грамматики.
5. Сазонов В. И. Цикл статей о древнейших истоках современной грамматики-гармонии архитектурно-художественного языка. Статья 5. Единство представлений о геометрической гармонии в архитектуре и искусствах Средней Азии, Египта, Греции и Руси в Средние века // Вестн. Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – 2014. – № 28. – С. 138–145.
6. Холл Мэнли П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. Интерпретация Секретных учений, скрытых за ритуалами, аллегориями и мистериями всех времен. – СПб.: СПИКС, 1994. – 794 с.
7. Щетников А. И. Пифагорейское учение о числе и величине. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1997. – 52 с.

References

1. Sazonov V.I. Tsikl statey o drevneyshikh istokakh sovremennoy grammatiki-garmonii arkhitekturno-khudozhestvennogo yazyka. Stat'ya 1. Universal'nyy instrumentariy grafoanaliticheskogo analiza garmonii-grammatiki arkhitekturno-khudozhestvennykh form [A series of articles about the ancient origins of modern grammar-harmony architectural and artistic language. Article 1: The Universal Instrument graphoanalytical analysis harmony grammar architectural and artistic forms]. (In Russ.)
2. Sazonov V.I. Tsikl statey o drevneyshikh istokakh sovremennoy grammatiki-garmonii arkhitekturno-khudozhestvennogo yazyka. Stat'ya 2. Nekotorye metodologicheskie osnovaniya traktovki garmonii-grammatiki v kul'ture i arkhitekture [A series of articles about the ancient origins of modern grammar-harmony architectural and artistic language. Article 2: Some methodological bases of interpretation harmony grammar in culture and architecture]. (In Russ.)
3. Sazonov V.I. Tsikl statey o drevneyshikh istokakh sovremennoy grammatiki-garmonii arkhitekturno-khudozhestvennogo yazyka. Stat'ya 3. Pifagoreyskaya poetika "samodokazatel'noy" dinamicheskoy garmonii "kvadrirovaniya pryamougol'nikov" [A series of articles about the ancient origins of modern grammar-harmony architectural and artistic language. Article 3: The Pythagorean poetics "samodokazatelnoy" dynamic harmony "squaring rectangles"]. (In Russ.)
4. Sazonov V.I. Tsikl statey o drevneyshikh istokakh sovremennoy grammatiki-garmonii arkhitekturno-khudozhestvennogo yazyka. Stat'ya 4. EGIPET. RUS''. GRETSIYa: osnovy garmonii-grammatiki [A series of articles about the ancient origins of modern grammar-harmony architectural and artistic language. Article 4 EGYPT. RUSSIA. GREECE: foundations of harmony grammar]. (In Russ.)
5. Sazonov V.I. Tsikl statey o drevneyshikh istokakh sovremennoy grammatiki-garmonii arkhitekturno-khudozhestvennogo yazyka. Stat'ya 5. Edinstvo predstavleniy o geometricheskoy garmonii v arkhitekture i iskusstvakh Sredney Azii, Egipta, Gretsii i Rusi v Srednie veka [A series of articles about the ancient origins of modern grammar-harmony architectural and artistic language. Article 5: The unity of representations of geometric harmony in architecture and art of Central Asia, Egypt, Greece and medieval Russia in the Middle ages]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Vestnik Kemerovo State University of Culture and Arts]*. Kemerovo, 2014, no 28, pp. 138–145 (In Russ.)
6. Kholl Menli P. Entsiklopedicheskoe izlozhenie masonskoy, germeticheskoy, kabbalisticheskoy i rozenkreytserovskoy simvolicheskoy filosofii. Interpretatsiya Sekretnykh ucheniy, skrytykh za ritualami, allegoriyami i misteriyami vsekh vremen [An Encyclopedic Outline of Masonic, Hermetic, Kabbalistic, and Rosicrucian Symbolical Philosophy. Interpretation of the Secret teachings, hidden behind the rituals, allegories and mysteries of all time]. St. Petersburg, SPIKS Publ., 1994. – 794 p. (In Russ.)
7. Shchetnikov A.I. Pifagoreyskoe uchenie o chisle i velichine [Pythagorean doctrine of the number and magnitude]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 1997. 52 p. (In Russ.)

УДК 372.874

РИСУНОК НА ЗАНЯТИЯХ ПО СКУЛЬПТУРЕ (К ВОПРОСУ «О ХУДОЖЕСТВЕННОМ МЕТОДЕ»)

Сухарев Андрей Иванович, кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник отдела организации и планирования научно-исследовательских работ, Омский государственный педагогический университет (г. Омск, РФ). E-mail: aist-09@mail.ru

Бородавкин Андрей Викторович, доцент кафедры монументально-декоративного искусства, Омский государственный педагогический университет (г. Омск, РФ). E-mail: bor.av65@mail.ru

В данной статье рисунок рассматривается как самостоятельный вид искусств, и как подготовительный, поисковый этапа в создании любого другого произведения изобразительного искусства. Выразительные и изобразительные средства рисунка (линия, пятно, тон, ритм и т. д.) являются общими изобразительными средствами и не имеют видовых характеристик. Авторы пишут об особенностях рисунка «для скульптуры».

Ключевые слова: рисунок, выразительные средства рисунка, пространство, объем.

DRAWING ON SCULPTURE (TO A QUESTION ABOUT “THE ARTISTIC METHOD”)

Sukharev Andrei Ivanovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Researcher at Department of Organization and Planning of Scientific Research, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: aist-09@mail.ru

Baradavkin Andrey Viktorovich, Docent of Chair of Monumental and Decorative Art, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: bor.av65@mail.ru

The figure is seen as an independent art form, and as a preparatory phase, a search in the creation of any other works of fine art. Expressive and visual means of drawing (line, stain, tone, rhythm, etc.) are common visual means and do not have specific characteristics. It is a feature of a picture “for sculpture.”

In artistic practice today a figure acts as both an independent art, and as preparatory, search engine, an intermediate step in creating beautiful, graphic, sculptural, or any other works of art. In each of these cases, the figure decided quite certain tasks, nature and direction of which is determined by a common task when we turn to another kind of art, we are dealing with a different pattern. What differentiates figure painter of figure drawing and figure sculptor from the above two. Once you know the nature of these differences, it is hoped that it will serve as yet another benchmark in setting the training targets for academic studies on the subject.

We are interested in problems connected with thinking on the material. For the painter, such material is the color for the graph-tone, for the sculptor-volume.

Any components of the face image from a professional point of view are equally important in any genre. Line, stain, tone, rhythm in illustration, etc. are common visual means and do not have specific characteristics. The whole visual arsenal of the picture is equally important and can be applied in any of the arts. It is universal.

The graphical method involved building the image based on the conflict of black and white on a plane. White as not touched by the black paper, makes the figurative planes. Space in the schedule is not deep, but on the plane. The plane is one of the important conditions for the graphical method.

You can formulate a question, “If the draw is the pencil with the thought of sculpture, whether it should equally take care of the “picturesque” qualities of the picture, or focus on the sculptural characteristics lead him to seek quicker results?!” And the second part of the question, “If the draftsman-sculptor always takes a pencil with the thought of their craft, whether in all its non-quality drawings and the artist?”

In our view, the specifics and drawing for a sculpture and drawing by hiding in several positions. First, in a certain indifference of the environmental motive (motive should not simply dominate the environment, but the rule, or ignore the environment). Secondly, the inevitable reluctance to the visual field (visual field of sculptural volume will occur no sooner than the volume that will not one perspective-silhouette, and three hundred and sixty). Thirdly, the intuition of an artist-sculptor will strive not to load the volume into the figurative plane and spread the depicted motif on the plane, but "take out" the image of the plane, to give volume and integrity of the silhouette.

Keywords: picture, expressive means of drawing, space, volume.

В художественной практике на сегодняшний день рисунок выступает и в роли самостоятельного вида искусства, и в качестве подготовительного, поискового, промежуточного этапа в создании живописного, графического, скульптурного или любого другого произведения искусства. В каждом из названных случаев рисунок решает совершенно определенные задачи, характер и направление которых определяется более общей задачей. Справедливо будет предположить, что всякий раз, когда мы обращаемся к другому виду изобразительного искусства, мы имеем дело с другим рисунком, даже если не брать в расчет индивидуальные особенности рисующего. Что же составляет глубинную суть этой разницы, или, говоря другими словами, что отличает рисунок живописца от рисунка графика и рисунок скульптора от вышеназванных двух. Выяснив характер этих отличий, можно надеяться, что он послужит еще одним ориентиром в постановке учебных задач на академических занятиях по перечисленным дисциплинам.

Данные размышления не касаются сфер художественно-промышленной деятельности, в которых рисунок носит исключительно прикладной характер: проектирования будущих изделий или моделирования объектов. Нас интересуют задачи иного характера, связанные со спецификой мышления в материале. Для живописца таким материалом является цвет, для графика – тон, для скульптора – объем.

Вероятно, наивно было бы полагать, что все живописцы в своем рисунке игнорируют объем и уж тем более тон, а скульпторы равнодушны к цвету. И, вероятно, дело даже не в том, что каждый из представителей вышеназванных видов изобразительного искусства воспринимает мир по преимуществу через призму своей профессии. В конце концов, это вопрос восприятия, а значит, принадлежит области психологии искусства. Этот аспект так же остается за рамками нашего размышления.

Любые составляющие грани рисунка с профессиональной точки зрения одинаково важны в любом жанре. Линия, пятно, тон, ритм в рисунке и т. д. – являются общими изобразительными средствами и не имеют видовых характеристик. Весь изобразительный арсенал, которым располагает рисунок одинаково важен и применим в любом из видов искусства. Он универсален. В то же самое время допустимо предположить, что в рисунке живописца будет «больше живописи», а в рисунке скульптора – «больше скульптуры», даже в том случае, когда они изображают один и тот же мотив. Следует, на наш взгляд, подчеркнуть этот момент. Не «больше цвета», или «больше объема», но «больше живописи» и «больше скульптуры». Речь идет о видовом отличии в изображении предметно-пространственной среды.

На сегодняшний день размышлять о четких видовых границах в изобразительном искусстве, не вступая в конфликт с окружающей существующей художественной практикой, практически невозможно. Необходим шаг в «академическое прошлое», для того, чтобы эти границы вновь обозначились в исторической ретроспективе. Предполагая видовую специфику рисунка логично искать ее в том историческом промежутке, в котором эти видовые границы были несколько более определенными. При этом, вероятно, следует оговориться, что речь идет о том изобразительном искусстве, в котором изображаемый мотив еще не спрятан, не растворен, не зашифрован до неузнаваемости. Пусть практика высокого Авангарда, абстрактного экспрессио-

низма и т. п. останутся в стороне, для размышлений на другие темы. *Связь предмета и пространства на изобразительной плоскости* – вот то, что интересует нас [3].

В живописи Нового времени складываются два основных метода изображения предметно-пространственной среды: реалистический и романтический. В реалистическом методе доминирует предмет, а среда подчинена предмету. Колорит при этом строится как локальный (цвет существует в рамках контура). В романтическом доминантой является пространство, которому подчинен предмет. Тональный колорит создает цветовую среду, в которую погружен предмет. Но и в том и в другом случае речь идет об изображении иллюзорного пространства, обладающего видимой глубиной.

Графический метод предполагал построение изображения на основе конфликта черного и белого на плоскости. Белое, как не тронутая черным бумага, делает изобразительную плоскость самоценной. Пространство в графике развивается не вглубь, но по плоскости. Сохранение этой плоскости – одно из важных условий графического метода.

Скульптурное изображение, на первый взгляд, имеет дело не с изображенным, но с реальным пространством. Граница предмет-пространство проходит по оболочке скульптурного объема. Характер взаимоотношений предмет-пространство варьируется от конфликта и доминанты, до изолированности друг от друга, что читается на той же границе – на оболочке. Но есть еще и качества *изображенного (то есть, организованного данным скульптурным объемом)* пространства, границы которого определяются отчасти так же, как и в параллельных видах изобразительного искусства – изобразительным масштабом. Но в то же самое время между этими видами искусства с точки зрения границ изображения есть существенная разница. В живописи есть глубокая рама, которая определяет размер, но не масштаб произведения и задает движение пространства вглубь, но это ни в какой мере не отрицает круглоты и объемности мотива в этом пространстве. Напротив – *изображенному глубокому иллюзорному пространству* должен соответствовать иллюзорно объемный предмет. В графике есть край листа, который задает размер, но не масштаб, и развертывание пространства по плоскости, но это опять же не отрицает объемности изображенного предмета. Главным условием графического метода является подчиненность предмета *плоскостному изображенному* пространству. У рисунка достаточно изобразительных средств, для того, чтобы «успокоить» круглоту на плоскости. В скульптуре именно масштаб изображения задает *мыслимую границу изображения*, а пространство может себя проявить на оболочке скульптурного объема.

Таким образом, живописная интуиция, предполагая наличие глубокого иллюзорного пространства, должна предпочитать погружение предмета за изобразительную плоскость. Иллюзорное погружение. Графическая интуиция предпочтет утверждение предмета в плоскостном пространстве. Скульптура обладает реальным физическим объемом, организует собой некое пространство как художественное, скульптурное. Граница этого художественного пространства не дана жестко: нет ни рамы, ни края листа. Есть масштаб изображения – камерный, торжественно-парадный, монументально-эпический. Пространство в этом случае является нам не изображенным, но организованным в художественное средствами объема или сочетаниями объемов. Происходит конвертация из действительного, физического в художественное, организованное средствами скульптуры. Граница изобразительного поля принадлежит не формальной структуре, но образной. Она не дана в действительности. Изобразительное поле мыслится в резонансе с действительностью и реальностью скульптурных объемов.

То что в живописи и графике определяется категориями «формат», «размер» и имеет непосредственное геометрическое или математическое выражение (горизонтальный прямоугольник, 100X3000), в скульптуре выражается гораздо более опосредованно, через характер воспринимаемого образа, и может, на наш взгляд, быть условно определено как изобразительное поле.

Таким образом, если снова вернуться к размышлениям о специфике различных художественных интуиций в рамках живописного, графического и скульптурного метода применительно к рисунку, можно допустить следующее: круглота изображенного мотива актуальна для живописи и

скульптуры как жанров. И в том и в другом случае мы имеем дело с изображенным пространством. И в том и в другом случае возможны варианты доминирования предмета над пространством и наоборот. Но в живописи на уровне мотива объем представлен иллюзорно, условно, границы изобразительного поля строго фиксированы. В скульптуре условны границы изобразительного поля, тогда как мотив строится в круглоте и обладает безусловным объемом. Может ли эта безусловность скульптурного объема быть поводом для «скульптурного» качества в рисунке? И, если да, то в чем она должна выражаться на уровне формальной и (или) образной структуры.

Рассмотрим еще раз две пары понятий в их взаимодействии в двух вариантах и двух методах. Предмет – пространство, доминирование – подчиненность, живопись – скульптура. Вариант, когда над изображенным пространством доминирует предмет, в живописи отражается на границе между пространством и предметом – на силуэте, который обладает большей ясностью и отчетливостью. Цвет предпочитает не выплескиваться за границы силуэтов. В скульптуре характер доминирования объема над пространством требует обобщения деталей, плотности и напряженности оболочки, большей строгости и лаконичности силуэта. В обоих случаях ясный силуэт является одним из главных формальных средств выражения данного типа отношений. Силуэт размывается, становится вибрирующим, пульсирующим, не замкнутым в том случае, когда среда, живописное пространство более активно, чем изображенный мотив. Это в живописном методе.

Агрессивное пространство в скульптуре так же нарушает границу с мотивом – объемом, взрыхляет оболочку, лишает ее плотности и напряженности. Силуэт при этом усложняется, дрожит, но он не способен раствориться даже частично, поскольку изображение в данном случае обладает материальной вещественностью и действительным объемом. Вибрация силуэта уже задана материально плотной оболочкой. Подобную скульптуру можно будет взять и изобразить на плоскости, используя живописный метод, то есть еще раз взрыхлить силуэт. Но это ничего не добавит к скульптуре как самостоятельному методу. И напротив, если рисунок с подобного скульптурного произведения в наименьшей мере трансформирует силуэт, его целостность и замкнутость при всей его сложности, то такой рисунок, возможно, окажется ближе к первоначальному скульптурному замыслу (рис. 1). И если теперь представить обратный процесс: разработку скульптурного замысла в рисунке, в рисунках. Потребуется ли скульптору, делающему предварительные зарисовки среда, в которую погружен изображаемый мотив, или для него органичнее будет мыслить плотными объемами с достаточно определенными силуэтами. Вероятнее всего нет, не потребуется. Окружающее объем пространство должно возникнуть на этапе воплощения скульптурного замысла не раньше, чем при работе в промежуточном – мягком материале. Более важными должны оказаться объемы и их границы, ясный и целостный силуэт. Потребуется ли ему иллюзорная глубина для изображения объемов в ракурсе. Определенно да. Тогда что такое в данном случае объем без окружающей среды применительно к рисунку? Это качество условно может быть названо относительным равнодушием к изображенному на листе пространству. Погружать предмет в иллюзорную глубину, растворять его в световоздушной перспективе, разрушать объемы второго и третьего плана – значит удаляться от решения скульптурной задачи в сторону живописной. Логичнее и целесообразнее «вынимать объемы» из изобразительной плоскости. В этом случае рисовальщику грозит опасность разрушить целостность изобразительной плоскости с точки зрения графика и не добиться единства среды и мотива с точки зрения живописца. Но «осязаемость» мотива в этом случае не проигрывает, напротив – становится максимально возможной. Если допустить вышесказанное как возможное, можно сформулировать заключительный для данного размышления вопрос: если рисующий берется за карандаш с мыслью о скульптурном объеме, должен ли он в равной мере заботиться о «живописных» качествах своего рисунка, или сосредоточенность на скульптурной специфике быстрее приведет его к искомому результату?! И вторая часть вопроса: если рисовальщик-скульптор всегда берется за карандаш с мыслью о своем ремесле, не будет ли во всех его рисунках качества, отличного от рисунков графика и живописца?!

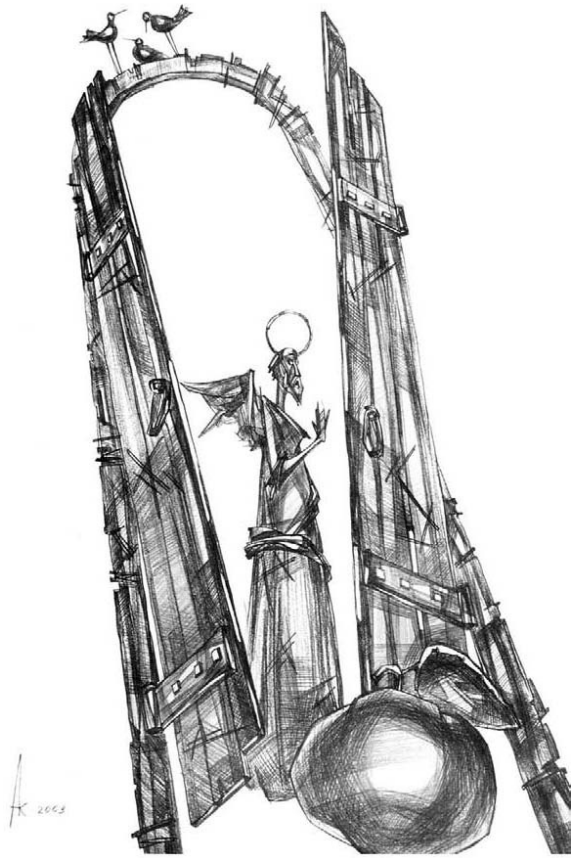


Рисунок 1. Рисунок скульптора А. Н. Капралова

Отвечая на обе половины поставленного вопроса положительно, следовало бы, пусть условно, назвать это качество, то есть определить. На наш взгляд, специфика и рисунка «для скульптуры» и «рисунка скульптора» скрывается в нескольких позициях. Во-первых, в определенном равнодушии изображаемого мотива к окружающей среде (мотив должен не просто доминировать над средой, но повелевать, или игнорировать среду). Во-вторых, неизбежное прохладное отношение к изобразительному полю (изобразительное поле скульптурного объема возникнет не раньше самого объема, в котором будет не один ракурс-силуэт, а триста шестьдесят). В-третьих, интуиция рисовальщика-скульптора будет стремиться не погрузить объемы вглубь, за изобразительную плоскость, и не распластать изображенный мотив по плоскости, но «вынуть» изображение из плоскости, придать объемность форме и целостность силуэту.

Если допустить как возможное и эти выводы, то характер требований к рисунку на занятиях по скульптуре обретает определенные очертания, а именно. Не снимая требований к соблюдению элементарных законов композиции изображения в листе, следует, на наш взгляд, отодвинуть на второй или третий план задачи световоздушной перспективы и сосредоточить внимание рисующих на объеме, ракурсе и целостном силуэте. Данный подход должен будет необходимым образом развивать в рисующих интуицию, радикально отличающуюся от живописной и графической. Развитие данной интуиции необходимым и положительным образом должно повлиять на процесс освоения лепки в частности и скульптуры в целом.

Литература

1. Мысливцев А. Ю. Александр Капралов: альбом. – Омск: ЛЕО, 2009. – 127 с.
2. Рисунок: учеб. пособие для студентов худож.-граф. фак. пед. ин-тов / под ред. А. М. Серова. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
3. Ростовцев Н. Н. Академический рисунок: учебник для студентов худож.-граф. фак. пед. ин-тов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Просвещение, 1984. – 240 с.

References

1. Myslivtsev A.Yu. Aleksandr Kapralov. Al’bom [Alexander Kapralov. Album]. Omsk, LEO Publ., 2009. 127 p. (In Russ.)
2. Risunok. Uchebnoe posobie dlya studentov hudozhestvenno-graficheskikh fakul’tetov pedagogicheskikh institutov. Pod red. A.M. Serova [Figure. Textbook for students of art-graphic faculties of pedagogical institutes. Ed. A. M. Serov]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1975. 271 p. (In Russ.)
3. Rostovtsev N.N. Akademicheskiy risunok. Uchebnik dlya studentov hudozhestvenno-graficheskikh fakul’tetov pedagogicheskikh institutov [Academic drawing: Textbook for students of art-graphic faculties of pedagogical institutes]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 240 p. (In Russ.)

УДК 7

СПЕЦИФИКА АРТИКУЛЯЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ БАЯНИСТА

Таюкин Алексей Михайлович, доцент кафедры народных инструментов, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово, РФ). E-mail: im@kemguki.ru

Статья является попыткой тезисного изложения наиболее важных аспектов, связанных с артикуляцией происходящей в процессе звукотворчества исполнителя-баяниста. Подчеркивается важная роль взаимодействия таких факторов как звукоизвлечение и последующее звуковедение на баяне. Анализируются основные составляющие процесса звукоизвлечения на баяне. На конкретных примерах показаны качественные характеристики звука.

Ключевые слова: артикуляция, звук музыкальный, звукоизвлечение, звуковедение, туше.

SPECIFICS OF ARTICULATION OPPORTUNITIES OF THE BAYAN PLAYER

Tayukin Aleksey Mikhailovich, Docent of Chair of Folk Instruments, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: im@kemguki.ru

In the article, some aspects are connected with articulation processes of sound creativity of the performer and bayan player are considered. As sound extraction and sound maintaining in many respects depends on interaction of such factors quality of a sound on a bayan. Sound extraction on a bayan is perceived as uniform articulation process is pressing the fingers on keys and squeezing the bellows, thus character of a sound is in direct dependence on their combination.

The dual nature of sound formation on a bayan (when the bellows of the instrument and its key participate in uniform process) allows three options of receiving sound result:

- to lead bellows after preliminary pressing the key (opening of the air valve);
- to press a key (to open the air valve) after preliminary pressing the bellows;
- to lead bellows and to press a key (to open the air valve) at the same time.

Thus, with a known share of the convention, all articulation receptions can be divided into three groups: bellows, keyboard and bellows keyboard. It is confirmed on the example shown in the article which consists in photography from the screen of an oscillograph of the electric process, the sound vibration connected with application of this or that articulation reception.

The question connected with application in performing practice of bayan players of reception of incomplete pressing the key (an incomplete touch) is important on which dynamics and a timbre of a bayan sound in many respects depends. It is emphasized that underestimating the dynamic articulation and timbre characteristics of a sound often is the reason when the melody is shaded by a bass accord accompaniment.

From stated, it is possible to draw a conclusion. The knowledge of objective regularities of a system of sound extraction will help performers and bayan players reduce ways of achievement of a high-quality sound.

Keywords: articulation, sound musical, sound extraction, sound maintaining, touch.

В музыкальном исполнительстве неизбежно разделение творческих функций – сочинение музыкального произведения и его исполнение. Естественно, музыкальное сочинение может быть вначале исполнено самим композитором (такие случаи нередки), но затем, если произведению суждена долгая концертная жизнь, – только исполнителем.

Если сравнить игру сегодняшних баянистов с исполнительским искусством их предшественни-

ков, артистов прошлых десятилетий, то совершенно очевидна и вполне понятна разница в приемах артикуляции, фразировке, аппликатурном подходе и т. п., то есть в интерпретаторском решении многих произведений. Современный баян обладает широким спектром исполнительских возможностей, в том числе и артикуляционных для передачи образно-смыслового содержания музыки. Изучение этих возможностей является одним из приоритетных направлений в повседневной работе баяниста.

Вопрос о качестве звука все с большей настойчивостью ставится перед педагогами-баянистами и исполнителями. Этим мы обязаны тому огромному значению, которое имеет звукоизвлечение в художественной интерпретации. От звукоизвлечения вместе с другими средствами выразительности исполнителя зависит, сможет ли баянист раскрыть содержание музыкального произведения или его исполнение будет однообразным и невыразительным. На баяне звук получается благодаря взаимодействию пальцевых движений и меховедения. Поэтому, звукоизвлечение воспринимается как единый артикуляционный процесс – это нажатие пальцев на клавиши и ведение меха, при этом характер звука находится в прямой зависимости от их сочетания. Рассмотрим некоторые характеристики звука во взаимодействии с процессом звукоизвлечения. Звук баяна, в аспекте слухового восприятия как и звук любого другого музыкального инструмента, характеризуют следующие основные свойства: громкость, высота, продолжительность, то есть психофизические характеристики звука. Наш орган слуха, выступая как измерительное устройство, преобразует физические параметры звука (интенсивность, частоту и длительность) в субъективные характеристики звука (громкость, высоту, продолжительность).

Психологическим эквивалентом интенсивности звука является его громкость. Однако между психофизической характеристикой звука и его физической интенсивностью нет прямого соответствия. Если интенсивность увеличивается на 10 дБ, то громкость увеличивается в два раза. Динамический диапазон баяна невелик и равен в средних величинах от 26 дБ до 32 дБ. Зависимость громкости (в сонах) от интенсивности (в дБ) представлена на рис. 1 (по оси абцисс – интенсивность звука в дБ; по оси ординат – громкость звуков в сонах).

Психофизическим эквивалентом частоты тона является его высота. Звуковысотные соотношения звукорядов баяна строго темперированы, поэтому исполнитель-баянист не принимает творческого участия в формировании высотных характеристик звука. Однако большая часть звуков различных музыкальных инструментов, в том числе и баяна, находится как раз в том диапазоне частот, в котором их изменения особенно заметно сказываются на громкости. Снижение общего уровня громкости часто приводит к тому, что сила некоторых звуков оказывается ниже порога слышимости. Об этом необходимо помнить в работе над многоголосными музыкальными произведениями, особенно при исполнении полифонических сочинений.

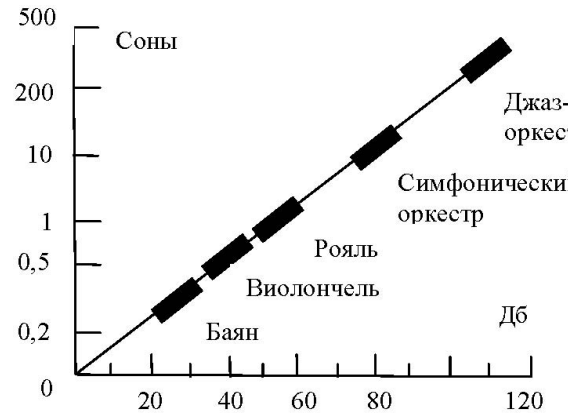


Рисунок 1. Зависимость громкости от интенсивности звука баяна

Одной из особенностей звука баяна является его продолжительность. Исполнитель имеет возможность создать продолжительное звучание в различной фактуре, так как баян уступает в этом лишь органу и электромузыкальным инструментам, превосходя все остальные.

Звук баяна предполагает совокупность всех выразительных средств, которыми исполнитель пользуется для того, чтобы передать свои творческие намерения и раскрыть сущность исполнительских произведений.

Процесс звукоизвлечения на баяне связан:

1. Со звукообразующим устройством (комплекс-язычок, планка, резонатор);

2. Со средством управления процессом звукообразования (мех-клапаны);

3. С двигательно-игровыми действиями исполнителя.

Двойственная природа звукообразования на баяне (когда в едином процессе участвуют мех инструмента и его клавиши) допускает три варианта получения звукового результата:

- повести мех после предварительного нажатия клавиши (открытия воздушного клапана);
- нажать клавишу (открыть воздушный клапан) после предварительного натяжения меха;
- повести мех и нажать клавишу (открыть воздушный клапан) одновременно.

Таким образом, с известной долей условности, все артикуляционные приемы, направленные на формирование штрихов, можно разделить на три группы:

1. Меховые.
2. Клавишные.
3. Мехоклавишные.

Систематизация наиболее общих способов ведения меха и видов исполнительского туше, впервые данная П. Гвоздевым и значительно расширенная Б. Егоровым, наиболее полно отразила практический опыт педагогов и исполнителей-баянистов. Выдвинутая П. Гвоздевым концепция различной глубины нажатия клавиши при различных видах туше обрела как своих сторонников, так и противников. Согласно этой концепции зона влияния туше на различные характеристики звука находится в пределах от максимума (полного открытия клапана) до минимума (самого малого уровня открытия клапана). О приеме полного и неполного туше написали и часто применяли его в практической работе известные педагоги-баянисты Н. Ризоль, Ю. Акимов и некоторые другие. Об эффективности этого приема, а следовательно, и целесообразности совершенствования соответствующих артикуляционных навыков в своей статье «О некоторых артикуляционных характеристиках процесса звукоизвлечения на баяне» пишет Б. Егоров: «Акустические методы исследования дают нам научную основу для объективного познания этих сложных и тонких исполнительских приемов. Главная задача таких исследований доказать эффективность применения приемов неполного открытия клапанов (через различные виды исполнительского туше), их влияние на динамику и тембр звука баяниста» [3]. Недооценивание динамических артикуляционных характеристик звука часто является причиной, когда мелодия затушевывается басоаккордовым аккомпанементом, в котором звучит гораздо больше голосовых языков. Об этом же пишет известный педагог и исполнитель Г. Нейгауз: «Одна из очень распространенных ошибок у учеников (даже подвинутых), на которую часто приходится обращать внимание – это динамическое сближение мелодии и аккомпанемента, недостаток «воздушной прослойки» между первым и вторым планом или между разными планами, что одинаково неприятно как для зрения в картине, так и для слуха в музыкальном произведении» [5].

Тем не менее проблема управления звуком баяна и, в частности, умение пользоваться разными уровнями подъема клапанов над деками остается одной из самых сложных и недостаточно изученных.

Артикуляционные приемы в звукооизвлечении на баяне (взаимодействие видов ведения меха и видов исполнительского туше) непосредственным образом влияют на процесс материализации музыки. От них в первую очередь зависит качество звука. От того, насколько разнообразнее и тоньше артикуляционные навыки баяниста, настолько его исполнение будет адекватным стилю, характеру, художественному смыслу и образному строю музыкального произведения. Поэтому владение артикуляцией – это по существу искусство художественно-осмысленного произнесения музыкальных тонов и построений с различной степенью связанности или расчлененности. Не случайно Е. и П. Бадура-Скода определяют артикуляцию как «характер произведения необходимый для уточнения смысла самых мелких элементов в музыкальном тексте» [2].

Процесс обучения артикуляционным навыкам достаточно емкий и сложный, требующий от баяниста последовательной и целенаправленной работы в теоретическом и практическом освоении исполнительского туше и меховедения. Рассмотрим наиболее характерные сочетания

видов туше с различными видами ведения меха: а) нажим при плавном ведении меха; б) толчок при ровной или активной атаке меха; в) удар по клавише и рывок мехом.

Нажим, для которого характерно постепенное открытие и закрытие клапанов в сочетании с плавным меховедением обеспечивает связное, мягкое, певучее звучание. Чем более плавно будет осуществляться нажим клавиши при спокойном, ровном ведении меха, тем выразительнее будет исполнение, особенно в музыке кантеленной и лирического характера, а также когда в мелодии нужно достигнуть большой певучести звука.

Сочетание толчка и активного движения меха, благодаря большей по сравнению с нажимом скоростью открытия и закрытия клапанов, а также достаточно энергичному ведению меха лучше применять в музыке волевого энергичного характера.

Сочетание удара по клавише и активного, резкого рывка меха придает звуку четкий, отрывистый характер. Это достигается путем мгновенного открытия и закрытия клапанов, а также очень резкого, короткого рывка мехом.

Разнообразие артикуляционных процессов порождает многообразие процессов, происходящих со звуком. В этом можно убедиться, познакомившись со статьей Ю. Арнаутова «Опыт визуализации артикуляционных приемов на баяне» [1]. Опыт визуализации заключается в фотографировании с экрана осциллографа электрического процесса соответствующего звукового колебания, связанного с применением того или иного артикуляционного приема. Для эксперимента были дифференцированы типовые способы ведения меха, виды туше, составившие следующие пары: нажим – ровное ведение меха, нажим – рывок; толчок – ровное ведение меха, толчок – рывок; удар – ровное ведение меха, удар – рывок. Высота тонов (звуков) была неизменной (см. рис. 2).

№ 1

нажим – ровное ведение

№ 2

нажим – рывок

№ 3

толчок – ровное ведение

№ 4

толчок – рывок

№ 5

удар – ровное ведение

№ 6

удар – рывок

Рисунок 2. Типовые способы ведения меха

Сравнивая результаты на осциллограммах заметны эволюционные изменения, происходящие со звуком. Трансформация сигналов свидетельствует о количественных изменениях, происходящих в звуке. Приведенный эксперимент позволяет проследить объективно существующие изменения в характере звука инструмента в зависимости от применения различных видов артикуляции, а также выявить определенные закономерности в способах звукоизвлечения, наличие которых является одним из важных факторов в механизме воспроизведения звука на баяне.

Из сказанного выше мы видим, какое важное место в раскрытии образно-смыслового содержания музыки отводится артикуляции. Таким образом, вопросы, касающиеся артикуляции не теряют своей актуальности и могут являться

серьезным импульсом для педагогов-баянистов в поиске новых и совершенствовании уже разработанных методов артикуляции на баяне.

Артикуляционное мастерство – это постоянный поиск оптимального варианта выражения сущности сочинения, которое и в момент исполнения представляет собой непрерывный творческий процесс. Он осуществляется во владении характеристикой тона, сочетаниями всевозможных вариантов прерывности и непрерывности их звучания, штриховыми и темброво-динамическими соотношениями, логикой синтаксиса музыкальных ячеек и крупных разделов, что приводит к возможности создания концепционно-убедительного формирования, целостной структуры художественного произведения.

Подводя итог вышеизложенного, можно сделать вывод, что баян обладает самыми широкими возможностями в использовании и применении артикуляционных приемов, что в свою очередь может придать серьезный импульс для педагогов-баянистов в поиске новых и совершенствованию уже разработанных методов артикуляции на баяне.

Литература

1. Арнаутов Ю. Опыт визуализации артикуляционных приемов на баяне. – Воронеж: АККО-Курьер, 1993. – № 5. – 60 с.
2. Бадура-Скода Е., Бадура-Скода П. Интерпретация Моцарта. – М.: Музыка, 1972. – 136 с.
3. Егоров Б. О некоторых акустических характеристиках звукоизвлечения на баяне // Баян и баянисты: сб. ст. – М.: Совет. Комп., 1981. – Вып. 5. – 132 с.
4. Крупин А. В., Романов А. Н. Новое в теории и практике звукоизвлечения на баяне. – Новосибирск: Классика, 2002. – 56 с.
5. Нейгауз Г. Г. Об искусстве фортепианной игры. – Москва: Музыка, 1982. – 298 с.

References

1. Arnautov Yu. Opyt vizualizacii artikulyacionnyh priemov na bayane [Experience of visualization of articulation techniques on the bayan]. Voronezh, AKKO-Kur'er Publ., 1993, no 5. 60 p. (in Russ.)
2. Badura-Skoda E., Badura-Skoda P. Interpretaciya Mocarta [Interpretation of Mozart]. Moscow, Muzyka Publ., 1972. 136 p. (in Russ.)
3. Egorov B. O nekotoryh akusticheskih harakteristikah zvukoizvlecheniya na bayane [Some acoustic characteristics of sound on the bayan]. *Bayan i bayanisty. Sbornik statey [Bayan and accordionists. Collection of articles]*. Moscow, Sovetskiy kompozitor Publ., 1981, vol. 5. 132 p. (in Russ.)
4. Krupin A.V., Romanov A.N. Novoe v teorii i praktike zvukoizvlecheniya na bayane [New in the theory and practice of sound on the bayan]. Novosibirsk, Klassika Publ., 2002. 56 p. (in Russ.)
5. Neygauz G.G. Ob iskusstve fortepiannoy igry [On the art of piano playing]. Moscow, Muzyka Publ., 1982. 298 p. (in Russ.)

УДК 378

ПРЕЛЮДИЯ *G-DUR* ОР. 32 С. В. РАХМАНИНОВА В ИСПОЛНЕНИИ АВТОРА И В. В. СОФРОНИЦКОГО. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Комаровских Григорий Владимирович, аспирант, специальность 17.00.02 «Музыкальное искусство», Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: gringusjatka88@mail.ru

Статья посвящена анализу исполнительского искусства В. В. Софроницкого и С. В. Рахманинова на основе сравнения их интерпретаций Прелюдии *G-dur* ор. 32 № 5 С. В. Рахманинова. Затрагивается вопрос отношения Софроницкого к пианистическому творчеству Рахманинова в целом и его звукозаписям в частности. На основе изучения всех концертных программ Софроницкого подробно рассматри-

вается рахманиновский репертуар артиста и роль произведений композитора в его концертной деятельности и дискографии. По воспоминаниям о пианисте и его высказываниям нами освещается отношение Софроницкого к музыкальному наследию Рахманинова.

Центром статьи является детальное сравнение двух интерпретаций Прелюдии *G-dur,* в котором основное внимание уделяется темпоритмической стороне исполнения и связанным с нею особенностям интонирования и педализации. Важнейшим инструментом исследования становятся графики темповых изменений и комментарии к ним, составленные нами на основе слухового и интерпретационного анализов звукозаписей. Тщательное сопоставление агогических, динамических и других нюансов раскрывает отличительные и родственные черты во фразировке, артикуляции и мелодической трактовке и позволяет рассматривать исполнительские стили Рахманинова и Софроницкого в широком контексте.

Ключевые слова: фортепианное искусство, звукозаписи, интерпретация, репертуар, темповые графики, агогика, *tempo rubato*.

THE PRELUDE G-DUR OP. 32. OF S. V. RACHMANINOFF IN THE PERFORMANCES BY AUTHOR AND V. V. SOFRONITSKY. THE COMPARATIVE ANALYSIS

***Komarovskikh Grigory Vladimirovich*,** Post-Graduate Student, Specialty 17.00.02 “Musical Art,” Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: gringusjatka88@mail.ru

The article presents a comparison of performing styles of V. V. Sofronitsky and S. V. Rachmaninoff based on the example of interpretations of the Prelude *G-dur* op. 32 № 5 by S. V. Rachmaninoff. It is specially noted the question of Sofronitsky’s opinion about features of Rachmaninoff piano playing and sound recordings. The article gives a detailed analysis of the Rachmaninoff’s part of Sofronitsky’s repertoire based on a research of his concert playbills. Also it is reported about the Sofronitsky’s relationship to the musical heritage by Rachmaninoff based on the memoires.

Main attention in the article is given to a detailed comparison of the two interpretations of Prelude G-dur, where the agogical part is proposed as the most important of performance. It should be stressed that the method of tempographic and our commentaries were based on our aural and interpretational analysis of sound recordings. It is accurately investigated the agogical, dynamic and other nuances which reveal distinctive and related features in phrasing, articulation and melodic interpretation and allow us to consider the performing styles of Rachmaninoff and Sofronitsky in a wide context.

Keywords: piano art, recordings, interpretation, repertoire, tempo graphics, agogic, *tempo rubato.*

Крупнейшая фигура Рахманинова-пианиста оказала огромное влияние на фортепианное искусство XX века, в том числе, благодаря многочисленным звукозаписям, которые получили широкую известность. В. В. Софроницкий являлся артистом следующего – более молодого поколения[4]. Отлично разбираясь в дискографии выдающихся музыкантов своего времени (А. Корто, В. Гизекинга, В. Горовица и др.), он более всего любил именно записи Рахманинова [5, с. 226], выпущенные в наши дни фирмой *RCA (BMG Classics)* на 10 *CD.*

Следует заметить, что отношение к своим звукозаписям у обоих пианистов было различным. Если Рахманинов отдавал предпочтение студийным работам, позволявшим, по его мнению, «достигнуть почти полного художественного совершенства» [9, с. 102], то Софроницкий крайне не любил студии и сами звукозаписи, именуя их «трупами» [2, с. 345].

[4] В рамках изучения дискографии В. В. Софроницкого автором статьи проводились сравнительные анализы звукозаписей великого пианиста и других выдающихся музыкантов, в числе которых А. Н. Скрябин (Поэма ор. 32 № 1) [6, с. 180–189], Г. Г. Нейгауз (Ноктюрн ор. 27 № 1 Ф. Шопена) [8, с. 232–241], А. Корто (Этюд ор. 12 № 8 А. Н. Скрябина) [7, с. 199–206].

Софроницкий испытал влияние игры Рахманинова еще в юности на концертах в Варшавской филармонии и в Париже во время своих заграничных гастролей (1928), называя ее «библией современного пианизма» [12, с. 275]. Он никогда не скупился на самые высокие оценки исполнительского искусства Рахманинова, что касалось многих его интерпретаций. В частности запись «Карнавала» Р. Шумана он считал «величайшей жемчужиной исполнительского искусства» [15, с. 74], несмотря на то, что собственная трактовка заметно отличалась от рахманиновской (см. [11, с. 109–135]).

Однако известны и его критические высказывания, в частности в отношении исполнения Пятой сонаты А. Н. Скрябина [13, с. 98], которую очень часто играл сам. Признавая Владимира Владимировича крупнейшим интерпретатором фортепианной музыки Скрябина, тем не менее, некоторые современники находили в трактовках Софроницким и Рахманиновым произведений автора «Прометея» общее [3, с. 90]. Позднее именно в Софроницком стали видеть наследника исполнительского стиля Рахманинова, в частности В. К. Мержанов назвал его «истинным продолжателем линии Рахманинова в искусстве игры на фортепиано» [10, с. 197].

Известно, что во время обучения в Петроградской консерватории Софроницкий исполнял произведения Рахманинова, в частности его Прелюдию (без указания тональности) [3, с. 30]. Кроме того наиболее полный список концертных программ артиста из «Хронографа жизни и творчества В. В. Софроницкого» свидетельствует об исполнении им Первого фортепианного концерта в ансамбле с Л. В. Николаевым [14, с. 394]. Там же указывается [14, с. 394–401], что после окончания консерватории в 1920-е годы основное место в репертуаре пианиста заняли западноевропейские романтики и Скрябин, большое внимание уделяется другим русским композиторам – Н. К. Метнеру и С. С. Прокофьеву. Рахманинова он практически перестал играть.

Начиная с 1930-х годов и до отъезда Софроницкого из блокадного Ленинграда в 1942 году в концертных программах артиста эпизодически появлялись сочинения Рахманинова: Прелюдии *G-dur* и *gis-moll*, некоторые Этюды-картины и Музыкальные моменты. Но особенно значительным стал период после блокады, когда Софроницкий практически в каждом концерте играл рахманиновские произведения, в числе которых Прелюдия *cis-moll* ор. 3, Музыкальный момент *es-moll*, Этюд-картина *Es-dur*. Своеобразная кульминация приходится на 1946 год, когда Софроницкий значительно расширил свой репертуар за счет произведений Рахманинова, включив в него Прелюдии *fis-moll*, *c-moll*, *As-dur*, *Es-dur* и *B-dur* ор. 23, *a-moll* и *E-dur* ор. 32, Музыкальные моменты *b-moll*, *h-moll* и *Des-dur* ор. 16, Этюды-картины *g-moll* и *Es-dur* ор. 33 и *h-moll*, *a-moll* № 6 («Красная шапочка») ор. 39.

В программах Большого зала Московской консерватории (18 ноября), Мемориального музея им. А. Н. Скрябина (24 ноября) и Большого зала Ленинградской филармонии (16 декабря) первые отделения посвящались творчеству Рахманинова. В этом же году были сделаны звукозаписи Прелюдий *fis-moll*, *G-dur*, *D-dur, gis-moll, Es-dur, E-dur,* Этюдов-картин *g-moll* ор. 33 и *a-moll* ор. 39, Музыкальных моментов *h-moll, es-moll, Des-dur* ор. 16.

В 1948 году в репертуаре появились «Полишинель» ор. 3, Серенада и Полька, Прелюдия *g-moll* ор. 23 и Вальс. В целом весь период конца 1940-х годов можно по праву считать в творческой биографии артиста «рахманиновским». Тогда в число неизменных *бисов* входила его любимая Прелюдия *G-dur* и были записаны Прелюдия *cis-moll* ор. 3, Этюды-картины *g-moll* ор. 33 и *h-moll* ор. 39.

В начале 1950-х годов программы пианиста обогатились двумя Этюдами-картинами: *es-moll* ор. 39 (который, по мнению артиста, является самым скрябинским произведением у Рахманинова [13, с. 126]) и *cis-moll* ор. 33, а также «Гопаком» из оперы «Сорочинская ярмарка» М. П. Мусоргского в транскрипции С. В. Рахманинова. Его сочинения исполнялись тогда Софроницким не столь много, как ранее, но зато прочно закрепились в программах и звучали практически в каждом концерте. Причем исполнялись они, как правило, во втором отделении вместе с пьесами горячо любимых Скрябина и Шопена. В по-

следние годы Софроницкий выступал наиболее часто в Мемориальном музее им. А. Н. Скрябина. Там же, в 1956 и 1958 годах были сделаны последние записи произведений Рахманинова.

Тем не менее отношение Софроницкого к творчеству Рахманинова было двойственным, что выражалось не только в оценке исполнительского искусства последнего, но и его композиторского наследия. В частности, по воспоминаниям И. В. Никоновича, артист «не любил позднего периода рахманиновского творчества», при этом исполняя некоторые Этюды-картины ор. 39. Он же отмечал противоречивость и сложность внутреннего мира Софроницкого, склонного к самым неожиданным изменениям в оценке тех или иных окружающих явлений [12, с. 248]. Возможно, это коснулось и отношения к искусству Рахманинова.

В одной из бесед с Р. Н. Юреневым в конце 1940 годов В. В. Софроницкий признался, что стал «реже его (Рахманинова – *Г. К.*) играть. – Неужели разлюбили? – Я только сказал, что реже его играю» [16, с. 334]. Сохранились и другие неоднозначные высказывания, природу которых сложно выявить: «Я иногда совсем не знаю, как его играть (Рахманинова. – *Г. К.)* <…> может быть, мне его не играть совсем?» [16, с. 335]. Нечто подобное наблюдалось и в отношении произведений Л. ван Бетховена: «Из всей музыки я больше всего люблю сонаты Бетховена, я так их люблю, что последние годы совсем их не играю. Я слишком их люблю…» [4, с. 311].

Однако известно, что круг репертуарных интересов Софроницкого вне концертной деятельности был исключительно широк: невозможно перечесть всех произведений, которые он изучал и играл дома (см. [2]). Можно предположить, что пианист часто обращался и к творчеству Рахманинова. Кроме того, его сочинения были в поле зрения Софроницкого во время преподавания в Московской консерватории[5].

В 1920 году по заказу фирмы *Victor Talking Machine* в Америке Рахманинов записал Прелюдию *G-dur* ор. 32 № 5. Несмотря на низкое техническое качество звукозаписи, она чрезвычайно ценна с художественной точки зрения.

Эта Прелюдия стала одной из любимейших для Софроницкого, благодаря чему он записал ее как минимум четыре раза: на концертах 11 марта 1954 года в Малом зале Московской филармонии, 14 марта 1956 года в Мемориальном музее им. А. Н. Скрябина и на студии звукозаписи 16 января 1945 и в 1960 году (дата не установлена). Первые три записи выпущены на *CD* российской фирмой *Vista Vera* (т. 10 «Из Музея А. Н. Скрябина», тома 18 и т. «Софроницкий играет Рахманинова»), а две последние – японской *Denon* (такты 8 и 4). Для сравнительного анализа нами была выбрана студийная запись 1960 года в силу ее наиболее высокого технического качества[6].

В этом исполнении необычно трактуется небольшое вступление: в нем ясно (но ненавязчиво) выделяется повторяющийся мотив *h–e, h–d на стыке* аккомпанирующих квинтолей, который проходит через всю пьесу. (Звукозаписи свидетельствуют, что Софроницкий часто акцентирует интонации и мотивы, никем из исполнителей ранее не замеченные: в Прелюдии *fis-moll* с первых тактов в левой руке «обнаруживается» *his–cis*, своеобразное интонирование с опорой на слабые доли заметно в Прелюдиях *D-dur, gis-moll, cis-moll* и т. д.). Самостоятельность этого мотива усиливается отделением его от остальных трех тонов (*g–h–g*), которые также складываются в мотив. Таким образом, квинтоль из вступления, являющаяся важным интонационным зерном, обретает полифонические очертания (см. партию левой руки в нотном примере на рис. 1). Следствием такой интонационной трактовки становится неторопливый темп, что придает началу произведения созерцательный характер, а основная мелодия в дальнейшем причудливо контрапунктирует с этими мотивами в левой руке.

---

[5] В частности, с П. В. Лобановым он проходил Второй фортепианный концерт С. В. Рахманинова.

[6] Сравнивать записи, столь отдаленные друг от друга по времени, чрезвычайно сложно, поскольку звучание инструмента в авторской записи (одной из первых в дискографии Рахманинова) напоминает клавесинный тембр и сопровождается шумами. Запись Софроницкого, напротив, отличается высоким качеством и богатой *фортепианной* тембровой окраской с минимализацией шумов.

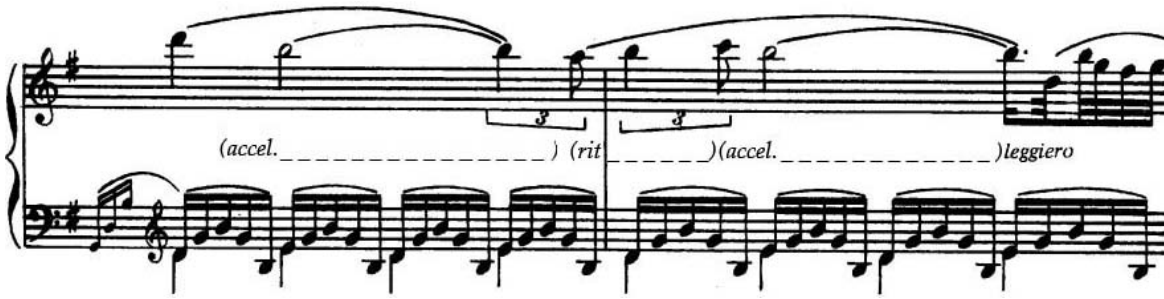


Рисунок 1. Такты 3–4

В авторской записи вступление звучит несколько проще за счет более широкого дыхания и активного движения, в нем уже ощущается *волнообразное* темповое «качание». Небольшое *accelerando* ко второму такту и «обратное» *rallentando* перед вступлением мелодии – предтечи *агогической и интонационной свободы*, в русле которой будет проходить все дальнейшее развитие, что видно на графиках темповых изменений[7] (см. рис. 2). Линия из четвертей в левой руке (*d–e–d–e*) во всех эпизодах с квинтолями (такты 1–6, 9–14, 24–39) несет в себе, как и у Софроницкого, важную подголосочную функцию. Но у Рахманинова она обладает своей энергетикой – стремлением к *оживлению, пробуждению* в более спокойном мелодическом голосе. Ее самостоятельность особенно проявляется в квинтолях на длинных звуках мелодии (см. рис. 2, 3, такты 3, 11, 29, 33-й): в них возникают плавные ускорения, сохраняющие широкое мелодическое дыхание.

Небезынтересно отметить, что оба исполнителя в длинных нотах стремятся наполнить интонационной выразительностью партию левой; однако часто отмечаемое *tempo rubato* у Софроницкого здесь, как ни странно, не столь ярко выражено (в отличие от интерпретации других произведений) [6, с. 181], хотя и имеют место небольшие замедления (см. рис. 3, такты 8-й и 12-й). Важнейшим для него становится динамическое усиление мотива (*h–e, h–d)*, его *декламационности*, подчеркнутой *crescendo* в половинных нотах в мелодии.

[7] Темпографический анализ звукозаписи позволяет наглядно рассмотреть амплитуду исполнительского темпа в соответствии со шкалой метронома (см. цифры слева на рис. 2, 3).

В авторском исполнении наблюдаются сильные темповые «сдвиги», самые яркие из которых появляются в 7–8-м и 15–16-м тактах, где на тридцатьвторых в правой руке внезапно возникает контрастный тембр *птичьего щебетанья*, привносящий игривый и динамичный оттенок. Как и во вступлении, эти ускорения носят волнообразный характер с мягкими, гибкими переходами-замедлениями в конце. Во втором разделе (в тактах 17–21-м) мелодии присущ характерный квазивокальный тембр. На фоне взволнованных тридцатьвторых он звучит неожиданно спокойно и величаво, в результате чего общее движение успокаивается и приводит к сильному замедлению (см. рис. 3).

У Софроницкого возникают лишь небольшие ускорения, которые не нарушают спокойного движения мелодии. Скорее ощущается стремление сохранить состояние неги и умиротворенной красоты, как бы раствориться в чарующем тембре, возникающем благодаря «роскошной», длинной педали. Принадлежа к позднему периоду творчества Софроницкого, когда интерпретация каждого произведения была конгениальной, исполнение Прелюдии воплощает красоту загадочной педализации Мастера, в которой ощущается особая «цветная» окраска тональности, в данном случае – «призрачно-весеннего» *G-dur*. Этот светлый колорит сохраняется, несмотря на вступление мелодии в левой руке.

Смена настроения наступает в небольшой каденции. Ее роль рассматривается Софроницким как завязка нового призрачного образа, где, как *в воронке*, «закручиваются» предыдущие мотивы. Через секундовое перемещение в трели *(d–e, d–es)* происходит зарождение минорного лада и

усиление напряжения. Дальнейшие переклички отдельных мотивов отличаются ярко индивидуальными контрастными тембрами: от нежно-трепетного высокого голоса, взволнованного среднего – до мрачно-сурового низкого.

В исполнении Рахманинова небольшой средний эпизод становится самым медленным фрагментом Прелюдии. Трель в начале тянется настолько долго, что создается иллюзия *растворения* музыкальной мысли, а последующие мотивы, хотя и привносят некоторое напряжение и тревогу, постепенно замедляются (см. рис. 3, такты 24–28-й). В репризе появляются небольшие выразительные темповые *оттяжки* в конце фраз (см. рис. 3, такты 31–33-й), в результате чего движение значительно замедляется. В коде возвращается квазиигривый характер с волнообразными темповыми изменениями (см. рис. 3, такты 35–41-й).

Софроницкий в отличие от автора исполняет репризу несколько проще и чуть подвижнее, в одном темпе, а коду с небольшим замедлением к концу. Выразительную роль играют, как и прежде, динамические нюансы.

Подводя итоги, можно сказать, что в исполнительском искусстве В. В. Софроницкого творчество С. В. Рахманинова стало, наряду с произведениями Л. ван Бетховена, А. К. Лядова, Н. И. Метнера, Б. Г. Гольца, одной из *малых репертуарных сфер*, к которой он относился не менее трепетно, нежели к своему основному репертуарному фонду.

Сравнительный исполнительский анализ Прелюдии *G-dur* показал, что агогические нюансы Софроницкого отличаются большей академичностью, нежели эти же нюансы в свободно-импровизационной авторской трактовке, о чем свидетельствует приведенная ниже таблица темповых колебаний (см. табл. 1). Агогической картине В. В. Софроницкого свойственна своего рода умеренность темповых *вибраций*, характерная для игры А. Н. Скрябина (см. [6, с. 183]).

Замедления и ускорения в игре обоих пианистов отличаются волнообразным характером и наступают постепенно, естественным образом сменяя друг друга. Однако у Софроницкого на первый план выходит *тембральная* выразительность, а *rubato* имеет более мелкий характер. Эти и другие важнейшие показатели изменений темпа в исполнении Рахманинова и Софроницкого представлены в приведенной ниже таблице (табл. 1).

Сходство между исполнениями Рахманинова и Софроницкого наиболее ярко проявилось в произнесении мелодии. *Декламационная* манера Софроницкого, выражающаяся в характерных для него акцентах на слабых долях, придает мелодии *сверкающий*, *ослепительный* колорит и взволнованно-приподнятый тон высказывания, родственный авторскому мелодическому прочтению. Звучание мелодии у Рахманинова напоминает серебристый перезвон колокольчиков. И если у Софроницкого она словно наполнена упоением, отчего у слушателей возникало ощущение «запаха сирени» [1, с. 365], то у автора светлый тон и причудливый характер движения соотносятся с *юношески непосредственным* мироощущением.

При этом у обоих пианистов сохраняются и интонационная *выпуклость* фразировки, и долгое мелодическое дыхание (см. рис 2, 3)[8]. Это отражается на общем настроении музыки, ее эмоциональном складе. Протяжно-речитативная мелодическая манера Софроницкого удивительно созвучна рахманиновскому певучему туше, которое рельефно высвечивает различные грани мелодического рисунка.

Отмеченное позволяет сделать вывод, что при всем своеобразии творческих индивидуальностей Рахманинова и Софроницкого, оба музыканта принадлежат к тому типу романтического пианизма, для которого важны импульсивная сиюминутность душевных движений, стремление воплотить глубинные душевные порывы.

Таблица 1

Сравнительная таблица темповых изменений

Исполнители	**Крайние границы темпов**	**Зона темповых колебаний**	**Средний темп исполнения**	**Коэффициент *tempo rubato***
С. В. Рахманинов	24 – 169	63–123	92,3	18,6
В. В. Софроницкий	30 – 150	56–110	84,9	13,4

[8] У Софроницкого этому способствуют динамические «вилочки» после акцентов, среди которых преобладают *diminuendo*. На темповом графике пунктирами обведены наиболее важные фразировочные акценты и связанные с ними *diminuendo* и *crescendo.*

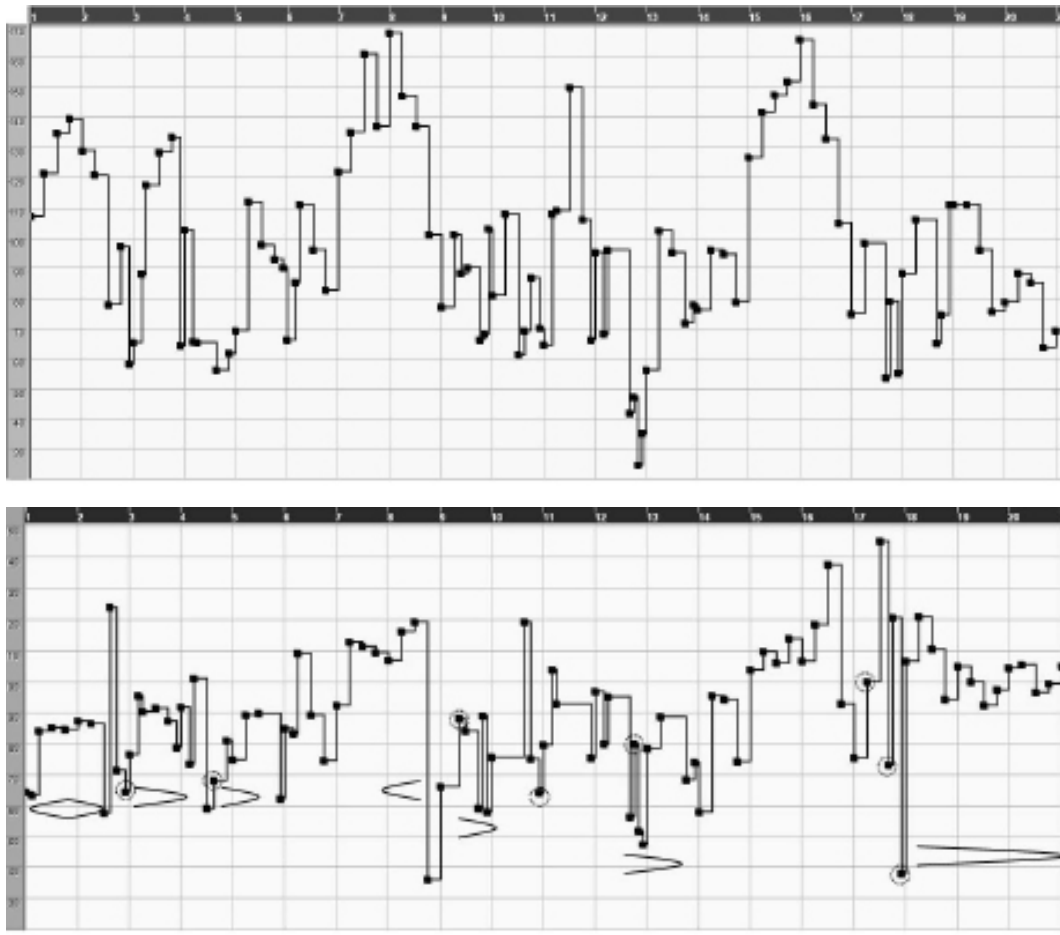
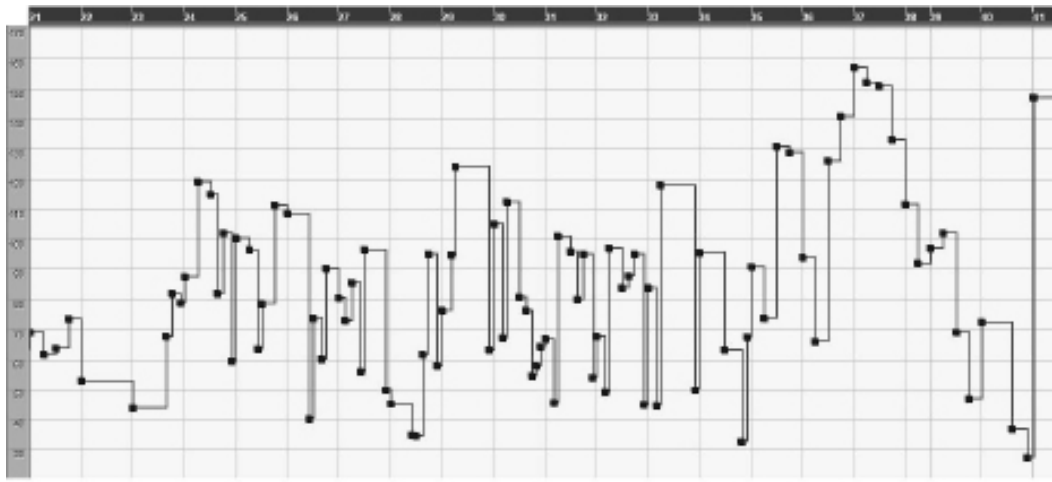


Рисунок 2. Темповые графики исполнений С. В. Рахманинова и В. В. Софроницкого в тактах 1–21-м (верхний – исполнение С. В. Рахманинова, нижний – В. В. Софроницкого)



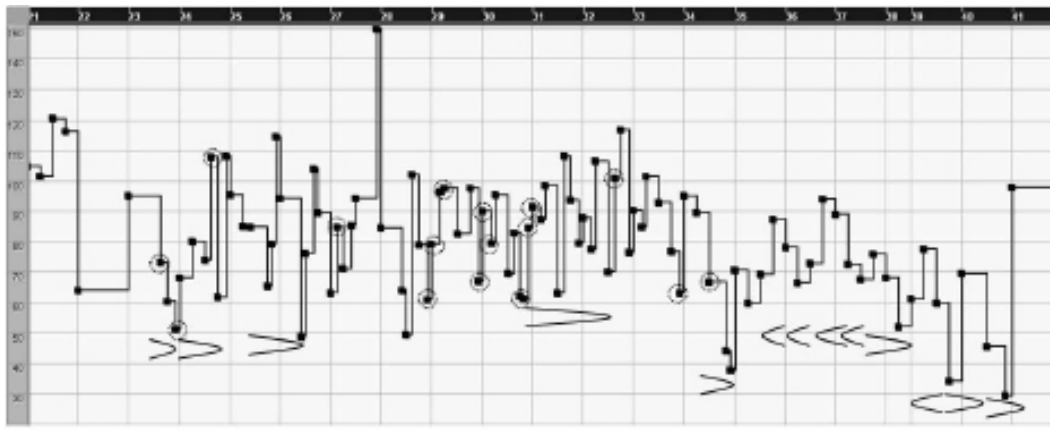


Рисунок 3. Темповые графики исполнений С. В. Рахманинова и В. В. Софроницкого в тактах 21–41-м (верхний – исполнение С. В. Рахманинова, нижний – В. В. Софроницкого)

Литература

1. Воспоминания о Софроницком: сб. ст. / под ред. Я. И. Мильштейна. – М.: Совет. комп., 1970. – 695 с.
2. Вспоминая Софроницкого: сб. ст. / под ред. И. В. Никоновича, А. С. Скрябина. – М.: Классика–XXI, 2008. – 424 с.
3. Гаккель Л. Е. Величие исполнительства: М. В. Юдина и В. В. Софроницкий. – СПб., 1994. – 96 с.
4. Гаккель Л. Е. Владимир Софроницкий // Вспоминая Софроницкого: сб. ст. – М., 2008. – С. 287–316.
5. Жукова О. М. В. В. Софроницкий – артист и педагог // Вспоминая Софроницкого: сб. ст. – М., 2008. – С. 213–227.
6. Комаровских Г. В. Владимир Софроницкий и Александр Скрябин исполняют поэму ор. 32 № 1 // Музыкальная культура глазами молодых ученых: сб. науч. тр. – 2012. – № 10. – С. 180–189.
7. Комаровских Г. В. Владимир Софроницкий и Альфред Корто исполняют Патетический этюд Скрябина (анализ темпоритмических графиков) // Музыкальное образование в современном мире: диалог времен: сб. ст. – 2013. – № 3. – С. 199–206.
8. Комаровских Г. В. Сравнительная характеристика исполнительских стилей В. В. Софроницкого и Г. Г. Нейгауза на примере Ноктюрна до-диез минор ор. 27 № 1 Ф. Шопена // Музыкальное образование в современном мире: диалог времен: сб. ст. – 2012. – № 2. – С. 232–241.
9. Кузнецова Е. М. Рахманинов и грамзапись // Государственный институт искусствознания. – 2012. – №3. – С. 102–114.
10. Мержанов В. К. Загадка Владимира Софроницкого // Вспоминая Софроницкого: сб. ст. – М., 2008. – С. 197–199.
11. Меркулов А. М. Исполнительские концепции «Карнавала» Р. Шумана // Последний великий романтик фортепиано: сб. ст. – СПб., 2013. – С. 109–135. – (Сер. «Письмена времени»).
12. Никонович И. В. Воспоминания о В. В. Софроницком // Последний великий романтик фортепиано: сб. ст. – СПб., 2013. – С. 223–341. – (Сер. «Письмена времени»).
13. Никонович И. В. Воспоминания о В. В. Софроницком // Воспоминания о Софроницком – М., 1970. – С. 34–132.
14. Скрябин А. С., Николаева А. У. Хронограф жизни и творчества В. В. Софроницкого // Последний великий романтик фортепиано: сб. ст. – СПб., 2013. – 463 с. – (Сер. «Письмена времени»).
15. Софроницкий А. В. Воспоминания об отце // Воспоминания о Софроницком. – М., 1970. – С. 55–87.
16. Юренев Р. Н. Не зная нот – о Софроницком // Вспоминая Софроницкого: сб. ст. – М., 2008. – С. 329–340.

References

1. Vospominaniya o Sofronickom. Sbornik statey [Remembering Sofronitsky. Collection of articles]. Moscow, Sovetskiy kompozitor Publ., 1970. 695 p. (In Russ.)
2. Vspominaya Sofronickogo. Sbornik statey [Remembering Sofronitsky. Collection of articles]. Moscow, Classica–XXI Publ., 2008. 424 p. (In Russ.)
3. Gakkel L.E. Velichie ispolnitel'stva: M.V. Yudina i V.V. Sofronickiy [The Splendour of Performance: Maria Yudina and Vladimir Sofronitsky]. Saint-Petersburg, 1995. 96 p. (In Russ.)
4. Gakkel L.E. Vspominaya Sofronickogo. Sbornik statey [Remembering Sofronitsky. Collection of articles], 2008, pp. 287–316. (In Russ.)
5. Zhukova O.M. V.V. Sofronickiy – artist i pedagog [V.V. Sofronitsky – an artist and a teacher]. *Vspominaya Sofronickogo. Sbornik statey [Remembering Sofronitsky. Collection of articles]*, 2008, pp. 213–227. (In Russ.)
6. Komarovskih G.V. Vladimir Sofronickiy i Aleksandr Skryabin ispolnyayut poyemu op. 32 № 1 [Vladimir Sofronitskiy and Aleksandr Skryabin plays the Poem op. 32 № 1]. *Muzykal'naya kul'tura glazami molodyh uchyonyh: Sbornik nauchnyh trudov [Musical culture through the eyes of young scholars: collected papers]*, 2012, no 7, pp. 180–189. (In Russ.)
7. Komarovskih G.V. Vladimir Sofronickiy i Al'fred Korto ispolnyayut Pateticheskiy yetyud Skryabina (analiz temporitmicheskih grafikov) [Vladimir Sofronitskiy and Alfred Cortot plays the Pathethical etude by A. Scriabin (the analyze of tempo graphics)]. *Muzykal'noe obrazovanie v sovremennom mire: dialog vremen. Sbornik statey [Music education in the modern world: dialogue times. Collection of articles]*, 2013, no 3, pp. 199–206. (In Russ.)
8. Komarovskih G.V. Sravnitel'naya harakteristika ispolnitel'skih stiley V.V. Sofronickogo i G.G. Neygauza na primere Noktyurna do-diez minor op. 27 № 1 F. Shopena [The comparative characteristics of performing styles of V. Sofronitsky and H. Neuhaus on the example of the Nocturne in C sharp minor op. 27 № 1 by F. Chopin]. *Muzykal'noe obrazovanie v sovremennom mire: dialog vremen. Sbornik statey [Music education in the modern world: dialogue times. Collection of articles]*, 2012, no 2, pp. 232–241. (In Russ.)
9. Kuznetsova E.M. Rahmaninov i gramzapis' [Rakhmaninoff and gramophone recording]. *Gosudarstvennyy institut iskusstvoznaniya [State Institute for Art Studies]*, 2012, no 3, pp. 102–114. (In Russ.)
10. Merzhanov V.K. Zagadka Vladimira Sofronickogo [The secret of Vladimir Sofronitsky]. *Vspominaya Sofronickogo. Sbornik statey [Remembering Sofronitsky. Collection of articles]*, 2008, pp. 197–199. (In Russ.)
11. Merkulov A.M. Ispolnitel'skie koncepcii "Karnavala" R. Shumana [Performing conceptions of "Carnival" by R. Schumann]. *Posledniy velikiy romantik fortepiano. Sbornik statey [The last great romanticist of piano. Collection of articles]*. Saint-Petersburg, 2013, pp. 109–135. (In Russ.)
12. Nikonovich I.V. Vospominaniya o V.V. Sofronickom [Memoirs about V.V. Sofronitsky]. *Posledniy velikiy romantik fortepiano. Sbornik statey [The last great romanticist of piano. Collection of articles]*. Saint-Petersburg, 2013, pp. 223–341. (In Russ.)
13. Nikonovich I.V. Vospominaniya o V.V. Sofronickom [Memoirs about V.V. Sofronitsky]. *Vospominaniya o Sofronickom. Sbornik statey [Memoirs about Sofronitsky. Collection of articles]*. Moscow, Sovetskiy kompozitor Publ., 1970, pp. 223–341. (In Russ.)
14. Scriabin A.S., Nikolaeva A.U. Hronograf zhizni i tvorchestva V.V. Sofronickogo [The chronograph of life and work]. *Posledniy velikiy romantik fortepiano. Sbornik statey [The last great romanticist of piano. Collection of articles]*. Saint-Petersburg, 2013. 463 p. (In Russ.)
15. Sofronitskiy A.V. Vospominaniya ob otce [Memories of the father]. *Vospominaniya o Sofronickom. Sbornik statey [Memoirs about Sofronitsky. Collection of articles]*. Moscow, Sovetskiy kompozitor Publ., 1970, pp. 55–87. (In Russ.)
16. Yurenev R.N. Ne znaya not – o Sofronickom [Not knowing the score – about Sofronistky]. *Vspominaya Sofronickogo. Sbornik statey [Remembering Sofronitsky. Collection of articles]*. Moscow, Classica-XXI Publ., 2008, pp. 329–340. (In Russ.)

Алфавитный указатель авторов

Астахов О. Ю. 24
Балабанов П. И. 66, 89
Басалаева О. Г. 76
Баштанник С. В. 44, 53
Борисова Е. И. 123
Бородавкин А. В. 177
Быкасова Л. В. 60
Валеев Р. М. 13
Васильковская М. И. 141
Вековцева Т. А. 165
Волков Н. А. 101
Волкова Т. А. 66, 101
Домаренко Е. В. 129
Домбровская А. Ю. 129
Жуков В. Д. 81
Жукова О. И. 81
Журавлева О. В. 116
Заруба Н. А. 109
Золотухин В. М. 17
Казаков Е. Ф. 71
Клецов Ю. В.. 66
Комаровских Г. В. 186
Коханова О. В. 89
Красиков В. И. 94
Мухамадеев А. Р. 13
Осипов К. И. 36
Панина Т. С. 116
Паршиков Н. А. 129
Поддубиков В. В. 36
Пономарев В. Д. 141
Рендашкина А. Н. 28
Родионов А. В. 17
Сазонов В. И. 170
Соколов П. Г. 44, 53
Степанченко О. В. 129
Сухарев А. И. 177
Таюкин А. М. 182
Тельманова А. С. 149
Худолей Н. В. 155

List of Authors in Alphabetical Order

Astakhov O. Y. 24
Balabanov P. I. 66, 89
Basalaeva O. G. 76
Bashtannik S. V. 44, 53
Borisova E. I. 123
Baradaukin A. V. 177
Bykasova L. V. 60
Valeev R. M. 13
Vasylkovskaya M. I. 141
Vekovtseva T. A. 165
Volkov N. A. 101
Volkova T. A. 66, 101
Domarenko E. V. 129
Dombrovskaya A. Y. 130
Zhukov V. D. 82
Zhukova O. I. 82
Zhuravleva O. V. 116
Zaruba N. A. 109
Zolotuhin V. M. 18
Kazakov E. F. 71
Kletsov Y. V. 66
Komarovskikh G. V. 187
Kokhanova O. V. 89
Krasikov V. I. 94
Mukhamadeev A. R. 13
Osipov K. I. 37
Panina T. S. 116
Parshikov N. A. 129
Poddubikov V. V. 37
Ponomarev V. D. 141
Rendashkina A. N. 28
Rodionov A. V. 18
Sazonov V. I. 170
Sokolov P. G. 44, 53
Stepanchenko O. V. 130
Sukharev A. I. 177
Tayukin A. M. 182
Telmanova A. S. 149
Khudoley N. V. 156

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ ПРИЕМА СТАТЕЙ В ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ»

(выходит 4 раза в год)

Перед подачей статьи авторам рекомендуется ознакомиться на сайте (www.vestnikkemguki.ru) с концепцией издания, содержанием вышедших номеров.

1. Статья представляется в бумажном и электронном вариантах (по E-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному.

2. Статья должна включать:

- наименование рубрики журнала, где должна быть размещена статья (в соответствии с рубрикатором журнала «Вестник КемГУКИ»);
- индекс УДК (Универсальной десятичной классификации), отражающий содержание статьи;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию статьи (объемом 150–300 слов) на русском языке;
- ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке.

3. Текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем.

4. Ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке на русском и латинском (транслитерация) языках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. Библиографические ссылки в тексте статьи указываются в квадратных скобках. Например, [1, с. 5].

5. Объем статьи – от 6 страниц формата А4.

6. Набор статьи должен быть осуществлен с использованием следующих правил:

- шрифт – Times New Roman;
- размер кегля – 12 пт;
- межстрочный интервал – одинарный;
- форматирование – по ширине;
- все поля – по 20 мм.

Образец оформления статьи

Рубрика журнала
УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на русском языке): должны включать фамилию, имя и отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, должность, место работы (город, страну). E-mail:

Аннотация на русском языке...

Ключевые слова на русском языке: …

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (ПО ЦЕНТРУ, БЕЗ ОТСТУПА, ШРИФТ ЖИРНЫЙ, БУКВЫ ПРОПИСНЫЕ)

Сведения об авторе (-ах) (на английском языке): должны полностью соответствовать русскоязычному варианту.

Аннотация на английском языке….

Ключевые слова на английском языке:….

Текст….

Литература (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

…

References (по центру, без отступа, шрифт жирный)

1.

2.

…

Сопроводительные документы к статье, направляемой для публикации в журнале «Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств», включают:

1. Две рецензии:

- соискатели докторской степени предоставляют две рецензии докторов наук в данной предметной области;
- соискатели кандидатской степени предоставляют рецензию научного руководителя и рецензию доктора наук в данной предметной области.

2. Справку об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах).
3. Письмо-согласие на публикацию статьи и размещение ее в Интернете.

Требования к сопроводительным документам

Наименование документа	Необходимые сведения
1. Рецензия	- Фамилия, имя, отчество эксперта (полностью), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - служебный адрес, - контактный телефон, - дата выдачи рецензии, - подпись рецензента, - печать учреждения, заверяющего подпись эксперта
2. Справка об авторе(ах)	- Фамилия, имя, отчество автора (полностью на русском и английском языках), - ученая степень, - ученое звание, - должность, - место работы (учебы или соискательства), - контактные телефоны, - факс, - E-mail, - почтовый адрес с указанием почтового индекса
3. Письмо-согласие	- подписано автором, - заверено в организации (место работы или учебы)

Материалы для публикации могут быть направлены в редакцию журнала «Вестник КемГУКИ»:

- почтой:

по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, научное управление;

- e-mail: vestnikkemguki@yandex.ru.

Перечень основных разделов журнала

1. Педагогика.
2. Искусствоведение.
3. Философия.
4. Филология.
5. Культурология.

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 21.10.2014.
Формат 60x84 1/8.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Заказ № 6.
Уч.-изд. л. 16,3. Усл. печ. л. 23,6.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского
государственного университета
культуры и искусств:
650029, г. Кемерово,
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 21.10.2014.
Format 60x84 1/8.
Offset paper. Font «Times».
Order № 6.
Author's sheets 16,3. Printer's sheets 23,6.
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State
University of Culture and Arts:
650029, Kemerovo,
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.
E-mail: izdat@kemguki.ru